

УЧРЕДИТЕЛИ:

**Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
социологический факультет МГУ**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

ОСИПОВА Надежда Геннадьевна — доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, главный редактор, г. Москва, Россия, e-mail: ngo@socio.msu.ru, тел., факс: 8 (495) 939-46-98

ЕЛИШЕВ Сергей Олегович — доктор социологических наук, профессор кафедры современной социологии, ученый секретарь социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, зам. главного редактора, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-59-61, e-mail: elishev@list.ru

НОВОСЁЛОВА Елена Николаевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, ответственный секретарь, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-24-05, e-mail: nauka@socio.msu.ru

ИЛЬИНЫХ Ольга Владимировна — сотрудник кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, редактор, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-08-54, +7 (903) 268-89-69, e-mail: ilinih@socio.msu.ru

ДОБРИНСКАЯ Дарья Егоровна — кандидат социологических наук, доцент кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, редактор сайта, г. Москва, Россия, тел.: +7(495) 939-08-54, e-mail: dobrinskaya@socio.msu.ru

БАРКОВ Сергей Александрович — доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической социологии и менеджмента социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник редколлегии, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 932-88-71, e-mail: socorgmen@yandex.ru

ВЕРШИНИНА Инна Альфредовна — кандидат социологических наук, доцент кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник редколлегии, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-21-37, e-mail: vershinina@socio.msu.ru

КАНЕВСКИЙ Павел Сергеевич — кандидат политических наук, доцент, заместитель декана по научной работе социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник редколлегии, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-24-05, e-mail: kanevskiy@socio.msu.ru

ПРОНЧЕВ Геннадий Борисович — кандидат физико-математических наук, доцент, заместитель декана по учебной работе социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник редколлегии, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-55-44, e-mail: pronchev@yandex.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Антонов Анатолий Иванович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495)939-50-60, e-mail: antonov_ai@mail.ru; **Бабосов Евгений Михайлович** — доктор философских наук, профессор, академик НАН Белоруссии, главный научный сотрудник Института социологии НАН Белоруссии, г. Минск, Белоруссия, e-mail: soccomsys@mail.ru; **Вельц Франк** — доктор социологических наук, профессор департамента социологии Инсбрукского университета имени Леопольда и Франца, г. Инсбрук, Австрия, тел.: +43 512 507 73405, e-mail: frank.welz@uibk.ac.at; **Водопьянов Павел Александрович** — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент НАН Белоруссии, профессор кафедры философии права УО “Белорусский государственный технологический университет”, e-mail: pva1940@bk.ru; **Данилов Александр Николаевич** — доктор социологических наук, профессор, член-корреспондент НАН Белоруссии, заведующий кафедрой социологии факультета философских и социальных наук Белорусского государственного университета, тел: +375-17-259-70-41, e-mail: a.danilov@tut.by; **Джаннотти Андреа** — доктор политических наук, профессор, Департамент политических наук, Университет Пизы (Италия), e-mail: andrea.giannotti@sp.unipi.it; **Ильхам Мамед-Заде** — доктор философских наук, директор Института философии, социологии и права Национальной академии наук Азербайджана, г. Баку, Азербайджан, тел.: + 99412-439-34-61, e-mail: lham_mamedzade@mail.ru; **Кеничи Охаша** — профессор социологии и культурной антропологии департамента культуры и туризма Университета Риккью, г. Токио, Япония, тел.: +81-48-471-7447, e-mail: ohashik@rikkyo.ac.jp; **Михайленок Олег Михайлович** — доктор политических наук, профессор, руководитель отдела исследования социально-политических отношений Института социологии РАН, e-mail: trudsociol@isras.ru; **Мчедлова Мария Мирановна** — доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой сравнительной политологии факультета гуманитарных и социальных наук РУДН, e-mail: mchedlova_mm@rudn.university; **Скворцов Николай Генрихович** — доктор социологических наук, профессор, декан факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета, председатель Социологического общества им. М.М. Ковалевского, г. Санкт-Петербург, Россия, тел.: +7 (812) 710-00-29, e-mail: n.skvortsov@spbu.ru; **Смирнов Владимир Алексеевич** — доктор социологических наук, доцент, проректор по стратегическим коммуникациям ФГБОУ ВО Костромской государственной университет, e-mail: kano_igt@mail.ru; **Тай-Лок Луи** — доктор философии, профессор, вице-президент Университета образования Гонконга, директор Академии гонконгских исследований, Гонконг, тел.: +852 2948 7220, e-mail: tlorklui@eduhk.hk; **Фарро Антимо Луиджи** — доктор социологических наук, профессор Римского университета “Сапиенца”, г. Рим, Италия, e-mail: antimoluigi.farro@uniroma1.it

FOUNDER

**Lomonosov Moscow State University;
Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University)**

Editorial Board

Editor-in-chief: Nadezhda G. OSIPOVA, Doctor of Sociology, Professor, Dean of the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495) 939-46-98, e-mail: ngo@socio.msu.ru

Associated Editor-in-Chief: Sergey O. ELISHEV — Doctor of Sociology, Professor of the Department of Modern Sociology, Scientific Secretary at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7 (495) 939-59-61, e-mail: elishev@list.ru

Managing Editor: Elena N. NOVOSELOVA, Candidate of Sociology, Associate Professor of the Department of Sociology of Family and Demography at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495) 939-24-05, e-mail: nauka@socio.msu.ru

Editor: Olga V. ILINIH, phone: +7(495) 939-08-54, +7(903) 268-89-69, e-mail: ilinih@socio.msu.ru

Website Editor: Daria E. DOBRINSKAYA, Candidate of Sociology, Associate Professor at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495) 939-08-54, e-mail: dobrinskaya@socio.msu.ru

Editorial board: Sergey A. BARKOV — Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Economic Sociology and Management at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7 (495) 932-88-71, e-mail: socorgmen@yandex.ru

Inna A. VERSHININA, Candidate of Sociology, Associate Professor at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495) 939-21-37, e-mail: vershinina@socio.msu.ru

Pavel S. KANEVSKIY, PhD, Associate Professor, Associate Dean for Science at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7 (495) 939-24-05, e-mail: kanevskiy@socio.msu.ru

Gennady B. PRONCHEV — Candidate of Physics and Mathematics, Associate Professor, Department of Methodology of Sociological Research, Deputy Dean for Academic Affairs at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7 (495) 939-55-44, e-mail: pronchev@yandex.ru

Editorial council

Anatoliy I. Antonov, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Sociology of Family and Demography at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7 (495)939-50-60, e-mail: antonov_ai_@mail.ru

Evgeniy M. Babosov, Doctor of Philosophy, Professor, Academician of National Academy of Sciences of Belarus (NAS of Belarus), Chief researcher at the Institute of sociology of NAS of Belarus, Minsk, Republic of Belarus, e-mail: soccomsys@mail.ru

Alexander N. Danilov, Doctor of Sociology, Professor, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, Head of the Department of Sociology Faculty of Philosophy and Social Sciences (Belarus State University), Minsk, Republic of Belarus, phone: +375-17-259-70-41, e-mail: a.danilov@tut.by

Andrea Giannotti, PhD in Political Science, Professor, Department of Political Science, University of Pisa (Italy), e-mail: andrea.giannotti@sp.unipi.it

Antimo L. Farro, Doctor of Sociology, Professor at the Department of Social and Economical Sciences (Sapienza University), Rome, Italy, e-mail: antimoluigi.farro@uniroma1.it

Ilham Mamed-Zadeh, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Philosophy, Sociology and Law of Azerbaijan National Academy of Sciences, Baku, Azerbaijan, phone: + 99412-439-34-61, e-mail: Ilham_mamedzade@mail.ru

Maria M. Mchedlova, Doctor of Political Science, Professor, Head of the Department of Comparative Political Science, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN, e-mail: mchedlova_mm@rudn.university

Oleg M. Mikhailenok, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of Department for the Study of Socio-Political Relations, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, e-mail: trudsociol@isras.ru

Kenichi Ohashi, Professor of Sociology and Cultural Anthropology at the Department of Culture and Tourism Studies (Rikkyo University), Tokyo, Japan, phone: +81-48-471-7447, e-mail: ohashik@rikkyo.ac.jp

Nikolai G. Skvortsov, Doctor of Sociology, Professor at the Department of Comparative Sociology (Saint Petersburg University), Saint Petersburg, Russian Federation, phone: +7 (812) 710-00-29, e-mail: n.skvortsov@spbu.ru

Vladimir A. Smirnov, Doctor of Sociology, Associate Professor, Vice-Rector for Strategic Communications, Kostroma State University, e-mail: kano_igt@mail.ru

Lui Tai-Lok, Doctor of Philosophy, Professor, Vice President of the Education University of Hong Kong, Director of the Academy of Hong Kong Studies, phone: +852 2948 7220, e-mail: tllokui@eduhk.hk

Pavel A. Vodop'yanov, Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, Professor at the Department of Philosophy and Methodology of Science (Belarusian State Technical University), Minsk, Republic of Belarus, e-mail: pva1940@bk.ru

Frank Welz, Doctor of Sociology, Professor at Innsbruck School of Social and Political Sciences, Department of Sociology (Innsbruck University), Innsbruck, Austria, phone: +43-512-507 -73405, -73420 (secretary), e-mail: frank.welz@uibk.ac.at

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 18

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Издательство Московского университета

№ 1 • Том 28 • 2022 •

ЯНВАРЬ — МАРТ

Выходит четыре раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

Социология религии

- Осипова Н.Г.* Социология религии в системе научного знания 7
- Елишев С.О.* Особенности социологического анализа религии в России в имперский период ее истории (*Продолжение*) 31
- Кильдеев М.В.* Развитие социологии религии в Среднем Поволжье: 1960–1980-е гг. 69

Современное общество: новые социальные реалии

- Дорцева Е.В.* Интеллектуальные манифесты современных феминистских социологов 88
- Смирнов В.А., Скрябина О.Б., Бессонова Т.И.* Некоторые дисфункции процесса социализации российской молодежи в условиях “больших” вызовов. 110
- Шульц В.Л., Гребенюк А.А., Ашманов И.С.* Теоретико-методологические проблемы цифровой социологии 126
- Гавриленко О.В.* Цифровые технологии социального контроля: перспективы и социальные последствия их внедрения 145

Экономическая социология и демография

- Барков С.А., Колодезникова И.В., Мысливец Н.Л., Щербинин С.Н.* Социальные практики и старение населения 164
- Свердликова Е.А., Селезнёва А.С.* Стратегии карьеры самозанятых в постиндустриальном обществе 193
- Барков С.А., Жигин П.А.* Партисипативный менеджмент и институциональный контекст слияний и поглощений компаний 205

Социология медицины и здоровья

- Семина Т.В., Го Вэй.* Социокультурная среда и меры борьбы с пандемией COVID-19 в Китае (КНР) 216
- Новосёлова Е.Н.* Влияние пандемии COVID-19 на социальные практики здоровьесбережения и ментальное здоровье россиян.....238
- Шелест М.В.* Использование категории “социальная практика” для социологического изучения феномена искусственного прерывания беременности.....260

Политическая социология

- Каневский П.С.* Генезис института лоббизма в России: постсоветский период и современность 278
- Меньшикова Е.О.* Особенности исследования зарубежных теорий политического лидерства в различные периоды развития отечественной политологии.....301

Moscow State University Bulletin

SCIENTIFIC JOURNAL

Established in 1946

Series 18

SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE

Publishing house of Moscow State University

N 1 • VOLUME 28 • 2022 •

JANUARY — MARCH

Four Issues per Annum

CONTENTS

Sociology of religion

- Osipova N.G.* Sociology of religion in the system of scientific knowledge 7
- Elishev S.O.* Features of sociological analysis of religion in Russia during the imperial period of its history (*Continued*).....31
- Kildeyev M.V.* The development of the sociology of religion in the Middle Volga region: 1960–1980s 69

Modern society: new social realities

- Dortseva E.V.* Intellectual manifestos of modern feminist sociologists.....88
- Smirnov V.A., Skryabina O.B., Bessonova T.I.* Some dysfunctions of the process of socialization of Russian youth in the context of “big” challenges 110
- Schultz V.L., Grebenyuk A.A., Ashmanov I.S.* Theoretical and methodological problems of digital sociology 126
- Gavrilenko O.V.* Digital technologies of social control: prospects and social consequences of their implementation 145

Economic sociology and demography

- Barkov S.A., Kolodeznikova I.V., Myslivets N.L., Shcharbinin S.N.* Social practices and population aging 164
- Sverdlikova E.A., Selezneva A.S.* Career strategies for the self-employed in a post-industrial society.....193
- Barkov S.A., Zhigin P.A.* Participative management and institutional context of mergers and acquisitions (M&As) 205

Sociology of medicine and health

- Semina T.V., Go Way.* Sociocultural environment and combat measures with COVID-19 Pandemic in China (PRC) 216
- Novoselova E.N.* Impact of the COVID-19 Pandemic on social health-saving practices and mental health of Russian citizens 238
- Shelest M.V.* The using the category of “social practice” to study the phenomenon of artificial termination of pregnancy. 260

Political sociology

- Kanevskij P.S.* Development of lobbying in Russia: post-Soviet and contemporary periods. 278
- Menshikova E.O.* Features of the study of foreign theories of political leadership in different periods of development of domestic political science. 301

СОЦИОЛОГИЯ РЕЛИГИИ

DOI: 10.24290/1029-3736-2022-28-1-7-30

СОЦИОЛОГИЯ РЕЛИГИИ В СИСТЕМЕ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

Н.Г. Осипова, докт. социол. наук, проф., зав. кафедрой современной социологии, декан социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

В статье анализируется социология религии как одна из сфер социологического познания, а также те подходы к определению религии, которые предопределили специфику развития и самоидентификации социологии религии в системе научного знания. Автором сравниваются различные представления о религии, бытующие в обыденном сознании, определения религии в системе богословия и ее научные трактовки. При этом подчеркивается, что в последнее время усилия ученых стали концентрироваться на поиске нового, более взвешенного и универсального подхода к определению религии, хотя любая попытка дать окончательное определение религии обречена на ограниченность и дискуссионность.

Разнородность инструментария и подходов, которые использует социология религии, породила серьезную проблему поиска ее места в структуре социологического знания. Наиболее часто социологию религии отождествляют или с религиозной социологией, или с автономной отраслью в горизонтальной структуре социологии. Не отрицая ценности этих общепринятых трактовок, автор отмечает множество разноплановых и разнородных проблем, в рамках которых работали классики социологической науки и современные социологи, изучавшие религию.

В результате социология религии представляет собой произвольную совокупность тем, включающих анализ фундаментальных трудов преимущественно социально-философского характера, изобилующих религиозными терминами, непонятными обычному читателю, что серьезно затрудняет понимание сути и методологии социологического анализа религии. С этой целью в статье дифференцировано и структурировано предметное поле социологического анализа религии, выделены его наиболее перспективные поля исследований.

Автор утверждает, что уместно вести речь о социологическом анализе религии, который развивался и продолжает развиваться в рамках двух крупных, но равнозначных направлений. Первое сосредоточено на социологическом познании религии в русле общей современной социологической теории, в широком социальном контексте, в качестве одной из подсистем социальной системы. Особое место в рамках данного направления занимает анализ религии

---

* Осипова Надежда Геннадьевна, e-mail: ngo@socio.msu.ru

как социального феномена и социального института, социальных функций и дисфункций последнего, в числе которых — интенсивный процесс политизации религии. Второе — на внутреннем анализе религии и различных религиозных доктрин, прежде всего, с точки зрения тех социальных отношений, которые формируются в их рамках. Фокусом этого направления служат социальные функции различных религий, их влияние на нравственные ценности и мировоззрение отдельных индивидов и социальных групп, формы проявления в повседневной, особенности формирования и функционирования новых религиозных движений, в том числе тоталитарных религиозных культов и сект.

Ключевые слова: религия, социология религии, социологический анализ религии, социальный институт религии, дисфункции религии, религия в современной социологической теории.

SOCIOLOGY OF RELIGION IN THE SYSTEM OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE

Osipova Nadezda G., Doctor of Sociological Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: ngo@socio.msu.ru

The article examines the sociology of religion as one of the spheres of sociological cognition, as well as those approaches to the definition of religion that predetermined the specifics of the development and self-identification of the sociology of religion in the system of scientific knowledge. The author compares various ideas about religion that exist in everyday consciousness, definitions of religion in the system of theology and its scientific interpretations. At the same time, it is emphasized that recently the efforts of scientists have begun to focus on finding a new, more balanced and universal approach to the definition of religion, although any attempt to give a final definition of religion is doomed to be limited and debatable.

The heterogeneity of the tools and approaches used by the sociology of religion has created a serious problem of its place in the structure of sociological knowledge. The sociology of religion is most often identified either with religious sociology or with an autonomous branch in the horizontal structure of sociology. These two scientific identities of the sociology of religion appear both blurred and limited. Without denying the value of generally accepted directions for the sociological analysis of religion, the author reveals a lot of diverse and heterogeneous directions, within which both classics of sociological science who studied religion and modern sociologists worked.

As a result, the sociology of religion is simply an arbitrary set of topics, including the analysis of fundamental works of a predominantly socio-philosophical nature, replete with religious terms that are incomprehensible to a reader unfamiliar with at least the basics of religious studies, especially to a student, seriously complicates the understanding of the essence and methodology of the sociological analysis of religion. For this purpose, the article differentiates and structures the subject field of sociological analysis of religion, highlights its most promising fields of research.

The author argues that it is appropriate to talk about the sociological analysis of religion, which has developed and continues to develop within the framework of two major, but equivalent directions. The first focuses on the sociological knowledge of

religion in line with the general modern sociological theory, in a broad social context, as one of the subsystems of the general, societal system, organically interconnected with its other subsystems — cultural, social, political, etc. A special place within this direction is occupied by the analysis of religion as a social phenomenon and social institution, social functions and dysfunctions of the latter, including the intensive process of politicization of religion. The second is based on an internal analysis of religion and various religious doctrines, primarily from the point of view of those social relations that are formed within their framework. The perspective focus of the second direction is the social functions of various religions, their influence on the moral values and worldview of individuals and social groups, the peculiarities of manifestation in people's daily lives, the peculiarities of the formation and functioning of new religious movements, including totalitarian religious cults and sects.

Key words: *religion, sociology of religion, sociological analysis of religion, social institute of religion, dysfunctions of religion, religion in modern sociological theory.*

Социология как наука о социальной реальности включает в себя познание бесконечного многообразия явлений, процессов и сфер общественной жизни. Эти сферы выделились в процессе дифференциации социологического знания и образовали сложную систему — отраслевую матрицу социологии — совокупность ее подразделов, отраслевых направлений и тематических областей. Эти отрасли, которые составляют горизонтальное расчленение социологии, рассматривают ту или иную сферу жизнедеятельности общества как относительно самостоятельные системы с общими и специфическими связями, универсальными и частными характеристиками, общими и особенными условиями происхождения, функционирования и развития¹.

Одной из таких сфер является религия, а отраслью социологии, которая ею занимается, — социология религии. Как отмечал в свое время Э. Дюркгейм, “поскольку религия всегда создавалась группой, а именно церковью, поскольку существуют религиозные верования, обряды и институты, то в действительности религия представляет собой социальное явление. Соответственно, исследование религии относится к социологии и составляет объект социологии религии”².

Религия как социальное явление так же, как и взаимоотношения между религией и обществом, служит традиционным предметом споров и среди теологов, и среди ученых-обществоведов. Первые, опираясь на аксиоматическое убеждение в мистическо-спиритуалистической природе социального, отстаивали представление о неотмирной природе религии и ее исключительном значении как

---

¹ Об отраслевой дифференциации социологического знания см. подробнее: Осипова Н.Г. Современная социологическая теория: Уч. Ч. 1. М., 2019. С. 121–142.

² Дюркгейм Э. Социология: ее предмет, метод, предназначение / Состав., вступит. ст. и примеч. А. Гофмана. М., 2008. С. 386.

смыслополагающего начала для жизни индивидов, народов, человечества в целом. Общество в таком случае выступало как способ существования человека религиозного (*homo religiosus*), детерминированный религией. Вторые гораздо чаще рассматривали религию как состояние сознания и поведения, производное от жизни общества, связывая возникновение, основания для распространения и функциональность любых религий прежде всего с социально-историческими и материальными обстоятельствами бытия людей³. Именно этот подход в дальнейшем обусловил специфику социологического анализа религии, центральным моментом которого являлись социологическая интерпретация и выявление социальных особенностей данного многоаспектного социального феномена.

Если обратиться к этимологии слова “религия”, то существует несколько спорных версий его происхождения. По одной из них оно произошло от латинского существительного “*religio*”, означающего в переводе на русский язык “совестливость, благочестие, благоговение, святость, богослужение, набожность, святыня, предмет культа”⁴. По другой версии оно берет начало от Цицерона, который связывал его с латинским глаголом “*reeligere*”, который переводится как “собирать, вновь обдумывать, благоговеть, соблюдать”. Третья версия апеллирует к Лактанцию, а также Л. Фейербаху и Ф. Энгельсу, по мнению которых слово “религия” происходит от латинского глагола “*religare*”, означающего “связывать, соединять”⁵.

В общеупотребительном словесном обороте, например согласно “Толковому словарю” В. Даля, религия — это “вера, духовная вера, исповедание, богопочитание или основные духовные убеждения”⁶. В “Краткой российской энциклопедии” также дана широко распространенная трактовка: «...религия (от латинского “*religio*” — **набожность, святыня, предмет культа**) — мировоззрение и мироощущение, а также соответствующее поведение и специфические действия (культ), основанные на вере в существование Бога или богов, сверхъестественного»⁷.

В обыденных представлениях понятие религии многозначно, под ним понимают исповедание какой-либо веры, организованное

---

³ Смирнов М.Ю. Определение предметной области социологии религии // 750 определений религии: история символизаций и интерпретации: Монография / Под ред. Е.А. Аринина. Владимир, 2014. С. 404–428.

⁴ Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 576.

⁵ Митрохин Л.Н. Религия // Новая философская энциклопедия: В 4-х т. Т. 3. М., 2001. С. 436.

⁶ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. IV. М., 1978–1980. С. 91–92.

⁷ Религия // Краткая российская энциклопедия. Т. 2. М., 2004. С. 1128.

поклонение высшим силам, которое устанавливает особые к ним отношения, духовную формацию, особый тип отношения человека к миру и самому себе, обусловленный представлениями об инобытии как доминирующей по отношению к обыденному существованию реальности, систему человеческих норм и ценностей, основанных на вере в высший, сверхчеловеческий порядок.

Отличную от обыденных представлений о религии трактовку дает теология, которая основывается на признании действительного существования объекта религиозного отношения, а сам теолог находится в религиозной связи с объектом, который он стремится осмыслить. Предметом теологии является Бог и его самообнаружение в мире, его “откровение”. С религиозно-теологической точки зрения, с теоретических и методологических позиций Основного богословия, слово “религия” “указывает на два основных его значения: соединение и благоговение, — которые говорят о религии как о таинственном духовном союзе, живом, благоговейном единении человека с Богом”⁸. Так, по мнению православных богословов, «религия имеет две стороны: внешнюю — как она представляется внешнему наблюдателю — и внутреннюю, которая открывается верующему, живущему в соответствии с духовными и нравственными принципами вероучения. Сущностью религии, ее внутренней стороной является Бог как “фундаментальная данность” и “абсолютный предмет религии”. Религия представляет собой, в этом контексте, “невыводимый прафеномен”, “измерение особого рода”, которое образуется во взаимосвязи и взаимодействии Бога и человека»⁹.

В советский период российской истории общепринятым было представление, заимствованное из марксистско-ленинской философии, о том, что религия — одна из форм общественного сознания, совокупность представлений, покоящихся на вере в чудодейственные сверхъестественные силы и существа, к которым относятся боги, духи и которые являются предметом поклонения. Религия представлялась в качестве особой формы освоения мира, обусловленной верой в сверхъестественное, включающей в себя свод моральных норм и типов поведения, обрядов, культовых действий и объединение людей в организации (церковь, религиозную общину)¹⁰.

В современной отечественной “науке о религии”, которая является синонимом религиоведения, отрасли научного знания, акку-

---

⁸ Закон Божий // Московская Патриархия. Ленинградское епархиальное управление. М., 1990. С. 448.

⁹ Там же.

¹⁰ См., например: Религиоведение: Уч. пособ. / Под ред. И.Н. Яблокова. М., 1998.

мулирующей достижения различных наук в отношении изучения религии, превалирует подход к религии как к многомерному явлению, в котором выделяются его сущностные черты. На их основании, как правило, и дается самое общее определение религии: "...религия представляет собой определенную сферу духовной жизнедеятельности общества, социальной группы, индивида, мировоззрение, миропонимание, мироощущение, а также сопряженное с ними поведение людей, определяемое верой в существование сверхъестественной сферы, артикулируемой в зрелых формах религии в качестве Бога, божества"¹¹.

В последнее время усилия ученых стали концентрироваться на поиске нового, более взвешенного и универсального подхода к определению религии. Так, ими был поставлен вопрос о необходимости реального определения, претендующего на отображение существенных признаков, свойств и характеристик объекта с целью формирования его отличий от других объектов. Один из наиболее ранних примеров такого "многомерного" определения религии встречается в статье американского философа Уильяма Пейна Элстона "Религия", написанной им для Философской энциклопедии 1967 года издания. Этот автор выделяет следующие характеристики, которые делают набор культурных практик религией:

- 1) вера в сверхъестественные существа (богов);
- 2) различие сакральных и профанных объектов;
- 3) ритуальные действия, сосредоточенные на священных объектах;
- 4) моральный кодекс, который считается санкционированным богами;
- 5) характерные религиозные чувства;
- 6) молитва и другие формы коммуникации с богами;
- 7) мировоззрение или общая картина мира и места в нем человека;
- 8) более или менее всеохватная организация жизни, основанная на этом мировоззрении;
- 9) социальная группа, связанная всем вышеперечисленным"¹².

Таким же философски отвлеченным, но получившим известную популярность, определением религии является антропологически ориентированное определение, которое дал в своей книге "Интерпретация культур" американский исследователь Клиффорд Гирц. По его мнению, религия — "система символов, которая способствует возникновению у людей сильных, всеобъемлющих и устойчивых

---

¹¹ Грицанов А.А. Социология: Энциклопедия. Минск, 2003. С. 850.

¹² Alston W. Religion // Encyclopedia of Philosophy. 1967. Vol. 7. P. 141–142.

настроений и мотиваций, формируя представления об общем порядке бытия и придавая этим представлениям ореол действительности таким образом, что эти настроения и мотивации кажутся единственно реальными”¹³.

В то же время следует согласиться с тем, что любая попытка дать окончательное определение религии — а в настоящее время их существует более 750¹⁴ — обречена на ограниченность и дискуссионность. При этом ученые констатируют, что “адекватное формально-логическое определение религии дать вообще невозможно: ее сущность постигается в результате выявления ее конкретных многообразных форм и существенных характеристик”¹⁵.

Например, авторы отечественной “Новой философской энциклопедии” определяют религию как “мировосприятие, свод моральных норм и тип поведения, которые обусловлены верой в существование иного, сверхестественного мира и существ — духов, богов или Бога, разумно сотворивших и творящих все материальные и духовные формы бытия, а также совокупностью ритуалов и магических действий, обеспечивающих связь человека с потусторонними силами, и соответствующие церковные организации верующих”¹⁶.

Если обратиться к социологии, то собственно социологический анализ религии стал возможен тогда, когда сама религия выступила предметом именно научной рефлексии, рассматривающей религию как закономерное явление, определенным образом возникающее в ходе истории народов и соответствующее уровню их умственного и социального развития. При этом целенаправленное объяснение социального содержания религии и его специализированное рассмотрение стали возможны лишь в XIX в., когда в научной мысли получил устойчивое признание принцип эволюционизма. Этот принцип, основательно развитый в трудах Г. Спенсера, позволил исследовать религии в динамике развития от элементарных форм к все более сложным, обнаруживать коэволюцию религиозного и социального на каждом этапе их исторического бытия.

Г. Спенсер в XVIII главе “Данные социологии” своей работы “Основания социологии” описал “различные группы факторов, входящих в социальные явления — от человеческих идей и чувствований, рассматриваемых в их необходимой эволюции, а также окружающие

---

¹³ Гириц К. Интерпретация культур. М., 2004. С. 108; Трофимов С.В. Религия как социальный феномен и социальный институт // Общая социология: основы современной социологической теории. М., 2018. С. 225.

¹⁴ 750 определений религии: история символизаций и интерпретации.

¹⁵ Митрохин Л.Н. Указ. соч. Т. 3. С. 436–437.

¹⁶ Там же.

естественные условия и те постоянно усложняющиеся условия, начало которым дает само общество”¹⁷. В частности, к “идеям”, эволюция которых способствовала становлению религиозных представлений, Г. Спенсер отнес “идеи о Смерти и Воскресении”, “идеи о Душах, Призраках, Духах, Демонах и т.п.”, “идеи о Загробной жизни”, “идеи о Другом мире”, “идеи о Сверхъестественных деятелях” и ряд других. Далее этот мыслитель дал анализ процесса возникновения таких феноменов, как “вдохновение, ясновидение, заклинание и колдовство”, культовых мест, к которым отнес “Священные места, Храмы и Алтари” и ритуальных действий — “Жертвоприношений, Поста и Умилостивления, Славословия, Молитвы и т.п.”¹⁸ В еще одной, XXIII, главе “Церковные учреждения” рассматриваемой работы Г. Спенсер провел “дифференциацию духовного правительства от светского, показал его последовательное усложнение и размножение сект, рост и непрерывное изменение религиозных идей как следствие прогресса знания и изменение нравственных черт, и постепенное примирение этих идей с истинами отвлеченной науки”¹⁹.

Как отмечают исследователи, “вывод об эволюционности религиозной жизни общества подразумевал существование функциональных различий действия религии в разные исторические эпохи. Задачами социальной мысли стали выяснение причин этих различий, анализ влияния религии на ту или иную общественную среду, открытие зависимости религиозной сферы от потребностей и поведения каких-либо общественных групп. Все это требовало комплекса эмпирически установленных и теоретически обоснованных логически связанных знаний о взаимоотношениях религии и общества”²⁰.

Становление социологии религии в качестве автономной области социологического знания тесно связано с основополагающей работой Э. Дюркгейма “Элементарные формы религиозной жизни. Тотемическая система в Австралии”, положившей начало собственно социологическому анализу религии. Центральное место в этой работе ученый отводит поиску общих черт (структурно-функциональных характеристик) у различных религиозных верований, — тех функций, которые поддерживают социальные связи между людьми в обществах разного типа. С этой целью он предпринял плодотворную попытку “охарактеризовать элементарные явления, из которых всякая религия происходит и которые предшествуют

---

¹⁷ Спенсер Г. Синтетическая философия. Киев, 1997. С. 252.

¹⁸ Там же. С. 266–283.

¹⁹ Там же. С. 363–374.

²⁰ Гараджа В.И. Социология религии. М., 2005.

возникновению системы, произведенной их соединением”²¹. Эти религиозные явления он разделил на две основные категории: верования и обряды. Первые — это состояния сознания, они состоят в представлениях; вторые — это определенные способы действия²².

По мнению Э. Дюркгейма, специфическая природа объекта обряда выражена в веровании. Все известные религиозные верования, будь они простые или сложные, содержат одну и ту же общую черту: они предполагают классификацию реальных или идеальных явлений, которые представляют себе люди, на два класса, два противоположных рода, обозначаемых обычно двумя различными терминами и достаточно хорошо выражаемых словами: “светское” и “священное”. Именно определению специфики и отличиям этих категорий и посвящены дальнейшие рассуждения этого ученого, которые целесообразно привести с некоторыми сокращениями.

Э. Дюркгейм утверждал, что священной может быть любая вещь — утес, дерево, родник, камень, кусок дерева, дом, а сам круг священных вещей не может быть определен раз и навсегда; их распространенность бесконечно меняется вместе с религиями. Вопрос заключается в поиске тех качественных критериев, тех общих признаков, какими “священные” вещи отличаются от “светских”. Одним возможным критерием, по Э. Дюркгейму, могло бы служить место, которое им приписывается в иерархии существ, однако, этот критерий слишком широкий и слишком неточный. Подчиненности одного явления другому недостаточно, для того чтобы последнее было священным по отношению к первому.

Другим критерием для определения священного по отношению к светскому остается лишь их разнородность. Но эта разнородность оказывается достаточной для характеристики отмеченной классификации явлений и ее отличия от любой другой благодаря одной своей важной особенности: она абсолютна. В истории человеческой мысли нет другого примера двух категорий вещей, столь глубоко дифференцированных, столь радикально противостоящих друг другу. Священное и светское всегда и везде воспринимались человеческим умом как два отдельных рода, как два мира, между которыми нет ничего общего²³.

Энергии, действующие в одном из них, не просто те же, что и в другом, но более высокой степени; они контрастны по своей при-

---

²¹ Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни. Тотемическая система в Австралии. Введение. Гл. 1 // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. Антология / Сост. и общ. ред. А.Н. Красников. М., 1998. С. 215.

²² Там же. С. 216.

²³ Там же. С. 218.

роде, а сам факт этого контраста универсален. Переход из одной из этих сфер в другую, если он и происходит, включает в себе настоящую метаморфозу. Особенно убедительно это доказывают обряды инициации в том виде, как они практикуются бесчисленным множеством народов.

Инициация — это трансформация *totius substantiae* (всей сущности), ее смерти и возрождения в новой форме. Примеры инициации, по мнению Э. Дюркгейма, и служат доказательством того, что между светским существом, которым он был, и религиозным существом, которым он становится, существует качественное различие. Поскольку принадлежать целиком к одному из них можно только при условии полного ухода из другого, человека призывают полностью удалиться от светского, чтобы вести исключительно религиозную жизнь. Тогда первым критерием идентификации религиозных верований служит несовместимость светских и священных вещей, поскольку понятие священного в мышлении людей всегда и повсюду отделено от понятия светского, поскольку мы усматриваем между ними нечто вроде логической пустоты, ум испытывает неодолимое отвращение к тому, чтобы соответствующие явления смешивались или даже просто оказывались в контакте. Священная вещь — это главным образом та, которой непосвященный не должен, не может безнаказанно касаться.

Священные вещи — это те, которые защищены и отделены запретами; светские вещи — те, к которым эти запреты применяются и которые должны оставаться на расстоянии от первых. Отсюда Э. Дюркгейм выводит определения религиозных верований и обрядов. Религиозные верования — это представления, выражающие природу священных вещей и их отношения либо между собой, либо со светскими вещами. Религиозные обряды — это правила поведения, предписывающие, как человек должен вести себя со священными вещами. Когда известное число священных явлений поддерживает между собой отношения координации и субординации, так что они образуют более или менее единую систему, не входящую, однако, ни в какую другую систему того же рода, тогда совокупность соответствующих верований и обрядов составляет определенную религию.

Каждая однородная группа священных вещей или даже каждая сколько-нибудь значительная священная вещь образуют организующий центр, к которому тяготеет какая-то группа верований и обрядов, особый культ; и нет такой религии, какой бы единообразной она ни была, которая бы не признавала множественность священных явлений. Поэтому религия обычно не сводится к единственному

культу, но состоит в системе культов, наделенных известной автономией. Эта автономия к тому же изменчива. Однако это определение Э. Дюркгейм считает неполным, поскольку оно одинаково подходит к двум категориям фактов, которые, будучи родственны между собой, требуют все же различия: это магия и религия.

Магию и религию сближает то, что магия также состоит из верований и обрядов. В ней, как и в религии, есть свои мифы и догмы; у магии также есть свои церемонии, жертвоприношения, очищения, молитвы, свои песнопения и танцы. Тем самым создается впечатление, что магия полна религии, какие бы связи ни существовали между этими двумя видами институтов, они не могут не противостоять друг другу в некоторых отношениях. Линия демаркации между этими двумя областями проводится Э. Дюркгеймом следующим образом.

Собственно религиозные верования всегда являются общими для определенной группы, которая открыто признает свою приверженность им и связанным с ними обрядам. Они не только допускаются всеми членами данной группы в качестве личного дела, но они являются делом группы и создают ее единство, а составляющие ее индивиды чувствуют себя связанными между собой уже тем только, что у них общая вера. Общество, члены которого едины потому, что они одинаково представляют себе священный мир и его отношения со светским миром и потому, что они выражают это общее представление в одинаковых действиях, — это то, что называют Церковью.

Совершенно иначе обстоит дело с магией. Несомненно, магические верования всегда имеют некоторое распространение, но они не имеют своим результатом связь между собой исповедующих их людей и их объединение в одной группе, живущей одной и той же жизнью. Не существует магической церкви. Между магом и обращающимися к нему индивидами, как и между самими индивидами, нет длительных связей, которые бы делали их членами одного и того же нравственного организма, близкого тому, который образуют верующие в одного и того же Бога, приверженцы одного и того же культа. У мага есть своя клиентура, и его клиенты могут вполне не иметь между собой никаких отношений, вплоть до того, что могут не знать друг друга. Даже те отношения, которые они поддерживают с ним, обычно бывают случайными и поверхностными.

Даже в тех случаях, когда маги образуют сообщества (примером чему служат сорища ведьм в европейском фольклоре), они никоим образом не обязательны для функционирования магии, редки и являются скорее исключениями. Колдун, чтобы заниматься сво-

им искусством, отнюдь не нуждается в своих братьях. Он скорее одиночка; как правило, он не ищет общества, а бежит от него. Религия, наоборот, неотделима от идеи Церкви. Церковь — это не просто жреческое братство; это нравственная община, образованная всеми верующими одной и той же веры, как ее последователями, так и священниками. Во всякой общине такого рода магия обычно отсутствует²⁴.

Рассуждения, изложенные выше, позволили Э. Дюркгейму прийти к следующему определению: “Религия — это единая система верований и действий, относящихся к священным, т.е. к отделенным, запрещенным, вещам; верований и действий, объединяющих в одну нравственную общину, называемую Церковью, всех тех, кто им привержен”²⁵.

Таким образом, именно благодаря Э. Дюркгейму, “религия выделяется из совокупности общественных институтов как институт особого рода — сакральный, прерогативой которого в обществе является духовная власть, по отношению к которому все остальные общественные реалии рассматриваются как мирские, светские”²⁶.

Дальнейшее становление социологии религии было предопределено автономным развитием и одновременно взаимодействием социологии, систематизировавшей представления об обществе как целостной эволюционирующей реальности “особого рода” и религиоведением — совокупностью научных дисциплин, изучающих религию и религии в различных аспектах. Своеобразным толчком к росту популярности данной социологической дисциплины послужила критика религии и церкви как социальных институтов, а также растущий интерес к вопросам о социальной обусловленности религии и ее роли в жизни общества²⁷.

Социология религии имеет дело с реальным состоянием религиозной жизни индивидов и общества, но работает по-своему избирательно — только с тем материалом религии, который соразмерен возможностям социологического подхода. Например, такие важнейшие компоненты религиозного комплекса, как мистический опыт верующих и соответствующие их психоэмоциональные состояния являются предметом психологии религии, а конфессиональные смыслы верований — богословия, и, соответственно, они не могут служить предметом социологического исследования²⁸.

---

²⁴ Дюркгейм Э. Указ. соч. С. 230.

²⁵ Там же. С. 230–231.

²⁶ Гараджа В.И. Социология религии. М., 2010. С. 23.

²⁷ Там же. С. 24.

²⁸ Смирнов М.Ю. Указ. соч. С. 404–428.

Действительно, не только социологи, но и все ученые (историки, филологи, психологи и т.п.), имеющие дело с человеком и его культурой, так или иначе в своих исследованиях касаются религии. Например, психологию религии интересует субъективная сторона религии, роль религии в контексте психической жизни личности, сопутствующие ей специфические переживания и пробуждаемые ею чувства.

История религии в рамках общечеловеческой истории на базе достоверных источников исследует основные события, факты и процессы, связанные с возникновением, функционированием и развитием различных религиозных доктрин. Следует отметить, что общепризнанным бестселлером по истории религии является книга одного из самых известных историков религии — Карен Армстронг «История Бога: 4000 лет исканий в иудаизме, христианстве и исламе». Как отмечает исследовательница, «эта книга посвящена не истории неизреченного бытия самого Бога, неподвластного ни времени, ни переменам; это история представлений рода людского о Боге — начиная от Авраама и вплоть до наших дней. У человеческой идеи Бога есть своя история, потому что в разные эпохи разные народы воспринимали Его по-разному. Представления о Боге, которых придерживается одно поколение, могут оказаться для другого совершенно бессмысленными. Слова «Я верю в Бога» лишены объективного содержания. Как и любое другое высказывание, они наполняются смыслом только в контексте, когда произносятся членом определенного общества. Таким образом, за понятием «Бог» вовсе не кроется некая неизменная идея. Оно, напротив, вмещает широчайший спектр значений, причем некоторые из них могут полностью отрицать друг друга и даже оказаться внутренне противоречивыми. Без такой гибкости идея Бога никогда не заняла бы одного из главных мест в истории человеческой мысли»²⁹.

За свою недолгую историю (эта отрасль получила развитие в последней трети XIX столетия) социология религии непрерывно взаимодействовала и продолжает взаимодействовать со многими исследовательскими направлениями — социальной философией, психологией и социальной психологией, социальной антропологией, культурологией, этнологией, религиоведением, лингвистикой и др. Все они тем или иным образом дополняют социологию религии своей терминологией, методологическими идеями и техниками исследования.

Нельзя не согласиться с тем, что в самом общем смысле социология концентрируется на исследовании религии в ее социальном

---

²⁹ Армстронг К. История Бога: 4000 лет исканий в иудаизме, христианстве и исламе. М., 2008. С. 10–11.

измерении, ее выражении во всех сферах человеческого поведения, в типических, регулярно и периодически повторяющихся взаимодействиях между людьми. Однако разнородность инструментария и подходов, которые использует социология религии, породила серьезную проблему ее места в структуре социологического знания. Наиболее часто социологию религии отождествляют или с религиозной социологией, или с автономной отраслью в горизонтальной структуре социологии. Эти две “научные идентичности” социологии религии представляются одновременно и размытыми, и ограниченными.

Религиозная социология как рефлексия религиозной мысли над социальным измерением религии может досконально осветить происходящее в конкретной конфессии, к которой принадлежат сами исследователи. Однако представители религиозной социологии, изучая не только религию, но и другие социальные явления, часто руководствуются своей религиозной принадлежностью. Например, во Франции в период между мировыми войнами получило развитие направление, вошедшее в историю французской социологии как “католические социологи”. Этих исследователей отличала жесткая критическая направленность в отношении учения Э. Дюркгейма. В частности, томист С. Деплуаж в своей книге “Конфликт морали и социологии”, обвиняя Э. Дюркгейма в “немецком влиянии”, пытался опровергнуть его тезис о земном, общественном происхождении морали³⁰. Он же считал укрепление пошатнувшихся религиозных убеждений главным выходом из кризиса, в котором оказалось французское общество после войны³¹.

В известной степени данное утверждение можно отнести и к концепциям христианской социологии, берущей начало в трудах выдающихся русских религиозных философов В.С. Соловьева, С.Н. Булгакова, Е.Н. Трубецкого, Л.П. Карсавина, Н.О. Лосского, Б.П. Вышеславцева, П.А. Флоренского и особенно — Н.А. Бердяева. Но несмотря на то что, по мнению С. Франка, социология возможна только как эмпирическое знание, и если в так называемой социологической литературе встречаются действительно ценные и плодотворные исследования в области религии, то это не социология, а социальная философия, которая открывает укорененность человеческой жизни в Боге³², эта уникальная плеяда мыслителей, которые, будучи философами идеалистической и религиозной направленности, на всех этапах своего творческого пути обращались к осмыслению общественных процессов, искали наиболее адекват-

---

³⁰ *Deploige S. Le conflit de la morale et de la sociologie. P., 1911.*

³¹ *Осипова Е.В. Социология Эмиля Дюркгейма. СПб., 2001. С. 31–33.*

³² *Франк С.Л. Духовные основы общества. М., 1992. С. 19–21.*

ные способы их интерпретации. В творчестве этих выдающихся русских обществоведов особое внимание уделяется сущности взаимоотношений личности и общества, феномену человеческой свободы, роли религии и церкви в жизни социума. Несмотря на то что сами они не называли себя социологами, их вклад в российскую социологическую науку дает право считать их виднейшими ее представителями начала XX в. Эти исследователи разработали ряд глубоких идей, находящихся в русле достижений современной социологии и подтвержденных ходом исторического развития человечества³³.

В современную социологию религии как автономную отрасль в горизонтальной структуре социологического знания включают:

- “религиозные группы, (которые могут быть большими и включать даже миллионы людей или малыми, насчитывающими всего несколько, но не менее двух человек);
- отдельные религиозные институты (институты монашества, исповеди, молитвы и т.д.), их возникновение, функционирование и трансформацию, распад и гибель;
- религиозное поведение людей и становление религиозной личности (формирование религиозных ценностных ориентаций и установок);
- взаимодействие индивидов внутри религиозных групп и межгрупповые отношения по поводу религии (сосуществование на началах веротерпимости традиционных религий и религиозных новообразований, католиков и протестантов, христиан и мусульман и т.д.)”³⁴.

Очевидно, что данный круг тем ограничен внутренним анализом религии, что искусственно сужает возможную область социологического познания.

Не отрицая ценности обозначенных направлений для социологического анализа религии, все же следует отметить множество разноплановых и разнородных направлений, в рамках которых работали как классики социологической науки, изучавшие религию, так и современные социологи.

Так, сфера интересов классиков социологической науки включает “поиск религиозных элементов в отношениях между людьми”³⁵,

---

³³ Головков С.А. Социально-политическая концепция Н.А. Бердяева (в контексте социологических идей русских религиозных философов начала XX века). Дисс. ... канд. соц. наук. М., 2007. С. 3.

³⁴ Гараджа В.И. Социология религии // Социологическая энциклопедия: В 2-х т. М., 2003. Т. 2. С. 549.

³⁵ См.: Зиммель Г. Религиозный элемент в отношениях между людьми // Религия и общество: Хрестоматия по социологии религии / Сост. В.И. Гараджа, Е.Д. Руткевич. М., 1996. С. 209–225.

“религиозные идеи и интересы”³⁶, “социальную обусловленность религиозных представлений”³⁷, “религиозные группы и религиозные перегруппировки”³⁸, “психический генезис религиозных представлений”³⁹, “типы религий и религиозного опыта”⁴⁰, “повседневную жизнь и религиозный опыт”⁴¹, “основные этапы в эволюции религии в истории общества”⁴², “религии в современном мире”⁴³ и многое другое.

Обобщающие труды современных социологов, нашедшие отражение преимущественно в многократно переизданных учебных пособиях и учебниках по социологии религии, также не позволяют получить связное представление о специфике данной области социологического познания. В частности, к тематическому наполнению социологии религии В.И. Гараджой отнесены: возникновение и развитие социологии религии; определение религии в социологии и вне ее; религия в социокультурном контексте; религия как символическая система; социологические теории религии; религия и формы ее организации; религия и общество; религия и политика; секуляризация как социокультурный феномен; будущее религии, теории отмирания религии⁴⁴. В учебнике С.И. Самыгина, Н.Н. Водянко и Е.Э. Эгильского “Социология религии” представлены такие темы, как религия и общество, сущность и основные элементы религии, Новые религии и Нью Эйдж, типы религиозности в современном обществе, религия и глобализация, религиозный фундаментализм⁴⁵. В учебнике “Социология религии” В.М. Сторгач и Е.С. Элбакян рассматриваются: классические и современные подходы к социологическому изучению религии; религия как социальный феномен, ее при-

---

³⁶ Вебер М. Религиозные идеи и интересы // Религия и общество: Хрестоматия по социологии религии. С. 313–327.

³⁷ Леви-Брюль Л. Социальная обусловленность религиозных представлений // Религия и общество: Хрестоматия по социологии религии. С. 252–257.

³⁸ Сорокин П. Религиозные группы и религиозные перегруппировки // Религия и общество: Хрестоматия по социологии религии. С. 639–657.

³⁹ Фрейд З. Психический генезис религиозных представлений // Религия и общество: Хрестоматия по социологии религии. С. 328–333.

⁴⁰ Фромм Э. Типы религий и религиозного опыта // Религия и общество: Хрестоматия по социологии религии. С. 364–374.

⁴¹ Бергер П., Лукман Т. Повседневная жизнь и религиозный опыт // Религия и общество: Хрестоматия по социологии религии. С. 535–537.

⁴² Белла Р. Основные этапы в эволюции религии в истории общества // Религия и общество: Хрестоматия по социологии религии. С. 665–676.

⁴³ Маннхейм К. Религии в современном мире // Религия и общество: Хрестоматия по социологии религии. С. 548–561.

⁴⁴ Гараджа В.И. Социология религии. М., 2010.

⁴⁵ Самыгин С.И., Водянко Н.Н., Эгильский Е.Э. Социология религии. М., 2015.

чины, социальные факторы; роль религии в обществе; социальные формы организации религии; классификация и типология религий; феномен групповой религиозности; место религии в повседневной жизни; религиозность и религиозная ситуация⁴⁶.

Наконец, учебник С.И. Самыгина, М.А. Абрамова и В.Н. Гришай “Социология религии” включает анализ “социологии религии как науки”, “социологические теории религии”, “религии и общества”, “секуляризации как исторического феномена, теории секуляризации”, “религиозной ситуации в глобализирующемся мире”, “Нью Эйдж, альтернативных духовных и новых религиозных движений”, “религии и проблемы насилия”⁴⁷.

Кроме того, в современной социологической литературе, относящейся к социологии религии, преобладают или достаточно узкие, или слишком широкие определения предметной области данной дисциплины. Так, известный специалист в данной области, В.И. Гараджа, с одной стороны, утверждает, что “предметом социологии религии является доступное наблюдению религиозное поведение человека и его взаимодействие с другими сферами его социальной жизни”, с другой стороны, дает более широкую трактовку: “...социология религии — отрасль социологии, изучающая религию как один из главных институтов человеческого общества и представляющая собой систему научных знаний о поведении людей в качестве представителей религиозных групп и институтов как внутри этих групп, так и за их пределами в различных сферах жизни общества”⁴⁸. Тогда социология религии представляет собой просто произвольную совокупность тем, включающих анализ фундаментальных трудов преимущественно социально-философского характера, изобилующий религиозными терминами, непонятными читателю, незнакомому хотя бы с основами религиоведения, особенно студенту, серьезно затрудняет понимание сути и методологии социологического анализа религии. В данной связи представляется целесообразным дифференцировать, а затем структурировать предметное поле социологического анализа религии, выделив его наиболее перспективные поля исследований.

На наш взгляд, уместно вести речь о социологическом анализе религии, который развивался и продолжает развиваться в рамках двух крупных, но равнозначных направлений. Первое сосредоточено на социологическом познании религии в русле общей совре-

---

⁴⁶ Строгач В.М., Элбакян Е.С. Социология религии. Уч. М., 2021.

⁴⁷ Самыгин С.И., Абрамов М.А., Гришай В.Н. Социология религии: Уч. М., 2020.

⁴⁸ Гараджа В.И. Социология религии // Социологическая энциклопедия: В 2-х т. М., 2003. Т. 2. С. 549.

менной социологической теории, в широком социальном контексте, в качестве одной из подсистем общей, социетальной системы, органично взаимосвязанной с другими ее подсистемами — культурной, социальной, политической и т.п. Тогда фокусом данного направления является взаимодействие между религией и обществом:

- влияние различных форм социального поведения людей на их религиозное поведение и, наоборот, значение религиозности для более широких социальных групп и в целом общества;
- степень дифференциации религиозной подсистемы в отношении других форм социальной организации, ее возможности в качестве фактора социальных изменений⁴⁹.

Второе — на внутреннем анализе религии и различных религиозных доктрин, прежде всего, с точки зрения тех социальных отношений, которые формируются в их рамках.

Современная социологическая теория трактует религию и как значимый социокультурный феномен, и как социальный институт⁵⁰, включающий в себя «систему социальных норм, ролей, установленных обычаев, верований и ритуалов (культов), предписаний, стандартов поведения, организационных форм, основанных на вере в “сверхъестественное”, — “священное”, определяющее весь дальнейший путь и жизнь человека»⁵¹.

Следовательно, перспективным предметом социологического анализа представляется структура религии как одного из традиционных социальных институтов и тех отдельных элементов, которые она включает: религиозного сознания, религиозной деятельности и религиозных отношений, а также религиозных конфессий и организаций⁵². Каждый из обозначенных элементов является центром целого ряда исследований, получивших освещение в специализированной научной литературе.

Не менее перспективным является анализ содержания и трансформации социальных функций института религии, отражающих ее предназначение и роль в обществе:

- во-первых, интегративной функции (способствующей объединению, сплоченности и обретению солидарности внутри того или иного человеческого сообщества, самоидентификации их членов, обеспечению, поддержанию и укреплению целостности общественной системы, общественного порядка);

---

⁴⁹ *Гараджа В.И.* Социология религии // Социологическая энциклопедия. С. 549.

⁵⁰ *Общая социология: основы современной социологической теории / Под ред. Н.Г. Осиповой.* М., 2018.

⁵¹ *Веремчук В.И.* Социология религии. М., 2004. С. 174.

⁵² См. об этом: *Яблоков И.Н.* Социология религии. М., 2014. С. 194–246.

- во-вторых, мировоззренческой (культурной) функции, наполняющей жизнь верующих особым смыслом и значением, способствующей распространению и сакрализации культурных ценностей;
- в-третьих, регулятивной (нормативной) функции, регламентирующей жизнедеятельность личности и различных человеческих сообществ, посредством закрепления на практике норм поведения, принятых в обществе, управления и регулирования социальными процессами;
- в-четвертых, функции социального контроля как формального, так и неформального характера;
- в-пятых, психотерапевтической или компенсаторной функции, способствующей утешению и обретению мира в душе, примиряющую человека с неизбежным;
- в-шестых, коммуникативной функции, налаживающей общение и взаимодействие как верующими, так и неверующими людьми не только с миром “сакрального” и “сверхъестественного”, но и с окружающими;
- в-седьмых, функции социализации или воспитательной функции, позволяющей индивиду активно включаться в сферу религиозного и иные сферы жизнедеятельности общества, становиться полноправным членом того или иного общества и сообщества⁵³. При этом следует согласиться с утверждением В.И. Гараджи о том, что “социальные функции религии столь существенны, что их необходимо учитывать при анализе таких далеко стоящих от нее областей общественной жизни, как экономическая, политическая, интеллектуальная и т.п. При этом социологический анализ религии должен учитывать, что ее структура и функции претерпевают изменения”⁵⁴.

К сожалению, в определенных случаях, институт религии оказывается не в состоянии выполнять свойственные ему функции. Тогда важным направлением социологического анализа становятся дисфункции института религии, когда религия служит фактором разъединения людей, причиной вражды и войн между представителями разных религий, а также внутри самой религиозной группы.

Действительно, сегодня не только атеистам, но и верующим тяжело читать о том, на что шли люди во имя веры — об отвратительных пытках, сожжениях на кострах, о той беспредельной жестокости, которую демонстрировали религиозные фанатики. В

---

⁵³ Энциклопедический социологический словарь / Под общ. ред. Г.В. Осипова. М., 1995. С. 639.

⁵⁴ Гараджа В.И. Введение // Религия и общество: Хрестоматия по социологии религии. С. 24.

свое время своеобразный рекорд по военным сражениям на религиозной почве поставило христианство, некоторые исследователи даже считают эту религию более бескомпромиссной, чем ислам. По мнению исследователей, “если сравнивать со средневековой Европой, то доктрина джихада покажется куда более гуманной, чем папские буллы, призывавшие к искоренению еретиков”⁵⁵. Крестовые походы, продолжавшиеся до XV в., принесли церкви мало славы и много стыда⁵⁶.

Достаточно актуальной для исследований дисфункцией представляется процесс политизации института религии, хотя “религия и политика всегда идут рука об руку — и это не изменить”⁵⁷. Так, большое число исследований посвящено процессу политизации религии в Соединенных штатах Америки, где религия, особенно со второй половины XX столетия “поставлена на службу политике в неприкрытой и, пожалуй, небывалой за всю историю этой страны форме”⁵⁸. В качестве примера ученые ссылаются на статью Х. Сади, опубликованную в еженедельнике “Тайм” под названием “Преподобный Рональд Рейган”: “В его исступленной проповеди (речь идет о выступлении президента США Рональда Рейгана на 41-й ежегодной конференции Национальной ассоциации евангелических церквей — Прим. Н.О.) смешалось государственное руководство и религия... По мере развертывания речи президента аудитория начала различать нимб над его головой и услышала хлопанье крыльев сверху”⁵⁹.

Процесс политизации религии находит свое крайнее выражение в развитии различных форм религиозного фундаментализма⁶⁰ и религиозного насилия — экстремизма и терроризма⁶¹, служащих зловонным элементом социологического анализа.

Если вести речь о наиболее перспективном фокусе второго направления, то им следует признать социальные функции различных религий, их влияние на нравственные ценности и мировоззрение

---

⁵⁵ Ратвен М. Ислам. Краткое введение. М., 2005. С. 141.

⁵⁶ Янг Дж. Христианство. М., 1998. С. 295.

⁵⁷ Ammerman N.T. Bible believers: fundamentalists in the modern world. New Brunswick; L., 1987. P. 1–2.

⁵⁸ Яковлев Н.Н. Религия в Америке 80-х. Заметки американиста. М., 1987. С. 3.

⁵⁹ Там же. С. 4.

⁶⁰ Об особенностях и разновидностях религиозного фундаментализма см.: Армстронг А. Битва за Бога: история фундаментализма. М., 2013; Челищев В.И. Фундаментализм и фундаменталисты. М., 2010. Гл. 1, 2.

⁶¹ См. например: Дженкинс Ф. Войны за Бога: насилие в Библии. М., 2013; Ислам о терроре и акциях террористов-смертников / Сост. Эргюн Чапан. М., 2005; Кепель Ж. Джихад: экспансия и закат исламизма. М., 2000; Мирский Г.И. Ислам, национальный терроризм и ближневосточные конфликты. М., 2008.

отдельных индивидов и социальных групп, особенности проявления в повседневной жизни людей⁶², особенности формирования и функционирования новых религиозных движений, в том числе тоталитарных религиозных культов и сект⁶³.

В целом диффузность предметной области социологии религии определяется и отсутствием однозначного, всеми разделяемого понимания религии. В зависимости от принятой трактовки, — что считать религией, а что ею не является, — социологи религии то радикально сужают, то беспредельно расширяют предметную область своего исследования. Как некая целостность социология религии существует благодаря общему убеждению признающих ее ученых в необходимости и возможности социологического постижения религиозной жизни общества. Этим, однако, единство в основном и исчерпывается. Тем не менее, профессиональный интерес социологов всегда заключался в исследовании религии как актуального социального и культурного феномена, его реального места в жизни современного общества. “Дело социологии религии — искать проблемы, ставить вопросы, исследовать и сообщать миру о том, что смогла понять научная социологическая мысль о таком сложном явлении жизни общества, как религия”⁶⁴.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 750 определений религии: история символизаций и интерпретации. Монография / Под ред. Е.А. Аринина. Владимир, 2014.
- Армстронг А. Битва за Бога: история фундаментализма. М., 2013.
- Армстронг К. История Бога: 4000 лет исканий в иудаизме, христианстве и исламе. М., 2008.
- Веремчук В.И. Социология религии. М., 2004.
- Гараджа В.И. Социология религии: Уч. пособ. М., 2010.
- Гири К. Интерпретация культур. М., 2004.
- Головков С.А. Социально-политическая концепция Н.А. Бердяева (в контексте социологических идей русских религиозных философов начала XX века). Дисс. ... канд. соц. наук. М., 2007.
- Грицанов А.А. Социология: Энциклопедия. Минск, 2003.
- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1978–1980. Т. IV.
- Дженкинс Ф. Войны за Бога: насилие в Библии. М., 2013.

---

⁶² См., например: Осипова Н.Г. Социальные аспекты ведущих религиозных доктрин: буддизм // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2020. № 3. С. 105–128; Она же. Социальные аспекты ведущих религиозных доктрин: индуизм // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2021. № 1.

⁶³ См., например: Елишев С.О. Тоталитарные секты и деструктивные культы как антисистемные организации // Вопросы политологии. 2020. Т. 10. № 5.

⁶⁴ Смирнов М.Ю. Указ. соч. С. 404–428.

Дюркгейм Э. Социология: ее предмет, метод, предназначение / Состав., вступит. ст. и примеч. А. Гофмана. М., 2008.

Елишев С.О. Тоталитарные секты и деструктивные культы как антисистемные организации // Вопросы политологии. 2020. Т. 10. № 5.

Закон Божий // Московская Патриархия. Ленинградское епархиальное управление. М., 1990.

Митрохин Л.Н. Религия // Новая философская энциклопедия: В 4-х т. Т. 3. М., 2001.

Осипова Е.В. Социология Эмиля Дюркгейма. СПб., 2001.

Осипова Н.Г. Современная социологическая теория: Уч. Ч. 1. М., 2019.

Осипова Н.Г. Социальные аспекты ведущих религиозных доктрин: буддизм // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2020. № 3.

Осипова Н.Г. Социальные аспекты ведущих религиозных доктрин: индуизм // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2021. № 1.

Ратвен М. Ислам. Краткое введение. М., 2005.

Религиоведение: Уч. пособ. / Под ред. И.Н. Яблокова. М., 1998.

Религия // Краткая российская энциклопедия. Т. 2. М., 2004.

Религия и общество: Хрестоматия по социологии религии / Сост. В.И. Гарраджа, Е.Д. Руткевич. М., 1996.

Смирнов М.Ю. Определение предметной области социологии религии // 750 определений религии: история символизаций и интерпретации. Монография / Под ред. Е.А. Аринина. Владимир, 2014.

Спенсер Г. Синтетическая философия. Киев, 1997.

Трофимов С.В. Религия как социальный феномен и социальный институт // Общая социология: основы современной социологической теории. М., 2018.

Франк С.Л. Духовные основы общества. М., 1992.

Челищев В.И. Фундаментализм и фундаменталисты. М., 2010.

Энциклопедический социологический словарь / Под общ. ред. Г.В. Осипова. М., 1995.

Яблоков И.Н. Социология религии. М., 2014.

Яковлев Н.Н. Религия в Америке 80-х. Заметки американиста. М., 1987.

Янг Дж. Христианство. М., 1998.

REFERENCES

750 opredelenij religii: istoriya simbolizacij i interpretacii. Monografiya [750 Definitions of Religion: A History of Symbolizations and Interpretations: Monograph] / Pod red. E.A. Arinina. Vladimir, 2014 (in Russian).

Alston W. Religion // Encyclopedia of Philosophy. 1967. Vol. 7.

Ammerman N.T. Bible believers: fundamentalists in the modern world. New Brunswick; L., 1987.

Armstrong A. Bitva za Boga: istoriya fundamentalizma [The Battle for God: A History of Fundamentalism]. М., 2013 (in Russian).

Armstrong K. Istoriya Boga: 4000 let iskanij v iudaizme, hristianstve i islame [History of God: 4000 years of searching in Judaism, Christianity and Islam]. М., 2008 (in Russian).

Chelishchev V.I. Fundamentalizm i fundamentalisty [Fundamentalism and fundamentalists]. М., 2010 (in Russian).

- Dal' V.I.* Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]: V 4 t. M., 1978–1980. T. IV (in Russian).
- Dzhenkins F.* Vojny za Boga: nasilie v Biblii [Wars for God: Violence in the Bible]. M., 2013 (in Russian).
- Dyurkgejm E.* Sociologiya: ee predmet, metod, prednaznachenie [Sociology: its subject, method, purpose] / Sostav., vstupit. st. i primech. A. Gofmana. M., 2008 (in Russian).
- Elishev S.O.* Totalitarnye sekty i destruktivnye kul'ty kak antisistemnye organizacii [Totalitarian sects and destructive cults as anti-systemic organizations] // Voprosy politologii. 2020. T. 10. N 5 (in Russian).
- Enciklopedicheskij sociologicheskij slovar' [Encyclopedic Sociological Dictionary] / Pod obshch. red. G.V. Osipova. M., 1995 (in Russian).
- Frank S.L.* Duhovnye osnovy obshchestva. M., 1992 (in Russian).
- Garadzha V.I.* Sociologiya religii: Uch. posob. [Sociology of Religion: Uch. allowance]. M., 2010 (in Russian).
- Girc K.* Interpretaciya kul'tur [Interpretation of cultures]. M., 2004 (in Russian).
- Golovkov S.A.* Social'no-politicheskaya koncepciya N.A. Berdyaeva (v kontekste sociologicheskikh idej russkikh religioznyh filosofov nachala xx veka). Diss. ... kand. soc. nauk [Socio-political concept of N.A. Berdyayev (in the context of the sociological ideas of Russian religious philosophers of the early 20th century). Diss. ... cand. social Sciences]. M., 2007 (in Russian).
- Gricanov A.A.* Sociologiya: Enciklopediya [Sociology: Encyclopedia]. Minsk, 2003 (in Russian).
- Mitrohin L.N.* Religiya [Religion] // Novaya filosofskaya enciklopediya: V 4-h t. T. 3. M., 2001 (in Russian).
- Osipova E.V.* Sociologiya Emilya Dyurkgejma [Sociology of Emile Durkheim]. SPb., 2001 (in Russian).
- Osipova N.G.* Sovremennaya sociologicheskaya teoriya: Uch. [Modern sociological theory: Uch.]. Ch. 1. M., 2019 (in Russian).
- Osipova N.G.* Social'nye aspekty vedushchih religioznyh doktrin: buddizm [Social Aspects of Leading Religious Doctrines: Buddhism] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2020. N 3 (in Russian).
- Osipova N.G.* Social'nye aspekty vedushchih religioznyh doktrin: induizm [Social Aspects of Leading Religious Doctrines: Hinduism] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2021. N 1 (in Russian).
- Ratven M.* Islam. Kratkoe vvedenie [Islam. Brief introduction]. M., 2005 (in Russian).
- Religiovedenie: Uch. posob. [Religious studies: Uch. allowance] / Pod red. I.N. Yablokova. M., 1998 (in Russian).
- Religiya [Religion] // Kratkaya rossijskaya enciklopediya. T. 2. M., 2004 (in Russian).
- Religiya i obshchestvo: Hrestomatiya po sociologii religii [Religion and Society: A Reader in the Sociology of Religion] / Sost. V.I. Garadzha, E.D. Rutkevich. M., 1996 (in Russian).
- Smirnov M.Yu.* Opredelenie predmetnoj oblasti sociologii religii [Definition of the subject area of the sociology of religion] // 750 opredelenij religii: istoriya simvolizacij i interpretacii: monografiya / Pod red. E.A. Arinina. Vladimir, 2014 (in Russian).
- Spenser G.* Sinteticheskaya filosofiya [Synthetic Philosophy]. Kiev, 1997 (in Russian).

Trofimov S.V. Religiya kak social'nyj fenomen i social'nyj institute [Religion as a social phenomenon and social institution] // *Obshchaya sociologiya: osnovy sovremennoj sociologicheskoy teorii*. M., 2018 (in Russian).

Veremchuk V.I. Sociologiya religii [Sociology of religion]. M., 2004 (in Russian).

Yablokov I.N. Sociologiya religii [Sociology of religion]. M., 2014 (in Russian).

Yakovlev N.N. Religiya v Amerike 80-h. Zametki amerikanista [Religion in America in the 80s. Notes from an Americanist]. M., 1987 (in Russian).

Yang Dzh. Hristianstvo [Christianity]. M., 1998 (in Russian).

Zakon Bozhij [Law of God] // *Moskovskaya patriarhiya. Leningradskoe eparhial'noe upravlenie*. M., 1990 (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2022-28-1-31-68

ОСОБЕННОСТИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА РЕЛИГИИ В РОССИИ В ИМПЕРСКИЙ ПЕРИОД ЕЕ ИСТОРИИ*

С.О. Елишев, докт. социол. наук, доц., проф. кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234**

Настоящая статья посвящена исследованию особенностей социологического анализа религии в России в имперский период ее истории. Отечественная социологическая традиция изучения религии как социокультурного феномена и социального института, сложившаяся в этот период, имеет свой неповторимый и своеобразный облик. Она к настоящему моменту только начинает возрождаться в постсоветской России и резко отличается от той традиции, которая имела место на Западе. В этом контексте обращение к трудам классиков русской религиозной, социально-политической мысли, к сожалению, заслуженно забытых, является очень перспективным направлением современных социологических исследований в данной области.

При изучении интересующей нас проблемы автор делает акцент на исследовании работ представителей трех идеологических направлений русской религиозной и социально-политической мысли: консерватизма, либерализма и социализма, а также особенностях исторического развития российского общества и государства и тех событиях, которые оказали знаковое влияние на становление и развитие научного осмысления религии в России. К таким особенностям автор, в частности, относит формирование “антисистемы” (системной целостности людей, негативно относящихся к своей Родине, ненавидящих свою собственную нацию, ее ценности и культуру, историю, традиционные религиозные, политические и социальные системы) в среде русской интеллигенции, бюрократии и части элиты русского общества под определенным влиянием западничества как последствие духовного раскола XVIII в., произошедшего в образованных слоях и элите русского общества.

При изучении особенностей осмысления религиозной проблематики представителями русского либерализма автор статьи анализирует воззрения сторонников как радикального, так и умеренного (классического) либерализма: М.М. Ковалевского, Н.И. Кареева, П.Н. Милюкова, В.С. Соловьева, Б.Н. Чичерина, П.Б. Струве. Он отмечает тот факт, что осмысление данной проблематики осуществлялось этими авторами с “западнических” позиций. Либеральные мыслители в целом негативно оценивали религиозную ситуацию, а также

---

* Продолжение. Начало см. в № 3, 4, за 2021 г.

** Елишев Сергей Олегович, e-mail: elishev@list.ru

государственно-конфессиональные отношения в имперской России. Они предлагали провести ряд преобразований в данной сфере и, в частности, говорили о необходимости отделения церкви от государства.

Ключевые слова: религия, антисистема, либерализм, радикальный либерализм, умеренный либерализм, церковь, секты, позитивизм.

FEATURES OF SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF RELIGION IN RUSSIA DURING THE IMPERIAL PERIOD OF ITS HISTORY (Continued)

Elishev Sergey O., Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Professor at the Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: elishev@list.ru

The article deals with the features of sociological analysis of religion in Russia during the imperial period of its history. The national sociological tradition of studying religion as a socio-cultural phenomenon and a social institution, which was developed during this period, had its own unique and peculiar appearance and was just begun to revive again in post-Soviet Russia, contrasts with the tradition that took place in the West. In this context, the appeal to unfortunately undeservedly forgotten works of classics of Russian religious and socio-political thought is very promising area of modern sociological research.

When studying this problem, the author emphasizes the study of the works of representatives of three ideological areas of Russian religious and socio-political thought: conservatism, liberalism and socialism, as well as the peculiarities of the historical development of Russian society and the state and those events that had a significant impact on the formation and development of scientific understanding of religion in Russia. Among such features, the author, in particular, refers to the formation of an "antisystem" (systemic integrity of people who take a dim view of their homeland, hate their own nation, its values and culture, history, traditional religious, political and social systems) among the Russian intelligentsia, bureaucracy and part of the elite of Russian society, under a certain influence of Westernism, as a consequence of the spiritual schism of the 18th century, which occurred in the educated strata and elite of Russian society.

When studying the features of understanding religious issues by representatives of Russian liberalism, the author of the article analyzes the views of representatives of both radical and moderate (classical) liberalism: M.M. Kovalevsky, N.I. Kareev, P.N. Milyukov, V.S. Solovyov, B.N. Chicherin, P.B. Struve. He notes that the understanding of this issue was carried out by these authors from a "Westernist" position. Liberal thinkers generally negatively assessed the religious situation, as well as state-confessional relations in imperial Russia. They proposed a number of reforms in this area and, in particular, spoke of the need to separate the church from the state.

Key words: religion, antisystem, liberalism, radical liberalism, moderate liberalism, church, sects, positivism.

При изучении воззрений представителей либерального лагеря русской социально-политической мысли имперского периода отечественной истории, занимавшихся осмыслением религиозной проблематики, как и в случае с представителями социалистического лагеря, следует также учитывать тот факт, что значительная часть радикально-реформистской интеллигенции, как и русские революционеры-социалисты, являлась также носителем антисистемного мировоззрения¹. Поэтому неудивительно, что среди представителей радикального русского либерализма были в значительной степени популярны материалистические, атеистические, нигилистские и позитивистские воззрения и взгляды, не говоря уже о крайне отрицательном отношении к идее самобытности, своеобразия, уникальности путей развития русской культуры, цивилизации, государственности. Под влиянием “западничества” и западной социально-политической мысли, способствовавших привнесению в науку различных идеологических штампов, а также рождению различных русофобских мифов, представители этих кругов всеми силами стремились навязать русской нации, слепо копируя с западных лекал, формы западной культуры, социальной практики и политического устройства, критикуя и отвергая систему ценностей и традиционных устоев жизнедеятельности русского общества.

Не стоит забывать и тот факт, что именно из среды радикально настроенных либеральных государственных и политических деятелей и выкристаллизовался костяк заговорщиков, осуществивших Февральский государственный переворот 1917 г., восторженно воспринятый либеральной общественностью и интеллигенцией. И это только потом уже до некоторых представителей ее дошло осознание того, что они действовали в период революционных событий в России в 1905–1907 гг. и 1917 г., фактически не ведая, что творят, в интересах геополитических недругов России, нанося непоправимый вред и ущерб российскому обществу и государству.

В то же время следует отметить, что у большинства представителей либерального лагеря русской социально-политической мысли имперского периода отечественной истории религиозная проблематика не занимала центральное место в их исследованиях, что как справедливо применительно к данному случаю констатировал В.И. Гараджа, особенно заметно в сопоставлении с “исследования-

---

¹ См., подробнее: *Елишев С.О.* Молодежная политика религиозных сект и новообразований в Российской Федерации // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2013. № 4. С. 104–118; *Он же.* Политика. Базовые понятия. М., 2018. С. 247–250; *Он же.* О сущности “современных революций” и государственных переворотов. М., 2017. С. 67–78.

ми других социальных институтов — права, государства, морали, семьи, науки, образования”².

Например, *Максим Максимович Ковалевский*, один из видных оппозиционных либеральных мыслителей и деятелей имперского периода отечественной истории, влиятельный представитель русского масонства и позитивизма, в рамках своей эволюционистской (прогрессистской) концепции, рассматривал религию, лишь как один из факторов, влияющих на жизнь человеческого сообщества³, исследовать который необходимо наряду и во взаимосвязи с другими такого рода факторами. Религия не являлась у него, якобы, рассматривавшего ее, по мнению В.И. Гараджи, строго “в научном контексте”⁴, “самостоятельным предметом социологического исследования”⁵. Иными словами, М.М. Ковалевский, занимаясь изучением соотношения законов и обычаев, их влияния на жизнедеятельность народов Кавказа, а также особенностей развития институтов семьи, собственности и современной демократии⁶, лишь фрагментарно исследовал институт религии (как один из социальных регуляторов человеческого общежития и социальных отношений) в его взаимосвязи с правом, моралью, семьей, другими социальными институтами и факторами.

В то же время абсолютно необоснованным, на наш взгляд, является утверждение М.Ю. Смирнова о том, что М.М. Ковалевский стремился к тому, что научное исследование должно было “по возможности дистанцироваться от обслуживания каких-либо политических или идеологических целей и стремиться к непредвзятому анализу общественных процессов”⁷.

Представители либерального лагеря русской социально-политической мысли имперского периода российской истории крайне негативно оценивали социальную и политическую систему, религиозную ситуацию в России, систему государственно-конфессиональных отношений в Российской империи, а также деятельность

---

² Гараджа В.И. Социология религии. М., 2007. С. 55.

³ См.: Ковалевский М.М. Очерк происхождения и развития семьи и собственности. М., 1939. С. 19.

⁴ Гараджа В.И. Указ. соч. С. 56.

⁵ Там же.

⁶ См., подробнее: Ковалевский М.М. Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении: В 2-х т. М., 1886; Он же. Закон и обычай на Кавказе: В 2-т. М., 1890; Он же. Очерк происхождения и развития семьи и собственности. М., 1939; Он же. Происхождение современной демократии. Т. I. Ч. III, IV. М., 1899.

⁷ Смирнов М.Ю. Очерк истории российской социологии религии: Уч. пособ. СПб., 2008. С. 17.

Русской Православной Церкви, которая являлась для них постоянным объектом критики и нападок. Русские либералы агитировали за переход к западным моделям государственно-конфессиональных отношений, светский характер государства, необходимость отделения Русской Православной Церкви от государства, “демократизацию” РПЦ, направленную на понижение ее влияния на жизнедеятельность российского общества и государства и уравниванию по статусу со всеми другими религиозными конфессиями, сектами и общественными объединениями. Они воспринимали Русскую Православную Церковь как основную опору правящего режима, часть бюрократического государственного аппарата, как реакционный институт, своеобразный тормоз, препятствие в осуществлении их политики и либеральных преобразований. При этом они вели фактически информационную войну против правящего режима, государства, Русской Православной Церкви, используя различные пропагандистские приемы, навешивая ярлыки и применяя разнообразные манипулятивные технологии для дискредитации своих оппонентов.

Естественно, что ни о какой объективности в оценке деятельности РПЦ и государства просто не шла речь, а часто доходило и до полной несуразности, когда РПЦ фактически вменяли в вину любые попытки отстаивать и продвигать собственные интересы. Как писал, например, *Арон Соломонович Ланде* (псевдоним — *Александр Самойлович Изгоев*), один из видных либеральных публицистов того времени и авторов сборника “Вехи”, отстаивая позиции иных религиозных конфессий и сект: «Православное духовенство открыто стремится к духовному порабощению, к запрещению старообрядцам и сектантам “доказательства” их веры, к преграждению православным всякой возможности выйти из Церкви. До верований господствующему духовенству мало дела: числился бы человек в церкви, исполнял важнейшие обряды, платил бы, что полагается, а там — хоть ни во что не верь, будь в душе хоть чистым атеистом»⁸. При этом, он еще и упрекал РПЦ в том, что “Господствующая церковь, опираясь на государство, своей политикой сознательно или невольно поддерживает среди религиозных отщепенцев самые крайние идеи, доходящие до полного отрицания, до атеизма, и сокращает все творческое, все положительное, что может способствовать образованию из той или иной секты или старообрядческого толка крупной общественной силы”⁹.

---

⁸ Изгоев А.С. Национальные и религиозные вопросы современной России // Русская мысль. 1908. № 5. С. 135.

⁹ Там же. С. 136.

Соответственно и М.М. Ковалевский, являясь одним из лидеров Прогрессистской партии и влиятельным представителем масонских кругов, позиционируя себя как сторонника западных форм политических и социальных систем, светского государства, сторонника церковной и вероисповедной свободы, сам в своих действиях, высказываниях и произведениях, отнюдь не демонстрировал свободу от идеологических и политических пристрастий. Например, сравнив Русскую Православную Церковь с Англиканской церковью, он незаслуженно и безосновательно обвинил РПЦ в цезаропапизме¹⁰. Опасаясь влияния духовенства РПЦ на жизнедеятельность русского общества и итоги избирательной кампании в Государственную Думу, высказываясь от лица Прогрессистской партии, М.М. Ковалевский громогласно провозглашал: «Мы не допускаем мысли об обращении православия в орудие правительственной политики, как и подчинения последней “видам и целям Синода”. Манифест 17-го октября, и ранее его манифест 24-го апреля, обещали обновленной России свободу совести. Это обещание непримиримо с навязыванием кому бы то ни было требования оставаться в лоне господствующей церкви, под угрозой не получить места или быть прогнанным с него, а, между тем, такое предложение еще недавно было сделано в одной из наших палат; при пассивном отношении избирателей к выборам оно легко может сделаться мнением Третьей Думы»¹¹.

Несложно догадаться, что общественно-политическая и идеологическая позиция М.М. Ковалевского несмотря на утверждения М.Ю. Смирнова так или иначе все равно находила свое отображение в его трудах и, конечно же, не способствовала достижению объективности в оценке различных общественных процессов и феноменов.

При изучении воззрений иных представителей позитивизма в либеральном лагере русской социально-политической мысли имперского периода отечественной истории по религиозной проблематике, на наш взгляд, было бы целесообразно обратиться к творчеству и работам Н.И. Кареева и П.Н. Милюкова, незаслуженно забытых и фактически игнорируемых современными авторами¹².

Николай Иванович Кареев — видный представитель либерального лагеря и кадетской партии, в своей книге “Общие основы социологии”, именуя религию элементом культуры, социальное значение

---

¹⁰ Ковалевский М.М. Моя жизнь: воспоминания. М., 2005. С. 358.

¹¹ Ковалевский М.М. Задача прогрессивных партий на будущих выборах. 28 февраля 1912 г. // Русское слово. 1912. № 48. 28 февраля; Партия демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. 1906–1916 гг. Документы и материалы. М., 2002. С. 258.

¹² См., например: *Гараджа В.И.* Указ. соч.; *Смирнов М.Ю.* Указ. соч.

которого в общественной жизни, по его мнению, особенно важно и сложно¹³, с позитивистских позиций описывал поэтапную эволюцию института религии от древних времен к современному состоянию общества. Он особо подчеркивал то обстоятельство, что “если с течением времени религия делалась лишь одним из ингредиентов духовной культуры, то в самом начале в религии содержалась почти вся духовная культура, и религия была интегральным мирозерцанием: в ней содержалась философия природы, духа и общества, в ее культе, в молитвах, в заклинаниях и обрядах — первые начала поэзии, музыки, драматического искусства, в попытках изображения богов — зачатки скульптуры и живописи, в храмоводательстве — архитектуры, в волховании и жречестве — первое выделение духовного руководства обществом, его просвещения, и, кроме того, религия давала высшую санкцию обычаю, а соединение в лице родовладыки, князя, царя должностей правителя и верховного жреца полагало начало религиозной стороне политического союза, делая в то же время государство церковью”¹⁴.

На первоначальных стадиях развития человечества, религия, имея огромное влияние на жизнедеятельность общества, «внушая людям “страх божий” и понятия о должном и недолжном»¹⁵, “воспитывала в человеке способность слушаться голоса совести и повиноваться чувству долга. Религия была и тою культурною областью, которая удовлетворяла потребность в нервном возбуждении, принимавшем в культе нередко психопатический характер, но в то же время бывшим источником идеализма, способности жить не одною действительностью, но и мечтою”¹⁶.

Основным содержанием религии, прежде всего, по разумению Н.И. Кареева, являлась “вера в существование особых существ: духов и богов, особого сверхчувственного мира, в переживание духом (душою) человека его тела, в особое загробное существование”¹⁷. Как он подчеркивал, “в религии психологически соединены известные представления о потустороннем мире, составляющие содержание верований интеллекта, одной категории с содержанием его знаний, известные эмоции, вызываемые этими представлениями, и известные состояния воли, т.е. особая активность по отношению к потустороннему миру”¹⁸.

---

¹³ Кареев Н.И. Общие основы социологии. М., 2010. С. 151.

¹⁴ Там же. С. 151.

¹⁵ Там же. С. 157.

¹⁶ Там же. С. 158.

¹⁷ Там же. С. 152.

¹⁸ Там же. С. 154.

Однако по своему происхождению религия представляет не только психическое, но и социальное явление. Анализируя воззрения О. Конта (создававшего по его мнению вместе с А. Сен-Симоном новую религию¹⁹), Э. Дюркгейма и других авторов на сущность и происхождение религии, элементарных форм религиозной жизни (анимизма, фетишизма, тотемизма), Н.И. Кареев придерживался мнения, что сущность религии состоит “не в одних представлениях и понятиях, а и в известных еще чувствах и настроениях, которые, сверх того, находят свое выражение в особых действиях, составляющих обрядовую сторону религии, в культуре”²⁰. “Рядом с религиозными представлениями, — писал Н.И. Кареев, — и настроениями находятся еще и религиозные действия — молитвы, заклинания, жертвоприношения, обряды”²¹.

При этом, «социальное значение всех верований и обрядов заключалось в том, что они объединяли, сплачивали людей, благодаря представлениям об общем происхождении членов рода от одного предка, еще живущего в потустороннем мире, благодаря существованию тотемов, благодаря совместному участию в обрядах культа и в том еще, что создавалось особое настроение по отношению к возникшим в коллективе “табу”»²². Иначе говоря, интегративная функция религии была определяющей на ранних стадиях развития человеческого общества.

На взгляд Н.И. Кареева, государство с его социально-политической природой и религия с ее морально-психической природой, являлись “великими коррелативами исторической жизни народов”, “связанными между собою многими узами”²³. Сравнивая особенности функционирования данных институтов, он отмечал как позитивные, так и негативные стороны их деятельности, подчеркивая то обстоятельство, что “как в государстве власть слишком (часто — *Прим. С.Е.*) становилась произволом, правом освящались бесправие, рабство и угнетение, труд же употреблялся не на созидание, а на разрушение, так и в религии идеализм принимал то и дело характер не стремления к истине, а узкого догматизма, и специально религиозное чувство становилось фанатизмом, вполне гармонизировавшим с политическим деспотизмом”²⁴.

---

¹⁹ См.: Кареев Н.И. Введение в изучение социологии. СПб., 1897. С. 9.

²⁰ Кареев Н.И. Общие основы социологии. С. 154.

²¹ Там же. С. 157.

²² Там же.

²³ См.: Там же. С. 152.

²⁴ Там же. С. 158.

При этом, на ранних стадиях развития человеческих обществ “теократическое начало было первоначально в устройстве каждого государства”²⁵. Иначе говоря, “политическое общение было в то же время и религиозным, т.е. в государстве сливалось с ним воедино и то, что потом в обособленном виде стало существовать как церковь. Глава семьи и глава рода был и жрецом культа предков и богов, как потом и глава государства. У него было две власти: светская и духовная”²⁶. Но затем “светское (мирское) и духовное (божественное) начала”, существовавшие изначально “в смешанном, не дифференцированном виде”, обособились друг от друга, “как бы поделив между собою власть над телом и душою человека”²⁷. Постепенно, по ходу секуляризации “духовной культуры, государства, и права”²⁸, религия из “всего во всем” стала “лишь одним из ингредиентов духовной культуры с существованием независимым от других ее элементов”²⁹, перестав быть функцией политики³⁰. Считая процессы секуляризации неизбежным этапом развития человечества, Н.И. Кареев констатировал также неизбежность «отделения церкви от государства, когда религия становится “частным делом” каждого, а политика отрешается от вероисповедности»³¹.

В то же время несмотря на разделение области религии и политики государство, по его убеждению, не должно становиться атеистичным, так как “атеизм есть тоже вера: разрушение силами государства религии, насильственная атеизация общества может рассматриваться лишь как вмешательство в дела совести. Для современного государственного права церкви имеют значение простых самоуправляющихся корпораций граждан, принадлежность к которым зависит от доброй воли каждого и в дела которых государство не вмешивается, поскольку дела эти ведутся в пределах общей законности”³².

В современных условиях, как считал Н.И. Кареев, “социальное значение религии и церкви, обособившихся от областей права и политики, уступило свое место исключительно значению культурному, однако, продолжающему, хотя уже не непосредственно, влиять на всю социальную жизнь и на политику”³³.

---

²⁵ Кареев Н.И. Общие основы социологии. С. 160.

²⁶ Там же. С. 158.

²⁷ Там же. С. 162.

²⁸ Там же. С. 163.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. С. 162.

³¹ Там же.

³² Там же. С. 163.

³³ Там же. С. 164.

Павел Николаевич Милюков, государственный и политический деятель, лидер Конституционно-демократической партии, активный участник Февральского государственного переворота 1917 г., министр иностранных дел Временного Правительства, более известный как историк, тем не менее именовал свою точку зрения социологической³⁴ и позиционировал себя, занимаясь изучением истории русской культуры, как социолога-позитивиста, с чем трудно не согласиться, если ознакомиться с его рассуждениями и высказываниями.

П.Н. Милюков, как большинство социологов-позитивистов, считая, что “понятия закономерности и эволюции должны быть распространены из области естественных наук”³⁵ в гуманитарные науки, обозначил цель научной социологии, состоящей, на его взгляд, в открытии “общих законов исторической эволюции”³⁶. Одновременно с этим, он отвергал весьма распространенную среди социологов-позитивистов европоцентристскую, “прогрессистскую”³⁷ точку зрения на единый линейный процесс всемирно-исторического развития человеческих обществ в рамках формационного подхода к трактовке общественно-исторического развития.

По мнению П.Н. Милюкова, научная социология должна отказаться от идеи всемирной истории, возникновение которой первоначально было “тесно связано с религиозной идеей божественного промысла, управляющего судьбами человечества”³⁸, но которая по ходу своего развития, хоть и приобрела впоследствии характер “метафизической и рационалистической”³⁹, но тем не менее все равно воспроизводит изначально присущие ей недостатки⁴⁰.

Как подчеркивал П.Н. Милюков, единицей научного наблюдения для социологии является “отдельный социальный (националь-

---

³⁴ См.: Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры: В 3-х т. Т. 1. М., 1993. С. 36.

³⁵ Там же. С. 40.

³⁶ Там же. С. 42.

³⁷ *Прогрессизм* — основополагающее умственное и духовное течение, идеология современного западного мира, основанная на идее непрерывного, ничем и нигде не ограниченного пространственно-временными рамками “прогресса”, трактующая весь ход истории человеческого рода как поступательное и непрерывное движение от стадии “дикости” к стадиям “цивилизации”, в основу которого положен опыт развития западноевропейской культуры. Признавая западноевропейский опыт единственно возможным и безальтернативным вариантом развития человечества, идеология прогрессизма является действенным и эффективным оружием духовной агрессии Запада в иных культурных пространствах.

³⁸ Милюков П.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 43.

³⁹ Там же.

⁴⁰ См.: Там же. С. 44.

ный) организм”⁴¹, который безусловно не является «неподвижным, неизменным “типом”»⁴². “Научная социология выделяет общие черты эволюции национальных организмов в закономерные социологические ряды и старается определить взаимную зависимость между этими рядами”⁴³.

П.Н. Милюков отмечает, что “главной ошибкой Огюста Конта, при всех огромных заслугах этого творца социологии, было именно то, что он построил свое учение о стадиях человеческого прогресса по всемирноисторическому принципу. Так, он ищет фетишизм и политеизм в первобытных и древних обществах, монотеизм и метафизику в средних веках и начале новой истории, а происхождение позитивизма относит к современности, его развитие — к будущему. Тут совершенно прав Н.Я. Данилевский, когда находит популярное деление на древнюю, среднюю и новую историю ненаучным и устанавливает следующее положение, совпадающее по мысли с учением Вико”⁴⁴.

При этом П.Н. Милюков, признавая “глубокое своеобразие русского исторического процесса”⁴⁵, в то же время констатировал “сходство основной линии русской эволюции со всякой другой, которая имела возможность развернуться и пройти закономерную смену одинаковых ступеней процесса. Такова была, прежде всего, эволюция западно-европейская”⁴⁶. Подвергая критике позиции и утверждения славянофилов, неославянофилов и консерваторов, он писал о “крайней отсталости и элементарности русского исторического процесса”⁴⁷, исключавшей, по его мнению, любую «горделивую надежду, что русский народ станет во главе цивилизации и скажет обветшалому миру свое мистическое “новое слово”»⁴⁸. Свообразие природных и исторических условий П.Н. Милюков, как и большинство радикальных либералов, трактовал как своеобразный “тормоз, объясняющий запоздалость”⁴⁹ развития русской культуры.

Впрочем, анализируя воззрения славянофилов и западников, П.Н. Милюков указывает на тот факт, что несмотря на противоположные позиции этих мыслителей в оценке русского исторического

---

⁴¹ Милюков П.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 43.

⁴² Там же. С. 47.

⁴³ Там же. С. 49.

⁴⁴ Там же. С. 46.

⁴⁵ Там же. С. 37.

⁴⁶ Милюков П.Н. Указ. соч. Т. 2. Ч. 1. М., 1994. С. 38.

⁴⁷ Милюков П.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 37.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же.

процесса и у них имеется точка соприкосновения, состоящая “в признании за известной вероисповедной формой (т.е. православием — *Прим. С.Е.*), самой по себе, огромного культурного”⁵⁰ влияния на процесс жизнедеятельности и функционирования русского общества и государства. По его мнению, культурное влияние Русской Православной Церкви и религии (которую он рассматривал как духовный продукт социальной среды⁵¹) являлось “безусловно преобладающим в исторической жизни русского народа”⁵², хотя таковым “оно всегда бывает у всех народов, находящихся на одинаковой ступени развития”⁵³.

П.Н. Милюков всячески предостерегал от различного рода крайностей и преувеличений в оценке влияния религии на развитие русского исторического процесса. На его взгляд, “считать русскую народность, без дальних справок, истинно христианской значило бы сильно преувеличивать степень усвоения русскими истинного христианства. Таким же преувеличением влияния религии было бы и обвинение ее в русской отсталости. Для этой отсталости были другие, органические причины, действие которых распространялось и на религию. Религия не только не могла создать русского психического склада, но, напротив, она сама пострадала от элементарности этого склада”⁵⁴.

Весьма интересной представляется также оценка П.Н. Милюковым феномена сектантства. По его мнению, сектантство представляет собой “естественную стадию развития народной веры”⁵⁵ и является “не менее самобытным и национальным продуктом, чем само обрядовое благочестие, которому оно пришло на смену”⁵⁶.

Как отмечал П.Н. Милюков, “езде и всюду развитие религиозной мысли и чувства совершалось более или менее однообразно < ... > Не только в православии, но и в христианстве, — и даже не только в христианстве, но и в других монотеистических религиях, — процесс религиозного развития состоял в постепенной спиритуализации религии, в постепенном превращении религии обряда в религию души”⁵⁷. В зависимости от национального уклада и менталитета, эта спиритуализация религии осуществлялась в двух направлениях, приобретая либо эмоциональный, либо интеллекту-

---

⁵⁰ Милюков П.Н. Указ. соч. Т. 2. Ч. 1. С. 17.

⁵¹ Там же. Т. 1. С. 42.

⁵² Там же. Т. 2. Ч. 1. С. 17.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же. Т. 1. С. 18

⁵⁵ Там же. Т. 2. Ч. 1. С. 102.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же. С. 103.

альный (критичный, рационалистический) характер⁵⁸. “Оба течения — и рационалистическое, и мистическое — иногда идут независимо, иногда вступают в борьбу друг с другом, иногда, напротив, заключают союз, иногда переходят одно в другое. Во всяком случае, и то, и другое является естественным противником обрядового благочестия и стремится устранить все внешнее, все посредствующее между Богом и человеком”⁵⁹.

Целесообразно также отдельно отметить выделенные П.Н. Милюковым черты начавшего формироваться в это время из числа представителей как умеренно-либерального, так и консервативного лагеря, такого направления развития русской социологической традиции изучения религии, как “христианская социология”, которую он именовал “русским светским богословием” и о которой мы подробно поговорим в другой части нашего исследования. Как отмечал П.Н. Милюков, «вопреки общему настроению русской интеллигенции, отрицательно относившейся к положительной религии, русские светские богословы пытались удержаться не только в пределах откровенной веры, но в пределах именно православия. Тем не менее они внесли в свое богословствование — или, как стали говорить о них, “богоискательство” — свежую струю, которая плохо уживалась с традиционной верой, — и с которой традиционная вера, в свою очередь, не хотела и не могла считаться»⁶⁰.

Помимо А.С. Хомякова к представителям данного направления П.Н. Милюков относил К.Н. Леонтьева, К.П. Победоносцева, В.С. Соловьева и других исследователей как консервативного, так и умеренно-либерального лагеря, позиции которых были полностью противоположны его воззрениям, а также воззрениям других представителей радикального либерализма и позитивизма. Специфическими чертами русского светского богословия, по его мнению, являлись: во-первых, «стремление к “соборности”, расширяющееся в понятие вселенской миссии, а специально у Соловьева выразившееся в переходе к католицизму»⁶¹, во-вторых, «стремление объяснить все непонятное в вере “конкретно”, но единственно доступным путем “внутреннего опыта”, то есть мистически»⁶², в-третьих, «потребность — уже намечавшаяся у Хомякова и даже у академических богословов — слить небесное, отвлеченное, — с жизненным, земным. У Соловьева эта черта сводится к исканию посредничества между

---

⁵⁸ См.: Милюков П.Н. Указ. соч. Т. 2. Ч. 1. С. 103.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же. С. 181.

⁶¹ Там же. С. 184.

⁶² Там же.

Богом и миром — среднего пути между дуализмом и пантеизмом, трансцендентностью и имманентностью — и, в результате, к особенному развитию учения о “Софии” и Богочеловечестве»⁶³.

К представителям умеренной части либерального лагеря, т.е. представителям русского классического либерализма, внесшим значительный вклад в изучение религиозной проблематики, помимо названного П.Н. Милюковым В.С. Соловьева, однозначно следует отнести Б.Н. Чичерина и П.Б. Струве, богатое творческое наследие которых, к сожалению, также до сих пор незаслуженно игнорируется рядом современных авторов⁶⁴.

Владимир Сергеевич Соловьев, известный религиозный мыслитель и философ имперского периода отечественной истории, в своих трудах уделял достаточно большое внимание религиозной проблематике, безусловно, выходя за пределы исключительно религиозной и социальной философии. Неслучайно многие исследователи относят его к родоначальникам такого направления развития русской социологической традиции изучения религии, как “христианская социология”, стремящегося сформулировать и раскрыть христианский взгляд и подход к познанию и осмыслению жизни социума и социального пространства.

По мнению В.С. Соловьева, религия представляла собой “воссоединение”, живую “связь человека и мира с безусловным началом и средоточием всего существующего”⁶⁵. Она придает смысл человеческому существованию и ее сущность “состоит в приведении всех стихий человеческого бытия, всех частных начал и сил человечества в правильное отношение к безусловному центральному началу, а через него и в нем к правильному согласному отношению их между собою”⁶⁶. Отрицание религии, “неверие в бога опустошает душу человека и доводит его до самоубийства”⁶⁷. Акцентируя внимание на необходимости полномасштабного познания религиозного, божественного начала, В.С. Соловьев отмечал, что полное знание о них может быть достигнуто лишь “организацией религиозного опыта в цельную, логически связанную систему. Таким образом, кроме религиозной веры и религиозного опыта требуется еще религиозное мышление, результат которого есть философия религии”⁶⁸.

---

⁶³ Милюков П.Н. Указ. соч. Т. 2. Ч. 1. С. 184–185.

⁶⁴ См., например: *Гараджа В.И.* Указ. соч.; *Смирнов М.Ю.* Указ. соч.

⁶⁵ *Соловьев В.С.* Чтения о Богочеловечестве // *Соловьев В.С.* Сочинения: В 2-х т. Т. 2. М., 1989. С. 5.

⁶⁶ Там же. С. 14.

⁶⁷ *Лосский Н.О.* История русской философии. М., 1991. С. 93.

⁶⁸ *Соловьев В.С.* Указ. соч. С. 35.

В то же время мыслитель, анализируя процесс секуляризации и особенности развития современных ему обществ, был вынужден с горечью констатировать утрату религией надлежащего (центрального) места в процессе жизнедеятельности этих обществ⁶⁹. На его взгляд, “современная религия есть вещь очень жалкая — собственно говоря, религии как господствующего начала, как центра духовного тяготения, нет совсем, а есть вместо этого так называемая религиозность, как личное настроение, личный вкус: одни имеют этот вкус, другие нет, как одни любят музыку, другие — нет”⁷⁰.

Изучение особенностей развития западной цивилизации, как первой в мировой истории секулярной (“внерелигиозной”⁷¹) цивилизации, привело В.С. Соловьева к выводу, что “современная западная цивилизация, отвергнувшая религиозное начало”⁷² в эпоху Великой французской революции, тем не менее стремится найти для себя вместо религии и “отвергнутых богов”⁷³, “некоторые связующие начала для жизни и сознания”⁷⁴ “в области временных, конечных интересов”⁷⁵, пытаясь “построить здание вселенской культуры, организовать человечество на чисто мирских, внешних началах”⁷⁶.

Как подчеркивал В.С. Соловьев, такого рода стремление в современном ему мире в наибольшей степени нашло свое проявление в социализме (в части “практических интересов общественной жизни”⁷⁷) и позитивизме (в “теоретической области научного знания”⁷⁸, претендующих на то, чтобы стать “для всего цивилизованного мира единым общим мировоззрением”, таким как “был папизм в средние века”⁷⁹). При этом, по его мнению, “как социализм, так и позитивизм не стоят к религии в прямом отношении ни отрицательном, ни положительном: они хотят только занять пустое место, оставленное религией в жизни и знании современного цивилизованного человечества. С этой точки зрения они и должны быть оцениваемы”⁸⁰.

---

⁶⁹ См.: Соловьев В.С. Указ. соч. С. 5.

⁷⁰ Там же. С. 6.

⁷¹ См.: Там же. С. 7.

⁷² См.: Там же. С. 6.

⁷³ См.: Там же.

⁷⁴ См.: Там же.

⁷⁵ См.: Там же.

⁷⁶ Там же. С. 7.

⁷⁷ Там же. С. 6.

⁷⁸ См.: Там же. С. 7.

⁷⁹ Соловьев В.С. Теория Огюста Конта о трех фазисах в умственном развитии человечества // Соловьев В.С. Сочинения: В 2 т. Т. 2. М., 1992. С. 123.

⁸⁰ Соловьев В.С. Чтения о Богочеловечестве. С. 7.

Наряду с этим, В.С. Соловьев отмечал, что социализм и позитивизм, не имея возможности в силу их утопических характеров быть реализованными на практике, закономерно приведут к своеобразному религиозному ренессансу, т.е. “к признанию религии”⁸¹ и “к требованию религиозного начала в жизни и знании”⁸². Именно в этом направлении в будущем и будет осуществляться последующее развитие западной цивилизации, т.е. секулярная стадия ее развития станет своеобразным переходным этапом в движении от католицизма (“религиозного прошлого”) к “религиозному будущему”⁸³, когда вера в Бога, свойственная традиционной форме религии (католицизму) и вера в человека, свойственная для современной секулярной цивилизации, сойдутся “в единой полной и всецелой истине Богочеловечества”⁸⁴, идея которого занимает одно из центральных мест в философской концепции В.С. Соловьева. Подобного рода будущее станет возможным, когда различные христианские конфессии обретут организационное всеединство и земное могущество независимой ни от кого христианской церкви будет воплощено ею в будущем в теократической модели управления миром. Как подчеркивал В.С. Соловьев, размышляя о необходимости воссоздания единой христианской церкви, “церковь, будучи неподвижной и неизменной святыней, должна быть вместе с тем и деятельной властью. Эта духовная власть Церкви руководит человечеством и ведет мир к его цели, т.е. к соединению всех в одно богочеловеческое тело, в котором все силы творения деятельно воплощают в себе единое Божество”⁸⁵.

Следует также отметить и тот факт, что В.С. Соловьев в ряде своих работ, в частности в докладе “Русская идея”, “Россия и Вселенская Церковь”, активно включился в полемику об исторической судьбе и предназначении России, ее вкладе в историю человечества и фактически разработал свою собственную весьма оригинальную, но чрезмерно идеалистичную и утопичную концепцию. Находясь под очевидным влиянием “западнических” установок, католического богословия и экуменических идей, В.С. Соловьев говорил об исторической миссии России и русского народа, состоящей на его взгляд, прежде всего, в спасении, преображении христианской цивилизации и западно-христианского мира, посредством отказа от

---

⁸¹ Соловьев В.С. Чтения о Богочеловечестве. С. 13.

⁸² Там же. С. 14.

⁸³ Там же. С. 16.

⁸⁴ Там же. С. 27.

⁸⁵ Соловьев В.С. Великий спор и христианская политика // Соловьев В.С. О христианском единстве. Брюссель, 1967. С. 42.

своего конфессионального, религиозного, национального своеобразия и пути развития с целью создания единой Вселенской Церкви и всемирной теократической системы. Таким образом, смысловая нагрузка понятия “русская идея”, которым он активно оперировал, существенным образом отличалась от изначальной трактовки ее содержания, сформулированной в работах Ф.М. Достоевского, принесшего в научный оборот данную категорию.

“Русский народ, — писал В.С. Соловьев, — народ христианский, и, следовательно, чтобы познать истинную русскую идею, нельзя ставить себе вопроса, что сделает Россия через себя и для себя, но что она должна сделать во имя христианского начала, признаваемого ею, и во благо всего христианского мира, частью которого она предполагается. Она должна, чтобы действительно выполнить свою миссию, всем сердцем и душой войти в общую жизнь христианского мира и положить все свои национальные силы на осуществление, в согласии с другими народами, того совершенного и вселенского единства человеческого рода, непреложное основание которого дано нам в Церкви Христовой”⁸⁶.

Как и большинство идейных наследников “западничества”, В.С. Соловьев крайне негативно относится к деятельности Русской Православной Церкви, а также национальной и конфессиональной политике государства. По его мнению РПЦ, потворствуя утверждению в России “духа национального эгоизма”⁸⁷, стала “для России палладиумом узкого национального партикуляризма, а зачастую даже пассивным орудием эгоистической и ненавистнической политики”⁸⁸. Суть данной позиции и политики, на его взгляд, состоит в том, что представителями РПЦ и государства “не только признается, что русский народ — народ христианский, но напыщенно заявляется, что он — христианский народ по преимуществу и что Церковь есть истинная основа нашей национальной жизни; но все это лишь для того, чтобы утверждать, что Церковь имеется исключительно у нас и что мы имеем монополию веры и христианской жизни”⁸⁹.

Заимствованные из Византии политическая система и модель государственно-конфессиональных отношений, по мнению В.С. Соловьева, самым негативным образом сказываются на развитии российского общества и государства, а также в целом христианской цивилизации. “Не на Западе, а в Византии, — писал В.С. Соловьев, —

---

⁸⁶ Соловьев В.С. Русская идея. Гл. V // Соловьев В.С. О христианском единстве. С. 229.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Там же.

первородный грех националистического партикуляризма и абсолютического цезарепапизма впервые внес смерть в социальное тело Христа. А ответственная преемница Византии есть Русская Империя. И теперь Россия есть единственная христианская страна, где национальное государство без оговорок утверждает свой исключительный абсолютизм, делая из церкви атрибут национальности и послушное орудие мирской власти, где это устранение божественного авторитета не уравнивается даже (насколько это возможно) свободой человеческого духа”⁹⁰.

При этом, на взгляд В.С. Соловьева, РПЦ, как “официальное учреждение, представителями которого являются наше церковное управление и наша богословская школа, поддерживающее во чтобы то ни стало бы то ни стало свой партикуляристический и односторонний характер, бесспорно не являют собою живую часть истинной Вселенской Церкви, основанной Христом”⁹¹. Для исправления данной ситуации, восстановления единства христианского мира и обретения единства всего человечества, как и последующего прогрессивного развития, В.С. Соловьев призывает восстановить единство трех базовых членов социального бытия и главных действующих сил: 1) “духовного авторитета Вселенского Первосвященника (непогрешимого главы священства), представляющего истинное непреходящее прошлое человечества”⁹², т.е. Папы Римского; 2) “светской власти национального государя (законного главы государства), сосредоточивающего в себе и олицетворяющего собою интересы, права и обязанности настоящего”⁹³ — российского императора; 3) пророка, являющегося “свободным инициатором прогрессивного социального движения”⁹⁴, “вдохновенным главой человеческого общества в его целом, открывающим начало осуществления идеального будущего человечества”⁹⁵, под которым В.С. Соловьев, судя по всему, подразумевал “себя любимого”.

Таким образом, фактически занимаясь созданием собственной масштабной теократической утопии, В.С. Соловьев, по сути, провозглашал Папу Римского главой Вселенской Церкви: “Как член истинной и досточтимой православной восточной или греко-русской Церкви, говорящей не устами антиканонического синода и не чрез посредство чиновников светской власти, но голосом великих

---

⁹⁰ Соловьев В.С. Русская идея. Гл. V. С. 244.

⁹¹ Там же. С. 230.

⁹² Там же. С. 242.

⁹³ Там же.

⁹⁴ Там же. С. 243.

⁹⁵ Там же. С. 242.

Отцов и Учителей своих, я признаю верховным судьей в деле религии того, кого признали таковым святой Ириней, святой Дионисий Великий, святой Афанасий Великий, святой Иоанн Златоуст, святой Кирилл, святой Флавиан, блаженный Феодорит, святой Максим Исповедник, святой Феодор Студит, святой Игнатий и т.д., — а именно апостола Петра, живущего в своих преемниках”⁹⁶.

После подчинения Русской Православной Церкви, российского императора и государства Римско-Католической Церкви, основной задачей России, на взгляд В.С. Соловьева, являлось подчинение “власти государства авторитету Вселенской Церкви”⁹⁷, а также и отведение “подобающего места общественной свободе”⁹⁸.

Как отмечал В.С. Соловьев, “Русская идея, исторический долг России требует от нас признания нашей неразрывной связи с все-ленским семейством Христа и обращения всех наших национальных дарований, всей мощи нашей Империи на окончательное осуществление социальной троицы, где каждое из трех главных органических единств, церковь, государство и общество, безусловно свободно и державно, не в отъединении от двух других, поглощая или истребляя их, но в утверждении безусловной внутренней связи с ними. Восстановить на земле этот верный образ божественной Троицы — вот в чем русская идея”⁹⁹.

В.С. Соловьев выступал активным апологетом реформ и преобразований Петра I, считая, что защита этих преобразований, есть “дело важное и полезное”¹⁰⁰, направленное на сохранение “смысла русской истории, за истинное значение русского государства”¹⁰¹. Как подчеркивал В.С. Соловьев, «Каковы бы ни были личные свойства и поступки Петра Великого, он своим историческим подвигом возвращал Россию на тот христианский путь, на который она впервые стала при св. Владимире. Меняя свое национальное идолопоклонство на всечеловеческую веру, для которой “нет эллина и иудея”, Россия тем самым отрекалась от языческого обособления и замкнутости, признавала себя составною частью единого человечества, усвояла себе его истинные интересы, приобщалась его всемирно-исторической судьбе»¹⁰².

---

⁹⁶ Соловьев В.С. Россия и Вселенская Церковь // Соловьев В.С. О христианском единстве. С. 279.

⁹⁷ Соловьев В.С. Русская идея. Гл. V. С. 245.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Соловьев В.С. Национальный вопрос в России // Соловьев В.С. Сочинения: В 2-х т. Т. 1. М., 1989. С. 414.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² Там же.

При этом В.С. Соловьев являлся последовательным критиком позиций славянофилов и их последователей в их оценке исторической судьбы и предназначения России, которые, по его убеждению, абсолютно необоснованно боролись “против Петровской реформы, против западноевропейских начал — во имя древней, московской Руси”¹⁰³, как раз и породившей “клеймо рабского ига” и “черную неправду судов”, характерные черты русской действительности¹⁰⁴. Воспроизводя в своих работах известные “западнические” и русофобские мифы, В.С. Соловьев считал, что в силу определенных “исторических условий — разобщения с Европой, воздействия монголов и одностороннего влияния византизма”¹⁰⁵, в Допетровской Руси, сложился тот “духовный и жизненный строй, который никак нельзя назвать истинно христианским. Этот строй имел религиозную основу, но вся религия сводилась здесь исключительно к правоверию и обрядовому благочестию, которые ни на кого никаких нравственных обязанностей не налагали. Эта формальная религиозность могла случайно соединяться в том или другом лице с добродетелью и святостью, но столь же удобно мирилась и с крайним злодейством”¹⁰⁶. В отличие от Запада, по мнению В.С. Соловьева, “в московском государстве, как прежде в Византии, религиозные и нравственные начала были совсем исключены из области политических и социальных отношений. В этой области на место вселенского христианского идеала явились чисто языческие понятия и чувства”¹⁰⁷.

Борис Николаевич Чичерин как один из видных представителей и идеологов классического русского либерализма в различных своих работах (например, “Наука и религия”, “Курс государственной науки” и др.) также отводил достаточно большое место изучению религиозной проблематики, последовательно рассматривая религию как сложную социальную систему и феномен, включающую в себя в качестве базовых элементов: 1) религиозную веру; 2) религиозные чувства; 3) догматы религиозного вероучения; 4) обряды и таинства, имеющие сакральный характер и связанные с исполнением религиозного культа; 5) церкви, т.е. религиозные конфессии и организации.

По мнению Б.Н. Чичерина, религия представляет собой “наиболее могущественный фактор общественной жизни”¹⁰⁸, общее

---

¹⁰³ Соловьев В.С. Национальный вопрос в России. С. 433.

¹⁰⁴ См.: Там же.

¹⁰⁵ Там же. С. 417.

¹⁰⁶ Там же. С. 417.

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ См.: Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. Ч. II. Социология. М., 1896. С. 228.

свойство человеческого бытия, “необходимое явление в человеческой жизни”¹⁰⁹, отвечающее “коренным потребностям человеческой души”¹¹⁰ и скрепляющая в единый узел “все отдельные нити человеческого существования”¹¹¹.

“Религия, — писал Б.Н. Чичерин, — как общее явление человеческого духа есть стремление к живому общению с абсолютным. <...> Человек на всех ступенях своего развития, с тех пор как он сознает себя человеком, ищет Бога и возносит к нему свои молитвы. Это — всемирный факт, который указывает на искони присущую человеку потребность общения с Высшим Существом. Другой факт тот, что в религии человек находит удовлетворение. Он укрепляется нравственно, приобретает душевное спокойствие и утешение в скорбях. В своем стремлении к Богу человек не остается вечно голодным; он получает духовную пищу. Источником этого удовлетворения служит внутренняя уверенность, что невидимое Существо, к которому он обращается мысленно, слышит его молитвы и оказывает ему помощь. В этом состоит сущность веры”¹¹².

Поскольку религия “имеет самое сильное влияние на массы”¹¹³, в рамках социологии, по его разумению, она должна изучаться “не с точки зрения того или другого вероисповедания, а чисто объективно, с точки зрения науки, изучающей явления и объясняющей их значение в общественной жизни и их влияние на ход событий. Субъективно, каждый может исповедывать ту или другую веру по указаниям своего разума и своей совести; он может даже не исповедывать никакой, что, однако, не делает его более беспристрастным. Объективно, всякое вероисповедание изучается со стороны тех действий, которые оно производило или производит на общество”¹¹⁴.

Религиозная вера, не нуждающаяся в доказательстве, основана на “несокрушимой уверенности в присутствии Верховного Существа”¹¹⁵, она изначально присуща человеку и ее, безусловно, разделяют выдающиеся умы человечества: “Чем шире мирозерцание человека, чем глубже он вникает в основные начала бытия, тем сильнее пробуждается в нем религиозное стремление. Поэтому все великие философы, несмотря на односторонние точки зрения, на недостаточные системы, были глубоко религиозные люди”¹¹⁶.

---

¹⁰⁹ См.: Чичерин Б.Н. Наука и религия. М., 1999. С. 190.

¹¹⁰ См.: Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. Ч. II. Социология. С. 228.

¹¹¹ См.: Чичерин Б.Н. Наука и религия. С. 192.

¹¹² Там же. С. 189.

¹¹³ См.: Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. Ч. II. Социология. С. 228.

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ См.: Чичерин Б.Н. Наука и религия. С. 191.

¹¹⁶ Там же.

Источником любой религии, на взгляд Б.Н. Чичерина, “всегда и везде является присущее всякому человеку религиозное чувство”¹¹⁷, лежащее в основе “всякой душевной деятельности”¹¹⁸, но проявляющееся в данном случае в гораздо большей степени, ибо только это “внутреннее чувство дает нам уверенность в присутствии Божества, недоступного телесному взору. Разум сам по себе не идет далее отвлеченного знания; живое отношение требует веры”¹¹⁹.

“Религиозное чувство, — считал Б.Н. Чичерин, — по самой своей природе, есть чувство, проникнутое разумом”¹²⁰. Оно изначально присуще всем людям, вне зависимости от имеющегося у них уровня образования и проявляет себя “на всех ступенях одинаково; на низших ступенях оно может проявляться даже сильнее, нежели на высших, ибо оно менее заслоняется посторонним содержанием. Но умственное состояние у людей разное, а вследствие того различно и понимание Божества. Религия подлежит развитию не потому, что развивается чувство, а потому, что развивается разум. Бог открывается человеку по мере того, как человек способен его понимать”¹²¹. В силу чего “отсутствие религиозного чувства всегда является искажением человеческой природы”¹²², проистекающее “либо от состояния близкого к животному, либо от одностороннего развития частных сил и способностей, в ущерб внутреннему единству. На низших ступенях оно встречается при совершенном умственном и нравственном отупении; на высших же ступенях развития оно служит признаком того переходного состояния, когда первоначальное, естественное единство души уже потеряно, а новое, духовное единство еще не достигнуто”¹²³.

Как подчеркивал Б.Н. Чичерин, всякая религия представляет собой “известное мирозерцание, то есть известное понятие о Боге и об отношении его к миру”¹²⁴, что находит свое отображение в догматах религиозного вероучения. Однако догматы религиозного вероучения представляют, как считал Б.Н. Чичерин, лишь одну сторону религии и в отличие от философии “ими не исчерпывается ее существо”¹²⁵. Их цель состоит “не в одном познании Бога, а в установлении посредством познания живого отношения между

---

¹¹⁷ Чичерин Б.Н. Наука и религия. С. 192.

¹¹⁸ Там же.

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ Там же. С. 193.

¹²¹ Там же.

¹²² Там же.

¹²³ Там же.

¹²⁴ Там же.

¹²⁵ См.: Там же. С. 194.

человеком и Божеством. А так как человек есть существо не только разумное, но и чувственное, то это стремление должно проявляться и внешним, чувственным образом. Связь религии со всеми сторонами человеческого естества ведет к потребности внешнего поклонения. Религиозная мысль и религиозное чувство выражаются в телесных формах. Внешнее поклонение составляет, можно сказать, художественный элемент религии. Выражением мысли служит художественно обработанное слово, выражением чувства — телодвижения и музыкальные звуки¹²⁶.

Более сложную форму выражения религиозного чувства, чем простые телодвижения, по мнению Б.Н. Чичерина, являет собой религиозный обряд, способствующий консолидации, объединению и сплочению верующих¹²⁷. Религиозный обряд по своей сути есть “выражение религиозного содержания, вылившегося в типическую форму, которая передается от поколения к поколению. Он не только представляет полное, художественное изображение известной идеи, очищенной от всякой субъективной примеси, но он вместе с тем служит связью между отдаленными временами и народами”¹²⁸.

Религиозные обряды как “типическое изображение религиозной идеи, отвечающей существенной потребности души, и вместе с тем, устанавливающее связь лица с окружающим его религиозным миром”¹²⁹ не только способствуют сохранению наследия предков, “как воспоминания о давно прошедших веках”¹³⁰, но и часто представляют собой “символическое изображение событий религиозной жизни, действий самого Божества”¹³¹. И таким образом, в видимой форме они отображают то, что составляет основу религиозной веры. “Вследствие этого, — считал Б.Н. Чичерин, — каждый шаг получает здесь высшее религиозное значение; нарушение обрядов представляется святотатством. Наконец, обряды имеют и воспитательное значение. Они приучают человека подчиняться общему порядку и воздерживать свои личные влечения. Сюда относятся, например, посты, налагающие на верующих известные лишения во имя религиозной цели. Чем ниже развитие человека, тем важнее это воспитательное значение обрядов. В те времена, когда религия составляет единственное воспитательное учреждение человечества, религиозными обрядами определяются все мелочи жизни. Для массы, неспо-

---

¹²⁶ Чичерин Б.Н. Наука и религия. С. 194.

¹²⁷ См.: Там же. С. 196.

¹²⁸ Там же.

¹²⁹ Там же. С. 197.

¹³⁰ См.: Там же. С. 196.

¹³¹ См.: Там же.

собной понимать философский смысл догматов, они представляют живое изображение содержания веры”¹³².

Особую роль в религиозном культе, на взгляд Б.Н. Чичерина, играют священнодействия (таинства), проистекающие “из необходимости религиозной жизни”¹³³ и “потребности человеческой души”¹³⁴, благодаря которым “человек верит, что ему сообщается благодать Божия”¹³⁵. Самым главным священнодействием (таинством) является жертва¹³⁶, когда “религия не ограничивается уже чувством и разумом; она действует и на волю”¹³⁷, посредством чего она оказывает влияние и на нравственность. Воздействуя на разум, чувство и волю человека, религия тем самым оказывает самое сильное влияние на него, становясь для человека “верховным началом бытия, источником всей его жизни”¹³⁸, “связывающим и направляющим человеческую совесть”¹³⁹. По своей сути, она становится “высшей нравственной силою на земле”¹⁴⁰, обретает огромное значение для истории, “всего общественного быта”¹⁴¹ и оказывает сильное воздействие на народные массы. При этом, данное воздействие и влияние отнюдь “не ограничивается низшими слоями, непричастными образованию; оно охватывает и просвещенные классы; оно покоряет самые сильные умы”¹⁴².

В контексте размышлений о соотношении религии и нравственности Б.Н. Чичерин поэтапно переходил и к рассмотрению института церкви, который он выделял как одну из четырех форм союзов, в которых протекает человеческое общежитие наряду с кровным союзом (институтом семьи), гражданским обществом и государством. Отличительной характеристикой церкви является то, что она представляет собой союз религиозный, “союз людей, исповедующих одну веру”¹⁴³, главная цель которого “заключается в установлении отношений человека к Богу”¹⁴⁴. Именно в церкви “как носительнице нравственного начала”¹⁴⁵ “во имя общей веры, составляющей сре-

---

¹³² Чичерин Б.Н. Наука и религия. С. 196.

¹³³ Там же. С. 198.

¹³⁴ Там же.

¹³⁵ Там же.

¹³⁶ См.: Там же. С. 199.

¹³⁷ Там же. С. 200.

¹³⁸ См.: Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. Ч. II. Социология. С. 231.

¹³⁹ См.: Там же.

¹⁴⁰ См.: Там же.

¹⁴¹ См.: Там же.

¹⁴² См.: Там же. С. 228.

¹⁴³ Чичерин Б.Н. Общее государственное право. М., 2006. С. 279.

¹⁴⁴ Там же. С. 94.

¹⁴⁵ Чичерин Б.Н. Наука и религия. С. 230.

дотоchie всей их нравственной жизни, люди соединяются для общего поклонения Божеству и для взаимного поддержания в правилах нравственности”¹⁴⁶.

“Принадлежность человека к известной церкви, — подчеркивал Б.Н. Чичерин, — основана на вере, то есть на чувстве, соединенном с твердым убеждением в истине учения. И чувство и убеждение проистекают из внутреннего человека. Ни совесть, ни разум не подлежат принуждению. Внутренняя свобода составляет самое основание природы человека как разумно-нравственного существа. На ней основана всякая ответственность; ею он возвышается над животными. Внешними своими действиями человек состоит в отношении к другим людям, является членом юридических, следовательно принудительных союзов, подчиняется внешним законам; но внутренняя его сущность остается неприкосновенной: это область, собственно ему принадлежащая и не подлежащая никаким внешним определениям. Поэтому посягательство на внутреннюю свободу человека составляет отрицание коренного источника всякой нравственности, а вместе нарушение первого и священнейшего из человеческих прав”¹⁴⁷.

Б.Н. Чичерин выделяет две формы исповедания веры: “...свободу внутреннего исповедания веры, или собственно свободу совести и свободу внешнего исповедания, которая, в отличие от первой, называется свободой вероисповедания”¹⁴⁸ и имеет публичный характер.

“Свобода совести, — считал Б.Н. Чичерин, — состоит в праве человека исповедовать лично ту веру, которая предписывается ему его чувством и совестью. Отсюда следует: 1) право не быть принуждаемым к исповеданию иной веры; 2) право не быть наказанным за исповедание какой бы то ни было веры: этому противоречит наказание еретиков; 3) право свободного перехода из одной веры в другую: нарушение этого права есть отрицание свободы совести; 4) право не быть принуждаемым к исполнению обрядов своей церкви. Взыскание за неисполнение этой обязанности есть дело церковной власти, а не государственной”¹⁴⁹.

На взгляд Б.Н. Чичерина, свобода совести является одной из базовых мировых ценностей и лучшей гарантией от различного рода злоупотреблений со стороны церковных властей, ибо, как и все социальные институты, “церковь управляется людьми, а потому

---

¹⁴⁶ Чичерин Б.Н. Общее государственное право. С. 94.

¹⁴⁷ Там же. С. 279–280.

¹⁴⁸ Там же. С. 280.

¹⁴⁹ Там же. С. 281.

злоупотребления здесь неизбежны”¹⁵⁰. Нарушение свободы совести является одним из самых вредоносных действий для нормального развития общества, государства и церкви, направленным на полномасштабное подчинение и тотальный контроль над человеком. В то же время, оно становится возможным лишь в результате совместной деятельности выходящих за рамки своего предназначения церковных и государственных властей, ибо только государственная власть обладает “силой внешнего принуждения”¹⁵¹. По мнению же мыслителя, в идеале церковь и государство должны быть общественными союзами друг от друга независимыми.

В свою очередь свобода вероисповедания состоит, во-первых, в праве людей “соединяться для богослужения и церковных обрядов”¹⁵², во-вторых, в праве “проповедовать свою веру”¹⁵³. Поскольку свобода вероисповедания носит публичный характер, обусловлена установленной той или иной моделью государственно-конфессиональных отношений, на практике она в большей степени, чем свобода совести может подлежать различного рода ограничениям¹⁵⁴.

Церковь как особый тип религиозных организаций рассматривается Б.Н. Чичериным в двух аспектах: как религиозный союз (“божественное установление, стоящее выше человеческого произвола”¹⁵⁵) и юридическое лицо (корпорацию)¹⁵⁶ — “простое товарищество верующих”¹⁵⁷. Как религиозный союз церковь зиждется исключительно на нравственных, личных, субъективных началах, в силу чего подчинение церкви обусловлено совестью человека, а церковная власть не имеет принудительной силы¹⁵⁸. В то же время, “церковь как внешний общественный союз, существующий в государстве, получает и юридическое устройство, а с тем вместе становится в юридические отношения к государству. Как единый, цельный союз, она образует нравственное лицо, или корпорацию, которая получает известное место в ряду других. Для своего существования она нуждается в материальных средствах и в качестве нравственного лица становится субъектом гражданских прав и обязанностей”¹⁵⁹.

---

¹⁵⁰ Чичерин Б.Н. Наука и религия. С. 230.

¹⁵¹ См.: Чичерин Б.Н. Общее государственное право. С. 280.

¹⁵² Там же. С. 284.

¹⁵³ Там же.

¹⁵⁴ См.: Там же.

¹⁵⁵ Чичерин Б.Н. Наука и религия. С. 237.

¹⁵⁶ См.: Чичерин Б.Н. Общее государственное право. С. 279–280.

¹⁵⁷ Чичерин Б.Н. Наука и религия. С. 237.

¹⁵⁸ См.: Чичерин Б.Н. Общее государственное право. С. 280.

¹⁵⁹ Там же. С. 95.

Структура церковного устройства включает в себя, по мнению мыслителя, те же самые элементы, что и государство, т.е. монархический, аристократический, демократический элементы, а также смешанную форму их существования. Монархический элемент церковной структуры олицетворяет собой первосвященник; аристократический — духовенство, выполняющее функцию посредников “в общении между Богом и человеком”¹⁶⁰, и в силу этого занимающее “привилегированное положение в церковном союзе”; демократический элемент — миряне. При этом духовенству, как и аристократии в политике, традиционно отводится главная роль в функционировании церковного института, а также в разработке (как правило, на церковных соборах), сохранении религиозных догм, основ вероучений и церковных уставов.

Смешанную форму, на его взгляд, олицетворяет собой монашество, “которое стоит посредине между священством и мирянами, не имея принадлежащей первому власти и выделяясь из мирян особым образом жизни, всецело посвященным Богу”¹⁶¹, хотя с этим утверждением Б.Н. Чичерина можно не согласиться и поспорить.

От сравнения структуры церковного и государственного союза Б.Н. Чичерин поэтапно переходит к анализу существующих систем (моделей) государственно-конфессиональных отношений. Он выделял четыре системы такого рода, определяющие положение церкви в государстве:

1) “теократию, или подчинение государства церкви”¹⁶², представляющую собой одну из самых древних, но в то же время несостоятельных форм государственно-конфессиональных отношений, при которых церковь, вторгаясь в компетенцию государства, стремится властвовать в публичной и политической сферах деятельности¹⁶³. Такая форма государственно-конфессиональных отношений “противоречит как государственным, так и религиозным началам, ибо она делает религию принудительною вопреки истинной ее природе”¹⁶⁴;

2) господствующую церковь, исторически неотделимую от жизни народа и государства, нравственную опору государства, в силу чего занимающую привилегированное положение по сравнению с другими религиозными организациями в государстве. Положение

---

¹⁶⁰ Чичерин Б.Н. Наука и религия. С. 236.

¹⁶¹ Там же.

¹⁶² Чичерин Б.Н. Общее государственное право. С. 305.

¹⁶³ См.: Там же. С. 129.

¹⁶⁴ См.: Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. Ч. III. Политика. М., 1898. С. 452.

господствующей церкви характеризует то, что государство оказывает подобной церкви свое полное и преимущественное покровительство, по сравнению с другими религиозными организациями, которые могут быть или признанными, или терпимыми, или не терпимыми¹⁶⁵;

3) признанные церкви, когда различные религиозные организации как юридические лица (корпорации) пользуются “одинаковым покровительством и пособиями со стороны государства”¹⁶⁶ и могут функционировать, обладая такого рода статусом, наряду с господствующей церковью, но при этом они не так связаны с государством, как господствующая церковь, и не обладают привилегированным положением;

4) церкви терпимые, когда религиозные организации, не обладая статусом господствующей или признанной церкви, а соответственно и поддержкой государства, существуют как частный союз или юридическое лицо, подчиняясь действующему законодательству о “собраниях и товариществах”¹⁶⁷.

Отдельно Б.Н. Чичерин упоминал о положении нетерпимых церквей, отмечая, что “свобода вероисповедания ограничивается требованиями нравственности и государственного порядка. Государство не обязано терпеть сект безнравственных или отрицающих государственную власть”¹⁶⁸, а также совершающих преступные деяния. В отношении них государство “вправе не только наказывать вытекающие из вероисповедания преступные действия, но и принимать против этих сект предупредительные меры. В крайнем случае, оно может удалять их из среды других, ограничивая их место жительства и занятия”¹⁶⁹. В то же время, по его мнению, “за этими исключениями, всякое вероисповедание должно быть терпимо, в силу свободы совести”¹⁷⁰.

Весьма оригинальной является также предложенная Б.Н. Чичериным концепция общественно-исторического и духовного, религиозного развития человечества. На взгляд Б.Н. Чичерина, история развития человеческой цивилизации характеризуется движением “от первоначального единства, через раздвоение, к единству конечному”¹⁷¹, сопряженному со сменой синтетических и аналити-

---

¹⁶⁵ См.: Чичерин Б.Н. Общее государственное право. С. 306.

¹⁶⁶ Там же. С. 307.

¹⁶⁷ См.: Там же. С. 308.

¹⁶⁸ Там же.

¹⁶⁹ Там же. С. 282.

¹⁷⁰ Там же. С. 308.

¹⁷¹ Чичерин Б.Н. Наука и религия. С. 449.

ческих периодов, с различного рода степенью влияния религии на жизнедеятельность человеческих обществ. Синтетические периоды характеризует господство религиозного мировоззрения и институтов в сфере человеческой жизнедеятельности и в быту; аналитические — преобладание светских общественных начал и институтов.

Первый синтетический период в развитии человеческих обществ (период первоначального единства) сопряжен, с одной стороны, с господством мифологического и религиозного сознания, религиозных систем и институтов, с другой стороны, с теократической моделью государственно-конфессиональных отношений. В этот период можно наблюдать, по мнению Б.Н. Чичерина, эволюционное развитие натуралистических религиозных систем в их динамичном движении от первобытных религий (фетишизма, натурализма (поклонение силам природы), анимизма и сабеизма (поклонение небесным светилам)) к религиям философским, которые Б.Н. Чичерин подразделял на религии туранской группы (поклонение Небу как Верховному разуму), семитические религии (поклонение Богу силы), религии юго-восточных (поклонение Богу-Духу) и европейских (поклонение индивидуальным божествам) ариев¹⁷².

Первый аналитический период (период развития древнегреческой философии) сопряжен в свою очередь с развитием науки, философского, критического мышления, искусства, права, государственных и социальных начал и институтов. Развитие науки и философии шло от господства первобытного универсализма к реализму, а затем — к рационализму¹⁷³, однако, разобщенность этих институтов и начал, как считал Б.Н. Чичерин, обусловила переход к новому синтетическому периоду в развитии человеческих обществ (периоду раздвоения — эпоха Средневековья), в котором ведущая роль принадлежала христианству, а значит — религиозным началам и институтам. Результатом первого аналитического периода стал “новый синтез, с господством религии в области мысли и с противоположением церкви гражданскому порядку в общественном строе”¹⁷⁴.

Для развития христианства во второй синтетический период характерно развитие церковного института, переход от единой вселенской соборной церкви к разделу церквей на западную и восточную, а также возникновение протестантизма. При этом по ходу данного развития “между церковною властью и светскими элементами началась борьба, которая кончилась победой последних. Церковь по-

---

¹⁷² См.: Чичерин Б.Н. Наука и религия. С. 449.

¹⁷³ См.: Там же. С. 450.

¹⁷⁴ Там же.

теряла свое первенствующее положение в мире; она перестала быть руководительницей человеческих обществ в историческом их движении. Все светские элементы, наука, искусство, право, государство, снова обрели свою независимость и стали развиваться чисто изнутри себя, на основании собственных начал, помимо всяких указаний религии. Начался новый период чисто светского развития, составляющий характеристическую черту новой истории”¹⁷⁵. Во второй аналитический период свое развитие получила новая философия, начинающая обратное движение от рационализма к рационализму, а затем — “через реализм, к универсализму”¹⁷⁶.

Последующие рассуждения Б.Н. Чичерина о будущем религии в современном ему мире обусловлены его критикой позитивизма, социализма и нигилизма. Не соглашаясь с тезисом позитивистов о том, что “религия служит только признаком состояния младенческого ума”¹⁷⁷ и должна уступить свое место науке¹⁷⁸, Б.Н. Чичерин как принципиальный противник позитивизма отмечает несостоятельность подобного рода высказываний, имеющих претензию опираться исключительно на факты, но неверно и заидеологизированно истолковывающих эти факты. По мнению ученого, “как скоро в массах расшатываются религиозные верования, так в них исчезают и всякие нравственные устои. Социал-демократия провозглашает атеизм основой своего мирозерцания, но именно поэтому она представляет полное извращение всех нравственных начал: под именем любви она проповедует зависть и ненависть; она возбуждает вражду классов и стремится к разрушению всего общественного строя. И те, которые против нее борются на чисто светской почве, тщетно ищут опоры в гражданской нравственности помимо религии. Сухая нравственная проповедь, лишенная своих метафизических основ, не удовлетворяет разума и не в состоянии направить совесть. Она годна для прописей, но не может воспитывать граждан. Отсюда нравственное бесплодие современной французской светской школы”¹⁷⁹.

Следует также отметить, что Б.Н. Чичерин, являясь учеником Т.Н. Грановского, в своих воззрениях и трудах выступал как последовательный сторонник “западничества”, отмечая имеющееся, на его взгляд, отставание России от Запада в развитии тех или иных институтов и социальных практик. Он положительно оценивал

---

¹⁷⁵ Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. Ч. II. Социология. С. 236.

¹⁷⁶ Чичерин Б.Н. Наука и религия. С. 451.

¹⁷⁷ Там же. С. 189.

¹⁷⁸ См.: Там же. С. 190.

¹⁷⁹ Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. Ч. II. Социология. С. 232.

реформы Петра I “который выдвинул Россию в ряды европейских народов. Его царствование составляет величайшую эпоху не только государственного, но и общественного развития русского народа”¹⁸⁰.

В то же время, радуя за необходимость отделения церкви от государства, т.е. за светский характер государства, критикуя конфессиональную политику государства и имеющиеся в России ограничения вероисповедной свободы в отношении сект и некоторых религиозных организаций¹⁸¹, Б.Н. Чичерин являлся верующим православным христианином и не агитировал, как другие “западники” за объединение христианских церквей по власти Папы Римского. Такого рода объединение не нужно ни Православной Церкви, ни Римско-Католической, имеющей свои “свои исторические судьбы и свое земное призвание”¹⁸². По его мнению, для Православной Церкви “примкнуть к католицизму значит отречься от своего тысячелетнего прошлого, подчиниться совершенно чуждой ему власти, наконец, признать своими все исторические злодеяния, совершенные католицизмом. Непонятно притом зачем нужно объединение, не только догматическое, но и административное, в союзе, основанном не для мирских, а для нравственно-религиозных целей. Исповедуя начало внутреннего единства, восточные церкви хранят общение веры и любви; относительно же административного устройства каждая страна может сообразоваться с своими внутренними потребностями и своими историческими судьбами. Отсутствие внешнего единства может иметь некоторые невыгоды: рассеянные церкви менее способны отстаивать свою независимость против светских правительств. Но лекарства от этого зла следует искать не в подчинении внешней церковной власти, а в признании начала свободы, которое одно может обеспечить церкви надлежащую самостоятельность”¹⁸³.

Объединение христианских церквей может осуществиться не в “области земных стремлений, а в невидимом духовном мире, обнимающем живых и умерших, где главою является не земной владыка, венчаный папскою тиарой, а Христос, сошедший на землю для спасения рода человеческого. Только эта невидимая церковь, обнимающая небо и землю, представляет всю полноту нравственного мира, как он выразился в христианском мирозерцании”¹⁸⁴.

---

¹⁸⁰ Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. Ч. III. Политика. С. 470.

¹⁸¹ См.: Чичерин Б.Н. Общее государственное право. С. 294.

¹⁸² Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. Ч. II. Социология. С. 251.

¹⁸³ Там же.

¹⁸⁴ Там же. С. 252.

Подводя итог обзору воззрений Б.Н. Чичерина на религиозную проблематику, следует отметить, что, к сожалению, до настоящего времени, богатое творческое наследие мыслителя, как и при его жизни, осталось фактически малоизученным и невостребованным в рамках современной российской социологии религии, что возможно частично обусловлено позицией Б.Н. Чичерина относительно места социологии в системе социально-гуманитарных наук (он придерживался той точки зрения, что социология представляет собой составную часть государственной науки). Тем не менее, данную ситуацию следует однозначно исправлять, чему частично и посвящена данная работа.

Петр Бернгардович Струве, известный российский общественно-политический деятель, публицист и ученый, эволюционировавший в своих воззрениях от легального марксизма в сторону умеренного направления русского либерализма, в ряде своих работ также затрагивал религиозную проблематику. П.Б. Струве определял религию как “признание и переживание трансцендентных ценностей”¹⁸⁵, “которые выходят за пределы личного или социального существования, т.е. жизни в эмпирическом смысле этого слова”¹⁸⁶.

Специфической чертой религии, по его мнению, является то, что “в религии человек выходит из сферы ограниченного, личного существования и приобщается к более широкому, сверхиндивидуальному бытию”¹⁸⁷. В то же время, в своей статье из сборника “Вехи”, “Интеллигенция и революция” он подчеркивал: “После христианства, которое учит не только подчинению, но и любви к Богу, основным неотъемлемым элементом всякой религии должна быть, не может не быть вера в спасительную силу и решающее значение личного творчества, или, вернее, личного подвига, осуществляемого в согласии с волей Божией. <...> Не может быть религии без идеи Бога и не может быть ее без идеи личного подвига”¹⁸⁸.

На взгляд П.Б. Струве, “религия не может быть увлечением чем бы то ни было, безразлично чем. Религия неразрывна с идеей Божества и содержанием ее является отношение человека к сверхприродному, миродержавному существу. Но этого мало для современного человека. Божество, или та идея, которая заменяет Божество,

---

¹⁸⁵ Струве П.Б. Религия и социализм // Струве П.Б. Patriotica: политика, культура, религия, социализм. М., 1997. С. 325.

¹⁸⁶ Там же.

¹⁸⁷ Струве П.Б. Отрывки о государстве // Струве П.Б. Patriotica: политика, культура, религия, социализм. С. 68.

¹⁸⁸ Струве П.Б. Интеллигенция и революция // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1909. С. 161–162.

вызывает к себе любовь, центром религии становится свободное и деятельное служение Божеству, основанное на чувстве личной ответственности, на убеждении, что осуществление мною Блага, как бы оно не мыслилось, зависит только от меня”¹⁸⁹.

Как считал П.Б. Струве, для верующего человека религия должна быть руководящим началом, проникающим и освящающим весь процесс его жизнедеятельности¹⁹⁰. В том виде, в котором религия “приемлема для современного человека”¹⁹¹, она «учит, что добро в человеке всецело зависит от его свободного подчинения высшему началу. Основная философия всякой религии, утверждаемой не на страхе, а на любви и благоговении — есть “Царство Божие внутри вас есть”. Для религиозного мирозерцания не может поэтому быть ничего более дорогого и важного, чем личное самоусовершенствование человека»¹⁹².

В своих размышлениях о религиозной ситуации в современном мире П.Б. Струве говорил о духовном и религиозном кризисе современного мира, отмечая “трагическое положение религии в современности”¹⁹³. “Это положение, — считал П.Б. Струве, — характеризуется тем, что современная прогрессивная общественность, в лице ее действительных носителей на Западе, враждебна религии, а консервативные силы общественности в значительной мере, сознательно или бессознательно, склонны рассматривать религию как служебное орудие для политики”¹⁹⁴.

П.Б. Струве являлся противником позитивизма и социализма, критикуя позитивистов за пошедшее еще от К. Сен-Симона стремление заменить “верования” церкви научными учениями, “религию по содержанию слить с наукой, сохранив для науки лишь старую, психологически могущественную форму религии”¹⁹⁵. Анализируя материалистические, атеистические и нигилистические воззрения социалистов, он подчеркивал, что “отталкивание современного социализма от религии, и в частности от христианства, не случайно, не основано на недоразумении — в нем сказывается расхождение основных принципов. Христианское сознание не может ставить классовую борьбу на то место, которое ей не только фактически, но

---

¹⁸⁹ Струве П.Б. Лев Толстой // Струве П.Б. *Patriotica*: политика, культура, религия, социализм. С. 299.

¹⁹⁰ См.: Струве П.Б. Религия и общественность. Ответ З.Н. Гиппиус // Струве П.Б. *Patriotica*: политика, культура, религия, социализм. С. 401.

¹⁹¹ Струве П.Б. Интеллигенция и революция. С. 162.

¹⁹² Там же.

¹⁹³ Струве П.Б. Религия и общественность. Ответ З.Н. Гиппиус. С. 402.

¹⁹⁴ Там же. С. 402.

¹⁹⁵ Струве П.Б. Религия и социализм. С. 328.

и идейно принадлежит в современном социальном движении. Тот, кто хочет христианизировать современное социальное движение, носителем которого являются рабочие, должен вынуть из этого движения или, по крайней мере, религиозно обуздать его нехристианскую душу, идею классовой борьбы»¹⁹⁶.

Вместе с тем, как и другие идеологи либерализма, П.Б. Струве подвергал жесточайшей критике позиции представителей консервативного лагеря русской социально-политической и религиозной мысли, позиционируя себя как принципиального “западника” и противника официальной имперской идеологии, славянофильства и консерватизма, с их “мессианской” идеей и верой в особое и универсальное предназначение России, богоизбранность и праведность русского народа¹⁹⁷. К его величайшему сожалению, по ходу развития русской социальной и историко-философской мысли в ней сложилась «традиция противопоставлять Россию остальному культурному миру, традиция особого исторического “призвания” России, ее особой “учительской” миссии»¹⁹⁸. В основе же этой традиции лежала историко-философская и религиозная идея славянофильства и Ф.М. Достоевского, декларирующая “особое призвание России”, то, что “Россия, русский народ как-то своим духовным бытием и творчеством напомним миру и утвердит высшую правду христианства”¹⁹⁹.

П.Б. Струве, не соглашаясь с такого рода пониманием исторической миссии России и русского народа, тем не менее констатировал, что данная традиция имеет в своей основе “известное религиозное содержание и религиозный пафос”²⁰⁰, воплощенные, во-первых, в “идею нации как соборной индивидуальности, в которую погружена, из которой питается человеческая личность как нечто от этой силы не механически, не в порядке приказа зависимое, а органически, любовно-покорно ей подчиняющееся”²⁰¹; во-вторых, в “идею благодати, идею индивидуального и коллективного Божия призвания”²⁰².

В ходе полемики со своими оппонентами из консервативного лагеря он утверждал, что Россия, безусловно отставая в своем раз-

¹⁹⁶ Струве П.Б. Религия и общественность. Ответ З.Н. Гиппиус. С. 402.

¹⁹⁷ См., например: Струве П.Б. *Patriotica*: политика, культура, религия, социализм. С. 74, 261–264, 409.

¹⁹⁸ Струве П.Б. Россия // Струве П.Б. *Patriotica*: политика, культура, религия, социализм. С. 409.

¹⁹⁹ Там же.

²⁰⁰ Там же.

²⁰¹ Там же.

²⁰² Там же.

витии от стран Запада, переживала в XX в. не только острый социально-экономический и политический кризис, но и кризис духовный, нравственный, религиозный²⁰³. На его взгляд, “в России была религия и религиозность, но в ежедневную жизнь как дисциплинирующее начало религия не проникала. Это очевидный и едва ли не самый многозначительный факт русской истории. Один из самых замечательных мыслителей конца XVIII и начала XIX века Жозеф де Мэстр, который прожил много лет в России, чрезвычайно тонко уловил эту черту русского развития, хотя характер русской религиозности остался ему непонятен”²⁰⁴.

При осмыслении причин и последствий революционных событий в России он констатировал тот факт, что “дух русской революции занесен с Запада, что он плод максималистического усвоения русской интеллигенцией передовых идей западных народов”²⁰⁵, которые “просочились в народ и произвели тот политический и социальный взрыв, который мы пережили”²⁰⁶.

П.Б. Струве критиковал существующую в России модель государственно-конфессиональных отношений, а также деятельность государства и Русской Православной Церкви, отмечая имеющиеся, на его взгляд, в России проявления клерикализма, отнюдь не присущие представителям либерального лагеря. При этом под клерикализмом П.Б. Струве понимал политическое направление, уделяющее церковной организации “определяющее влияние на политическую жизнь” общества²⁰⁷. “Русский клерикализм, — писал П.Б. Струве, — там, где борются против свободы совести и против преобразования в ее духе нашего законодательства. Таким образом, не только кадетам, но даже лучшим и настоящим октябристам нельзя поставить на счет какого-либо клерикализма”²⁰⁸.

При анализе причин религиозного и духовного кризиса современности П.Б. Струве подчеркивал, что в то же время «значение религиозного фактора в развитии человечества, и в частности в создании современной культуры, есть в известном смысле “исторический факт”, совершенно независимый от того, каково наше субъективное отношение к религии. Поэтому вопрос о религиозном оскудении человечества или тех или других частей его есть вопрос их куль-

---

²⁰³ См.: *Струве П.Б.* Россия. С. 419.

²⁰⁴ Там же. С. 417.

²⁰⁵ Там же. С. 420.

²⁰⁶ Там же. С. 419.

²⁰⁷ *Струве П.Б.* На разные темы // *Струве П.Б.* *Patriotica: политика, культура, религия, социализм.* С. 257.

²⁰⁸ Там же.

турных судеб»²⁰⁹. И хотя, по его мнению, религия «в данную эпоху развития человечества стала в буквальном и точном смысле слова делом аристократическим, доступным немногим “лучшим”»²¹⁰, тем не менее он был преисполнен оптимизма по поводу будущего развития человечества.

Как отмечал П.Б. Струве, в скором будущем, “на смену современному религиозному кризису идет новое подлинно религиозное мирозерцание, в котором воскреснут старые мотивы религиозного, выросшего из христианства, либерализма — идея личного подвига и личной ответственности, осложненные новым мотивом, мотивом свободы лица, понимаемой как творческая автономия. В старом религиозном либерализме недаром были так сильны идеи божественного предопределения и божественной благодати. Всю силу творческой воли этот либерализм сосредоточил в Боге. Современное религиозное сознание с таким пониманием Бога и человека и их взаимоотношения мириться не может. Человек как носитель в космосе личного творческого подвига — вот та центральная идея, которая мирно или бурно, медленно или быстро захватит человечество, захватит его религиозно и волеет в омертвевшую личную и общественную жизнь новые силы. Такова моя вера”²¹¹.

Таким образом, подводя определенный итог анализу воззрений представителей либерального лагеря русской социально-политической мысли имперского периода отечественной истории, можно констатировать, что сущность религиозной проблематики осмыслялась представителями данного направления, прежде всего, с позиций западничества. Оно было сопряжено с критикой официальной имперской идеологии, славянофильства и консерватизма, позиций представителей социалистического лагеря, а также в целом негативной оценкой социально-политической, экономической и религиозной ситуации в России, государственно-конфессиональных отношений в Российской Империи и деятельности Русской Православной Церкви. В свою очередь РПЦ воспринималась либералами как опора правящего режима и реакционный институт, препятствующий либеральным преобразованиям в том числе в данной сфере (отделению Церкви от государства, представлению религиозным меньшинствам равных прав наряду с традиционными религиозными конфессиями и т.д.). В силу всего вышеперечисленного позиция этих мыслителей была в значительной степени политически

---

²⁰⁹ Струве П.Б. Религия и социализм. С. 333.

²¹⁰ Струве П.Б. *Facies Hippocratica*. К характеристике кризиса в современном социализме // Струве П.Б. *Patriotica*: политика, культура, религия, социализм. С. 315.

²¹¹ Струве П.Б. Религия и социализм. С. 333–334.

ангажирована и не всегда беспристрастна. Степень же остроты и конструктивности подобного рода критики в значительной степени зависела от принадлежности автора к радикальному или классическому направлениям русского либерализма.

В то же время следует отметить, что в иных аспектах исследования религии среди представителей данного либерального лагеря в целом отсутствует единый подход к ее осмыслению и наблюдается своеобразный эклектизм мнений и позиций. Представителей радикального направления русского либерализма, в целом, характеризует “светский”, позитивистский подход к ее осмыслению. Для представителей умеренного направления русского либерализма (В.С. Соловьева, Б.Н. Чичерина, П.Б. Струве), являвшихся верующими людьми, характерен более взвешенный и конструктивный, христианский подход к ее осмыслению, а также разработка собственных оригинальных и неповторимых концепций по религиозной проблематике.

Продолжение следует

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1909.
- Елишев С.О. Молодежная политика религиозных сект и новообразований в Российской Федерации // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2013. № 4. С. 104–118.
- Елишев С.О. О сущности “современных революций” и государственных переворотов. М., 2017.
- Елишев С.О. Политика. Базовые понятия. М., 2018.
- Кареев Н.И. Введение в изучение социологии. СПб., 1897.
- Кареев Н.И. Общие основы социологии. М., 2010.
- Ковалевский М.М. Очерк происхождения и развития семьи и собственности. М., 1939.
- Ковалевский М.М. Моя жизнь: воспоминания. М., 2005.
- Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры: В 3-х т. М., 1993–1995.
- Партия демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. 1906–1916 гг. Документы и материалы. М., 2002.
- Русская мысль. 1908. № 5.
- Смирнов М.Ю. Очерк истории российской социологии религии: Уч. пособ. СПб., 2008.
- Соловьев В.С. О христианском единстве. Брюссель, 1967.
- Соловьев В.С. Сочинения: В 2-х т. М., 1989.
- Соловьев В.С. Сочинения: В 2-х т. Т. 2. М., 1992.
- Струве П.Б. Patriotica: политика, культура, религия, социализм. М., 1997.
- Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. Ч. II. Социология. М., 1896.
- Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. Ч. III. Политика. М., 1898.
- Чичерин Б.Н. Наука и религия. М., 1999.
- Чичерин Б.Н. Общее государственное право. М., 2006.

REFERENCES

- Chicherin B.N.* Kurs gosudarstvennoj nauki. Ch. II. Sociologiya. [Course of state science. Part II. Sociology]. M., 1896 (in Russian).
- Chicherin B.N.* Kurs gosudarstvennoj nauki. Ch. III. Politika. [Course of state science. Part III. Politics]. M., 1898 (in Russian).
- Chicherin B.N.* Nauka i religiya [Science and religion]. M., 1999 (in Russian).
- Chicherin B.N.* Obshchee gosudarstvennoe parvo [General state law]. M., 2006 (in Russian).
- Elishev S.O.* Molodezhnaya politika religioznych sekt i novoobrazovanij v rossijskoj Federacii [Youth policy of religious sects and neoplasms in the Russian Federation] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2013. N 4. S. 104–118 (in Russian).
- Elishev S.O.* O sushchnosti “sovremennyh revolyucij” i gosudarstvennyh perevorotov [On the essence of “modern revolutions” and state coups]. M., 2017 (in Russian).
- Elishev S.O.* Politika. Bazovye ponyatiya [Politics. Basic concepts]. M., 2018 (in Russian).
- Kareev N.I.* Vvedenie v izuchenie sociologii [Introduction to the study of sociology]. SPb., 1897 (in Russian).
- Kareev N.I.* Obshchie osnovy sociologii [General foundations of sociology]. M., 2010 (in Russian).
- Kovalevskij M.M.* Oчерк proiskhozhdeniya i razvitiya sem'i i sobstvennosti [Essay on the origin and development of the family and property]. M., 1939 (in Russian).
- Kovalevskij M.M.* Moya zhizn': vospominaniya [My life: memories]. M., 2005 (in Russian).
- Milyukov P.N.* Oчерki po istorii russkoj kul'tury: V 3-h t. [Essays on the history of Russian culture: In 3 vols]. M., 1993–1995 (in Russian).
- Partiya demokraticheskikh reform, mirnogo obnovleniya, progressistov. 1906–1916 gg. Dokumenty i materialy [Party of Democratic Reforms, Peaceful Renewal, Progressives. 1906–1916 Documents and materials]. M., 2002 (in Russian).
- Russkaya mysl' [Russian thought]. 1908. N 5 (in Russian).
- Smirnov M.Yu.* Oчерk istorii rossijskoj sociologii religii: uchebnoe posobie [Essay on the history of Russian sociology of religion: Uch. allowance]. SPb., 2008 (in Russian).
- Solov'ev V.S.* O hristianskom edinstve [On Christian Unity]. Bryussel', 1967 (in Russian).
- Solov'ev V.S.* Sochineniya: V 2-h t. [Works: In 2 vols]. M., 1989 (in Russian).
- Solov'ev V.S.* Sochineniya: V 2 t. T. 2. [Works: In 2 vols. T. 2]. M., 1992 (in Russian).
- Struve P.B.* Patriotica: politika, kul'tura, religiya, socialism [Patriotica: politics, culture, religion, socialism]. M., 1997 (in Russian).
- Vekhi. Sbornik statej o russkoj intelligencii [Milestones. Collection of articles about the Russian intelligentsia]. M., 1909 (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2022-28-1-69-87

РАЗВИТИЕ СОЦИОЛОГИИ РЕЛИГИИ В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ: 1960–1980-е гг.

М.В. Кильдеев, канд. социол. наук, социолог аналитического отдела Республиканского центра молодежных, инновационных и профилактических программ, ул. Адоратского, д. 36, г. Казань, Российская Федерация, 420137*

В статье рассматриваются внешние факторы развития региональной социологии религии на материале позднесоветского Среднего Поволжья. Процесс развития дисциплины изучается в первую очередь под углом зрения взаимодействия власти и различных групп научного сообщества. Данный подход является преобладающим при изучении возрождения социологии в СССР. Главной проблемой остается слабая историография проблемы на региональном уровне. Исследование основано на социологических данных, документах, обнаруженных автором в исторических и ведомственных архивах, на работах отечественных и зарубежных исследователей, авторском экспертном интервью. Точка зрения автора состоит в том, что в первую очередь на развитие региональной социологии религии оказал влияние государственно-партийный заказ, созданный необходимостью социологического обеспечения атеистических кампаний. Существовал также значительный общественный запрос на услуги социологии религии. Обратной стороной увлечения КПСС социологией стал идеологический диктат над научной деятельностью. Идеологические и корпоративные интересы различных групп, занимавшихся идеологическим обслуживанием партийной политики, препятствовали институционализации в регионе как социологической науки в целом, так и социологии религии как ее частной дисциплины. В статье описаны различные барьеры на пути институционализации региональной социологической науки на союзном, областном и даже на внутривузовском уровнях. Политические флуктуации негативно сказались на развитии дисциплины. С начала 1970-х гг. в большинстве республик и областей Среднего Поволжья социология религии переживает стагнационный период.

Ключевые слова: региональная социология, социология религии, научная институционализация, партийно-государственный заказ, “социальный заказ”.

---

* Кильдеев Мансур Вилевич, e-mail: makhmud_e@rambler.ru

THE DEVELOPMENT OF THE SOCIOLOGY OF RELIGION IN THE MIDDLE VOLGA REGION: 1960–1980s

Kildejev Mansour V., Candidate of Sociology, Sociologist of Analytical Department, Republican Center for Youth, Innovative and Preventive Programs, Adoratskogo str., 36, Kazan, Russian Federation, 420137, e-mail: makhmud_e@rambler.ru

The text is a part of the project for the historical reconstruction of the Soviet regional sociology of religion in the late Soviet Middle Volga region. The process of the development of the discipline is studied primarily from the point of view of the interaction of the state-party apparatus and various groups of the scientific community. This approach is dominant in the study of the revival of sociology in the USSR. The weak side of the issue is its historiography that remains the problem at the regional level. The research is based mainly on the set of sociological data, on documents discovered by the author in historical archives, on the works of domestic and foreign researchers, and author's expert interview. The author's point of view is that, first of all, the development of the regional sociology of religion was influenced by the state-party order created by the need for scientific support of the Soviet atheistic campaigns. There was also a significant public demand for the services of the sociology of religion. The flip side of the CPSU's enthusiasm for sociology turned out to be ideological diktat over scientific activity. The ideological and corporate interests of various groups engaged in the ideological service of party politics hindered the institutionalization in the region of both sociological science in general and the sociology of religion as its particular discipline. The article describes various barriers to the institutionalization of regional sociological science at the union, regional and intra-university levels. Political fluctuations have negatively affected the development of discipline. Since the early 1970s in most republics and regions of the Middle Volga region, it is going through a stagnation period.

Key words: regional sociology, sociology of religion, scientific institutionalization, party and government order, public demand.

Развитие региональной социологии в СССР зависело от многих факторов, но основными были отношения с властью. Ее восстановление в 1960-х гг. после четвертьвекового перерыва происходило в условиях жесткого политического контроля. Решения о создании новых научных структур, о недостатках в работе ученых и научных учреждений оформлялись в виде партийных постановлений. Поэтому в настоящее время преобладающим подходом к истории отечественной социологии в советский период является ее рассмотрение как истории взаимодействия государственно-партийного аппарата и различных групп научного сообщества в крупнейших научных центрах страны (Москва, Ленинград, Новосибирск, Киев

и др.)¹. Применительно к региональной социологии Среднего Поволжья также будет актуален вышеупомянутый подход с корректировкой на то, что историография проблемы крайне слабо отражена в открытых источниках, недостаточно исследована, представлена в основном мемуарной литературой², и находится на околонулевой стадии изучения (за исключением Республики Башкортостан и Республики Татарстан³).

В данной статье мы рассматриваем фактор диктата КПСС в науке и его воздействие на процессы институционализации социологии. Проблема изучается в межрегиональном аспекте и на примере социологии религии — частной социологической дисциплины. Объектом изучения выбрано Среднее Поволжье. С 2000 г. изучаемый регион целиком входит в Приволжский федеральный округ (но не совпадает с ним полностью⁴). Социология религии — одно из ведущих направлений в поволжской социологии начиная с 1960-х гг. Эмпирическую базу исследования составили материалы социологических исследований, проведенных в Среднем Поволжье в 1960–1980-е гг., экспертные интервью с ветеранами региональной социологии (2014–2019).

Мы рассматриваем развитие региональной социологии под воздействием внешних (внеаучных) и внутренних (внутриаучных) факторов. К внешним мы относим факторы зависимости от типа общества и от политического режима, к внутренним — характеристики, присущие процессам, происходящим в науках об обществе. Можно вычленить следующие внешние факторы развития общественных наук в советский период: партийно-государственный заказ, общественный запрос, идеологический диктат, цензура;

---

¹ Социология в России. М., 1998; *Фирсов Б.М.* Как добивались послушания социологии // Социологический журнал. 1995. № 2; *Рапопорт С.С.* Социология времен тоталитаризма: компендиум для нынешних // Социологический журнал. 1998. № 1–2; в Среднем Поволжье — Социологическая наука и социологическое образование в Республике Башкортостан. Уфа, 2002.

² Например: *Тукумцев Б.Г.* Очерки истории первой самарской социологической лаборатории. Самара, 2000; *Иванов В.В.* Социология. Укыту буенча ярдәмлек. Казан, 2001; *Нугаев М.А.* Из жизни социолога. Воспоминания и размышления. Казань, 2009.

³ *Салагаев А.Л.* Кризис провинциальной вузовской социологии и перспективы развития независимых исследовательских центров // Девятые Вавиловские чтения: Сб. ст. Йошкар-Ола, 2006. С. 273–280; *Ахметова С.А.* Эмпирическая социология в Казанском университете // Современное российское общество: состояние и перспективы. Материалы Всероссийской социологической конференции. Казань, 2006. С. 175–180.

⁴ Выпадают включаемые в ПФО регионы Уральского региона — Пермская и Оренбургская области, один регион — Саратовская область — относится к Нижнему Поволжью.

и внутренние: научная институционализация, интеллектуальное влияние, связи и ассоциации внутри социологического сообщества (совокупность региональных школ и направлений), логика и содержание развития дисциплины.

Первым по значимости “внешним” фактором развития региональной социологии религии являлся “государственно-партийный заказ”. В СССР публикации идеологической направленности никогда не были личным делом авторов. Они не имели возможности выражать собственную, не согласованную с партийными органами точку зрения. Исследования по вопросам религии и атеизма, как правило, проводились по инициативе партийно-политических структур, что обеспечивало материальную и, что особенно важно, организационную базу исследований. Партийные структуры выступали в двойной роли — как заказчики социологических исследований и как цензурный орган. Социологические данные в виде отчетов, текстов докладов попадали на стол в первую очередь партийному руководству, секретарям по идеологии обкомов, столичных горкомов КПСС. И, как правило, там же оседали.

Начало развития социологии религии в Среднем Поволжье мы связываем с появлением в 1964–1965 гг. первых социологических лабораторий (при Казанском университете и Уфимском авиационном институте) и опорных пунктов Института научного атеизма. Институт научного атеизма при Академии общественных наук при ЦК КПСС (сокращенно ИНА) был создан в Москве согласно постановлению секретариата ЦК КПСС “Мероприятия по усилению атеистического воспитания населения” от 2 января 1964 г. Перед институтом была поставлена задача в короткие сроки составить более или менее полную картину религиозности страны⁵.

В течение двух лет Институт организовал по всей стране около сорока опорных пунктов, ставших первичными ячейками для социологии религии. Опорные пункты ИНА создавались на базе действовавших учреждений и организаций, в основном при вузах⁶. Опорные пункты были созданы в Татарской, Марийской, Мордовской АССР, Пензенской, Горьковской областях⁷. Они объединили

---

⁵ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 606. Оп. 4. № 18, л. 77.

⁶ Пивоваров В.Г. Религиозность: опыт и проблемы изучения. Йошкар-Ола, 1976. С. 25.

⁷ Опорные пункты имелись не во всех республиках и областях Среднего Поволжья и Приуралья. Отсутствовали они, например, в БАССР, УАССР, в Куйбышевской, Ульяновской и Кировской областях. Из переписки ИНА с Чувашским обкомом выясняется, что Институт, прежде чем принять решение о создании

региональных обществоведов разного профиля, перед которыми была поставлена задача проводить конкретно-социологические исследования населения регионов по вопросам отношения к религии и атеизму.

Институт научного атеизма снабжал опорные пункты методиками и наработками конкретно-социологических исследований, а региональные социологи послушно адаптировали транслируемые, по выражению С. Рапопорта⁸, “руководящей социологией” нормы. Благодаря методическому руководству ИНА началось систематическое, комплексное изучение религиозности. Период второй половины 1960-х и начала 1970-х насыщен социологическими исследованиями по вопросам религии и атеизма, как по числу проектов, так и по их масштабам. Так, при исследовании в Казани в 1966 г. были опрошены 4710 человек, при комплексном исследовании в Пензенской области в 1967–1968 гг. число респондентов составило 21 тыс. человек. В Чувашской АССР с 1966 по 1972 г. проведено 42 различных опроса, охвачено не менее 12 тыс. респондентов⁹.

Развитие региональной социологии религии шло классическим путем — от эмпирики к теории. В конце 1950-х — начале 1960-х гг. изучение вопроса носило абстрактно-логический характер. Примерно до середины 1960-х гг. в противовес фундаментальной и поисковой литературе, выходящей в Центре, на местах практиковалось лишь издание популярных брошюр, поясняющих теоретические положения, обозначенные в центральных изданиях¹⁰. Затем был сделан резкий поворот: под теоретические выводы стала подводиться надежная почва конкретно-социологических исследований¹¹. В. Пивоваров как важный момент развития социологии религии на местах отмечает тот факт, что на основе проводимых исследований начат выпуск научной литературы¹².

собственных опорных пунктов, предварительно оценивал местные условия. Перед принятием решения о создании опорного пункта в Чувашии, ИНА потребовалось “определить (с выездом на место)”, во-первых, насколько энергична поддержка обкома, во-вторых — имеются ли кадры исследователей для проведения серьезного исследования. Первое условие было особенно важным, поскольку все расходы на деятельность опорных пунктов покрывались из местных средств. По всей видимости, в вышеперечисленных регионах не все требуемые условия присутствовали (РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 4. № 161, л. 37).

⁸ Рапопорт С.С. Указ. соч. С. 245.

⁹ РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 4. № 200, л. 143–145.

¹⁰ Пивоваров В.Г. Указ. соч. С. 30.

¹¹ Никитин В.Н. Диалектика причинной связи и проблема религиозности в условиях социализма // Научный атеизм. Вопросы методологии и социологии. Вып. 3. Пермь, 1974. С. 35.

¹² Пивоваров В.Г. Указ. соч. С. 32.

Важнейшим результатом первых социологических исследований стало развитие теоретического знания на местном материале. Авторы из Казани, Чебоксар, Йошкар-Олы, Саранска при решении научных задач учитывают этнографические, исторические и культурно-бытовые особенности религиозности народов Среднего Поволжья¹³. Конкретно-социологические исследования внесли большой вклад в развитие не только социологической науки, но и других гуманитарных дисциплин, поскольку вывели на новый уровень представления о региональных особенностях религиозности народов Среднего Поволжья, о религиозном синкретизме и т.п. Постепенно изживалась методическая “кустарщина” — следствие отсутствия учебной литературы и образовательных центров. При этом горизонтальные связи, связи между исследователями из различных регионов были развиты слабо.

Социологические исследования внесли в атмосферу общественных наук “очень значимый дух времени, навыки синхронной оценки фактов”, — вспоминает участник тех событий В.В. Иванов¹⁴. Относительно 1960-х гг. мы можем говорить о “социологическом движении”, в которое включались социологи-энтузиасты, пришедшие из разных профессий.

Роль социологии религии в советском обществе позитивистски определялась задачами наблюдения процессов и явлений общественной жизни, их описания и систематизации. “Социальный заказ” (общественная потребность в научном знании, актуальная для общества в целом) в советской науке начиная с 1930-х гг. был окончательно монополизирован правящей партией. В этой плоскости лежит линия разграничения между наукой, с одной стороны, а с другой — политикой и пропагандой. Исследователи, выполнявшие этот заказ вопреки объективным материалам и источникам, выводили себя за рамки научной деятельности.

О заинтересованности государственно-партийного аппарата в развитии социологических исследований говорит то, что социологи были допущены к изучению “святая святых” советской системы — вопросов идеологии. Результаты особенно значимых исследований рассматривались высокими партийными инстанциями, и по их итогам принимались конкретные меры. Например, по результатам

---

¹³ Балтанов Р.Г. Социологические проблемы в системе научно-атеистического воспитания. Казань, 1973; Кудряшов Г.Е. Динамика полисинкретической религиозности. Чебоксары, 1974; Соловьев В.С. Социологические исследования — в практику идеологической работы: некоторые итоги изучения проблем быта, культуры национальных традиций и верований населения МАССР. Йошкар-Ола, 1977 и т.д.

¹⁴ Иванов В.В. Указ. соч. 51 бит.

исследования уровня религиозности населения в Казани 1966 г. выяснилось, что атеистическое воспитание было поставлено в городе в основном формально. Бюро казанского горкома КПСС приняло специальное постановление, которое потребовало от нижестоящих парторганизаций уделять большее внимание подготовке кадров, способных осуществлять атеистическую пропаганду среди татарского населения¹⁵. Татарское книжное издательство усилило работу по изданию атеистической литературы на татарском языке.

Обратной стороной государственно-партийного заказа на проведение конкретно-социологических исследований стал неограниченный партийный, идеологический контроль над работой ученых. Даже на первом, оптимистическом этапе проявлялись характерные черты советской социологии религии: государственный контроль и планирование деятельности научного сообщества; доминанта научно-атеистического направления по сравнению с религиоведческим и конкретно-социологическим; директивность во взаимоотношениях между властью и научно-социологическим сообществом; неусыпный надзор партийных органов за деятельностью ученых.

Исходя из особенностей зарождения и развития, советская социология религии нередко представляется организмом, который был кровно связан с партийной системой, и действовал только по ее запросам¹⁶. Нам представляется упрощенной такая характеристика. Разумеется, социология религии не могла быть “чистой наукой”, свободной от текущих политических и бюрократических реалий. Мы предполагаем, что особый статус прикладной социологии обеспечивал региональным социологам-практикам определенный иммунитет от идеологизированной критики. Отсутствуют какие-либо свидетельства того, что социологам “сверху” навязывались партийные установки и нормативные показатели. Даже в условиях отсутствия социологической корпорации, социологические исследования проводились в условиях автономности, что обеспечивалось высоким престижем и большими ожиданиями от социологии как науки¹⁷.

---

¹⁵ “Об итогах социологического исследования религиозности населения города и задачах по дальнейшему улучшению атеистической работы”. Постановление ГК КПСС г. Казани от 15 мая 1967 г. // Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан (ЦГАИПД РТ), Ф. 15. Оп. 7. № 694, л. 217.

¹⁶ *Браславский Л.Ю.* Ислам в Чувашии. Чебоксары, 1997. С. 83.

¹⁷ Хотя отдельные сомнительные прецеденты прямого участия социологов в осуществлении антирелигиозной работы имелись. Например, дагестанские социологи проводили опросы среди верующих, которые состояли в инициативных группах об открытии мечетей. Анкетный инструментарий был составлен настолько тенденциозно, что, обработав ответы, исследователи имели основание утверждать, что 95% подписавших прошения в государственные органы сделали это вопреки

Необходимо отделять государственно-партийный заказ (который необоснованно маркировался как “социальный заказ”) от сформированного обществом запроса на исследовательскую практику, и потребность этого общества в самопознании. Изучаемые социологами темы затрагивали интересы не только партийных функционеров и обществоведов, но и широких слоев населения. Потребность в знаниях, высказываемую представителями многих слоев общества, мы можем обозначить как “общественный запрос”. Общественный запрос может рассматриваться как запрос на научное (не конфессиональное и не идеологизированное) знание о религиозной жизни общества.

В отличие от открытой печати, на страницах которой будущее религии в социалистическом обществе было предreshено, в общественном мнении существовала полемика, которая иногда прорывалась наружу. Хороший пример такой дискуссии дает кейс антирелигиозной книги “Тайны Корана” татарского писателя Гарифа Губая. Ее первое издание в 1967 г. вызвало бурю возмущенных откликов среди верующих. Свое несогласие с формами, в которую облек автор критику священной для мусульман книги (вполне обычную для тогдашней атеистической литературы), высказывали и многие представители творческой интеллигенции. В третьем издании Г. Губай нашел в себе смелость опубликовать некоторые критические отзывы читателей и ответить на них¹⁸. Этот обзор передает широкий спектр взглядов: как религиозных людей (верующих и колеблющихся), так и секуляризованных (неверующих и индифферентных). При разной степени причастности к религии авторы писем солидаризовались в своем неприятии фельетонной критики священной книги и антирелигиозной пропаганды в целом.

Изучаемые социологией религии вопросы представляли остроактуальную для общественного мнения проблему. Социологические данные объективно свидетельствовали скорее в пользу критиков антирелигиозной политики. Социологи диагностировали сохранение религиозности в определенных слоях общества и ее общую жизнеспособность.

Что характерно, и внутри партии в антирелигиозном вопросе не имелось единого консолидированного мнения. Непримируемую позицию, закрепленную партийным Уставом, продвигал отдел пропаганды и агитации ЦК КПСС. На местах партийные

собственной воле под чужим влиянием. Руководитель исследования хвастливо заявил, что после проведения опросов по этой теме поток заявлений от верующих прекращался (РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 1. № 200, л. 61).

¹⁸ Губай Г. Коръэн серлэре. Знче басма. Казан, 1973.

органы придерживались запретительной линии. При этом некоторые представители партийного аппарата в 1970–1980-х гг. отзываются об антирелигиозной политике скептически, считая ее неуместной имитацией деятельности, отвлекающей усилия государства от реальных проблем (например, от повального пьянства и бесхозяйственности)¹⁹. Что касается рядовых коммунистов, то более поздние опросы, проведенные во второй половине 1980-х гг. в Татарской АССР, показывают, что их точка зрения на такие вопросы, как оценка роли религии в социалистическом обществе и отношение к антирелигиозной политике²⁰, не сильно отличалась от мнения населения в целом. Это неудивительно, учитывая, что КПСС объединяла в своих рядах не только карьеристов и ортодоксальных марксистов. Партия концентрировала наиболее образованную и социально активную часть общества. Многие коммунисты трезво оценивали внутривнутриполитическую ситуацию, и занимали, выражаясь партийным лексиконом, “примиренческую позицию” к религиозному мировоззрению.

Институциональный статус дисциплины. Институционализацию научной дисциплины мы рассматриваем как создание организационных форм науки (школы, учреждения, подразделения, ассоциации и т.п.), ее внутреннюю дифференциацию и специализацию, благодаря которым она выполняет свои общественные функции. При всей партийной поддержке институционализация социологии религии в регионе Среднего Поволжья как дисциплины происходила с огромным трудом.

В ТАССР методический и исследовательский центр научного атеизма²¹ первоначально видели в Институте языка и литературы КФАН. В архиве ИНА сохранилось письмо секретаря Татарского обкома по идеологии М.З. Тутаева вице-президенту АН СССР Н.П. Федосееву от 17 апреля 1965 г. с просьбой о выделении Институту штатных единиц для создания группы, которая специализировалась бы на исследованиях современного ислама. Необходимость такого рода центра обосновывается в письме объективной потребностью

---

¹⁹ Мясников Г.В. Страницы из дневника. М., 2008. С. 114; Черняев А. Дневник двух эпох. 1972–1991. Совместный исход. М., 2008. С. 728.

²⁰ Советская Татария: перестройка и межнациональные отношения. (Информационный материал обкома КПСС). Казань, 1990. С. 130–131; Докладная записка отдела пропаганды и агитации обкома КПСС об итогах проведенного социологического исследования по проблемам состояния религиозности и атеистической работы в Октябрьском районе (ЦГАИПД РТ. Ф. 15. Оп. 15. № 933, л. 58).

²¹ В советские времена религиоведение и социология религии существовали внутри теории научного атеизма. Религиоведение в качестве раздела, а социология религии — в качестве прикладной отрасли.

в кадрах и научно-атеистической литературе для работы среди татарского населения как внутри Татарской АССР, так и в областях и республиках Российской Федерации²². Проблема обеспечения атеистической работы среди татар кадрами, методиками, литературной и кинопродукцией была поднята участниками состоявшегося в Казани в ноябре 1965 г. Всероссийского семинара по научно-атеистическим проблемам. Участники семинара из регионов компактного проживания татар сообщают о том, что организация работы среди мусульман затруднена из-за запущенного состояния культурного обслуживания и книготорговли, отсутствия литературы, методик, наглядных материалов, кинопродукции на татарском языке²³.

Очевидно, что создание такого подразделения в составе гуманитарного научно-исследовательского института, во-первых, улучшило бы ситуацию с обеспечением атеистической кампании кадрами и методическими материалами; и во-вторых, в перспективе способствовало бы институционализации религиоведения и социологии религии в республике.

На базе этого подразделения в ИЯиЛ власти Татарской АССР вознамерились создать опорный пункт ИНА. Однако, “наверху” было принято другое решение. В том же апреле 1965 г. ИНА обращается к М. Тутаеву с предложением о создании опорного пункта на базе Казанского университета. Чуть позже решением “директивных органов” опорным пунктом ИНА по Татарской АССР была объявлена созданная чуть ранее, в феврале 1964 г., лаборатория социологических исследований при кафедре философии КГУ²⁴. За лабораторией закрепляется научное направление “Степень и характер религиозности населения и пути преодоления”. В VIII пятилетку религиозно-социологическое направление было для него ведущим. Под руководством Р.Г. Балтанова были осуществлены исследования в г. Казани, г. Бугульме, в сельских районах республики, опубликованы одна монография и ряд статей; на полученном материале защищены две диссертации²⁵. Следует упомянуть, что лаборатория на начальном этапе насчитывала всего две штатные единицы, на-

---

²² РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 4. № 137, л. 22.

²³ РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 4. № 40, л. 134.

²⁴ РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 4. № 137, л. 2.

²⁵ Балтанов Р.Г. Социологические проблемы в системе научно-атеистического воспитания. Казань, 1973; Он же. О некоторых итогах выборочного исследования религиозности у татарской части населения г. Казани // Модернизация ислама и актуальные вопросы теории научного атеизма (тезисы докладов). М., 1968. С. 87–91; Тагиров Р.Б. Критерии религиозности и типология современных верующих (на примере ислама). Дисс. ... канд. филос. наук. Казань, 1972; Әхметова С. Дин тотучыны яхшы белергә // Атеизмны — массага. Казан, 1972. 49–62 бб. и т.д.

ходила на хозрасчете и помимо “религиозной” тематики на нее возлагались темы, связанные с опросами на промышленных предприятиях, в учебных заведениях, исследования бюджета времени трудящихся и т.п.²⁶ Завершив плановую работу, лаборатория больше не возвращалась к вопросам атеистического воспитания, переключившись с 1969 г. на тематику “Социальная активность рабочих промышленных предприятий”, которая была политически нейтральна и финансово более привлекательна.

Опыт Башкирии, где социология дальше всего продвинулась по пути научного развития и институционализации, показывает, что это развитие имело свои пределы, связанные, в первую очередь, со статусом национальных республик “второго уровня”. Окончательные решения по вопросам культуры, образования и науки всегда принимались вне республик. Для создания любой, даже самой небольшой научной структуры требовалось, чтобы решение утвердили структуры союзного или республиканского (российского) уровня. Приведем пример. В определенный момент социологическая лаборатория Уфимского авиационного института, которой руководил известный ученый Н.А. Аитов, окончательно переросла уровень межкафедрального подразделения. Число сотрудников достигало 120 человек, среди которых было 6 докторов и 20 кандидатов наук²⁷. По сути, это был целый научно-исследовательский институт. Закономерно встал вопрос о создании на базе лаборатории самостоятельного научно-исследовательского учреждения. В 1980 г. руководитель Башкирии М.З. Шакиров обратился в ЦК КПСС с предложением о создании в Уфе филиала (или отделения) Института социологических исследований. Данное предложение было высокомерно отклонено Академией наук СССР и ЦК КПСС как “нецелесообразное”²⁸. С учетом того, что на тот период в системе АН СССР и академий наук союзных республик действовало около 70 социологических учреждений, отделов и лабораторий, трудно интерпретировать ответ на обращение, поддержанное на самом высоком уровне, иначе как политически мотивированное, искусственное ограничение. На этом же примере видно, насколько меньшими правами и возможностями обладали автономии по сравнению с союзными республиками в сфере развития гуманитарных и общественных наук.

Таким образом, институционально в советский период социология религии в республиках и областях Среднего Поволжья была

---

²⁶ Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф.Р-1337. Оп. 29. № 460, л. 245, 246.

²⁷ Социология и власть. Документы. Сб. 3. 1973–1984. М., 2003. С. 219.

²⁸ Там же. С. 220.

представлена в основном социологическими лабораториями научно-исследовательского сектора вузов и общественными опорными пунктами ИНА. Исключение составляли Чувашская АССР и Марийская АССР. В Чувашии в структуре гуманитарного НИИ в 1964 г. был образован сектор быта, культуры и научного атеизма. В Марийском гуманитарном институте в 1977 г. был создан сектор социологии. Благодаря этому исследовательское направление вошло в научные планы институтов и получило бюджетное финансирование. Оба сектора активно включились в социологическое изучение проблем религии и атеизма. В конце 1980-х гг. создаются оперативные социологические лаборатории при областных комитетах КПСС для оперативного сбора информации по злободневным темам, которые в ТАССР, ЧАССР также внесли некоторый вклад в социологическое изучение религиозности населения.

Период увлечения партаппарата социологией заканчивается антисоциологическими кампаниями, инициированными консервативной частью идеологического истеблишмента, обеспокоенного ростом популярности новой науки. Волны от “дела Левады” и от “погрома в ИКСИ” докатываются и до региональной социологии. Куратором социологии в Татарском обкоме КПСС был секретарь по идеологии М.Ф. Валеев — обществовед-догматик по профессии и по убеждениям. В 1968 г. в одном из центральных партийных изданий он выпустил статью, в которой пишет о все возрастающей роли социологических исследований в работе партийных органов Татарии. Социология в его изложении выступает как перспективная с точки зрения решения управленческих проблем сфера деятельности²⁹. В 1975 г. им же выпущена книга “К вершинам науки”, которая представляет собой весьма произвольный обзор истории и состояния наук, развиваемых в республике. Несколько абзацев в книге посвящено социологии. Республиканская социология теперь предстает узконаправленной, прикладной дисциплиной, сосредоточенной на изучении трудовой активности промышленных рабочих³⁰.

Смена первоначального благожелательного отношения к новой дисциплине и возобладавшая консервативная реакция зафиксирована и в социологических мемуарах. Руководитель лаборатории социологических исследований КГУ с 1974 по 1976 г. М.А. Нугаев: “Отношение к социологии как в республике, так и в стране в целом было, мягко говоря, неоднозначным, а со стороны [областной]

---

²⁹ Валеев М. Социологическое исследование и атеистическое воспитание // Партийная жизнь. 1968. № 8. С. 60.

³⁰ Валеев М.Ф. К вершинам науки: о развитии науки в Татарии. М., 1975. С. 161.

партийной организации — прямо-таки враждебным”³¹. По его словам, в тот период, когда он руководил лабораторией в КГУ (а затем в КГПИ), вышеупомянутый М.Ф. Валеев его научные инициативы не поддерживал (и это несмотря на многолетние, со времен войны, дружеские отношения). И это было не проявлением личного отношения, а реализацией взвешенной и целенаправленной партийной позиции. Как выясняется, в областном комитете настороженно относились к активности социологов Москвы и Ленинграда в республике и к научным контактам с ними местных ученых³².

Социологии в регионах приходилось преодолевать сопротивление не только косных партийных органов, но и прямых конкурентов в лице “канонических” общественных дисциплин. В Куйбышевской области первая социологическая лаборатория появилась в 1969 г. в политехническом институте³³. Значительная часть преподавателей кафедр истории, политэкономии и научного коммунизма во главе с заведующими открыто выступили против проведения социологических исследований в вузе. Социологические опросы они считали опасным экспериментом, вносящим в сознание масс сомнение относительно идеологических установок. В намерениях решить социальные проблемы с применением эмпирических данных ими усматривался ревизионизм, попрание марксистско-ленинской теории социального развития³⁴. Конфронтация стала причиной того, что в 1978 г. сотрудники лаборатории в полном составе покинули институт и перешли в Куйбышевский университет.

Выясняется, что для исследователей взаимодействие с партийными органами не было взаимовыгодным. Как пишет по этому поводу Б.М. Фирсов, “Партийные органы ревностно охраняли результаты заказанных ими работ, за которые никогда никому не платили”³⁵. Для социологов исследования по заданию партии считались общественной нагрузкой и никак не оплачивались. Со слов опрошенного нами ветерана региональной социологии профессора В.С. Соловьева, исследования по заданию Марийского обкома КПСС проводились им на общественных началах. Аналогичное свидетельство принадлежит доценту Казанского федерального университета

---

³¹ Нугаев М.А. Из жизни социолога. Воспоминания и размышления. Казань, 2009. С. 66.

³² Там же.

³³ Ныне Самарский государственный технический университет.

³⁴ Тукумцев Б.Г. Очерки истории первой социологической лаборатории. Самара, 2000. С. 12.

³⁵ Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. СПб., 1999. С. 356.

С.А. Ахметовой. Заинтересованность со стороны ученых состояла в возможности сбора научного материала по “диссертабельной” теме. Помимо научного интереса, участие в изучении “партийных” тем открывало возможности для чисто партийной карьеры.

“Благодаря” партийной привычке беречь научные данные от публикации, от многих исследований остались только упоминания. В редких случаях отчеты о них можно обнаружить в архивных фондах партийных и советских органов. Например, Казанским опорным пунктом ИНА и Советом по изучению общественного мнения при обкоме КПСС в 1980 и 1983 гг. было проведено анкетирование студентов-первокурсников шести казанских вузов (1238 человек), а затем лонгитюдное изучение тех же лиц, обучавшихся на 4-х курсах (в количестве 1041), на предмет атеистической убежденности³⁶. Исследование дает отличное представление о социальном, этническом составе студенчества того времени, о его духовном мире и ценностных ориентациях. Результаты исследования впервые опубликованы в новых общественно-политических реалиях в 1988 г., но все равно в усеченном виде³⁷. Тщательно оберегаемые социологические фонды региональных партийных органов подверглись безжалостному уничтожению в первые дни после приостановки деятельности КПСС в 1991 г. Аналогичному истреблению при расформировании ИНА подвергся фонд социологических исследований ИНА, в котором аккумулировались отчеты об исследованиях, проводимых опорными пунктами³⁸.

Закат “околопартийной” социологии начался задолго до кризиса КПСС. Он не пощадил и социологию религии. Уже к середине 1970-х гг. социология религии как многообещающее направление в региональной социологии стагнировала³⁹. Свертывание социологического изучения вопросов религии И. Лошакова увязывает с невозможностью теоретически объяснить причины сохранения религиозности в социалистическом обществе. Тенденция объяснения его исключительно в историко-материалистических и научно-атеистических категориях потерпела неудачу.

Многие авторы (В.Г. Пивоваров⁴⁰, Дж. Панкхерст) констатировали отставание социологии религии от материнской дисциплины.

---

³⁶ ЦГАИПД РТ. Ф. 15. Оп. 12. № 250в.

³⁷ Перестройка и преодоление религиозных предрассудков. Казань, 1988.

³⁸ *Лопаткин Р.А.* Об опыте советского периода отечественной социологии религии // *Социология религии в обществе Позднего Модерна*. Белгород, 2014. С. 23.

³⁹ *Лошакова И.Л.* Динамика изменений духовной ориентации советского общества в период 1961–1985 гг. Пермь, 1992. С. 4.

⁴⁰ *Пивоваров В.Г.* На этапах социологического исследования. Грозный, 1974. С. 6.

Панкхерст отмечает заметный прогресс в техническом обеспечении советской социологии. При этом он констатирует, что “социология религии и атеизма могла бы поучаствовать в этом техническом прогрессе, но, похоже, что она в значительной мере была свернута (*considerably curtailed*) в конце 1970-х и в [начале] 1980-х. Нет никаких свидетельств тому, что серьезное изучение религии полностью восстановило активную исследовательскую повестку, сопоставимую с той, которая осуществлялась в конце 1960-х и начале 1970-х годов”⁴¹. Политическая стагнация также не способствовала развитию социологической науки. Между тем, в программных заявлениях КПСС вместо объективных социологических данных продолжали звучать устаревшие цифры, которые тиражировались пропагандистской машиной. Вслед за ними социологи реальные знания об объекте подменяли пунктами постановлений ЦК.

В региональной социологии религии взаимодействовали две тенденции: во-первых, социологическое движение, стимулируемое партийным заказом и общественным запросом на конкретно-социологические исследования, во-вторых, административные и цензурные ограничения (как естественная защитная реакция советской системы на любую общественную активность). На начальном этапе развития региональной социологии религии (1965–1972) существовал определенный баланс, и партийная заинтересованность в услугах перспективной науки перевешивала, а на последующих этапах (вплоть до времен перестройки) — доминирует вторая тенденция. Административные “зажимы”, цензура лишали исследователей свободы научного творчества, вынуждая их заниматься “бесконфликтными” темами. Научное творчество было поставлено в такие условия, когда автор вынужден был беспокоиться не о реализации научной цели (пусть даже в виде поиска материала для научного решения проблем управления обществом), а о том, чтобы какие-то выдержки из его текста не были использованы зарубежными социологами или советологами для дискредитации советского режима. А институциональная среда в виде отделов НИИ, кафедр и лабораторий, которая могла бы генерировать научные инициативы, в Среднем Поволжье не сложилась. По причине слабого институционального статуса дисциплины и отсутствия научной преемственности в региональной социологии религии не сложились устойчивые научные школы. Дисциплина была персонифицирована коротким списком обществоведов, “приближенных” к партийным органам (Р.Г. Балтанов, Г.Е. Кудряшов, Н.Ф. Мокшин, Д.Г. Шигаев, Р.М. Ха-

---

⁴¹ *Pankhurst J.G. Soviet sociology of religion // Religion in Communist Lands. 1982. Winter. Vol. 10. N 3. P. 296.*

митова и т.д.), которые, за редким исключением, не оставили после себя учеников — социологов или религиоведов.

Что касается общей результативности исследовательской активности, то следует констатировать, что советская социология религии не сумела достичь даже первоначальной цели по картографированию религиозности населения, которая была поставлена перед ней ЦК КПСС. “Партийный заказ” дал мощный импульс возникновению исследовательского направления, однако он же заставлял ученых постоянно действовать с оглядкой на заданные “сверху” правила игры и рамки дозволенного, которые к тому же постоянно менялись.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ахметова С.А. Эмпирическая социология в Казанском университете // Современное российское общество: состояние и перспективы. Материалы Всероссийской социологической конференции. Казань, 2006. С. 175–180.

Әхметова С. Дин тотучыны яхшы белергә // Атеизмны — массага. Казан, 1972. 49–62 бб. (на татарском языке).

Балтанов Р.Г. О некоторых итогах выборочного исследования религиозности у татарской части населения г. Казани // Модернизация ислама и актуальные вопросы теории научного атеизма (тезисы докладов). Институт научного атеизма. М., 1968. С. 87–91.

Балтанов Р.Г. Социологические проблемы в системе научно-атеистического воспитания. (Проблемы конкретно-социологического анализа религии и атеизма в СССР). Казань, 1973.

Браславский Л.Ю. Ислам в Чувашии. Исторические и культурологические аспекты. Чебоксары, 1997.

Валеев М. Социологическое исследование и атеистическое воспитание // Партийная жизнь. 1968. № 8. С. 56–61.

Валеев М.Ф. К вершинам науки: о развитии науки в Татарии. М., 1975.

Гобэй Г. Коръән серләре. Знче басма. Казан: Татар. кит. нәшр., 1973. 431 бит. (на татарском языке).

Иванов В.В. Социология. Укыту буенча ярдәмлек. Казан, 2001 (на татарском языке).

Кудряшов Г.Е. Динамика полисинкретической религиозности. Опыт историко-этнографического и конкретного социологического исследования генезиса, эволюции и отмирания пережитков чувашей. Чебоксары, 1974.

Лопаткин Р.А. Об опыте советского периода отечественной социологии религии // Социология религии в обществе Позднего Модерна / Отв. ред. С.Д. Лебедев. Белгород, 2014. С. 14–26.

Лошакова И.Л. Динамика изменений духовной ориентации советского общества в период 1961–1985 гг. (по материалам Уральского региона). Пермь, 1992.

Мясников Г.В. Страницы из дневника (1964–1992) / Под ред. М.Г. Мясникова, М.С. Полубоярова. М., 2008.

Никитин В.Н. Диалектика причинной связи и проблема религиозности в условиях социализма // Научный атеизм. Вопросы методологии и социологии. Вып. 3 / Науч. ред. сб. М.Ф. Калашников. Пермь, 1974. С. 34–62.

Нугаев М.А. Из жизни социолога. Воспоминания и размышления. Казань, 2009.

Перестройка и преодоление религиозных предрассудков / Под общ. ред. А.Н. Калаганова. Казань, 1988.

Пивоваров В.Г. На этапах социологического исследования. Теория и практика социологических исследований проблем атеизма и религии. Грозный, 1974.

Пивоваров В.Г. Религиозность: опыт и проблемы изучения. Йошкар-Ола, 1976.

Рапопорт С.С. Социология времен тоталитаризма: компендиум для нынешних // Социологический журнал. 1998. № 1–2. С. 244–266.

Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и авт. предисл. Г.С. Батыгин; Ред.-сост. С.Ф. Ярмолюк. СПб., 1999.

Салагаев А.Л. Кризис провинциальной вузовской социологии и перспективы развития независимых исследовательских центров // Девятые Вавиловские чтения. Сб. ст. / Под общ. ред. В.П. Шалаева. Йошкар-Ола, 2006. С. 273–280.

Советская Татария: перестройка и межнациональные отношения (информационный материал обкома КПСС) / Авт.-сост. Г.А. Исаев, Т.Х. Миннибаев и др. Казань, 1990.

Соловьев В.С. Социологические исследования — в практику идеологической работы: некоторые итоги изучения проблем быта, культуры национальных традиций и верований населения МАССР. Йошкар-Ола, 1977.

Социологическая наука и социологическое образование в Республике Башкортостан / Ответ. ред. Д.М. Гилязитдинов. Уфа, 2002.

Социология в России / Под ред. В.А. Ядова. М., 1998.

Социология и власть. Документы. Сб. 3. 1973–1984 / Под ред. Л.Н. Москвичева. М., 2003.

Тагиров Р.Г. Критерии религиозности и типология современного верующего (на примере ислама). Дисс. ... канд. философ. наук: Специальность 09.00.06. Казань, 1972.

Тукумцев Б.Г. Очерки истории первой самарской социологической лаборатории. Самара, 2000.

Фирсов Б.М. Как добивались послушания социологии // Социологический журнал. 1995. № 2. С. 181–189.

Черняев А. Дневник двух эпох. 1972–1991. Совместный исход. М., 2008.

REFERENCES

Akhmetova S.A. Empiricheskaya sotsiologiya v Kazanskom universitete [Empirical Sociology at Kazan University] // Sovremennoe rossiiskoe obshchestvo: sostoyanie i perspektivy. Materialy Vserossiiskoi sotsiologicheskoi konferentsii. Kazan, 2006. S. 175–180 (in Russian).

Əkhmetova S. Din totuchyny yakhshy belergə [Knowing Believers better] // Ateizmny — massaga. Kazan, 1972. 49–62 bb. (in Tatar).

Baltanov R.G. O nekotorykh itogakh vyborochnogo issledovaniya religioznosti u tatarskoi chasti naseleniya g. Kazani [On some results of a survey study of religiosity among the Tatar part of the population of Kazan] // Modernizatsiya islama i aktual'nye voprosy teorii nauchnogo ateizma (tezisy dokladov). Institut nauchnogo ateizma. M., 1968. S. 87–91 (in Russian).

Baltanov R.G. Sotsiologicheskie problemy v sisteme nauchno-ateisticheskogo vospitaniya (problemy konkretno-sotsiologicheskogo analiza religii i ateizma v SSSR) [Sociological problems in the system of scientific and atheistic education (problems

- of specific sociological analysis of religion and atheism in the USSR)]. Kazan, 1973 (in Russian).
- Braslavskii L. Yu.* Islam v Chuvashii. Istoricheskie i kul'turologicheskie aspekty [Islam in Chuvashia. Historical and cultural aspects]. Cheboksary, 1997 (in Russian).
- Chernyaev A.* Dnevnik dvukh epokh. 1972–1991. Sovmestnyi iskhod [Diary of two eras. 1972–1991. Joint Exodus]. M., 2008 (in Russian).
- Firsov B.M.* Kak dobivalis' poslushaniya sotsiologii [How the Obedience of Sociology Was Achieved] // Sotsiologicheskii zhurnal. 1995. N 2. S. 181–189 (in Russian).
- Gobai G.* Qor'an serlære [Secrets of the Quran]. Kazan, 1973 (in Tatar).
- Ivanov V.V.* Sotsiologiya. Uqytu buyincha yärdämlek [Sociology. A guide for learners]. Kazan, 2001 (in Tatar).
- Kudryashov G.E.* Dinamika polisinkreticheskoi religioznosti. Opyt istoriko-etnograficheskogo i konkretnogo sotsiologicheskogo issledovaniya genezisa, evolyutsii i otmiraniya perezhitkov chuvashei [The dynamics of polysyncretic religiosity. The experience of historical, ethnographic and specific sociological research of the genesis, evolution and withering away of the remnants of the Chuvash]. Cheboksary, 1974 (in Russian).
- Lopatkin R.A.* Ob opyte sovetskogo perioda otechestvennoi sotsiologii religii [On the experience of the Soviet period in the Russian sociology of religion] // Sotsiologiya religii v obshchestve Pozdnego Moderna / Ed. by S.D. Lebedev. Belgorod, 2014. S. 14–26 (in Russian).
- Loshakova I.L.* Dinamika izmenenii dukhovnoi orientatsii sovetskogo obshchestva v period 1961–1985 gg. (po materialam Ural'skogo regiona) [Dynamics of changes in the spiritual orientation of Soviet society in the period 1961–1985 (based on materials from the Ural region)]. Perm', 1992 (in Russian).
- Myasnikov G.V.* Stranitsy iz dnevnika (1964–1992) [Diary Pages (1964–1992)] / Ed. by M.G. Myasnikov, M.S. Poluboyarov. M., 2008 (in Russian).
- Nikitin V.N.* Dialektika prichinnoi svyazi i problema religioznosti v usloviyakh sotsializma [Dialectics of causality and the problem of religiosity under socialism] // Nauchnyi ateizm. Voprosy metodologii i sotsiologii. 1974. Vyp. 3 / Ed. by M.F. Kalashnikov. Perm', 1974. S. 34–62 (in Russian).
- Nugaev M.A.* Iz zhizni sotsiologa. Vospominaniya i razmyshleniya [From the life of a sociologist. Memories and reflections]. Kazan, 2009 (in Russian).
- Pankhurst J.G.* Soviet sociology of religion // Religion in Communist Lands. 1982. Winter. Vol. 10. N 3. P. 292–297.
- Perestroika i preodolenie religioznykh predrassudkov [Perestrojka and overcoming of religious prejudices] / Ed. by A.N. Kalaganov. Kazan, 1988 (in Russian).
- Pivovarov V.G.* At the stages of sociological research. Theory and practice of sociological research on the problems of atheism and religion. Grozny, 1974 (in Russian).
- Pivovarov V.G.* Religioznost': opyt i problemy izucheniya [Religiosity: experience and problems of study]. Yoshkar-Ola, 1976 (in Russian).
- Rapoport S.S.* Sotsiologiya vremen totalitarizma: kompendium dlya nyneshnikh [Sociology of the times of totalitarianism: a compendium for the current generation] // Sotsiologicheskii zhurnal. 1998. N 1–2. S. 244–266 (in Russian).
- Rossiiskaya sotsiologiya shestidesyatykh godov v vospominaniyakh i dokumentakh [Russian sociology of the sixties in memoirs and documents] / Ed. by G.S. Batygin; compiled by S.F. Yarmolyuk. SPb., 1999 (in Russian).

Salagaev A.L. Krizis provintsial'noi vuzovskoi sotsiologii i perspektivy razvitiya nezavisimyykh issledovatel'skikh tsentrov [The crisis of provincial university sociology and the prospects for the development of independent research centers] // *Devyatye Vavilovskie chteniya*. Sb. st. / Ed. by V.P. Shalaev. Yoshkar-Ola, 2006. S. 273–280 (in Russian).

Solov'ev V.S. Sotsiologicheskie issledovaniya — v praktiku ideologicheskoi raboty: nekotorye itogi izucheniya problem byta, kul'tury natsional'nykh traditsii i verovaniy naseleniya MASSR [Sociological research into the practice of ideological work: some results of studying the problems of everyday life, culture, national traditions and beliefs of the population of the MASSR]. Yoshkar-Ola, 1977 (in Russian).

Sotsiologicheskaya nauka i sotsiologicheskoe obrazovanie v Respublike Bashkortostan [Sociological science and sociological education in the Republic of Bashkortostan] / Ed. by D.M. Gilyazitdinov. Ufa, 2002 (in Russian).

Sotsiologiya i vlast'. Dokumenty [Sociology and Power. The documents]. Sb. 3. 1973–1984 / Ed. by L.N. Moskvicheva. M., 2003 (in Russian).

Sotsiologiya v Rossii [Sociology in Russia] / Ed. by V.A. Yadov. M., 1998 (in Russian).

Sovetskaya Tatarsiya: perestroika i mezhnatsional'nye otnosheniya (informatsionnyi material obkoma KPSS) [Soviet Tataria: Perestroika and Interethnic Relations] / Compiled by G.A. Isaev, T.Kh. Minnibaev. Kazan, 1990 (in Russian).

Tagirov R.G. Kriterii religioznosti i tipologiya sovremennogo veruyushchego (na primere islama) [Criteria of religiosity and typology of the modern believer (on the example of Islam)]. Diss. ... kand. filosof. nauk: Spetsial'nost' 09.00.06. Kazan, 1972 (in Russian).

Tukumtsev B.G. Ocherki istorii pervoi samarskoi sotsiologicheskoi laboratorii [Essays on the history of the first Samara sociological laboratory]. Samara, 2000 (in Russian).

Valeev M. Sotsiologicheskoe issledovanie i ateisticheskoe vospitanie [Sociological research and atheistic education] // *Partiinaya zhizn'*. 1968. N 8. S. 56–61 (in Russian).

Valeev M.F. K vershinam nauki: o razvitiy nauki v Tatarii [To the heights of science: on the development of science in Tartaria]. M., 1975 (in Russian).

СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО: НОВЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ РЕАЛИИ

DOI: 10.24290/1029-3736-2022-28-1-88-109

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ МАНИФЕСТЫ СОВРЕМЕННЫХ ФЕМИНИСТСКИХ СОЦИОЛОГОВ

Е.В. Дорцева, начальник учебного отдела социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

Статья посвящена анализу социологического творчества известных исследовательниц — Энн Окли, Донны Харауэй, Шуламит Файрстоун и Джудит Батлер, которые работали в рамках феминистской парадигмы в социологии, трактующей общественные явления и процессы с феминноцентричной точки зрения. Творчество данных женщин-социологов стало своеобразным интеллектуальным манифестом — письменным изложением научных принципов феминистского направления в социологии, основанных на убеждении в постоянной дискриминации женщин во всех сферах социальной жизни.

Автор анализирует труды яркой представительницы либерально-реформистского направления в феминизме Энн Окли, научное творчество которой разделяет на четыре области: “секс и гендер”, “домашний труд и семейная жизнь”, “деторождение и медицина” и “собственно социология”. Именно Э. Окли считается родоначальником концепции “гендера” в социологии. Она развела понятия “гендера” (пола) как незыблемого биологического признака и как культурной детерминанты, предопределяющей концептуализацию “мужественности” и “женственности”.

Достаточно внимания в статье уделяется одной из основательниц киберфеминизма — направления в современной феминистской мысли, связанного с изучением киберпространства, интернета и информационных технологий — Донне Джин Харауэй, наибольшую известность которой принесла “теория киборга”. Киборг — это существо, пограничное положение которого на пересечении границ между природой и культурой, телом и умом, сексом и полом, фактом и вымыслом, служит доводом к отрицанию биологического секса как детерминанты неравенства положений полов в культуре и обществе.

Значительное место в статье занимает фигура Шуламит Файрстоун — одной из основоположниц радикального феминизма, которая на основе сплава идей, заимствованных из марксизма, феминизма и психоанализа осуществила тонкий научный анализ, позволивший связать между собой структуры гендерного неравенства и экономической стратификации, а также ухудшение окружающей среды и политику научного знания. В стиле, ставшем впослед-

---

* Дорцева Елена Владимировна, e-mail: edortseva@mail.ru

ствии отличительным признаком феминистских произведений 1970-х гг., Ш. Файрстоун показала явные и скрытые связи между общепринятым выражением гетеросексуальности, “принудительной женственностью” и институционализацией гендерного неравенства.

В завершении статьи автор обращается к творчеству представительницы постструктурализма, специалиста в области феноменологии и теории гендера Джудит Батлер, которая выступает против экзистенциалистского видения проблем личности и бытия, культуры и общей физиологии человека, взаимозависимости между гендером и сексуальными отношениями.

В целом труды современных теоретиков социологии и одновременно феминистских социологов задали новые поля социологического поиска; феминистские социологи призывают к построению новой модели общества, вплоть до установления “нового гендерного порядка” на макро- и микроуровнях социальной жизни.

Ключевые слова: гендер, патриархат, либеральный и радикальный феминизм, киберфеминизм, феминистские теоретики, Энн Окли, Донна Харауэй, Шуламит Файрстоун, Джудит Батлер, феминистская парадигма в социологии, феминистская эпистемология.

INTELLECTUAL MANIFESTOS OF MODERN FEMINIST SOCIOLOGISTS

Dortseva Elena V., Head of the Educational Department, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: edortseva@mail.ru

The article is devoted to the analysis of the sociological work of famous researchers — Ann Oakley, Donna Haraway, Shulamit Firestone and Judith Butler, who worked within the framework of the feminist paradigm in sociology, which interprets social phenomena and processes from a femininocentric point of view. The work of these women sociologists has become a kind of intellectual manifesto — a written statement of the scientific principles of the feminist trend in sociology, based on the belief in the constant discrimination of women in all spheres of social life.

The author analyzes the works of a bright representative of the liberal-reformist trend in feminism, Ann Oakley, whose scientific work is divided into four areas: “sex and gender”, “domestic work and family life”, “childbirth and medicine” and “sociology proper”. Exactly E. Oakley is considered the ancestor of the concept of “gender” in sociology. She divorced the concepts of “gender” (gender) as an unshakable biological attribute and as a cultural determinant that determines the conceptualization of “masculinity” and “femininity”.

The article pays enough attention to one of the founders of cyberfeminism — a trend in modern feminist thought associated with the study of cyberspace, the Internet and information technology — Donna Jean Haraway, whose greatest fame was brought by the “cyborg theory”. A cyborg is a being whose borderline position at the intersection of the boundaries between nature and culture, body and mind, sex and gender, fact and fiction, serves as an argument for denying biological sex as a determinant of gender inequality in culture and society.

A significant place in the article is occupied by the figure of Shulamit Firestone, one of the founders of radical feminism. Her works, based on the fusion of ideas borrowed from Marxism, feminism and psychoanalysis, carried out a subtle scientific analysis that allowed linking the structures of gender inequality and economic stratification, as well as environmental degradation and the policy of scientific knowledge. In a style that later became a hallmark of feminist works of the 1970s, Sh. Firestone showed clear and internal links between the generally accepted expression of heterosexuality, “forced femininity” and the institutionalization of gender inequality.

At the end of the article, the author turns to the work of Judith Butler, a representative of poststructuralism, a specialist in the field of phenomenology and theory of gender, who opposes the existentialist vision of the problems of personality and being, culture and general human physiology, the interdependence between gender and sexual relations.

In general, the works of modern theorists of sociology and at the same time feminist sociologists have set new fields of sociological search, these feminist sociologists call for the construction of a new model of society, up to the establishment of a “new gender order” at the macro and micro levels of social life.

Key words: *gender, patriarchy, liberal and radical feminism, cyberfeminism, feminist theorists, Annie Oakley, Donna Haraway, Shulamit Firestone, Judith Butler, feminist paradigm in sociology, feminist epistemology.*

В 70-е гг. XX в. во многом благодаря очередной волне женских движений и проведению вдохновленных ими многочисленных “женских исследований” проблематика гендера, сексуальности и патриархата прочно укоренилась в социальных науках и нашла свое специфическое выражение в социологии. К концу XX в. в ее рамках выделилось несколько исследовательниц, отнесенных впоследствии к ключевым фигурам современной социологической теории — Энн Окли, Донна Харауэй, Шуламит Файрстоун и Джудит Батлер. Эти социологи, активно занимаясь насущными проблемами социального познания, тем не менее, рассматривали их в известной степени субъективно, с позиций так называемой феминистской парадигмы в социологии: модели социального анализа, рассматривающей общественные явления и процессы с феминноцентричной точки зрения, которая не только внесла значительный вклад в саму социологическую науку, но и послужила руководством к социальному действию, направленному на изменение существующего общественного порядка.

Творчество данных женщин-социологов стало своеобразным интеллектуальным манифестом — письменным изложением научных принципов феминистского направления в социологии, основанных на убеждении в постоянной дискриминации женщин во всех сферах социальной жизни. Тем не менее, их творчество, которое редко находит освещение в отечественной социологической литературе, настолько ярко и самобытно, что заслуживает детального анализа.

Яркая представительница либерально-реформистского направления в феминизме, сторонники которого объясняют дискриминацию женщин отсутствием возможности для реализации гражданских и юридических прав, Энн Окли (*Ann Oakley*) родилась в 1944 г. в Великобритании, в семье Ричарда Титмусса, влиятельного социолога, который написал несколько значительных работ, посвященных государству всеобщего благосостояния.

Она получила среднее образование в школе для девочек (*Habeasher's School for Girls*), а в 1965 г. окончила Сомервиль-колледж и поступила в Оксфордский университет. Студенческое исследование, проведенное ею в Оксфордском университете и посвященное изучению домашнего труда, легло в основу докторской диссертации “Секс, гендер и общество”¹, которую она защитила в Лондонском университете в 1972 г. По ее результатам в 1974 г. Э. Окли опубликовала две монографии “Домохозяйка”² и “Социология домашнего труда”³. В этих работах, оказавших впоследствии огромное влияние на социологическое сообщество, и нашел отражение ее профессиональный интерес к феминизму, который примерно с этого времени становится центральной темой творчества данной исследовательницы.

Вехи научной карьеры Э. Окли включают работу в Бедфорд-колледже Лондонского университета, Национальном перинатальном эпидемиологическом отделении Оксфордского университета, Институте образования университета Лондона, в штате которого она состояла продолжительное время. В 1990 г. Э. Окли основала Отделение социально-научных исследований при Лондонском университете, которое возглавляла вплоть до выхода на пенсию в 2005 г.

Следует отметить, что в 1993 г. она также основала Координационный центр по сбору данных в области политики и практической информации (*EPPI-Centre*). Кроме того, Э. Окли занималась созданием художественных произведений. Так, в 1988 г. увидел свет ее роман “Мужская комната”, по мотивам которого впоследствии сняли фильм.

В целом труды Э. Окли сочетают элементы художественной и документальной литературы, научных исследований и вымысла⁴, а если говорить о научном творчестве, то можно выделить четыре области, с помощью которых она проводит свои феминистские идеи. Это “секс и гендер”, “домашний труд и семейная жизнь”, “деторождение и медицина” и “собственно социология”, которые, конечно,

¹ *Oakley A. Sex, gender and society. L., 1972.*

² *Oakley A. Housewife. Harmondsworth, 1974.*

³ *Oakley A. The sociology of housework. Oxford, 1974.*

⁴ *Platt L. Ann Oakley // Fifty Key Sociologists: The Contemporary Theorists / Ed. by J. Scott. N.Y.; L., 2007. P. 183–187.*

часто пересекаются друг с другом. При этом, несмотря на то что феминистская ориентация Э. Окли predetermined ее взгляды на методологию социологической науки, а вопросы гендера поднимаются фактически во всех ее трудах, они олицетворяют те сферы социологии, в которые Э. Окли внесла уникальный вклад.

Именно Э. Окли считается родоначальником концепции “гендера” в социологии. Она развела понятия “гендера” (пола) как неизбежного биологического признака и как культурной детерминанты, predetermined концептуализацию “мужественности” и “женственности”. До сих пор она активно защищает свою концепцию гендера, представляющую аналитическую ценность, от критики и даже полного отрицания со стороны постмодернистов (включая феминистских постмодернистов) и социо-биологов. Э. Окли также приводит аргументы в пользу того, что определение пола/гендера играет важную роль в идентификации и исследовании сохраняющегося в обществе экономического неравенства, а также причин, его обуславливающих.

Э. Окли, как она сама пишет в своей автобиографии, “озадачила научное сообщество”, отважившись в своей диссертации на изучение домашнего труда. Ее представления о домашней работе как разновидности труда, который не только требует физических затрат, но и опустошает эмоционально, а также подсчет ею часов, которые женщина затрачивает на такую работу в дополнение или вместо оплачиваемой работы, оказали и продолжают оказывать влияние на современную трактовку понятия “домашний труд” в социологии. Примером служит работа Ивана Иллича “Гендер”, в которой этот ученый признает влияние исследований домашнего труда, проведенных Э. Окли, на свой образ мышления.

В исследованиях домашнего труда, предмета, который ранее не считался достойным изучения социологами, Э. Окли открыла маскулинность самой социологической дисциплины. Не только большинство крупных социологов были мужчинами, но применяемые ими подходы были мужскими по своей сути, поскольку темы, которые не соответствовали мужскому взгляду на мир, зачастую или просто игнорировались, или выводились за пределы социологии. В данной связи работы Э. Окли можно рассматривать как бросающие вызов “мужской гегемонии” в социологии, который нашел особое отражение в ее исследованиях, посвященных проблемам деторождения и материнства.

На протяжении ряда лет Э. Окли работала в сфере медицинской социологии и участвовала в исследованиях по “медицинскому обслуживанию населения”, проведение которых началось с изучения бб

женщин Лондона, только что родивших своих первенцев. В этих исследованиях Э. Окли не только доказала необходимость участия социологов в проблемах социальной защиты женщин-роениц. В монографии “Стать матерью”⁵ она также обосновала новый взгляд на материнство, который, так же, как и в случае с изучением домашнего труда, явился вызовом гендерно обусловленным стереотипам медицинского вмешательства в репродуктивный опыт женщины. Оценка внутреннего мира участниц исследований посредством интервью и наблюдений за встречами докторов со своими пациентками, стала важной частью ее исследования “Рожаящие женщины: к социологии деторождения”⁶, носивших как социально-научный, так и медицинский характер.

В отношении занятия Э. Окли собственно социологией следует отметить ее особый интерес к соблюдению точности методологии данной науки. Эта исследовательница постоянно подчеркивала важность того, чтобы все исследования социологов становились вкладом в знания, а эти знания могли бы использоваться в критической оценке существующих мифов. Будучи феминисткой, Э. Окли утверждает, что “хорошо построенное экспериментальное исследование играет важную роль в документировании живых реалий жизни женщины и помогает получить практические истины, имеющие потенциал эмансипации”⁷.

В соответствии с ее призывом к производству так называемых “полезных знаний”, которые действительно могут влиять на политику, она защищает выборочные контролируемые исследования как инструмент феминистских исследований и утверждает, что британская социология непозволительным образом пренебрегает экспериментами.

Э. Окли также попыталась продемонстрировать необходимость комбинирования количественных и качественных исследований. В частности, в работе “Эксперименты в знаниях: пол и метод в социальной науке”⁸. Она оспаривает обвинения в “предвзятости” собственных исследований и подчеркивает, что как исследовательские методы, так и области исследования необходимо связывать с тем историческим контекстом, который их породил. Эта посылка при-

---

⁵ Oakley A. *Becoming a mother*. Oxford, 1979.

⁶ Oakley A. *Women confined: towards a sociology of childbirth*. N.Y., 1980.

⁷ См. подробнее: Оукли Э. Гендер, методология и модусы человеческого знания: проблематика феминизма и парадигматические дискуссии в социальных науках // Введение в гендерные исследования. Хрестоматия. Харьков; СПб., 2001. С. 336–363.

⁸ Oakley A. *Experiments in knowing: gender and method in the social sciences*. Cambridge, 2000.

вела ее к признанию важности метатеоретического анализа, на который была направлена деятельность основанного и возглавляемого ею Научно-исследовательского отдела социальных наук в Институте образования *UCL* Университетского колледжа Лондона⁹.

Донна Джин Харауэй (*Donna Haraway*) — одна из основательниц киберфеминизма, направления в современной феминистской мысли, связанного с изучением киберпространства, интернета и информационных технологий¹⁰, родилась 6 сентября 1944 г., выросла в Денвере (штат Колорадо, США) в семье ирландских католиков, принадлежавшей к среднему классу. В 1966 г. она окончила католический колледж, получив образование сразу в нескольких областях. Благодаря этому и ее академическая карьера была связана с разными науками: Д. Харауэй специализировалась в зоологии, занималась философией и историей науки, а также английской литературой. В 1972 г. в Йельском университете она защитила диссертацию на тему “Кристаллы, материалы и поля: метафоры организма в биологии развития XX века”¹¹ и ей была присвоена степень доктора биологии. Диссертационное исследование стало точкой смещения интереса данной исследовательницы с биологии как области экспериментальной деятельности к истории и философии этой науки.

В 1974 г. Д. Харауэй получила должность старшего преподавателя факультета истории науки в Университете Джона Хопкинса, в котором проработала шесть лет, пока ей не предложили перейти в новое междисциплинарное экспериментальное подразделение Калифорнийского Университета — “Совет по истории сознания”. Этим подразделением, находящимся в процессе формирования, руководил известный историк литературы и литературный критик Хейден Уайт¹², который вел поиск молодых ученых, по своим интеллектуальным данным готовых работать на стыке разных наук. Он и задействовал Д. Харауэй для преподавания феминистской теории и ведения научных исследований, связанных с темой ее диссертации, а также опубликованными ею провокационными статьями по проблемам приматологии, секса, полов и рас, напечатанным в известном феминистском журнале “Знаки: женщины в культуре и обществе”¹³.

⁹ Энн Окли. URL: ru.knowledgegr.com (дата обращения: 19.11.2021).

¹⁰ Vk.com.cyberfeminism (дата обращения: 19.11.2021).

¹¹ Эта диссертация была опубликована: *Haraway D. Crystals, fabrics, and fields: metaphors of organism in 20th century developmental biology*. New Haven, 1976.

¹² См. подробнее: *Олейников А. Хейден Уайт как публичный историк // Новое литературное обозрение*. 2019. № 1. URL: www.nlobooks.ru (дата обращения: 19.11.2021); *Doran R. Heyden White and liberation historiography // Rethinking History. The Journal of Theory and Practice*. 2018. Vol. 12. N 4. P. 640–650.

¹³ Англоязычное название “*Signs: Journal of Women in Culture and Society*”. Основан в 1975 г. Джин Сакс.

Должность, полученная Д. Харауэй в Калифорнийском университете, была первой, которая однозначно связывалась с основанием феминистской теории в США¹⁴.

Как и многие ученые своего поколения, Д. Харауэй активно сочетала научную и общественно-политическую деятельность. В конце 1960-х гг. она принимала участие в движении против войны во Вьетнаме, а в 1970-х стала социалисткой и активисткой антирасистского феминистского движения. Также, еще будучи сотрудником Университета Джона Хопкинса, она вступила в члены марксистско-феминистского Женского союза. Феминизм марксистского толка, а позднее — крайнее левое направление постмодернистского феминизма оказали влияние на выбор ею сферы научной работы, политических пристрастий, а также на характер личной жизни¹⁵. В частности, сочетание личного, политического и научного в судьбе Д. Харауэй нашло отражение в книге-интервью “Подобно листу”, написанной Тирзой Николс Гудив, аспиранткой Д. Харауэй.

Научную деятельность Д. Харауэй отличает широкий междисциплинарный охват. Одновременно она является влиятельным феминистским теоретиком, специалистом в области технических наук и культурологических исследований по проблемам пола. Более того, у Д. Харауэй всегда был широкий круг читателей вне академического мира: в частности, ее “теория киборга”, изложенная в работе “Манифест киборга: наука, технология и социалистический феминизм в конце XX века”¹⁶ привлекла внимание мировой общественности и приобрела культовый статус.

Следует отметить, что термин “киборг” — аббревиатура слова “кибернетический организм”, означает нашпигованный техникой организм (человека или животного), машиночеловека или машинноживотное. Он вошел в обиход в 1960-х с началом космических исследований в США в связи с теоретическими предположениями относительно радикального изменения тел, в результате которого люди и животные смогут жить в открытом космосе. Киборг также является персонажем научной фантастики, таким как главный герой фильмов “Терминатор”.

Если говорить конкретно о работе “Манифест киборга: наука, технология и социалистический феминизм в конце XX века”, то в ней Д. Харауэй заявляет о себе как о личности, отстаивающей по-

---

¹⁴ См. подробнее: *Schneider J. Donna Haraway: live theory. L., 2005.*

¹⁵ *Lykke N. Donna Haraway // Fifty Key Sociologists: The Contemporary Theorists / Ed. by J. Scott. N.Y.; L., 2007. P. 136–140.*

¹⁶ *Haraway D. A cyborg manifesto: science, technology, and socialist-feminism in the late twentieth century // Socialist Review. 1985. N 80.*

литику критического феминизма и антирасизма и ведущей технокультурологические исследования. Она подчеркивает, что киборга следует рассматривать с различных перспектив. С одной стороны, он — пособник как капитализма, так и общественных отношений, пронизанных всеми формами гендерного, расового, сексуального и классового неравенства. С другой стороны, этот образ обладает очень важными способностями. Раскрывая характер этих способностей, Д. Харауэй указывает на то, что образ киборга не является абсолютным продуктом ни природы, ни культуры, также как и абсолютно реальным или вымышленным персонажем. Исследовательница подчеркивает, что киборг занимает пограничное положение на пересечении границ между природой и культурой, телом и умом, сексом и полом, фактом и вымыслом. Находясь в подобном положении, киборг как бы поднимает вопрос о гегемонии и неравенстве, узаконенных посредством сохранения этих границ. Если смотреть с феминистской точки зрения, важно, например, то, что пограничное положение киборга может привести к разрушению любого теоретического обоснования доводов в пользу биологического секса как детерминанты неравенства положений полов в культуре и обществе¹⁷.

В соответствии с теорией киборга Д. Харауэй, тела нельзя признавать неизменчивыми сущностями, также как нельзя узаконивать любые виды социокультурных конструкций и стереотипов. Вместо тел, наделенных признаками пола, в киборгах следует видеть тянущиеся взаимосвязанные цепи слов и материю (вещества), находящиеся в непрерывном процессе реконфигурации. Для описания сложных реконфигураций тел киборгов Д. Харауэй использует термин “материально-семиотические”, с помощью которого подчеркивает, что материальность тел и приписываемые им смыслы взаимосвязаны, поэтому материальность и формирование смыслов не следует разделять.

Помимо образа киборга красной нитью в работах Д. Харауэй прослеживается также ее интерес к взаимоотношениям между человеком и животными. По ее мнению, животные, как и киборги, находятся на границе между миром людей и миром всех тех, кто “не является людьми” — категорией, включающей в себя как животных, так и машины¹⁸.

Одним наглядным примером служит ее революционное исследование приматов “Представления о приматах: пол, раса и природа в

---

¹⁷ См. подробнее: *Haraway D. Situated knowledge: the science question in feminism and the privilege of partial perspective // Feminist Studies. 1988. N 14.*

¹⁸ См. об этом: *Haraway D. Simians, cyborgs, and women. The reinvention of nature. (Essays from 1978–1989). L., 1991.*

мире современной науки”¹⁹, в котором она убеждает читателя в том, что историю биологии можно трактовать как упражнение в рассуждениях о сексе, поле и расе. Другим примером “пограничной сущности” является так называемая онкомышь — лабораторная мышь, полученная генетически инженерными методами для научных исследований рака груди и ставшая первым в мире запатентованным животным. Лабораторная онкомышь оказывается ключевой фигурой в ее книге “Modest_IVitness@ Semnd_Millennium. Female-man _Meets_OncoMouse™”, название которой не подлежит переводу, и в которой рассматривается взаимосвязь между такими вещами, как рассказы, мечты, теории и рекламные приемы. Еще один пример — работа Д. Харауэй в области взаимоотношений между человеком и собакой, отраженная опубликованном ею труде “Манифест сопутствующих видов: собаки, люди и существенное различие”²⁰.

Согласно Д. Харауэй, исследователю, вступающему в содержательные разговоры с “фигурами, занимающими пограничное положение”, будь то киборги, приматы, онкомыши и т.п., необходимо выработать новые теоретические и методологические подходы, так называемые “мыслительные приемы”. Таким образом, она сочетает свои лучшие качества биолога, литературоведа, философа и историка науки в высшей степени неортодоксальными и оригинальными исследовательскими методами. Безусловно, это делает стиль ее публикаций и академических трудов очень сложным, перенасыщенным эмпирическим, теоретическим и методологическим содержанием.

В феминистском социологическом сообществе Д. Харауэй получила известность благодаря своему вкладу в эпистемологические дебаты по вопросам феминизма и постмодернизма. В частности, статья “Ситуационное знание: научный вопрос о феминизме и привилегии неполной проекции”²¹ стала ключевой в дискурсе о политике размещения и производства знаний. Д. Харауэй убедительно доказывает, что производство знаний не глобально. Оно должно трактоваться как часть конкретного регионального контекста и всегда рассматриваться как производимое овеществленными субъектами, располагающими лишь частичным доступом к реальности. Тем не менее, в отличие от классического релятивистского постмодернизма, Д. Харауэй призывает к объективности: исследователь должен брать на себя ответственность за как можно более объективное описание

---

¹⁹ Haraway D. Primate visions. Gender, race, and nature in the world of modern science. L., 1989.

²⁰ Haraway D. The companion species manifesto. Dogs, people, and significant otherness. Chicago, 2003.

²¹ Haraway D. Situated knowledge: the science question in feminism and the privilege of partial perspective // Feminist Studies. 1988. N 14.

этой реальности, даже если оно отчасти является отражением его собственной субъективной позиции.

Шуламит Файрстоун (Shulamith Firestone) — одна из основоположниц радикального феминизма, направления в феминизме, делающего акцент на глубоком конфликте между мужчинами и женщинами, родилась в 1945 г. в Оттаве (Канада), а образование получила в США. Там она окончила Институт искусств в городе Чикаго и получила степень магистра изобразительных искусств²². В 1970 г. Ш. Файрстоун опубликовала работу “Диалектика секса: аргументы в поддержку феминистской революции”²³, ставшую одним из наиболее важных феминистских манифестов наряду с “Загадкой женственности” Бетти Фридан, “Политикой пола” Кейт Миллет и “Женщиной-евнухом” Жермены Грир.

Ш. Файрстоун является одним из первых теоретиков и практиков “радикального феминизма”: она регулярно писала статьи для радикального феминистского журнала “Заметки”²⁴, выступила основательницей нескольких феминистских организаций — “Радикальные женщины Нью-Йорка”, “Красные чулочницы”, “Радикальные феминистки Нью-Йорка”.

В целом Ш. Файрстоун разделяла идеи других радикальных феминисток (в частности, К. Миллет, М. Дейли, К. Дельфи и др.) о том, что угнетение женщин — это первая, наиболее распространенная и глубокая форма человеческого угнетения. Главный враг женщин — это патриархат: комбинация социальной, экономической и культурной систем, которая утверждает мужское превосходство²⁵.

Радикальный феминизм определяет патриархат как “систему власти, при которой именно мужчине принадлежит верховная власть и экономические привилегии”²⁶ и рассматривает его как автономную социальную, историческую силу²⁷. Патриархат — это специфическая форма жизни, основанная на том, что мужчина присваивает себе лучшие социальные роли и всегда держит женщину в подчиненном положении. Патриархальные отношения действуют скорее как кастовая система, в которой один пол — мужской, по своей природе

---

²² Franklin S. Shulamith Firestone // Fifty Key Sociologists: The Contemporary Theorists / Ed. by J. Scott. N.Y.; L., 2007. P. 77.

²³ Firestone S. The dialectic of sex — the case for feminist revolution. N.Y., 1968.

²⁴ Полное название на английском языке «Ms Magazine “Feminist Notes”: on Third World Feminist Women’s Project».

²⁵ Coote A., Campbell B. Sweet freedom. L., 1982. P. 216.

²⁶ Eisenstein Z. Socialist feminist and the case for capitalist patriarchy. N.Y., 1979. P. 17.

²⁷ Anderson M. Thinking about women: sociological perspectives on sex and gender. N.Y., 1993. P. 330.

обладает большей силой, а, следовательно, и властью. Хотя мужчины наделены не одинаковой степенью общественной власти и влияния, все они разделяют общие патриархальные взгляды, извлекают выгоду из господствующего положения мужчин в обществе и получают привилегии из своей принадлежности к мужскому полу. Они присваивают большую часть материальных благ и социальных привилегий и практикуют сексуальное и физическое насилие над женщинами, в частности, контролируют женскую сексуальность.

Радикальные феминистки также считают, что угнетение и неравенство отношений между мужчинами и женщинами начинается не в большом обществе, а в близких личных отношениях, в сексуальном партнерстве и семьях. Личные отношения являются также “политическими отношениями”, поскольку они основываются на разных степенях власти, что предопределено принадлежностью к мужскому или женскому полу. Религия, право, традиции, образование, средства массовой информации являются отражением патриархальных отношений, идей и власти, которые возникают изначально из власти отдельных мужчин над отдельными женщинами и которые затем проецируются на все общество.

В данной связи основная цель радикальных феминисток заключается не в том, чтобы добиться равных прав с мужчинами, поскольку они вовсе не стремятся, чтобы женщины стали такими же, как мужчины. Они хотят полностью освободить женщин от патриархального гнета с помощью социальной, феминистской, революции, при которой, в частности, произойдет реструктуризация личной, семейной и частной жизни. Следует отметить, что в самой своей экстремальной форме радикальный феминизм рассматривает мужчину в качестве врага и провозглашает требование для женщин “дистанцироваться от мужчин”.

Однако Ш. Файрстоун, на основе сплава идей, заимствованных из марксизма, феминизма и психоанализа, осуществила тонкий, научный анализ, позволивший связать между собой структуры гендерного неравенства и экономической стратификации, а также ухудшение окружающей среды и политику научного знания. В стиле, ставшем впоследствии отличительным признаком феминистских произведений 1970-х гг., Ш. Файрстоун показала явные и внутренние связи между общепринятым выражением гетеросексуальности, “принудительной женственностью” и институционализацией гендерного неравенства. Ответственность за дискриминацию по признаку пола она возложила на “общество, насыщенное сексуальной полярностью”, отягощенное расизмом, классовым неравенством, избыточным потреблением и спадом производства.

Как и все сторонники радикального феминизма, Ш. Файрстоун выбрала мишенью “культуру романтической любви”, “идеал красоты” и “культивирование женственности”, считая их фальшивыми и являющимися первопричиной низкой самооценки женщин и их явно девальвированного социального статуса. Находясь в равной мере под влиянием Фридриха Энгельса и Симоны де Бовуар, она увидела неразрывную связь между дефектами промышленного капитализма и структурами пола, брака, детства и традиционной семьи, внутри которых дети воспринимаются как собственность родителей. Она утверждала, что “капитализм дал импульс развитию наихудших черт патриархата”, в то время как биологическая семья сохранила как хорошие, так и плохие его черты.

Следует отметить, что этой исследовательнице также приписывают идеи радикальных феминисток о том, что для того, чтобы избавиться от патриархата, необходимо начинать с уничтожения полового статуса, роли, темперамента и социальных конструктов, которые были сформированы в условиях патриархата, поскольку патриархат установлен через связи между мужчинами. В таком случае сплоченность женщин представляется единственно эффективным средством в борьбе за их освобождение. Полная изоляция от мужчин (возможно и посредством новых репродуктивных технологий), а также избавление от институций, отношений, ролей и видов деятельности, которые определены мужчинами, управляются мужчинами, приносят выгоду мужчинам и поддерживают мужские привилегии²⁸, служат своеобразными лозунгами, направляющими политические действия представительниц данного направления.

На самом деле, во многих отношениях доводы Ш. Файрстоун носили иной характер. Так, несмотря на то что ее часто представляют поборником технического детерминизма, в своих рассуждениях С. Файрстоун подчеркивает социальную обусловленность технологии и, как следствие, существование социальных пределов ее роста. По ее мнению, именно революционная сила технологического прогресса установила принципиальную связь между феминизмом и радикальной экологией, так как, по ее мнению, необходимость более строгого технологического контроля как над производством, так и воспроизводством человека в конечном итоге становится определяющей в вопросе выживания человека. «Таким образом, — утверждала она, — что касается современной технологии, революционное экологическое движение могло бы иметь ту же цель, что и феминистское движение: контроль новой технологии в интересах

---

²⁸ *Tong M. Feminist thought: a comprehensive introduction. Boulder, 1989.*

гуманных целей, установление выгодного “человеческого” равновесия между обществом и новой, создаваемой им искусственной средой обитания, взамен разрушенного “естественного баланса”»²⁹.

Именно в технологиях Ш. Файрстоун видит средство спасения социума от деградации, а окружающей среды — от разрушения. При этом она пыталась доказать, что наука и техника не могут привести к данным целям без радикальных социальных изменений. Необходимым условием для установления “нового экологического баланса”, создания альтернативы “притеснениям в биологической семье”, а также “полной реорганизации экономики”, является феминистская революция.

Расширяя эти задачи, Ш. Файрстоун выступала за постепенный отход от жесткого и морализаторского биологизма, в котором ностальгически хотят видеть опору идеи “естественности” пола, родительских обязанностей и репродуктивного поведения. Так, она прославилась, подобно Симоне де Бовуар, своими рассуждениями о том, что бремя деторождения, наложенное на женщин, является “первобытным”, а бесчеловечные условия труда работников предприятий — узаконенными капиталистической логикой “привыкания”. Но в то же время эта исследовательница искала технологические, социологические и философские решения, сосредоточивая внимание, прежде всего, на контроле деторождения посредством искусственных сред (пробирок или искусственных маток)³⁰ и производства (за счет “кибернетизации”).

Работы Ш. Файрстоун³¹, также как и труды Д. Харауэй, представляют собой смесь технологического оптимизма и пессимизма в сочетании со склонностью к революционным манифестам. Но они также содержат немало важных догадок о влиянии гендерных стереотипов на технологическое развитие, способности новых технологий усилить социальное неравенство и одновременно, по иронии, изменять или разрушать установленные социальные структуры.

Хотя аргументация Ш. Файрстоун основана на слишком сильной вере в возможности новых репродуктивных технологий “освобождения женщин”, в ней можно увидеть одну оговорку: новые репродуктивные технологии лишь увеличат гендерную полярность, если их применение не будет сопровождаться радикальным пересмотром традиционного разделения половых ролей, родительских обязанностей и функций семьи. Она даже пророчески предупреждает

---

²⁹ *Franklin S. Shulamith Firestone // Fifty Key Sociologists: The Contemporary Theorists / Ed. by J. Scott. N.Y.; L., 2007. P. 79.*

³⁰ *Firestone S. The dialectics of sex: the case of feminist revolution. N.Y., 1992. P. 43.*

³¹ *Firestone S. Notes from the first year. N.Y., 1968.*

дала, что «в руках современного общества и под руководством современных ученых (немногие из которых — женщины и, более того, феминистки), любая попытка применения технологии с целью “освобождения” кого бы то ни было является сомнительной»³².

Перу Ш. Файрстоун также принадлежит книга “Безвоздушные пространства”³³, опубликованная через тридцать лет после первого издания монографии “Диалектика секса: аргументы в поддержку феминистской революции”. Эта книга представляет собой серию сжатых зарисовок из непростой жизни самой Ш. Файрстоун, наполненной различными перипетиями: от неустроенности личной жизни, частой потери заработка, до помещения в специальные лечебные учреждения. В ней же она изображает зачастую сюрреалистические каждодневные миры своих друзей и знакомых, многие из которых разделяют ее маргинальный образ жизни и связанные с ним риски приобрести пагубные привычки, оказаться в нищете, решится на самоубийство или погрузиться в депрессию. С тем же пафосом и с тем же объективным пониманием цены структурного неравенства, но на языке анализа и описаний, она обращает свой революционный пыл на маргинальность повседневной жизни.

Начиная с яркого теоретического представления гендерной проблематики, технологий и изменения общества, опубликованного ею в середине периода революционных общественных движений, и кончая суровой картиной собственного изгнания из общества в конце XX в. (в виду заболевания шизофренией — Прим. Е.Д.), Ш. Файрстоун остается идеологом радикально-феминистского видения гендерного неравенства, обусловленного давлением на женщину патриархальной социальной структуры.

Известный философ и социолог, представительница постструктурализма, специалист в области феноменологии и теории гендера³⁴ Джудит (Юдифь) Батлер (*Judith Butler*) родилась в 1956 г. в США, в семье иудеев, выходцев из России и Венгрии.

В 70-х гг. XX в. Дж. Батлер изучала философию в колледже Бенмгтона в Вермонте, а затем в Йельском университете. По программе научных обменов она была отправлена на стажировку в Гейдельбергский университет (Германия), где изучала европейскую философию и посещала лекции и семинары философа Ганса-Георга Гадамера. После возвращения в Йельский университет Дж. Батлер уже в качестве аспирантки ходила на лекции Жака Дерриды и Поля де Мана, с

---

³² *Franklin S. Shulamith Firestone* P. 80.

³³ *Firestone S. Airless spaces*. N.Y., 1998.

³⁴ См. об этом: *Borgerson J. Judith Butler // Fifty Key Sociologists: The Contemporary Theorists* / Ed. by J. Scott. N.Y.; L., 2007. P. 47–51.

идеями которых, однако, не всегда была согласна. Под руководством Мориса Натансона, последователя Эдмунда Гуссерля, учившегося вместе с Альфредом Шюцом, Дж. Батлер защитила диссертацию на тему “Субъект желания — рефлексии о Гегеле во Франции XXI века”, результаты которой были опубликованы в монографии “Субъект желания”³⁵.

Спустя три года она опубликовала монографию “Гендерное беспокойство: феминизм и инверсия идентичности”³⁶, которая, несмотря на критику, стала бестселлером. Именно на основе данной книги родилась так называемая “квир-теория” Дж. Батлер, согласно которой, как считали многие, “половое поведение можно выбирать или менять, словно театральный костюм”. Безусловно, Дж. Батлер внесла вклад в данное новое направление философии, однако она подчеркивала, что такое понимание ее книги ошибочно, поскольку не учитывает связи этой теории с идеями Гегеля и основными аспектами феноменологии³⁷.

Все работы Дж. Батлер, среди которых “Фуко и парадокс знаков тела” (1986)³⁸, “Тела, имеющие значение: о дискурсивных теориях пола” (1993)³⁹, “Психика власти: теории субъекции” (1997)⁴⁰, “Уничтожение пола” (2004)⁴¹, “Самоотчет” (2005)⁴² и др., чрезвычайно содержательны и глубоки. Они написаны прекрасным, ярким языком и посвящены таким проблемам, как формирование личности, вербальная коммуникация, а также современному звучанию идей гегелианской философской школы. В них Дж. Батлер выступает против экзистенциалистского видения проблем личности и бытия, культуры и общей физиологии человека, взаимозависимости между гендером и сексуальными отношениями. Другими словами, она затрагивает все аспекты мужской и женской психофизиологии, а также ее проявлений в мужском и женском половом поведении. Посредством подробного и глубокого анализа идей Зигмунда Фрейда и французского философа Мишеля Фуко этой исследовательнице удалось создать новую фундаментальную теоретическую базу, соприкасающуюся с различными отраслями философии. В частности,

---

³⁵ *Butler J.* Subjects of desire. N.Y., 1987.

³⁶ *Butler J.* Gender trouble: feminism and the subversion of identity. N.Y., 1990.

³⁷ *Borgerson J.* Judith Butler. P. 47–51.

³⁸ *Butler J.* Foucault and the paradox of bodily inscriptions // *Journal of Philosophy*. 1989. N 86.

³⁹ *Butler J.* Bodies that matter: on the discursive limits of “sex”. N.Y., 1993.

⁴⁰ *Butler J.* The psychic life of power: theories of subjection. Stanford, 1997.

⁴¹ *Butler J.* Undoing gender. N.Y., 2004.

⁴² *Butler J.* Giving an account of oneself. N.Y., 2005.

Дж. Батлер внесла существенный вклад в развитие феноменологии, а именно в такие ее направления, как эволюция сознания личности и ее восприятие внешнего мира.

Дж. Батлер, следуя феноменологической традиции, в рамках которой исследуются сущность, взаимозависимость и онтологическая важность явлений, а также рамки понимания таких противоположных понятий, как конечность и бесконечность, бытие—небытие, личность и общество, белые и черные (в расовом противостоянии) расы, предпринимает попытку объяснить данные феномены с точки зрения отношений между мужским и женским началами и их влиянием на процесс формирования психологии и полового поведения личности. Согласно Дж. Батлер, способность индивида воспринимать и понимать окружающий мир ограничена повторяющимися типами общепринятого поведения и жестов, выбор которых с одной стороны произволен, а с другой — предопределен.

Эти типы она называет “перформативными итерациями”⁴³. Перформативные итерации — это не простое выражение эмоций в тех или иных жизненных ситуациях, а “регулярное и вынужденное повторение норм поведения, в результате которого формируется личность, проявляющая естественное поведение, в том числе и сексуальное”⁴⁴.

Однако необходимо подчеркнуть, что использование Дж. Батлер термина “перформативный” является формальным, идущим от семиотической связи между словами и понятиями или между словами и другими языковыми знаками. По этой причине семиотика, или наука о знаках, а также другие теории играют основополагающую роль в построении логичной и понятной модели формирования личности. Индивидуум приходит в мир, уже имея лингвистические способности, которые проявляются в процессе использования языка жестов, движения тела, попыток разговора, размышления и других перформативных действий. Таким образом, содержание слова “перформативный” не может быть передано с помощью таких понятий как “действие”, “поступок”, “поведение”. Оно созвучно терминологии, использованной в работе И. Гофмана “Представление себя другим в повседневной жизни”, в которой описываются поведенческие аспекты личности и то, как они влияют на ее развитие, что является решающим фактором в процессе формирования образа себя и представлении его другим людям.

---

⁴³ *Iterations* в дословном переводе с английского “повторение”.

⁴⁴ *Borgerson J. Judith Butler. P. 48.*

В своих работах Дж. Батлер постоянно отмечает, что понятие индивидуума или личности недостаточно проработано с позиции проблемы объективной реальности и бытия. Данный вопрос характерен для экзистенциальной философии, которая пытается понять, что первично — бытие или действие. Как считает эта исследовательница, бытие никогда не будет устойчивым и завершённым, поскольку оно постоянно находится в движении и циклической итерации. Поэтому перформативные итерации формируют личность, а не наоборот. Таким образом, она утверждает, что итерации осуществляет не человек, а окружающие его индивиды: благодаря им формируется сам человек и устанавливаются временные условия его существования.

Идеи Дж. Батлер о формировании личности через перформативные итерации демонстрируют фундаментальный характер ее теоретического подхода. Как утверждает сама исследовательница, «если какая-либо структура или личность в своем развитии проявляет повторяющиеся действия, то данная структура не может быть идеальной или абсолютной, поскольку она существует в процессе непрерывных итераций. Итерация и повторяемость являются необходимостью»⁴⁵.

Итак, согласно Дж. Батлер, формирование личности через итерации происходит через повторение ожидаемых и признанных обществом действий, жестов и поступков. Однако подобная трактовка не учитывает возможности появления случайных обстоятельств. В данной связи Дж. Батлер настаивает на том, что необходимо понимать потенциально возможные различные варианты поведения личности, которые ожидаются обществом в различных ситуациях. Хотя появление этих возможных вариантов и бросает вызов теории, но само их наличие не должно пониматься как намерение эту теорию оспорить. Дж. Батлер следующим образом объясняет этот казус: «...если типичные итерации изменяются и эволюционируют, то все, на чем они основывались, и что признавалось объективной и идеальной логической конструкцией, также может быть подвергнуто сомнению. Это в свою очередь открывает возможность возникновения различных понятий и явлений, которые зависят от конкретных обстоятельств и могут меняться»⁴⁶.

В настоящее время Дж. Батлер, является профессором риторики и сравнительной литературы Калифорнийского университета в Беркли, работает в различных областях философии⁴⁷ и пишет для

---

⁴⁵ *Borgerson J. Judith Butler. P. 49.*

⁴⁶ *Ibid.*

⁴⁷ Одна из последних работ Дж. Батлер «Who Sings the Nation State. Language, Politics, Belonging» (2007) посвящена еврейской философии.

широкого круга читателей. Ее работы, некоторые из которых переведены и на русский язык⁴⁸, помогают переосмыслить историю идей и расширить понятийный аппарат, касающийся социологии повседневной жизни человека. У Дж. Батлер есть веб-страницы, журналы поклонников, ее работам посвящают учебные программы и диссертации.

В целом труды современных теоретиков социологии и одновременно феминистских социологов задали новые поля социологического поиска: гендерные отношения сейчас являются самой стабильной темой в прикладных социологических исследованиях в Западной Европе и США, а различия по признаку пола уже не рассматриваются в качестве независимой переменной. Они служат показателем, присутствие которого имплицитно подразумевает существование нормативного стандарта гендерного равенства. Более того, акцент на сохраняющейся дифференциации между мужчинами и женщинами привел к более четкой восприимчивости гендерных различий при анализе классовых, расовых, статусных и других социальных отношений.

Исследования в специализированных изданиях, например, в “Американском социологическом журнале” или в журнале “Современная социология” свидетельствуют о наличии динамичного феминистского социологического сообщества, которое продолжает сочетать исследовательскую работу с попытками повлиять на общественное мнение, чтобы изменить окружающий мир.

Феминистские социологи ведут диспут с традиционной социологией не только по вопросам гендерных принципов социального взаимодействия, построению новой модели общества, вплоть до установления “нового гендерного порядка”, границ субъективности социального опыта и интеграции макро- и микроуровней социальной жизни⁴⁹.

Феминистская социологическая теория начинается с социологии познания, которая получила название “феминистской эпистемологии”, в рамках которой феминистские социологи пытаются описать, проанализировать и изменить мир с позиций женщин. При этом они исходят из следующих посылок:

---

⁴⁸ На русском языке изданы: *Батлер Дж.* Психика власти: теории субъекции. Харьков; СПб., 2002; *Батлер Дж.* Лакан, Вивьер и стратегии маскарада // Гендерные теории и искусство. Антология: 1970–2000. М., 2005.

⁴⁹ *Benjamin J.* The bonds of love: psychoanalyze, feminism and the problem of domination. N.Y., 1988; *Bordo S.* Feminism, postmodernism and gender skepticism // *Feminism/Postmodernism* / Ed. by L. Nicholson. N.Y., 1990; *Hennessey R., Ingraham C.* Introduction: reclaiming anticapitalist feminism // *Hennessey R., Ingraham C.* Materialist Feminism. N.Y.; L., 1997.

- все познающие субъекты находятся в группах, которые занимают различные статусные позиции в социальной структуре общества;
- знания этих субъектов всегда фрагментарны и ангажированы, а не целостны, полны и объективны;
- сами эти знания продуцируют различия как в самих социальных группах, так и между ними;
- они всегда подкрепляются системой властных отношений, поскольку сформулированы с точки зрения доминирующей и доминантной групп⁵⁰.

На базе этих посылок феминистские социологи не только пытаются описать, проанализировать и даже изменить окружающий мир с позиций женщин. Они рассматривают знание как часть системы мужской власти, которая управляет обществом. Именно с этой целью они предприняли попытки создать “баланс власти” внутри социологической теории, т.е. внедрить в нее точку зрения женщин в качестве одной из отправных для конструирования социального знания. По их мнению, эта женская точка зрения является продуктом социальной солидарности, исторически выработанной женским сообществом.

На протяжении всей истории развития человечества женщины, находясь во власти патриархальных отношений, независимо от их этнической и классовой принадлежности были “привязаны” к задачам социального воспроизводства — рождению и воспитанию детей, ведению домашнего хозяйства, заботе о больных и престарелых, эмоциональному и сексуальному обслуживанию мужчин, что обусловило их “классовую солидарность”. Однако гендерное неравенство имеет “пересечение” с классовым, расовым, статусным, возрастным, которые объединены в комплексную систему социального неравенства. Эти “внутренние пересечения” различных аспектов неравенства и служат интегральным предметом современного феминистского социологического анализа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Батлер Дж.* Психика власти: теории субъекции. Харьков; СПб., 2002.
- Батлер Дж.* Лакан, Вивьер и стратегии маскарада // Гендерные теории и искусство. Антология: 1970–2000. М., 2005.
- Миллет К.* Сексуальная политика // Вопросы философии. 1994. № 9.
- Оукли Э.* Гендер, методология и модусы человеческого знания: проблематика феминизма и парадигматические дискуссии в социальных науках // Введение в гендерные исследования. Хрестоматия. Харьков; СПб., 2001. С. 336–363.
- Теория и история феминизма / Под ред. И.А. Жеребкиной. Харьков, 1996.

---

⁵⁰ *Hardling S.* Feminism and methodology. Bloomington, 1987. P. 211.

REFERENCES

- Anderson M.* Thinking about women: sociological perspectives on sex and gender. N.Y., 1993.
- Batler Dzh.* Lakan, Viv'èr i strategii maskarada [Lacan, Vivier and Masquerade Strategies] // *Gendernye teorii i iskusstvo. Antologiya: 1970–2000. M., 2005* (in Russian).
- Batler Dzh.* Psihika vlasti: teorii sub"ekcii [The psyche of power: the theory of subjection]. Har'kov; SPb., 2002 (in Russian).
- Benjamin J.* The bonds of love: psychoanalyze, feminism and the problem of domination. N.Y., 1988.
- Bordo S.* Feminism, postmodernism and gender skepticism // *Feminism/ Postmodernism* / Ed. by L. Nicholson. N.Y., 1990.
- Borgerson J.* Judith Butler // *Fifty Key Sociologists: The Contemporary Theorists* / Ed. by J. Scott. N.Y.; L., 2007.
- Busfield J.* Dorothy Smith // *Fifty Key Sociologists: The Contemporary Theorists* / Ed. by J. Scott. N.Y.; L., 2007. P. 200–205.
- Butler J.* Subjects of desire. N.Y., 1987.
- Butler J.* Foucault and the paradox of bodily inscriptions // *Journal of Philosophy*. 1989. N 86.
- Butler J.* Gender trouble: feminism and the subversion of identity. N.Y., 1990.
- Butler J.* Bodies that matter: on the discursive limits of "sex". N.Y., 1993.
- Butler J.* The psychic life of power: theories of subjection. Stanford, 1997.
- Butler J.* Undoing gender. N.Y., 2004.
- Butler J.* Giving an account of oneself. N.Y., 2005.
- Coote A., Campbell B.* Sweet freedom. L., 1982.
- Eisenstein Z.* Socialist feminist and the case for capitalist patriarchy. N.Y., 1979.
- Fifty Key Sociologists: The Contemporary Theorists* / Ed. by J. Scott. N.Y.; L., 2007.
- Firestone S.* Notes from the first year. N.Y., 1968.
- Firestone S.* The dialectics of sex: the case of feminist revolution. N.Y., 1992.
- Firestone S.* Airless spaces. N.Y., 1998.
- Franklin S.* Shulamith Firestone // *Fifty Key Sociologists: The Contemporary Theorists* / Ed. by J. Scott. N.Y.; L., 2007.
- Haraway D.* Crystals, fabrics, and fields: metaphors of organism in 20th century developmental biology. New Haven, 1976.
- Haraway D.* A cyborg manifesto: science, technology, and socialist-feminism in the late twentieth century // *Socialist Review*. 1985. N 80.
- Haraway D.* Situated knowledge: the science question in feminism and the privilege of partial perspective // *Feminist Studies*. 1988. N 14.
- Haraway D.* Primate visions. Gender, race, and nature in the world of modern science. L., 1989.
- Haraway D.* Simians, cyborgs, and women. The reinvention of nature. (Essays from 1978–1989). L., 1991.
- Haraway D.* The companion species manifesto. Dogs, people, and significant otherness. Chicago, 2003.
- Hardling S.* Feminism and methodology. Bloomington, 1987.
- Hennessey R., Ingraham C.* Introduction: reclaiming anticapitalist feminism // *Hennessey R., Ingraham C. Materialist Feminism*. N.Y.; L., 1997.
- Lengermann P., Niebrugge-Brantley J.* Contemporary feminist theory // *Ritzer G. Sociological Theory*. McGraw-Hill, 2000.

Lykke N. Donna Haraway // Fifty Key Sociologists: The Contemporary Theorists / Ed. by J. Scott. N.Y.; L., 2007. P. 136–140.

Millet K. Seksual'naya politika [Sexual politics] // Voprosy filosofii. 1994. N 9 (in Russian).

Oakley A. Sex, gender and society. L., 1972.

Oakley A. Housewife. Harmondsworth, 1974 (a).

Oakley A. The sociology of housework. Oxford, 1974 (b).

Oakley A. Becoming a mother. Oxford, 1979.

Oakley A. Women confined: towards a sociology of childbirth. N.Y., 1980.

Oakley A. Experiments in knowing: gender and method in the social sciences. Cambridge, 2000.

Oukli E. Gender, metodologiya i modusy chelovecheskogo znaniya: problematika feminizma i paradigmaticheskie diskussii v social'nyh naukah [Gender, Methodology and Modes of Human Knowledge: Feminist Issues and Paradigmatic Discussions in the Social Sciences] // Vvedenie v gendernye issledovaniya. Hrestomatiya. Har'kov; SPb., 2001. S. 336–363 (in Russian).

Platt L. Ann Oakley // Fifty Key Sociologists: The Contemporary Theorists / Ed. by J. Scott. N.Y.; L., 2007. P. 183–187.

Schneider J. Donna Haraway: live theory. L., 2005.

Smith D. Power and the front-line: social controls in a state mental hospital. Toronto, 1963.

Smith D. The everyday world as problematic: a feminist sociology. Boston, 1987.

Smith D. Texts, facts and femininity: exploring the relations of ruling (Essays of 1978–1990). L., 1990 (a).

Smith D. The conceptual practices of power: a feminist sociology of knowledge (Essays of 1974–1990). Boston, 1990 (b).

Smith D. Writing the social: critique, theory and investigations (Essays of 1991–1999). Toronto, 1999.

Smith D. Institutional ethnography: a sociology for people. Walnut Creek, 2005.

Teoriya i istoriya feminizma [Theory and history of feminism] / Pod red. I.A. Zherebkinoj. Har'kov, 1996 (in Russian).

Tong M. Feminist thought: a comprehensive introduction. Boulder, 1989.

Women look at psychiatry / Ed. by D. Smith, S.J. David. Vancouver, 1975.

DOI: 10.24290/1029-3736-2022-28-1-110-125

НЕКОТОРЫЕ ДИСФУНКЦИИ ПРОЦЕССА СОЦИАЛИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ “БОЛЬШИХ” ВЫЗОВОВ*

В.А. Смирнов, докт. социол. наук, доц., проректор по стратегическим коммуникациям Костромского государственного университета, ул. Дзержинского, д. 17, г. Кострома, Российская Федерация, 156005**

О.Б. Скрябина, канд. пед. наук, доц., проректор по развитию социокультурной среды и воспитанию Костромского государственного университета, ул. Дзержинского, д. 17, г. Кострома, Российская Федерация, 156005***

Т.И. Бессонова, канд. психологич. наук, доц., доц. кафедры психологии Севастопольского государственного университета, ул. Университетская, 33, г. Севастополь, Российская Федерация, 299053****

В статье на основе результатов эмпирического исследования проанализированы некоторые особенности социализации российской молодежи в условиях современного общества. Основное внимание авторы уделяют восприятию молодежью государства, проблем, стоящих перед ним, а также анализу эффективности проектной деятельности молодого поколения. В статье делается вывод о стереотипизации Российского государства, о существовании в сознании молодого поколения ригидных когнитивных структур, которые ограничивают его инновационный потенциал. Авторы полагают, что современная российская молодежь не готова к актуализации и решению глобальных проблем, стоящих перед Россией. Не менее важным представляется вывод об имитационном характере системы развития проектных компетенций молодых людей. Это приводит к дефициту инновационных лидеров, технологических и социальных предпринимателей, эффективных проектных менеджеров.

Ключевые слова: молодежь, социализация, молодежный транзит, “большие” вызовы.

---

* Статья подготовлена в рамках деятельности межрегионального консорциума «Создание национальной модели социализации детей, подростков и молодежи в условиях эскалации гибридных угроз и “новых” войн».

** Смирнов Владимир Алексеевич, e-mail: kano_igt@mail.ru

*** Скрябина Ольга Борисовна, e-mail: olgaskryabina@ksu.edu.ru

**** Бессонова Татьяна Ивановна, e-mail: tibessonova@mail.ru

SOME DYSFUNCTIONS OF THE PROCESS OF SOCIALIZATION OF RUSSIAN YOUTH IN THE CONTEXT OF “BIG” CHALLENGES

Smirnov Vladimir A., Doctor of Sociology Sciences, Associate Professor, Vice-Rector for Strategic Communications, Kostroma State University, st. Dzerzhinsky, 17, Kostroma, Russian Federation, 156005, e-mail: kano_igt@mail.ru

Skryabina Ol'ga B., Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Vice-Rector for the Development of the Socio-Cultural Environment and Education, Kostroma State University, st. Dzerzhinsky, 17, Kostroma, Russian Federation, 156005, e-mail: olgaskryabina@ksu.edu.ru

Bessonova Tat'yana I., Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Psychology, Sevastopol State University, st. Universitetskaya, 33, Sevastopol, Russian Federation, 299053, e-mail: tibessonova@mail.ru

Based on the results of an empirical study, the article analyzes some features of the socialization of Russian youth in modern society. The authors focus on the perception of the state by the youth, the problems facing it, as well as the analysis of the effectiveness of the project activities of the younger generation. The article concludes about the stereotyping of the Russian state, about the existence of rigid cognitive structures in the minds of the younger generation that limit its innovative potential. The authors believe that modern Russian youth is not ready to actualize and solve the global problems facing Russia. Equally important is the conclusion about the imitative nature of the system of development of project competencies of young people. This leads to a shortage of innovative leaders, technological and social entrepreneurs, and effective project managers.

Key words: youth, socialization, youth transit, “big” challenges.

Введение

Любое современное государство сталкивается сегодня с целым рядом “больших” вызовов и глобальных угроз, которые требуют внимания не только на уровне политической и общественной повестки, но и на уровне конкретных социальных механизмов их решения. Пандемия коронавируса продемонстрировала необходимость иметь на уровне отдельного государства не только высокотехнологичную медицину, но и реальные механизмы социального управления обществом в условиях эскалации кризиса, способствующие сохранению его устойчивости и развитию.

Нарастание рисков и неопределенности как никогда делает актуальным “молодежный вопрос”, который, как казалось, потерял в России актуальность в начале XXI в. Необходимость преодоления глобальных угроз, повышение эффективности процессов во всех сферах жизни российского общества, поиск и внедрение новых со-

циальных практик и технологий — все это требует новых качеств и компетенций у молодежи, нового содержания и структуры поколенческого сознания. Чтобы адекватно реагировать на динамику современности, текучий и неуловимый характер происходящих изменений, Российскому государству нужны новые лидеры, технологические и социальные предприниматели, успешные разработчики проектов в самых разных сферах жизнедеятельности российского общества. Формирование их возможно только в ситуации системной работы с молодым поколением, выстроенной на единых аксиологических, методологических и технологических принципах.

Начиная с середины прошлого века исследователи молодежи говорят о де-стандартизированном транзите молодого поколения, разрушении линейных траекторий взросления и социальной интеграции¹. Учитывая процессы глобализации, можно сказать, что любое современное общество, и Россия не является исключением, сталкивается сегодня с этим явлением.

Не менее важным является и тот факт, что российские дети, подростки и молодежь являются сегодня объектом явного и латентного воздействия со стороны иностранных государственных и общественных институций, основной целью которого становится формирование деструктивных моделей и стилей жизни. Начиная с 70-х гг. прошлого века идет процесс культурной экспансии Запада, ориентированный на “размывание” национальной идентичности молодежи. Развитие новых цифровых технологий убирает посредников в коммуникации между институтами воздействия и ребенком (подростком, молодым человеком), делая его максимально уязвимым для когнитивного, эмоционального, социально-политического “форматирования”.

Традиционные российские институты социализации, детской и молодежной политики (как государственные, так и общественные) становятся сегодня все менее эффективными в сфере противодействия гибридным угрозам. Действуя в логике примитивного бихевиоризма, акторы социализации предлагают достаточно узкий спектр социальных технологий, базирующихся на прямом воздействии, вызывающих в ответ либо сопротивление, либо имитационную реакцию псевдосогласия. Различного рода нормативные ограничения в области информационного контента для детей и молодежи хотя и создают внешнюю видимость эффективного инструмента, в дей-

---

¹ См., например: *Biggart A., Walther A. Coping with yo-yo transitions. Young adults' struggle for support, between family and state in comparative perspective // A New Youth? Young People, Generations and Family Life / Ed. by C. Leccardi, E. Ruspini. Aldershot, 2006.*

ствительности полностью нивелируются современными цифровыми технологиями (*VPN, DarkNet* и др.).

В этой ситуации возникает задача разработки новой национальной модели социализации детей, подростков и молодежи, ориентированной на формирование новых компетенций, способствующих эффективному воспроизводству российского общества в условиях больших вызовов и глобальных угроз.

В рамках настоящей статьи на основе эмпирического исследования рассматриваются отдельные дисфункции российской системы социализации. В качестве методологической основы мы используем теоретическую концепцию социализационной нормы², которая понимается, во-первых, как результат успешной социализации, позволяющей новому поколению стать субъектом воспроизводства общества, во-вторых, как эталон успешно социализированного человека, наконец, в-третьих, как устоявшийся в обществе и успешно функционирующий социальный механизм транзита молодого поколения, его социальной интеграции.

Информационная база исследования

Статья основана на результатах социологического исследования российской молодежи в возрасте от 18 до 35 лет. Участниками исследования стали молодые люди из 13 регионов России, из них 57,8% — женщины, 42,2% — мужчины. Выборка квотная, стратифицирована по полу и возрасту, объем выборки — 1248 респондентов. География исследования: Москва, Санкт-Петербург, Костромская, Ярославская, Самарская, Владимирская, Вологодская, Рязанская, Курская, Тульская области, Республика Карелия, Республика Крым, Краснодарский край. Для обработки и анализа данных использовался свободно распространяемый язык программирования R.

Стереотипизация образа России как фактор разрушения социализационной нормы

Для того чтобы новое поколение могло успешно интегрироваться в общество, оно должно принимать и разделять те социальные и культурные нормы, которые в нем доминируют. Очевидно, что в условиях глобализации происходит диффузия норм и их трансформация в различных группах и сообществах. В этом контексте важно выделить ядерный элемент любого современного общества, восприятие которого может выступать индикатором эффективной межпоколенческой трансмиссии. На наш взгляд, в данном аспек-

---

² Ковалева А.И. Методологические проблемы исследования социализации // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 2. С. 19–24.

те можно говорить о двух таких элементах. Это, во-первых, государство как ключевой институт любого современного общества, во-вторых, спектр ключевых проблем, которые, по мнению общественного большинства, требуют первоочередного переосмысления и решения.

Анализу этих двух аспектов и будет посвящен данный раздел статьи.

Участникам исследования был предложен ряд в целом негативных высказываний, которые, на наш взгляд, репрезентируют типичные стереотипы, транслируемые иностранными государствами и зачастую российскими СМИ. Респондентам было предложено выбрать те из них, с которыми они согласны. Распределение ответов представлено в табл. 1.

Таблица 1

Согласие респондентов со стереотипными высказываниями о России

Стереотипное высказывание	Ответы респондентов, %		
	Все респонденты	Девушки	Юноши
В России на протяжении всей истории были слабо развиты инновации, все технологии заимствовались в Европе	4,20	57,43	42,57
В России не умеют делать брендовые вещи, поэтому молодые люди предпочитают одежду и аксессуары из Европы и Америки	3,88	56,20	43,80
В России не умеют делать хорошие автомобили и другую технику	5,81	35,61	64,39
В России очень большой разрыв между бедными и богатыми, значительно выше, чем в Европе и Америке	10,54	56,45	43,55
В России очень высокий уровень коррупции	16,70	58,74	41,26
В России очень сложно сделать карьеру и начать свой бизнес	7,20	58,66	41,34
Качество российского образования значительно ниже европейского и американского	9,86	63,79	36,21
Качество российской медицины значительно ниже европейской и американской	14,31	61,98	38,02
Российские чиновники мало заботятся о нуждах простых людей	15,05	59,89	40,11
Россияне — одна из самых “пьющих” наций	4,85	50,88	49,12
Россияне одна из самых приветливых и гостеприимных наций	7,60	58,58	41,42

Между оценками мужчин и женщин существуют значимые статистические различия, что позволяет говорить о том, что юноши и девушки по-разному воспринимают стереотипы в отношении своей страны (значение теста Хи-квадрат равно 55.195 и значимо на уровне 0.001).

Среди указанных выше стереотипных высказываний наиболее часто выбираемыми являются четыре: “в России очень высокий уровень коррупции” (16,7%), “российские чиновники мало заботятся о нуждах простых людей” (15,05%), “качество российской медицины значительно ниже европейской и американской” (14,31%) и, наконец, “в России очень большой разрыв между бедными и богатыми, значительно выше, чем в Европе и Америке” (10,54%).

Представленные высказывания репрезентируют, на наш взгляд, отношение молодых людей к Российскому государству, поскольку все четыре стереотипа в той или иной мере связаны именно с ним. Действительно, коррупция — это проявление деятельности чиновников, которые мало заботятся о нуждах людей, что, в свою очередь, приводит к увеличению разрыва между бедными и богатыми. К последним, несомненно, молодые люди относят в том числе и российскую бюрократию. Отметим, что ни экономические (высказывания про инновации, умение производить брендовые вещи, технику и автомобили и т.д.), ни социокультурные (оценка россиян как самой “пьющей” или же гостеприимной нации и т.д.) стереотипы не актуализируются молодыми людьми так же сильно как стереотипы в отношении Российского государства и чиновничества.

Именно здесь мы сталкиваемся с одной из дисфункций процесса социализации российской молодежи. С одной стороны, она связана с сохранением и воспроизводством подданнической политической культуры, основу которой составляет ярко выраженная прогосударственная установка, а локус-контроля личности вынесен во вне. С другой же — именно система государственного управления становится объектом критики и воспроизводства различного рода мемов и стереотипов. Фактически молодой человек оказывается в ситуации когнитивного диссонанса. Его жизненное пространство во многом связано и структурируется государством, при этом само это государство является для него деструктивным и требующим изменений.

Важно отметить и еще одно обстоятельство. Во всех представленных стереотипах в явной или скрытой форме содержится противопоставление России другим государствам Европы и Америки. Учитывая этот факт, мы можем говорить, что молодые люди демонстрируют проявление когнитивного диссонанса не просто в отношении государства как абстрактного института, но именно

в отношении современного Российского государства. Это, в свою очередь, является основой для расширения гибридного информационного воздействия на российскую молодежь, ее радикализацию со стороны различного рода деструктивных агентов социализации, в том числе из других государств.

Стереотипизация образа своей страны является важным поведенческим фактором, определяющим повседневность молодого человека. Любой стереотип, если следовать логике современных когнитивных исследований — это механизм, запускающий эвристику доступности³ и не позволяющий критически осмыслить происходящее. Если говорить в контексте социализации молодого поколения и его социальной интеграции, то негативный образ собственного государства всегда будет разрушать социализационную норму и при этом выступать не рефлекслируемым элементом дискурсивного сознания (когнитивным клише), наиболее доступным для актуализации в любой поведенческой ситуации.

Подтверждением вышесказанного является и выбор респондентами первоочередных глобальных проблем, стоящих перед страной и требующих своего решения (табл. 2).

Таблица 2

Ключевые проблемы современной России

Проблема	Все респонденты	Девушки	Юноши
Низкое качество российской медицины	16,3	17,5	14,6
Истощение природных ресурсов и ухудшение экологии	15,5	18,3	11,5
Неэффективность государственного управления	15,1	14,0	16,5
Низкое качество российского образования	13,4	13,9	12,8
Неразвитость гражданского общества	9,6	9,1	10,3
Разрушение традиционных ценностей среди подростков и молодежи	7,8	7,7	7,8
Старение населения и новые болезни	6,2	6,4	6,0
Сырьевая зависимость	5,4	3,1	8,5
Угрозы национальной безопасности	5,0	5,7	4,1
Негативное влияние западных стран на детей, подростков и молодежь	3,7	2,3	5,6
Продовольственная безопасность	2,1	2,1	2,3

³ См., например: Канеман Д. *Думай медленно... Решай быстро*. М., 2013.

В таблице представлены основные проблемы, коррелирующие с перечнем “больших вызовов”, стоящих перед Россией и определенных в целом ряде стратегических документов⁴.

Доминирующие позиции занимают проблемы медицины, экологии, неэффективности государственного управления, низкого качества российского образования и неразвитости гражданского общества. Все остальные находятся на периферии интересов молодых людей.

Важным представляется тот факт, что фокус интереса молодых людей сосредоточен на локальных проблемах, в то время как собственно глобальные угрозы остаются недостаточно актуализированными. Здесь, на наш взгляд, мы также сталкиваемся с процессом стереотипизации, конструированием “проблемного поля” под влиянием дискурсивных мемов, циркулирующих в массовом общественном сознании. Дело не в том, что выбираемые молодыми людьми проблемы не важны для российского общества, скорее речь идет о достаточно ограниченном проблемном “горизонте”, типичном для респондентов, который, в свою очередь, не может не влиять на развитие страны и процесс общественного воспроизводства. Отметим, что представленная ситуация не является оценкой российской молодежи, скорее речь идет о дисфункциях системы социализации в нашей стране, о ее во многом имитационном характере и отсутствии эффективных технологий вовлечения детей, подростков и молодых людей в осмысление и решение глобальных задач, стоящих перед любым современным государством.

Проектная деятельность молодежи: функции и дисфункции

Значимость молодого поколения для общества заключается не только в его лояльности и способности интериоризировать базовые культурные нормы, но и в способности к социальным инновациям, эффективному решению имеющихся проблем, готовности запускать значимые проекты развития. Социальная интеграция молодого поколения, развитие гражданской активности тесным образом связаны с теми возможностями по включению в решение реальных проблем, которые ему представляют государственные и негосударственные институты социализации.

Сегодня в нашей стране педагогической и социальной “мантрой” является тема проектирования. Данная технология рассматривается как основной инструмент молодежной политики и воспи-

---

⁴ См. например: Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации. URL: <https://sochisirius.ru/sntr> (дата обращения: 01.11.2021).

тания. Несомненно, проектный подход имеет серьезный потенциал как социальная технология, но как будет показано далее, он все чаще приобретает черты псевдопроектирования.

Проанализируем особенности восприятия проектной деятельности молодыми людьми, принявшими участие в исследовании. Начнем с оценки того, насколько часто молодые люди в своей повседневной жизнедеятельности вовлекаются в проектную деятельность (рис. 1).

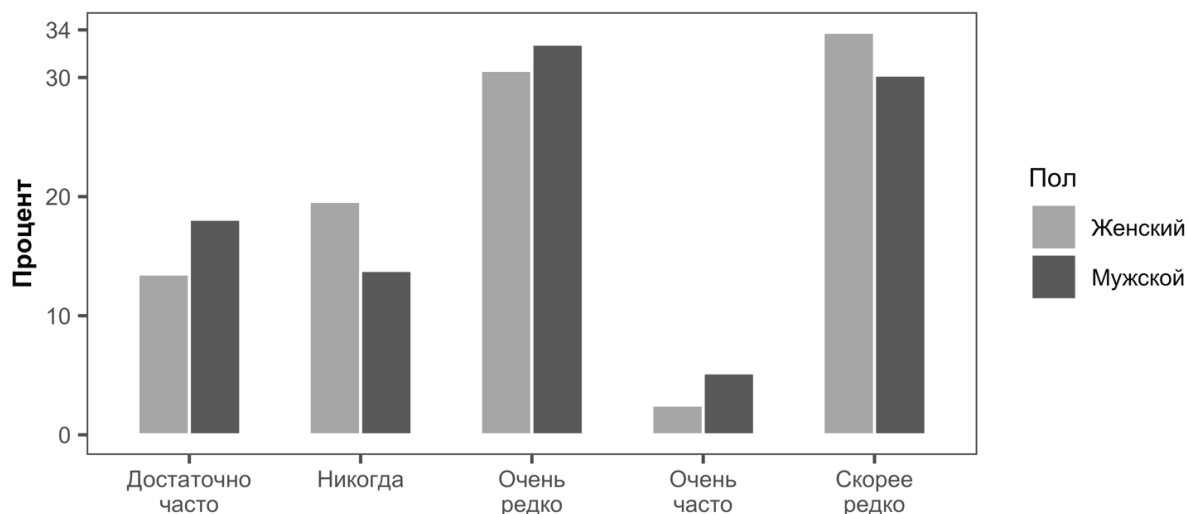

Рис. 1. Частота участия респондентов в проектной деятельности, %

Респонденты, независимо от пола, указывают на тот факт, что участвуют в проектной деятельности достаточно редко. На рисунке мы видим доминирование таких позиций как “очень редко”, “скорее редко” и “никогда”. Такая ситуация позволяет говорить о том, что значительное число усилий государственных органов по делам молодежи, образовательных, некоммерческих организаций по вовлечению молодежи в проектную деятельность не имеет того результата, на который они рассчитаны. Учитывая тот факт, что сегодня генерируется огромное число различного рода проектов, проектных сессии, фестивалей и конкурсов, можно констатировать, что система российских институтов социализации является явно неэффективной и непривлекательной для значительной части молодежи. Молодые люди сегодня более охотно “перетекают” в менее формализованные социокультурные пространства, предпочитая проводить свободное время не в деятельности проектных команд, а в неформальных сообществах, социальных сетях и т.д.

Не менее важным представляется и еще одно обстоятельство. Если проанализировать ответы респондентов из разных социокультурных полей нашей страны (столица и мегаполис, малый город и село), то можно видеть, что количество молодых людей, изредка

участвовавших или не участвовавших вовсе в проектной деятельности, значительно выше в пространстве российской периферии, нежели в крупных мегаполисах. Так, в частности количество респондентов “очень редко” участвующих в проектной деятельности и проживающих в российской провинции (малый город, сельская местность) в девять раз превышает число сверстников, живущих в мегаполисе и выбравших данный ответ. Мы неоднократно отмечали, что жизненные траектории молодых людей, проживающих в социокультурном пространстве российской периферии, значительно отличаются, в том числе и с точки зрения возможностей, социальных лифтов и т.д., от траекторий сверстников из крупных городов⁵.

Проанализируем, какие именно проекты чаще всего встречаются в жизнедеятельности молодых россиян (табл. 3).

Таблица 3

Виды проектной деятельности, %

Вариант ответа	Девушки	Юноши
Научно-исследовательские (участвовали в научном колл-лективе)	10,0	12,1
Предпринимательские	3,8	12,8
Социальные	19,4	20,8
Учебные (в рамках образовательного процесса, по заданию преподавателя)	41,8	35,6
Затрудняюсь ответить	24,9	18,8

Как можно видеть, большинство девушек и юношей принимало участие лишь в учебных проектах в рамках образовательного процесса. Девушки это делают чуть чаще, чем молодые люди (различия между ними статистически значимы). В то же время молодые люди чаще вовлекаются в различного рода предпринимательские проекты.

Представляет интерес достаточно низкий процент социальных проектов среди общего пула проектов, в которых участвуют молодые люди. На свое участие в них совокупно указывает чуть больше 20% респондентов. В данном случае возникает определенное противоречие. С одной стороны, система российского образования и молодежной политики активно вовлекает молодежь в различного рода социальные проекты, с другой — идентифицируют свои активности как социальное проектирование лишь 20% опрошенных.

⁵ Смирнов В.А. Социальные проблемы молодежи российской провинции // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2008. № 2. С. 15–28.

Причина этого, на наш взгляд, заключается в следующем. Молодые россияне сегодня имеют ограниченные возможности по инициированию и запуску социальных проектов. Вся их проектная активность в той или иной мере регламентирована и нормирована образовательной организацией, молодежным объединением, которое чаще всего создано не самой молодежью, а “для молодежи” (различного рода социальными институтами), форматом конкретного форума или мероприятия. Иными словами, проекты, которые иницируются в этих рамках молодыми людьми, чаще всего носят “игровой” характер, не предполагают, в конечном итоге, реализации и ограничиваются в лучшем случае проектной идеей, за которую по итогам форума (или другого мероприятия) проектная команда получает награду и поощрение. Именно поэтому молодые люди значительную часть своей проектной деятельности маркируют как учебную, выполненную по заданию преподавателя, модератора, руководителями проектного форума и т.д. Эти проекты ничего не изменяют в окружающей действительности и, более того, чаще всего даже не доходят до какого-то деятельностного старта.

Неразвитость механизмов социального проектирования, когда результаты работы проектной команды превращаются в реальную деятельность, ведет к воспроизводству целого спектра дисфункций проектного мышления, которое впоследствии проявляются в самых разных сферах жизнедеятельности общества. Так, например, о дисфункциях социального проектирования в деятельности российских социально-ориентированных некоммерческих организаций мы писали ранее⁶.

Подтверждением гипотезы о том, что сегодня проектная деятельность является скорее имитирующей реальное социальное проектирование является оценка молодыми людьми степени реализуемости тех проектов, участие в которых они принимали. 54,6% опрошенных (независимо от пола) указали на то, что из всех проектов, в которых они принимали участие, реализовано было в итоге, менее 1%. Процент респондентов, чьи проекты были реализованы примерно в 10% случаев, составляет 17,7%. Более 50% реализованных проектов имеют 11,2% респондентов, наконец стопроцентную реализацию своей проектной активности отметили 6,1% опрошенных молодых людей. Несомненно, это очень низкий процент, учитывая число различного рода проектных мероприятий, организуемых для молодежи в нашей стране.

---

⁶ Смирнов В.А. Проектная деятельность российских некоммерческих организаций: ключевые проблемы и противоречия // Социологические исследования. 2016. № 2. С. 62–69.

Исследуем, каковы, по мнению респондентов, обстоятельства, мешающие качественной и эффективной реализации молодежных проектов (табл. 4).

Таблица 4

Причины низкой реализации молодежных проектов, %

Вариант ответа	Все респонденты	Девушки	Юноши
Недостаточный уровень финансирования молодежных проектов	21,0	20,2	22,2
Недоступность для большинства молодых людей грантов на реализацию проектов	17,7	16,2	19,8
Нежелание “взрослых” заниматься развитием и продвижением молодежных проектов	15,3	15,2	15,4
Трудоемкость и запутанность оформления проектных заявок	12,8	13,6	11,6
Недостаток проектных компетенций у молодежи	12,1	11,7	12,6
Незаинтересованность образовательных организаций, молодежных центров и объединений в реализации молодежных проектов	11,9	12,8	10,6
Нехватка времени у молодых людей на реализацию проектов	9,3	10,3	7,8

Доминирующими причинами нереализованности молодежных проектов, по мнению самих молодых людей, являются низкий уровень финансирования проектов (38,7%, учитывая ответы про недостаточность грантов), а также “нежелание” “взрослых” заниматься развитием и продвижением молодежных проектов (15,3%). В целом на внешние причины — недостаток финансирования, позиция “взрослых” и незаинтересованность образовательных организаций и молодежных центров — указывают 65,9% респондентов. Другими словами, почти 70% молодых людей, принявших участие в исследовании, ожидают внешних стимулов для того, чтобы запустить свой проект и реализовать его.

Это обстоятельство еще более усиливает тезис, сформулированный выше, об имитационном характере проектной деятельности в нашей стране. Система развития проектных компетенции возможно и формирует у молодых людей навыки написания и презентации проектных идей, но явно не способствует освоению собственно проектного мышления и компетенций по реализации этих идей.

В данном контексте возникает и еще одна дисфункция. Из представленной таблицы видно, что лишь 12,1% молодых людей полагают, что им не хватает проектных компетенций. Такой процент ответов свидетельствует о чрезмерной уверенности молодых людей в своих умениях и навыках в области проектирования. Думается, что, получив значительный опыт участия в различного рода форумах, проектных сессиях и т.д., молодые люди усвоили, что проект завершается презентацией и определением победителей, а переход в деятельностный режим и его реализация находятся уже за рамками проектирования. Только таким образом можно объяснить взаимосвязь низкого процента реализованных проектов и высокой степени уверенности большинства опрошенных (88%) в развитости собственных проектных компетенций.

Отметим, что доминирование внешних причин типично как для молодых людей столицы и мегаполисов, так и для молодежи российской периферии. Что касается мужчин и женщин, то в данном случае их позиции также совпадают, а имеющиеся различия в оценках не являются статистически значимыми.

В завершение проанализируем, что является для молодых людей ключевым фактором вовлечения в какие-либо серьезные федеральные проекты, направленные на решение ключевых проблем, стоящих перед страной. Выше мы отмечали, что у молодого поколения интерес к актуализации и решению глобальных угроз, стоящих перед Россией, выражен достаточно слабо. В этой связи представляют интерес те факторы, которые могли бы его усилить.

Таблица 5

Факторы, влияющие на готовность возглавить крупный федеральный проект

Вариант ответа	Все респонденты	Девушки	Юноши
Возможность оказать реальную помощь людям, сделать их жизнь более качественной	26,8	27,5	25,9
Соответствие проекта вашим ценностям и интересам	24,7	25,8	23,3
Наличие у вас команды, с которой вы сможете реализовать проект	15,8	15,9	15,5
Высокая заработная плата	10,5	9,4	12,1
Масштаб и значимость проекта	9,7	8,6	11,2
Желание реализовать свою идею	7,4	7,8	6,9
Возможность работы с известными и успешными людьми	5,1	5,0	5,2

Участникам исследования был задан вопрос “Если бы Вам предложили возглавить крупный федеральный проект, что повлияло бы на Ваше согласие в первую очередь?” и было предложено выбрать один ответ из имеющегося перечня (табл. 5).

Доминирующими причинами участия в крупном проекте для молодых людей становятся возможность оказания реальной помощи нуждающимся и соответствие проекта собственным ценностям и установкам. Такую обобщенную позицию выбрали 50,5% опрошенных.

При этом, например, высокая заработная плата интересует чуть больше 10% респондентов, хотя мужчины выбирают эту позицию чаще, чем женщины.

В данной ситуации мы также наблюдаем феномен, зафиксированный выше. Проект не является для молодого человека чем-то реальным, частью жизнедеятельности и, например, формой занятости и самообеспечения. Желание реализовать собственную идею демонстрируют лишь 7,4% опрошенных. Система государственной социализации молодого поколения выстроена сегодня таким образом, что она активно вовлекает его в различного рода активности, которые могут быть маркированы как “оказание реальной помощи людям”. В то же время в контексте этих активностей не происходит формирования эффективных молодежных проектных команд, не появляются лидеры, которым было бы интересно не только решить какую-то социальную проблему на средства гранта или другого источника финансирования, но и реализовать собственную идею, даже если она не имеет внешнего финансирования.

В данном контексте мы подходим к пониманию необходимости перевода собственно социальных проектов в социально-предпринимательские, когда внешний грант становится импульсом для развития проекта и превращения его в устойчивый. Несмотря на тот факт, что в нашей стране уже несколько лет действует федеральный закон о социальном предпринимательстве, система государственной социализации молодежи по-прежнему продолжает воспроизводить молодежные активности, которые маркируются как проектные, но в действительности не имеют никакого отношения к развитию проектных и предпринимательских компетенций молодых россиян.

Мы с уверенностью можем констатировать, что многие проблемы российской социальной политики, в частности, развитие системы негосударственной социальной помощи, выход СОНКО и социальных предпринимателей на рынки социальных услуг и т.д., являются такими актуальными, поскольку институты социализа-

ции российской молодежи не имеют сегодня механизмов и технологий, способствующих развитию проектных компетенций не только на уровне “форумных” активностей, но и на уровне реальной реализации проектных идей молодежи.

Заключение

Проведенное исследование не исчерпывает всего комплекса проблем, связанных с молодежным транзитом в условиях современных больших вызовов и глобальных угроз. При этом оно позволяет увидеть две значимые дисфункции системы социализации в нашей стране, преодоление которых требует внимания со стороны органов государственной молодежной политики, образовательных организаций и других социальных институтов.

Исследование продемонстрировало низкий уровень вовлеченности российской молодежи в процессы трансформации и развития российского общества и государства. Это, с одной стороны, проявляется в отсутствии у значительной части молодежи интереса к глобальным проблемам, стоящим перед страной, с другой — в неготовности выступать инициатором новых проектов, ориентированных на трансформацию существующих социальных, экономических, культурных норм и структур.

Исследование выявило имитационный характер системы развития проектных компетенций у молодежи в нашей стране. Причиной этого, несомненно, является тот факт, что проект не рассматривается сегодня институтами социализации как механизм запуска реальных изменений. Это в свою очередь приводит к тому, что большинство проектных идей, разрабатываемых в рамках различных форумов, мероприятий и т.д., никогда не реализуется, оставаясь “проектом на бумаге”.

Все вышесказанное требует поиска новых моделей и технологий социализации российской молодежи, учитывающих особенности развития современных обществ, интересы государства и самой молодежи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Канеман Д.* Думай медленно... Решай быстро. М., 2013.
- Ковалева А.И.* Методологические проблемы исследования социализации // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 2. С. 19–24.
- Смирнов В.А.* Проектная деятельность российских некоммерческих организаций: ключевые проблемы и противоречия // Социологические исследования. 2016. № 2. С. 62–69.

Смирнов В.А. Социальные проблемы молодежи российской провинции // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2008. № 2. С. 15–28.

Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации. URL: <https://sochisirius.ru/sntr> (дата обращения: 01.11.2021).

REFERENCES

Biggart A., Walther A. Coping with yo-yo transitions. Young adults' struggle for support, between family and state in comparative perspective // *A New Youth? Young People, Generations and Family Life* / Ed. by C. Leccardi, E. Ruspini. Aldershot, 2006.

Kaneman D. Dumaj medlenno... Reshaj bistro [Think slowly... Decide quickly]. М., 2013 (in Russian).

Kovaleva A.I. Metodologicheskie problemy issledovaniya socializacii [Methodological problems of socialization research] // *Znanie. Ponimanie. Umenie*. 2012. N 2. S. 19–24 (in Russian).

Smirnov V.A. Proektnaya deyatel'nost' rossijskih nekommercheskih organizacij: klyuchevye problemy i protivorechiya [Project activity of Russian non-commercial organizations: key problems and contradictions] // *Sociologicheskie issledovaniya*. 2016. N 2. S. 62–69 (in Russian).

Smirnov V.A. Social'nye problemy molodezhi rossijskoj provincii [Social problems of the youth of the Russian province] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya*. 2006. N 2. P. 15–28 (in Russian).

Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации [Strategy of scientific and technological development of the Russian Federation]. URL: <https://sochisirius.ru/sntr> (дата обращения: 01.11.2021) (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2022-28-1-126-144

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЦИФРОВОЙ СОЦИОЛОГИИ*

В.Л. Шульц, докт. философ. наук, проф., член-корр. Российской Академии Наук, директор Центра исследования проблем безопасности РАН, ул. Гарibaldi, д. 21б, г. Москва, Российская Федерация, 117335**

А.А. Гребенюк, докт. экономич. наук, зам. директора по научной работе Высшей школы современных социальных наук МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, д. 1, стр. 13, г. Москва, Российская Федерация, 119991***

И.С. Ашманов, канд. технич. наук, Президент АО “Крибрум”, ул. Верейская, 29, стр.134, г. Москва, Российская Федерация, 121357****

Данная статья посвящена теоретико-методологическим проблемам концептуализации новой отрасли социологического знания — цифровой социологии. Перенос различных аспектов жизнедеятельности человека в виртуальное пространство (в социальные сети и новые медиа) сформировал перед классическими общественными науками ряд вызовов, с которыми не приходилось сталкиваться прежде. Главным из них является оценка воздействия социальных процессов, протекающих в виртуальном пространстве, на окружающую нас реальность. Сегодня явления, зарождающиеся в интернете, все с большей интенсивностью вторгаются в наш “физический” мир, формируется так называемая “реальная виртуальность”. Вместе с тем немаловажным аспектом является и обратное воздействие на виртуальный мир процессов, протекающих в социальной реальности.

Ответом на виртуализацию общественной жизни стало появление новой отрасли социологической науки — цифровой социологии. Зародившись в середине нулевых годов, она активно развивается: уточняется проблемное поле, конкретизируется ее предмет, расширяется методический инструментарий. Вместе с тем, проявляются и проблемы, “узкие места”, требующие осмысления и их научного преодоления.

В рамках данной статьи рассмотрены процессы виртуализации общественной жизни, сущность и особенности аккаунта электронной социальной сети, сформировано авторское определение цифровой социологии, охарактеризован методический инструментарий и определены преимущества и вызовы цифровой социологии.

---

* Исследование выполнено в рамках деятельности Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета “Математические методы анализа сложных систем”.

** Шульц Владимир Леопольдович, e-mail: cona01@yandex.ru

*** Гребенюк Александр Александрович, e-mail: gaa-mma@mail.ru

**** Ашманов Игорь Станиславович, e-mail: igor@ashmanov.com

Ключевые слова: цифровая социология, виртуальная реальность, реальная виртуальность, социальные сети, аккаунт.

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL PROBLEMS OF DIGITAL SOCIOLOGY

Schultz Vladimir L., Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Director of Center for Security Studies of the Russian Academy of Sciences, Garibaldi street, 21b, Moscow, Russian Federation, 117335, e-mail: cona01@yandex.ru

Grebenyuk Alexander A., Doctor of Economics, Deputy Director for Research, Higher School of Modern Social Sciences, Lomonosov Moscow State University, Leninskie gory, 1, bldg. 13, Moscow, Russian Federation, 119991, e-mail: gaa-mma@mail.ru

Ashmanov Igor S., PhD, President of “Kribrum”, Vereiskaya street, 29, bldg.134, Moscow, Russian Federation, 121357, e-mail: igor@ashmanov.com

This article is devoted to the theoretical and methodological problems of conceptualizing a new branch of sociological knowledge — digital sociology. The transfer of various aspects of human life to the virtual space (to social networks and new media) has created a number of challenges for the classical social sciences that have never been faced before. The main one is the assessment of the impact of social processes taking place in virtual space on the reality around us. Today, the phenomena emerging on the Internet are invading our “physical” world with increasing intensity, the so-called “real virtuality” is being formed. At the same time, an important aspect is the reverse effect on the virtual world of the processes taking place in social reality.

The response to the virtualization of social life was the emergence of a new branch of sociological science — digital sociology. Having originated in the mid-2000s, it is actively developing: the problem field is being clarified, its subject is being concretized, and the methodological toolkit is expanding. At the same time, there are also problems, “bottlenecks” that require comprehension and scientific overcoming.

Within the framework of this scientific article, the processes of virtualization of public life, the essence and features of an electronic social network account are considered, the author’s definition of digital sociology is formed, the methodological toolkit is characterized, and the advantages and challenges of digital sociology are identified.

Key words: digital sociology, virtual reality, real virtuality, social networks, account.

Предпосылки появления цифровой социологии

Лавинообразный переход общества в электронно-цифровую стадию развития¹ кардинальным образом трансформирует окружающую нас социальную реальность. Стремительно меняются формы и содержание таких веками незыблемых категорий, как “общение”,

---

¹ *Осинов Г.В.* Социологическая наука в условиях становления цифровой цивилизации. СПб., 2016.

“труд”, “собственность”, “деньги” и др.² В этой связи перед социологией как наукой, так и отраслью практической деятельности встает задача своевременной фиксации новых социальных тенденций, выявления закономерностей происходящих трансформаций, определения последствий протекающих процессов. Как и все наше общество, социальное знание переживает ряд кризисов, сталкивается с различными вызовами. Его современное развитие происходит под воздействием двух отчасти синонимичных, но качественно разных процессов, которые необходимо четко разделять.

Первый процесс — повсеместная цифровизация общества, под которой мы понимаем стремительное внедрение IT-технологий в различные сферы жизнедеятельности социума: экономику, систему государственного управления, правоохранительную деятельность и т.д. Сегодня посредством цифровых технологий мы все больше взаимодействуем с окружающим нас миром. Колоссальный рост количества цифровых сервисов, глобальное распространение электронных экосистем привели к накоплению массивов “больших данных”, представляющих интерес для социологов³. Данные массивы формируются на основе агрегации так называемых “цифровых следов” — хранящейся в электронных базах информации о совершенных человеком посредством использования цифровых устройств действиях. В данном контексте “цифровой след” — статистически зафиксированная активность человека в цифровом пространстве. Банковские операции и покупки посредством банковских карт, информация транспортных авиа, железнодорожных, автомобильных компаний, данные сотовых операторов, активность в интернете, геоданные навигаторов и других GPS-устройств формируют цифровой профиль человека.

Исходя из подходов авторов, цифровой профиль — массив объективной информации (“цифровых следов”) о деятельности человека, полученный в результате использования различных цифровых технологий и пригодный для дальнейшего анализа. Сделаем дополнительный акцент: цифровой профиль содержит статистическую информацию (статистические признаки), присущую конкретному индивиду и характеризующую его *объективные* социальные действия в реальной жизни: покупки, поездки, получение документов, поисковые запросы и многое другое.

---

² Гребенюк А.А. Потребность российской экономики в иностранных трудовых ресурсах в условиях внедрения новых технологий // Экономика региона. 2020. Т. 16. № 2. С. 507–521.

³ Ницевич В.Ф. Цифровая социология: теоретико-методологические истоки и основания // Цифровая социология/Digital Sociology. 2018. № 1. С. 18–28.

Сегодня “большие данные” собираются повсеместно. Органы государственной власти, торговые сети, телекоммуникационные и транспортные компании и многие другие ведут постоянную работу по накоплению и анализу наших “цифровых следов”. Основная цель — выявление закономерностей на основе анализа “больших данных”. Ввиду того, что большие массивы информации не могут быть обработаны человеком, их анализ происходит в автоматическом режиме с использованием алгоритмов искусственного интеллекта (нейронных сетей).

В настоящее время “большие данные” содержат колоссальные объемы социальной информации. Они используются различными общественными науками: экономикой, социальной статистикой, социологией, политологией, социальной психологией, антропологией и др. По сути цифровизация создает дополнительные гигантские массивы данных о человеке и обществе, которые могут быть обработаны с использованием существующих математико-статистических методов различными направлениями и научными школами социального знания.

Второй процесс — виртуализация социальных процессов, обусловленная появлением и стремительным развитием компьютерных социальных сетей и социальных медиа, а также “переносом” в них различных видов, аспектов, частей социального взаимодействия⁴. На сегодняшний момент совокупная численность (количество) пользователей глобальных социальных сетей составляет несколько миллиардов. Только ежемесячная аудитория пользователей социальной сети *Facebook* составляет более 2 миллиардов. Схожие показатели демонстрирует и видеохостинг *Youtube*. Социальная сеть *Instagram* насчитывает более 1 миллиарда ежемесячных пользователей. Каждая из российских социальных сетей ВКонтакте и Одноклассники имеет более 70 млн ежемесячных пользователей⁵.

В отличие от процессов цифровизации, в которых, по сути, происходит “оцифровывание” реальной, объективной деятельности человека и социальных институтов, виртуализация создает искусственный мир, параллельную реальность, в которой находится профиль человека, представленный его страницей, аккаунтом, профилем в социальной сети. Следует сделать важный акцент — в виртуальном пространстве, под которым нами понимается искусственная цифровая среда взаимодействия индивидуумов (например, пространство электронной социальной сети), присутствует не

⁴ *Bainbridge W. The social structure of online communities // The Social Structure of Online Communities (Structural Analysis in the Social Sciences, pp. I-II). Cambridge, 2020.*

⁵ Данные компании АО “Крибрум”.

человек, не его личность. Социальное взаимодействие между людьми происходит посредством использования аккаунта.

Аккаунт также оставляет “цифровой след”, однако, этот след формируется деятельностью человека в социальной сети (не в реальном мире), и содержит субъективные оценки, мнения, потребляемый и производимый контент. “Большие данные” аккаунтов коренным образом отличаются от данных цифрового профиля, так как поведение аккаунта в социальной сети не тождественно поведению его владельца в физическом мире. Порой это поведение диаметрально противоположно.

Сущность и особенности аккаунта электронной социальной сети

Виртуальная реальность в настоящее время является искусственной социальной средой взаимодействия аккаунтов (электронных профилей, суррогатов человеческой личности, “аватаров”), которые представляют собой учетные записи человека в социальной сети, определенные виртуальные страницы, цифровые пространства. Количество аккаунтов в социальных сетях не равно количеству конкретных пользователей. Так, у одного человека может быть несколько (иногда несколько десятков) аккаунтов. Также одним аккаунтом могут управлять несколько пользователей. Часть аккаунтов — это странички организаций, фирм, органов государственной власти.

Также среди аккаунтов могут быть профили, которые ведутся посредством ботов — специализированных программ, выполняющих автоматически и/или по прописанному алгоритму определенные действия через аккаунты. Социальная активность аккаунта также формирует “большие данные”, аккумулирующие информацию, которую пользователь указывает в своем профиле, так называемая “паспортичка аккаунта”, а также информацию о его социальной активности в сети: лайки, репосты, комментарии, просмотры и т.д.

Следующий очень важный аспект исследования аккаунтов заключается в том, что поведение человека в социальной сети и физическом мире может коренным образом отличаться. Относительная анонимность пользователя позволяет ему совершать действия, высказывать отношение, делать оценки, которые он не допустил бы в физическом мире. С одной стороны, это дает возможность социологам и психологам получать информацию, недоступную классическим методам сбора. Например, человек может не высказывать в реальной жизни политических предпочтений, не ходить на митинги и выборы, но, исходя из его активности в сети (потребляемой информации, членства в социальных группах, подписки на аккаунты политических деятелей и его субъективные оценки кон-

тента, посредством “лайков”), можно получить четкую картину его политической ориентации. Важную роль в данном процессе играет социально-психологическая фильтрация индивидом потребляемого информационного потока, основанная на личных оценках, на субъективности восприятия.

Также функционал современных социальных сетей позволяет создавать виртуальную (сетевую) идентичность⁶. В таком случае она становится желаемым образом субъекта, ее создающего, обладая такими свойствами и приоритетами, которые недоступны “физической” личности, например, принадлежность к определенной сетевой субкультуре (или нескольким), чрезмерное стремление к конструированию образа в сети, присваивание несуществующих инструментальных компетенций и др.⁷ В таком случае аккаунт нельзя сопоставлять с личностью его владельца. Более того, может наблюдаться определенный дуализм позиционирования человека в сети. Например, создаваемый аккаунтом контент может формировать образ добропорядочного семьянина без вредных привычек, а потребляемый будет четко свидетельствовать о стремительной маргинализации личности. По сути аккаунт одновременно является продуцированием того, кем пользователь хочет быть, и тем, кто он на самом деле. При этом исследователи не застрахованы от того, что в реальности его социальная роль имеет еще одну, третью ипостась.

Реальная виртуальность

Сегодня можно с уверенностью утверждать, что виртуальная реальность взаимодействия индивидов и социальных групп окончательно сформировалась, и процессы, происходящие в ней, стали оказывать существенную, а иногда и определяющую роль в развитии явлений физического мира. По сути, электронные социальные сети и медиа становятся глобальным “каркасом” системы координации социальных связей и отношений на глобальном уровне^{8,9}.

---

⁶ Готская И.Б., Жучков В.М. Современные трактовки понятий “сетевая личность” и “виртуальная личность” // Письма в Эмиссия.Оффлайн. 2018. № 2. С. 2584.

⁷ Лучинкина А.И. Личность в информационном пространстве: анализ проблемы // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. Серия: Педагогика. Психология. 2015. № 2. С. 13–18.

⁸ Осипов Г.В. Социальные науки и образование в условиях становления электронно-цифровой цивилизации // Социальные науки и образование в условиях становления электронно-цифровой цивилизации. Научно-практическая конференция. М.; СПб., 2020. С. 12–18.

⁹ Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю., Синяков А.В. Стратегии использования социальных сетей в современной России: результаты многомерного шкалирования // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. № 1. С. 283–296.

На вопрос о том, *является ли интернет виртуальной реальностью*, ответил испанский социолог М. Кастельс. Он разделял сетевое общество на “пространство мест” и “пространство потоков”, предпочтение он отдавал “пространству потоков” и говорил, что именно этим характеризуется сетевое общество. Они организуют пространство вокруг себя, объединяя локации, регионы, страны, континенты, которые *“оказываются интегрированными в международные сети, связывающие воедино самые динамичные секторы”*. Современный период времени господства технологий М. Кастельс называл “географической разьединенностью”, при которой уже не реальность будет влиять на виртуальность, а виртуальность — на реальность. Поэтому сети являются не виртуальной реальностью, а *реальной виртуальностью*. Они будут формировать и поддерживать новую морфологию, т.е. структуру общества¹⁰.

Схожие идеи высказывал американский культуролог и философ Г. Дженкинс. Он говорил о трансмедийном сторителлинге и трансмедийных технологиях. Сущностью этих понятий являются расширение повседневной реальности посредством интернет-коммуникаций и *размывание понятий между реальностью и виртуальностью*. Причина этого — множество каналов получения информации. Г. Дженкинс обращает внимание в первую очередь на появление у человека нового культурного опыта, который позволяет каждому из пользователей стать уникальным автором, транслирующим свой опыт в интернете. На многие аспекты Дженкинс обратил внимание с развитием микроблогинга и социальных сетей, он говорил, что в современной культуре обычные пользователи становятся такими же активными, как ранее властные элиты, информация становится общедоступна, а культура и информация становятся более демократичными¹¹.

Ярким примером воздействия виртуальных процессов на реальный мир является функционирование сетевых социальных движений¹². Остановимся на социальном движении #MeToo. Появившись в 2006 г., оно по-настоящему прозвучало в 2017 г. Движение было создано с целью обратить внимание на проблему домогательств и сексуального насилия. В Америке на следующий день после того, как актриса Алисса Милано опубликовала твит, в котором призвала поделиться своим опытом сексуального насилия или домога-

---

¹⁰ Castells M. The information age: economy, society and culture. Vol. 1. The Rise of the Network Society. Blackwell, 2000.

¹¹ Jenkins H., Shresthova S., Gamber-Thompson L., Kligler-Vilenchik N. By any media necessary: the new youth activism, connected youth and digital futures. N.Y., 2016.

¹² Castells M. Op. cit.

тельств, было опубликовано почти 700 тысяч постов, содержащих хештег #MeToo. В целом, данный хештег был использован в 14 млн твитах, не учитывая число постов в *Facebook*, *Instagram* и других социальных сетях¹³.

В 2018 г. газета “*The Times*” включила организатора этого социального движения Тарану Берк в свой ежегодный список наиболее влиятельных людей¹⁴. В июне 2019 г. ООН приняла новую конвенцию о борьбе с насилием и домогательствами на рабочих местах, которая была инициирована участниками движения #MeToo. Конвенция впервые устанавливает определение насилия и домогательства в сфере труда. Перед нами яркий пример воздействия явления, зародившегося в сети, на политические процессы реального мира. При этом это воздействие глобально, в разной форме и с разной результативностью, но оно проявлялось повсеместно.

В России (российском интернете) можно привести пример сетевого социального движения в поддержку Ивана Голунова¹⁵. Социальные медиа в короткие сроки распространили информацию о событиях, связанных с Иваном Голуновым, сформировали социальные группы, обозначили направления социальной активности в реальном мире.

Сетевые группы и социальные движения формируют структуру информационного потребления индивидов, так как именно в них фильтруется контент, именно они формируют рекомендации. Например, как правило, в политических группах социальных сетей происходит, помимо публикации постов и комментариев, размещение видео- и фото-контента, ссылки на похожие ресурсы. По сути, происходит конструирование информационной картины. В результате происходит “компартиментализация”¹⁶, т.е. распадение, разбиение сети на смысловые “капсулы”, пребывая в которых пользователь может иметь искаженную картину окружающего мира, верить

---

¹³ #MeToo: one year later. URL: <https://www.bloomberg.com/graphics/2018-metoo-anniversary/> (accessed: 20.05.2019); Les Moonves Makes No. 700 On The #MeToo Index (And Jeff Fager Is 701) // Forbes. URL: <https://www.forbes.com/sites/daviatemin/2018/09/12/les-moonves-makes-700-lessons-learned-as-number-accused-of-metoo-sexual-harassment-mounts/#25ec29843d83> (accessed: 20.05.2019).

¹⁴ Time выбрал 100 самых влиятельных людей // РБК. 2018. 20.04. URL: <https://www.rbc.ru/society/20/04/2018/5ad9c7f89a794728d7058d12> (дата обращения: 20.05.2019).

¹⁵ Голунов Иван Валентинович — российский журналист, против которого в июне 2019 г. было выдвинуто ложное обвинение в попытке сбыта наркотиков. После широкого общественного резонанса дело было прекращено через пять дней.

¹⁶ Ашманов И.С. Большие данные социальных сетей и цифровая социология // Социальные науки и образование в условиях становления электронно-цифровой цивилизации. Научно-практическая конференция. М.; СПб., 2020. С. 95–124.

в теорию плоской Земли, во вред вакцинации, в теорию мирового заговора, иметь крайние (как строго положительные, так и строго отрицательные) оценки происходящих в окружающем его мире процессах. В данных смысловых капсулах происходит “эмоциональное заражение”, результат семантической однородности контента и большого количества его повторов. Естественно, сформированные в сети установки, индивид переносит и в реальный мир.

Цифровая социология

Формируемые в виртуальном пространстве социальных сетей гигантские массивы данных о жизнедеятельности конкретного человека, о социальных группах, об общественных процессах в целом, дали толчок появлению новой отрасли социологической науки — цифровой социологии.

Впервые термин “цифровая социология” (*digital sociology*) появился в конце “нулевых” годов в трудах западных ученых-социологов Р. Уинн¹⁷, Р. Нил¹⁸, Д. Лаптон¹⁹, Нью Маррес²⁰ и др. В тот период конкретизация объекта и предмета данной отрасли социологии не представлялась возможной. Бурное развитие интернета приводило к появлению новых источников получения информации, формированию уникальных социальных явлений и механизмов взаимодействия людей в сети. В определенный момент предмет цифровой социологии включал в себя практически все теоретические и эмпирические аспекты взаимодействия человека с цифровым миром: от подходов к созданию электронного профиля и управления группами в социальных сетях до проведения социологических опросов в сети, бесконтактной социологии²¹ и анализа “больших данных” цифровых следов. В результате предмет цифровой социологии к настоящему времени в полной мере не конкретизирован, его границы искусственно увеличены, что приводит к потере специфики, “пересечению” с другими отраслями социального знания.

В этой связи в данной работе сделана попытка конкретизировать предметное поле цифровой социологии. Согласно позиции авторов, оно в первую очередь включает в себя разнообразные аспекты

---

¹⁷ Wynn J. Digital sociology: emergent technologies in the field and the classroom // Sociological Forum. 2009. Vol. 24. Iss. 2. P. 448–456. doi:10.1111/j.1573-7861.2009.01109/

¹⁸ Neal R. Expanding sentience: introducing digital sociology. N.Y., 2010.

¹⁹ Lupton D. Digital sociology. N.Y., 2015.

²⁰ Marres N. The redistribution of methods: on intervention in digital social research, broadly conceived // The Sociological Review. 2012. Vol. 60. Iss. 1_suppl. P. 139–165.

²¹ Крыштановская О.В. Бесконтактная социология: новые формы исследований в цифровую эпоху // Цифровая социология/Digital Sociology. 2018. N 1. P. 4–8. <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2018-1-4-8>

взаимодействия “человек—человек”, “человек—социальная группа”, “социальная группа—социальная группа” в виртуальном пространстве социальных сетей и медиа. Изучение “ландшафта” социальных сетей, динамики его структуры также является важным направлением цифровой социологии, позволяющим индигатировать появление новых социальных групп и оценивать количественные и качественные параметры существующих. Особое внимание цифровая социология должна уделять анализу развития общественных процессов в виртуальном пространстве, например, появлению социально-политических движений в сети. В контексте предложенного нами подхода в работе представлено авторское определение цифровой социологии:

Цифровая социология — отрасль социологического знания, изучающая законы и закономерности взаимовлияния социальных процессов, протекающих в виртуальной реальности и физическом мире.

Под социальными процессами в виртуальной реальности понимаются явления, детерминированные сетевой активностью личности, межличностным и групповым взаимодействием в сети. Многие из этих процессов имеют основания в реальном мире, определяются им. Вместе с тем, одним из главных исследовательских направлений цифровой социологии является анализ влияния процессов, протекающих в виртуальном мире (прежде всего в электронных социальных сетях), на социально-политические процессы в физическом мире.

Как уже было отмечено выше, благодаря повсеместному процессу виртуализации появилась возможность получения дополнительных данных о человеке посредством анализа его электронного профиля с помощью целого ряда методологических подходов. Уже сегодня цифровая социология имеет уникальный междисциплинарный набор методов, которые значительно расширяют исследовательский потенциал современного социолога. В первую очередь необходимо упомянуть о методах прикладной лингвистики, социальной психологии, которые необходимы для “профайлинга” конкретного аккаунта и определения психоэмоционального состояния различных социальных групп. Отдельного внимания заслуживают методы работы с “большими данными” сетевой активности личности, метод изучения графов связи, статистические методы, методы распознавания изображений и видео, размещенных на странице пользователя. Все это говорит о междисциплинарном характере цифровой социологии.

Сегодня распространение в практике цифровой социологии получают и специальные социологические методы. Например, на-

блюдение, в том числе по выборочной совокупности аккаунтов, социальный эксперимент, биографический метод, метод парных сравнений, метод идеальных типов и т.д.

Источники первичных данных в цифровой социологии

Цифровая социология работает с “большими данными”, которые формируются в виртуальном пространстве и агрегируют количественные и качественные признаки активности электронного профиля. Собственно, аккаунт является носителем первичной информации, подлежащей сбору, хранению и последующему анализу²². Этот источник информации дает нам возможность собирать следующие данные:

1. Демографический блок: пол, возраст, семейное положение, наличие детей, места временного пребывания и постоянного проживания, состояние здоровья и болезни и др., этнос.

2. Социально-политический блок: образование, политические взгляды, хобби и интересы, отношение к религии и вероисповедание, половая ориентация, окружение, схожее поведение, паттерны медиапотребления, лидеры мнений, любимые СМИ и группы в социальных сетях, наличие оружия, отношение к его использованию и др.

3. Экономический блок: уровень жизни, уровень и структура потребления, наличие/отсутствие работы, кредитов, денежных накоплений и др.

4. Внешность пользователя и окружающая обстановка: носит ли очки, бороду, длинные волосы, посещаемые места (курорты, отели, пляжи, точки общепита, фитнес, офис, совещания и т.д.), типы и бренды одежды и др.

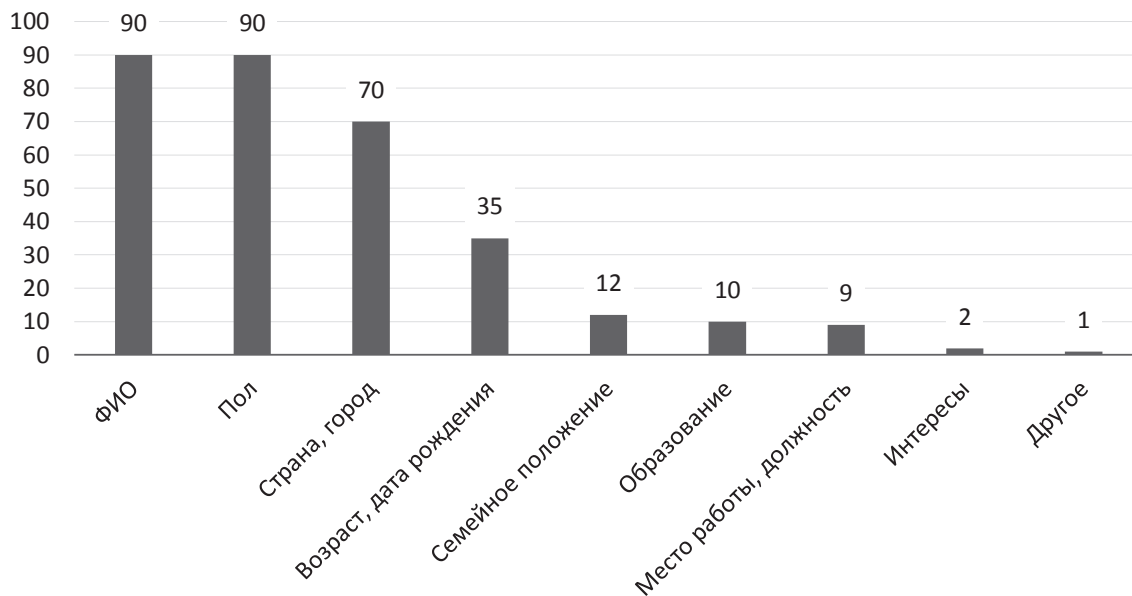
Однако использование электронного профиля в качестве единицы учета и анализа имеет определенные трудности. Как показывает практика, персональные страницы социальных сетей (аккаунты) обычно имеют неполную информацию, т.е. пользователь вносит только часть данных, не заполняя полностью все позиции профиля. Например, графа “образование” заполнена только у 10% аккаунтов (рис.).

Вместе с тем междисциплинарный характер цифровой социологии, о котором упоминалось выше, позволяет получать информацию об аккаунте, используя анализ его активности в социальной сети. Под активностью понимается текстовая, фото- и видеoinформация, которую генерирует и потребляет пользователь. В практике

---

²² Pond P. Complexity, digital media and post truth politics. Parkville, 2020.

Источник: Данные компании “Крибрум”.

Рис. Внесение пользователями своих данных на персональную страницу в социальных сетях, %

цифровой социологии использование данной информации получило название *обогащение профиля*²³. Чем больше контента аккаунт потребляет и создает, тем более глубокий анализ может быть выполнен. В первую очередь из потребляемой и генерируемой пользователем текстовой информации можно получать данные, которые могли быть указаны в профиле, но по каким-то причинам не внесены. К ним можно отнести пол пользователя, места его проживания и рождения, профессия, образование и др.

Особый интерес представляют данные, которые не могут быть указаны в профиле (отсутствует возможность внесения) или те, которые пользователь сознательно скрывает. Эту информацию можно получить при анализе потребляемого или генерируемого контента, например, политические взгляды пользователя. Из контента мы можем узнать о музыкальных, кинематографических, литературных, спортивных, политических и многих других интересах. Можно получить данные о психоэмоциональном состоянии пользователя посредством анализа тональности его сообщений, использовании в них мата и брани. Также при определении “мишени” негатива (родственники, друзья, противоположный пол, коллеги, руководство и др.) можно делать вывод об его отношениях в семье, на работе, в социальном круге. Яркий пример — деструктивные группы: радикальные религиозные и политические сообщества, секты, “группы

²³ Ашманов И.С. Указ. соч. С. 95–124.

смерти”, группы “АУЕ”²⁴ с большой точностью определяются по лексике и символике, их пользователи и модераторы довольно легко вычисляются.

При использовании тех или иных психометрических моделей оценки личности можно определять психотип пользователя. Однако, эти модели, как и сам метод психометрии нуждаются в более детальной проработке и проверке валидности в рамках психологического знания. Вместе с тем, развитие этого направления позволит значительно расширить аналитический функционал цифровой социологии.

Еще одним важным показателем является управляемость пользователя, под которой можно понимать восприимчивость к “фейкам”, склонность переходить по ссылкам “желтых заголовков”, участие в массовых опросах, тестах и “флешмобах”, разнообразных интернет-марафонах, которые могут представлять реальную угрозу жизни и здоровью человека (например, марафоны “групп смерти”). Анализ грамотности и сложности речи позволяет определить уровень владения родным и иностранными языками, что может стать косвенной оценкой образованности человека.

Таблица 1

Обогащение профиля по фото и видео

№	Параметр	Признаки
1	Антропометрия и внешность	Возраст, пол, цвет/длина волос, растительность на лице, макияж, степень обнаженности и др.
2	Здоровье	Зрение (носит ли очки), состояние кожи, худоба/полнота, палка/костыли и др.
3	Одежда	Старая/новая, стили (эмо, рокер, хипстер и т.д.), бренды, цвета, стиль и виды обуви и др.
4	Круг общения	Члены семьи, пожилые родители, коллеги, друзья
5	Уровень жизни	Марка и модель автомобиля, квартира, загородный дом, часы, гаджеты и др.
6	Привычки	Потребление табака и алкоголя, занятия спортом, животные, питание и др.
7	Места	Театры, библиотеки, ночные клубы, рестораны, музеи, курорты и др.

Также посредством анализа окружения пользователя (подписок, подписчиков, друзей и т.д.) можно определять круг его общения, уровень развития его социального капитала, образование, сфе-

²⁴ Запрещены на территории России.

ру деятельности, политические взгляды и многое другое. По данным о времени пребывания в социальной сети, об объемах потребляемого контента, о другой активности аккаунта можно делать выводы как о бюджете свободного времени пользователя, так и о наличии у него цифровой зависимости²⁵.

Существует возможность анализировать не только тексты. Появление и быстрое развитие технологии анализа изображений с использованием глубоких нейронных сетей позволяет на фотографиях и видео в социальных сетях распознать практически все объекты, которые присутствуют на снимке, включая количество и возраст людей, домашних животных, любые виды холодного и огнестрельного оружия, марки автомобилей и часов, бренды одежды, любые надписи, отели или рестораны, элементы ландшафта, достопримечательности и т.д.

Как мы видим, анализ социальных сетей и медиа посредством комплекса методов цифровой социологии позволяет значительно расширить аналитические возможности социолога. В условиях современного кризиса эмпирической социологии данный инструмент позволяет помимо оценки развития общественных процессов в виртуальном мире обогатить данные классических исследований о явлениях реального мира.

Преимущества и вызовы цифровой социологии

Методический инструментарий цифровой социологии открывает целый ряд новых возможностей как для проведения эмпирических социологических исследований в виртуальном мире, так и для оценки последствий развития виртуальных процессов для социальной реальности. Вместе с тем, существует и ряд вызовов, которые ограничивают эти возможности. В первую очередь остановимся на возможностях:

1. Проведение исследований в динамике. Исследование поведения аккаунтов в сети при условии развернутых аппаратных средств (поисковых систем, серверной базы и т.д.) и наличии соответствующих методик анализа можно достаточно просто проводить в ежедневном режиме, строить ежедневные динамические ряды, что является крайне сложным и очень дорогим инструментом при социологических опросах.

2. Изучение событий уже прошедших временных периодов. Разберем это преимущество на примере деятельности компании “Крибрум”, российского лидера в данной отрасли. Компания про-

---

²⁵ Курпатов А.В. Четвертая мировая война. Будущее уже рядом. СПб., 2019.

водит мониторинг всех видов социальных медиа, включая более 450 миллионов аккаунтов в социальных сетях, более 22 тысяч интернет-СМИ, более 140 миллионов сообщений в сутки. Начиная с 2011 г. “Крибрум” в режиме реального времени полностью выкачивает данные российского сегмента социальных медиа (посты, лайки, комментарии и т.д.). В результате существует возможность проанализировать ситуацию в социальных сетях на любой день, начиная с 2014 г. Подобный анализ невозможен в рамках классического социального знания²⁶.

3. Большой охват респондентов через аккаунты социальных сетей. В отличие от классических социологических исследований, в которых всероссийские выборки включают порядка 1600 респондентов, посредством анализа социальных сетей существует возможность изучения многомиллионных групп. Более того, с методологической точки зрения при наличии достаточных аппаратных мощностей не существует значительного отличия исследования полутора тысяч аккаунтов от полутора миллионов. Также определенные социальные группы представлены в социальных сетях практически на 80–100%. Так, в социальных медиа присутствуют практически все футбольные болельщики, зоозащитники, молодые мамы, проживающие в городах, представители целого ряда политических течений. Эти группы можно изучать практически с точностью до аккаунта, т.е. с высокой степенью дискретности. Иными словами, есть возможность знать что-либо о них не только в целом, как о представителях общественной группы, но еще и про каждого члена группы в отдельности. Изучение этих больших социальных данных дает возможность проводить, например, маркетинговые исследования в “масштабе 1:1”, с точностью до аккаунта покупателя.

4. Исследование поведения аккаунтов. Цифровая социология позволяет изучать не ответы на вопросы, а поведение аккаунтов. Это в значительной степени отличает ее от классической эмпирической социологии. Преимущество этого подхода заключается в том, что в условиях преобладания в общественном мнении “социальных стереотипов”, “социально-ожидаемого поведения”, “усталости от опросов” именно оценка поведения может являться источником достоверной информации. Наблюдаемое несоответствие ответов респондентов их действительным оценкам, дальнейшим действиям является серьезным методологическим ограничением. Качественный социологический метод включенного наблюдения может решать данную проблему только по отношению к небольшим социаль-

---

²⁶ Данные компании АО “Крибрум”.

ным группам и совершенно не подходит при анализе многотысячных общностей, масштабных социальных процессов. Исходя из этого, развитие цифровой социологии позволит получать все большую информацию именно о поведении пользователя социальной сети, различных групп вне зависимости от их численности.

Вместе с тем, для использования в практической деятельности перечисленных выше преимуществ цифровой социологии необходимо преодолеть ряд вызовов:

1. Несмотря на бурный рост исследований виртуального пространства, цифровая социология, как отрасль социологической науки, находится в стадии становления. Одним из главных вызовов является разработка теоретико-методологических основ оценки воздействия социальных процессов, протекающих в электронных сетях, на социальную реальность. В данном направлении наблюдается недостаток концептуальных исследований, описывающих соотношение конкретного виртуального и реального процесса, устанавливающих “поправочные коэффициенты переноса” воздействия какого-либо явления из сетевого пространства в реальный мир. Решения этих научных проблем будут определяющими в развитии теории цифровой социологии.

2. Еще одним важным вызовом цифровой социологии является соотнесение аккаунта и личности пользователя, а именно — насколько допустим перенос выявленных закономерностей в поведении аккаунта на поведение человека в реальном мире? Если мы допускаем, что аккаунт — это психолого-“цифровой портрет личности”, то необходимо определить, чьей кисти он принадлежит? Пабло Пикассо, Энди Уорхола или Питера Пауля Рубенса? Эта аллегория довольно точно отображает данный исследовательский вопрос. Сегодня соответствующие научные изыскания активно ведутся, в том числе и в России. Их результаты позволяют добиться большей точности в настраивании методического инструментария цифровой социологии.

3. Приведенные выше вызовы говорят о том, что анализ больших данных пользователей также имеет свои ограничения, поэтому он должен сочетаться с постановкой правильных гипотез, а также с верификацией полученных выводов традиционными качественными и количественными социологическими методами в реальном мире. Сегодня наблюдается определенный компетентностный разрыв. IT-компании обладают инструментами сбора и анализа данных социальных медиа, социологические центры имеют навыки анализа социальных, экономических и политических процессов, могут интерпретировать данные. Объединение этих подходов даст мощный импульс развитию цифровой социологии.

Выводы

Сегодня социальные процессы, протекающие в виртуальных средах (электронных социальных сетях и медиа), оказывают все большее влияние на социальную реальность. Деятельность сетевых движений, онлайн-групп, сетевых лидеров общественного мнения проникает в реальный мир и, имея сильный результирующий характер, формирует “реальную виртуальность”. Последствия этого разнообразны, могут иметь негативный характер и нуждаются в постоянном анализе и мониторинге.

Ответом современного социального знания на происходящие изменения является появление цифровой социологии — отрасли теоретической и практической деятельности, главной задачей которой является изучение последствий развития общественных процессов в виртуальном пространстве для человека и общества в целом. Цифровая социология имеет междисциплинарный характер, базируется на методологических подходах социологии, психологии, политологии, антропологии, а также прорывных достижениях информационно-телекоммуникационной сферы.

Методический инструментарий цифровой социологии позволяет исследовать как конкретных пользователей, так и многомиллионные социальные группы в сети. При этом относительно просто проводить непрерывные исследования, а также существует возможность изучать социально-экономические и политические процессы на определенном момент времени в прошлом.

Цифровая социология дает социологу целый комплекс новых методик анализа виртуального пространства. Дальнейшее развитие IT-индустрии будет приводить к появлению все новых первичных данных и подходов к их анализу. Вместе с тем, перед цифровой социологией стоит целый комплекс задач, в первую очередь, теоретико-методологического характера, которые необходимо решить для ее дальнейшего успешного развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ашманов И.С. Большие данные социальных сетей и цифровая социология // Социальные науки и образование в условиях становления электронно-цифровой цивилизации. Научно-практическая конференция. М.; СПб., 2020. С. 95–124.

Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю., Синяков А.В. Стратегии использования социальных сетей в современной России: результаты многомерного шкалирования // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. № 1. С. 283–296.

Готская И.Б., Жучков В.М. Современные трактовки понятий “сетевая личность” и “виртуальная личность” // Письма в Эмиссия.Оффлайн. 2018. № 2.

Гребенюк А.А. Потребность российской экономики в иностранных трудовых ресурсах в условиях внедрения новых технологий // Экономика региона. 2020. Т. 16. № 2. С. 507–521.

Крыштановская О.В. Бесконтактная социология: новые формы исследований в цифровую эпоху // Цифровая социология/Digital Sociology. 2018. № 1. С. 4–8.

Курпатов А.В. Четвертая мировая война. Будущее уже рядом. СПб., 2019.

Лучинкина А.И. Личность в информационном пространстве: анализ проблемы // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. Серия: Педагогика. Психология. 2015. № 2. С. 13–18.

Ницевич В.Ф. Цифровая социология: теоретико-методологические истоки и основания // Цифровая социология/Digital Sociology. 2018. № 1. С. 18–28.

Осипов Г.В. Социологическая наука в условиях становления цифровой цивилизации. СПб., 2016.

Осипов Г.В. Социальные науки и образование в условиях становления электронно-цифровой цивилизации // Социальные науки и образование в условиях становления электронно-цифровой цивилизации. Научно-практическая конференция. М.; СПб., 2020. С. 12–18.

REFERENCES

Ashmanov I.S. Bol'shie dannye social'nyh setej i cifrovaja sociologija // V sbornike: Social'nye nauki i obrazovanie v uslovijah stanovlenija jelektronno-cifrovoj civilizacii. Nauchno-prakticheskaja konferencija. M.; SPb., 2020. С. 95–124 (in Russian).

Bainbridge W. The social structure of online communities // The Social Structure of Online Communities (Structural Analysis in the Social Sciences, pp. I-II). Cambridge, 2020.

Brodovskaya Ye.V., Dombrovskaya A.Yu., Sinyakov A.V. Strategii ispol'zovaniya sotsial'nykh setey v sovremennoy Rossii: rezul'taty mnogomernogo shkalirovaniya // Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny. 2016. N 1. S. 283–296 (in Russian).

Castells M. Networks of outrage and hope: social movements in the Internet age. Cambridge, 2015.

Castells M. The information age: economy, society and culture. Vol. 1. The rise of the Network society. Blackwell, 2000.

Гребенюк А.А. Потребность российской экономики в иностранных трудовых ресурсах в условиях внедрения новых технологий // Экономика региона. 2020. Т. 16. № 2. С. 507–521 (in Russian).

Gotskaya I.B., Zhuchkov V.M. Sovremennyye traktovki ponyatiy "setevaya lichnost'" i "virtual'naya lichnost'" // Pis'ma v Emissiya. Offlayn. 2018. N 2 (in Russian).

Jenkins H., Shresthova S., Gamber-Thompson L., Kligler-Vilenchik N. By any media necessary: the new youth activism, connected youth and digital futures. N.Y., 2016.

Kryshtanovskaya O. Contactless sociology: new forms of research in a digital age // Digital Sociology. 2018. N 1. S. 4–8 (in Russian).

Kurpatov A.V. Четвертая мировая война. Будущее уже рядом. СПб., 2019 (in Russian).

Luchinkina A.I. Lichnost' v informatsionnom prostranstve: analiz problemy // Uchenyye zapiski Krymskogo inzhenerno-pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. 2015. N 2. S. 13–18 (in Russian).

- Lupton D.* Digital sociology. N.Y., 2015.
- Lupton D.* Digital sociology: an introduction. Department of sociology and Social Policy. Sydney, 2012.
- Marres N.* The redistribution of methods: on intervention in digital social research, broadly conceived // *The Sociological Review*. 2012. Vol. 60. Iss. 1_suppl. P. 139–165.
- Neal R.* Expanding sentience: introducing digital sociology. N.Y., 2010.
- Nitsevich V.* Digital sociology: theoretical and methodological origins and bases // *Digital Sociology*. 2018. N 1. S. 18–28 (in Russian).
- Osipov G.V.* Sociologičeskaja nauka v uslovijah stanovlenija cifrovoj civilizaciji. SPb., 2016 (in Russian).
- Osipov G.V.* Social'nye nauki i obrazovanie v uslovijah stanovlenija jelektronno-cifrovoj civilizaciji // *Social'nye nauki i obrazovanie v uslovijah stanovlenija jelektronno-cifrovoj civilizaciji*. Nauchno-praktičeskaja konferencija. M.; SPb., 2020. S. 12–18 (in Russian).
- Pond P.* Complexity, digital media and post truth politics. Parkville, 2020.
- Wynn J.* Digital sociology: emergent technologies in the field and the classroom // *Sociological Forum*. 2009. Vol. 24. Iss. 2. P. 448–456. doi:10.1111/j.1573-7861.2009.01109

DOI: 10.24290/1029-3736-2022-28-1-145-163

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ: ПЕРСПЕКТИВЫ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ИХ ВНЕДРЕНИЯ*

О.В. Гавриленко, канд. социол. наук, зав. кафедрой социальных технологий социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, Москва, Российская Федерация, 119234**

Внедрение цифровых технологий во все сферы жизни становится фактором, который радикально трансформирует характер социальных взаимодействий и изменяет механизмы социального контроля. Можно говорить о сложности и противоречивости этого нарастающего социального тренда, превращающего различные цифровые технологии в основную форму реализации “социального”. Мы все больше сталкиваемся с множественностью способов социального контроля при принципиальной унификации его процедур, которая определяется цифровыми технологиями. Происходят передача функций социального контроля от человеческих акторов машинам и алгоритмам, автоматизация и алгоритмизация социального контроля. Данная автоматизация содержит “под покровом” объективности и нейтральности политические, экономические и идеологические императивы, машина содержит трудно эксплицируемое человеческое ядро. Внедрение алгоритмических форм управления, основанных на использовании больших данных, значительно увеличивает масштабы мониторинга населения и смещает “властную” логику на контроль и конструирование мнений, формирование потребностей, побуждение к действиям в соответствии с предписанными нормами поведения. Пандемия COVID-19 активизировала деятельность национальных государств по использованию преимуществ цифрового контроля за населением. Фактически за несколько месяцев карантинных мероприятий в большинстве стран были развернуты беспрецедентные по охвату и универсальные по своим техническим решениям средства контроля за населением. При этом цифровой социальный контроль порождает специфические формы социальной асимметрии. Открытым остается вопрос — кто имеет доступ к информации, генерируемой машинами контроля? Для развития современных умных городов и цифровизации социальных практик необходимы актуальные и корректные данные, поэтому неизбежно придется идти на компромисс между правами граждан на неприкосновенность частной жизни и быстрым развитием новых смарт-технологий. Кроме государства личные данные также собирают частные компании, и прежде всего, цифровые платформы. Необходимо регулирование прав на получение

* Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета “Математические методы анализа сложных систем”.

** Гавриленко Ольга Владимировна, e-mail: ol.gavrilenko2014@yandex.ru

и использование данных, а также создание правил их коммерческого использования. Пандемия COVID-19, ускорив внедрение новых информационных технологий социального контроля, снизила “общественную чувствительность” к нарушению частных границ ради “общественной безопасности”. Необходимость быстрой реакции на COVID-19 меняет правила игры в отношении того, как граждане, организации и власти в разных странах обращаются с личными данными и где находится баланс между конфиденциальностью личных данных и общественным здоровьем и/или безопасностью.

Ключевые слова: социальный контроль, умный город, цифровые технологии, промышленно-технологическая революция.

DIGITAL TECHNOLOGIES OF SOCIAL CONTROL: PROSPECTS AND SOCIAL CONSEQUENCES OF THEIR IMPLEMENTATION

Gavrilenko Olga V., Doctor of Sociology, Associate Professor, Head of Social Technologies Department, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: ol.gavrilenko2014@yandex.ru

Introduction of digital technologies in all spheres of life is a factor that radically change the social interactions and mechanisms of social control. This rising trend, that turn the various digital technologies into main form of realization of “the social” is complex and contradictory. We are confronted more and more with multiplicity of social control with simultaneous unification of its procedures, determined by digital technologies. The functions of social control are transferred from human actors to machines and algorithms. The social control is automated. Under the cover of objectivity and neutrality such automatization contains political, economical and ideological imperatives. The machine has human core, yet difficult to discern. Implementation of algorithmic forms of governance, based on Big Data, significantly increases the scope of population monitoring and shifts the “power logic” to control and construction of opinions, creation of the demands, mobilizing action in accordance with the prescribed standards of conduct. COVID-19 Pandemic enhanced the activities of national States to take advantage of digital control over the population. In fact, during few months of quarantine measures in most countries unprecedented in its global reach and universal in their technical solutions instruments of control over the population have been deployed. In doing so the digital social control generates very specific forms of social asymmetry. There remains an open question: who has access to information, generated by the machines of control. For the development of modern smart cities and digitalization of social practices relevant and correct data are needed. Compromise between citizens’ rights to privacy and rapid development of new smart technologies is inevitable. Personal data collected not only by the State but also by private corporations, especially by owners of digital platforms. Rights to obtain and use data need to be regulated and rules set for their commercial application. COVID-19 Pandemic, accelerating implementation of digital social control, reduced “public sensitivity” to violation of private borders for the sake of security. The need for a rapid response to COVID-19 changes the rules of the game as to how citizens, organizations and authorities in different countries deal with personal data and actu-

alizes the question, where the balance lies between confidentiality of personal data and public health and/or security.

Key words: *social control, smart city, digital technologies, industrial and technological revolution.*

Цифровизация сегодня становится фактором, который радикально трансформирует характер социальных взаимодействий и изменяет механизмы социального контроля. Цифровизация — это внедрение цифровых технологий в разные сферы жизни общества, которое позволяет фактически “исключить” человека из процесса принятия решений и выполнения ряда рутинных социальных практик (или, по крайней мере, создать иллюзию подобного исключения). Можно говорить о сложности и противоречивости этого нарастающего социального тренда, превращающего различные цифровые технологии в основную форму реализации “социального”. Сегодня мы сталкиваемся с множественностью форм реализации социального контроля при принципиальной унификации его процедур, которая определяется цифровыми технологиями.

Четвертая промышленно-технологическая революция уже не определяется какой-то доминирующей технологией (как это было с паровым двигателем, например), это целый комплекс новых технологий, которые еще и находятся в определенной конвергенции (искусственный интеллект и машинное обучение, виртуальная и дополненная реальности, интернет вещей, технологии блокчейна, дроны, роботы и т.п.). Рассматривая технологию в контексте социальной практики, мы видим, как множество технологий встраиваются в повседневное взаимодействие между людьми, трансформируя, дополняя и изменяя его. За последние десятилетия повседневная жизнь, скрытая в не всегда заметных деталях, совершенно преобразилась. Технологии в том или ином виде (камеры наружного наблюдения, нейросети, невидимые машинные алгоритмы, регулирующие нашу повседневность и оцифровывающие социальные практики) “опосредовали все, что мы делаем”, а также изменили наше переживание реальности, которая окружает нас каждый день¹. Без смартфона современный человек уже вряд ли представляет свое существование в новой цифровой реальности. Превращая смартфон в необходимость, доверяя и перепоручая ему все больше функций, мы, тем самым, “открыто меняем неприкосновенность частной жизни на удобство”, принимая “социальный” договор, условия которого не всегда нам известны. Он становится нашим “протезом”, а в его вла-

---

¹ Гринфилд А. Радикальные технологии: устройство повседневной жизни. М., 2018. С. 17.

сти находится огромное социальное пространство. С ним мы одновременно можем оказаться везде, но в то же время “нигде полностью не присутствуем”, превращаясь в “сетевого индивида”, нового субъекта в измененном мире².

Современным социальным практикам все в большей степени свойственна сетевая логика взаимодействия. Для оказания воздействия на большие массы людей различные акторы (включая органы власти) прибегают к использованию социальных сетей. Согласно теории Грановеттера, который акцентировал силу “слабых связей”, “слабые” связи между людьми оказывают сильное воздействие на их жизнь и возможность достижения целей. В то же время мы продолжаем поддерживать близкие контакты с теми, кто рядом с нами (родные, друзья, соседи). Сочетание этих “сильных и слабых” связей способствует снижению разобщенности людей, “слабые” произвольные связи соединяют обособленные “скопления людей”. “Подобная структура сетей и низкий уровень разобщенности населения в масштабах планеты служат одной из причин, почему в будущем болезни, слухи, информация и новые технологии смогут распространяться весьма стремительно”³. Интернет меняет представления о “близости” и “удаленности”, в интернет-пространстве индивид оказывается близок к людям, географически удаленным от него. Интернет наделяет большей силой и стимулирует рост доверия к людям, носителям тех или иных идей, которых мы не знаем лично, но именно эти “лидеры мнений” формируют новые тренды, создают моду на те или иные идеи, вещи, ценности и т.п.

Оцифровывание нашей повседневности заставляет задуматься о новых формах социального контроля. М. Фуко утверждал, что власть через взаимосвязанные аппараты управления, право, технологии, социальные нормы и пространственную логику, осуществляет форму дисциплинарной власти, направленную на то, чтобы, применяя позитивные и негативные санкции, прививать населению определенные привычки, формировать ожидания и стимулировать самодисциплину. Одним из ключевых аспектов дисциплинарного управления является то, что население должно знать, что оно подлежит контролю и учету. Для контроля необходим поток данных, позволяющих власти “видеть” свой объект управления. Внедряются процедуры и технологии для систематической широкомасштабной генерации данных, мониторинга действий граждан, а для этого активно используются цифровые платформы.

---

² Гринфилд А. Указ. соч. С. 45–47.

³ Урри Дж. Как выглядит будущее? М., 2018. С. 108.

Цифровые платформы, делая нашу жизнь удобной (мы многое делаем “через один клик”), одновременно формируют сложную сеть контроля, часто невидимого. Фактически мы живем в реалиях нового паноптикума. Основная цель паноптикума, по М. Фуко, — “привести заключенного в состояние сознаваемой и постоянной видимости, которая обеспечивает автоматическое функционирование власти”⁴. Такой идеальный механизм, основанный на дихотомии “видеть — быть видимым”, позволяет власти, и не только власти как таковой, но и новым “хозяевам” платформенной экономики, осуществлять контроль, при этом оставаясь анонимной, невидимой. Паноптикум может использоваться не только для контроля осужденных, но и других “объектов”. Именно цифровые платформы, владея неограниченным объемом информации о нас, становятся главной инстанцией социального контроля в цифровом мире. Власть вынуждена более гибко выстраивать отношения с цифровыми гигантами, будучи зависимой от них и созданной ими инфраструктурой.

М. Фуко говорил об “обществе безопасности”⁵, в котором технологии контроля направлены не на запрещение или предписание какого-либо поведения, а на принятие возможных отклонений и нежелательного поведения и удержание частоты таких отклонений на допустимом уровне. Власть призвана обеспечивать пространство безопасности. Технологии контроля в современных “умных городах” направлены именно на формирование такого пространства за счет предупреждения различных девиаций и правонарушений, организации контроля над большими группами людей и регулирования их поведения.

Как отмечает О.А. Обрывалина, «модель “локального порядка” реализуется в постиндустриальном городе прежде всего через социально-пространственную эксклюзию, охрану порядка по принципу “разбитых окон” и использование “цивилизованного” (civility) права»⁶. В городах внедряются архитектурные формы контроля, призванные ограничивать зоны доступа для маргинальных групп и индивидов. Так, во многих европейских городах скамейки разделяют на части так, чтобы человек не мог лежать (борьба с бездомными и т.п.).

Реализация алгоритмических форм управления, основанных на использовании больших данных, значительно увеличивает масштабы и частотность мониторинга населения и социальных процессов и смещает “правительственную” логику с наблюдения и дисциплины

---

⁴ Фуко М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы. М., 1999. С. 294.

⁵ См.: Фуко М. Безопасность, территория, население. М., 2011.

⁶ Обрывалина О.А. Проблемы социального контроля в мегаполисе // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2013. № 2.

на контроль и конструирование мнений, формирование потребностей, побуждение к действиям в соответствии с предписанными нормами поведения.

Современные информационные и цифровые технологии наблюдения и слежения, используемые в городах, осуществляют социальный контроль, в основном, удаленно, сокращая количество необходимых контролеров-людей (например, полицейских), тем самым, снижая стоимость социального контроля и расширяя границы его проникновения. Так, внедрение системы видеофиксации нарушений правил дорожного движения привело к сокращению численности полиции.

Цифровая среда одними исследователями (например, М. Кастельсом) позиционируется как пространство свободы, самовыражения, проявления гражданских инициатив, а другими воспринимается как новая форма гегемонии ТНК, владельцев цифровых платформ (Л. Манович). «Ведущая роль крупных ИТ корпораций, постепенно превращающихся в гигантов платформенной экономики, остается невидимой для большинства пользователей. За счет множества технологических решений, которые лежат в основе конструирования цифровой среды, создается иллюзия “свободы” и конкуренции. Фактически, это контролируемое, выстраиваемое по жесткой схеме пространство, где даже конкурирующие или противоборствующие мнения есть продукт одного создателя (ТНК)»⁷. Владельцы платформ становятся настоящими творцами современного цифрового мира.

Национальные государства вынуждены включаться в борьбу за контроль над медиатизированными мирами, используя комбинацию двух стратегий⁸. Первая стратегия — стратегия тотального ограничения, попытки поставить цифровую среду под контроль с использованием классических методов регулирования, плохо работающих для современных информационных технологий (закон о “суверенном интернете”). Вторая стратегия заключается во встраивании в платформенную экономику либо на правах равного партнера, либо ведущей регулирующей инстанции. “Активные инвестиции государств в создание информационной инфраструктуры, в ИТ-компании, формирование совместных проектов с крупными национальными ИТ-компаниями, предоставление им возможностей в монополизации определенных рынков в обмен на сотрудничество

---

⁷ Маркеева А.В., Гавриленко О.В. Цифровая платформа как новый экономический актор и новая инстанция социального контроля // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2019. № 5. С. 37.

⁸ Там же. С. 41.

и лояльность в предоставлении данных для контроля над различными аспектами социальной и экономической деятельности населения, а также их приватной сферы (*AliExpress* и система социального кредита в КНР, сотрудничество Яндекс, Сбербанк с государством при формировании инфраструктуры цифровой экономики). Данная стратегия более эффективна: при ее реализации (в отличие от запретительных мер) государству не надо бороться с негативной реакцией граждан. Необходимо понимать, что цифровые платформы благодаря стремительно совершенствуемым ими технологиям сжатия пространства и времени формально сняли для большинства современных пользователей барьеры в получении информации, расширили возможность выбора всего (идей, друзей, товаров и т.д.). Поэтому любые ограничительные меры со стороны государства по управлению сетевым пространством будут наталкиваться на сопротивление пользователей”⁹.

Как отмечает Дж. Урри, «в цифровом, или “умном” городе физическое перемещение предметов и людей в значительной мере заменяется различными цифровыми форматами связи и впечатлений»¹⁰. В цифровом городе трансформируется само общение людей. Нет необходимости преодолевать физическое пространство для общения и взаимодействия, все происходит в цифровой среде, пандемия только усилила этот тренд, постепенно нивелируя потребность живого общения. Машины и алгоритмы помогают выстраивать логистику перемещений по городу, позволяют совершать рутинные социальные действия “в один клик”, физическая среда горожанина становится “умной” (в зависимости от пассажиропотока выстраивается график движения транспорта, город наполнен различными датчиками и сенсорами)¹¹. Умная среда и алгоритмы позволяют индивиду запоминать меньше информации (всегда можно “загуглить” то, что интересуется), теряются навыки ориентации в пространстве (можно довериться навигатору), усиливается цифровой контроль над городским пространством.

Власти уже давно собирают данные о населении и используют их для контроля и реализации государственной политики, а также в целях управления городом. Для целей управления городским хозяйством применяются информационные системы и “комнаты управления”, сетевое развитие городской инфраструктуры, внедрение

---

⁹ Маркеева А.В., Гавриленко О.В. Указ. соч. С. 42.

¹⁰ Урри Дж. Указ. соч. С. 215.

¹¹ См., например: Smart cities: digital solutions for a more livable future // McKinsey Quarterly. 2018. URL: <https://www.mckinsey.com/quarterly/overview> (accessed: 08.06.2021).

интернета вещей, в котором сетевые устройства, датчики, камеры, сенсоры встроены в городское пространство. В совокупности эти технологии генерируют потоки больших данных, на основе которых выстраиваются системы городского управления.

Москва является достаточно ярким примером внедрения цифровых смарт-технологий в городское пространство. В стратегии «Москва “Умный город–2030”»¹² заявлено: “...интегрированные системы видеонаблюдения/видеоаналитики, акустического контроля и устройства Интернета вещей позволят повысить раскрываемость правонарушений и будут способствовать их профилактике. Датчики в квартирах москвичей помогут предотвратить возгорания или затопления. Умные домофоны с распознаванием лиц, голоса и поведения обеспечат защиту от незаконного проникновения в жилище и самостоятельно передадут сигнал о попытке совершения преступления и данные преступников в правоохранительные органы. К 2030 году в Москве все камеры, датчики и сенсоры будут объединены в единую сеть, позволяющую одновременно получать, обрабатывать, анализировать и хранить данные с каждой из них. Искусственный интеллект позволит осуществлять поиск лиц и объектов как во всем массиве хранимых данных, так находить и отслеживать их движение по всему городу в режиме онлайн и в текущий момент”.

На основе анализа больших данных разрабатывается система предсказания совершения противоправных действий. Планируется создание системы анализа исторических данных о различных прецедентах и построения профилей риска (анализ условий, при которых совершается преступление). Искусственный интеллект позволит не только распознавать лица и наблюдать за гражданами, но и предсказывать поведение отдельных лиц, наступление будущих событий (несанкционированные митинги, очереди, пробки, аварии, несчастные случаи и др.), что позволит заранее предпринимать необходимые меры, направленные на предотвращение или минимизацию неблагоприятных последствий данных событий.

В Ирландии для целей цифровизации управления городской средой активно используются информационные панели (*city dashboards*)¹³. Городские информационные панели применяют визуальный анализ — динамическую и/или интерактивную графику (например, датчики, светофоры, счетчики, стрелки, штриховые диа-

---

¹² Проект стратегии «Москва “Умный город — 2030”» // Сайт Правительства Москвы. URL: https://www.mos.ru/upload/alerts/files/3_Tekststrategii.pdf (дата обращения: 06.06.2021).

¹³ *Kitchin R., Coletta C., McArdle G.* Urban informatics, governmentality and the logics of urban control. URL: <https://osf.io/preprints/socarxiv/27hz8/> (accessed: 09.06.2021). P. 5.

граммы, графики), карты, трехмерные модели и расширенные пейзажи для демонстрации информации о тенденциях, эффективности, структуре городов. Отобранные данные отображаются на экране в интерактивном режиме.

Как правило, городские информационные панели отображают семь видов данных¹⁴:

- 1) данные для государственного управления, собираемые местными органами власти;
- 2) официальные статистические данные (например, данные переписи населения);
- 3) оперативные данные, касающиеся оказания муниципальных услуг (например, предоставление транспортных услуг);
- 4) данные, касающиеся состояния экологии (загрязнение среды, уровень воды, погода, шум);
- 5) данные с краудсорсинговых платформ (например, сообщения об инцидентах, результаты голосований горожан по вопросам местного значения);
- 6) данные из социальных медиа (чаще с использованием геолокации);
- 7) интегративные данные (комбинирование шести типов данных).

Так, информационная панель Дублина была запущена в 2014 г. Она предоставляет органам власти, коммерческим организациям и гражданам доступ к массиву собранных данных по Дублину, включая информацию в режиме реального времени. Эти данные открыты, доступны для использования через различные мобильные приложения.

Всеобъемлющий характер контроля, достигаемый с помощью использования новых интегрированных систем и технологий “слежения”, вызывает разную реакцию граждан. Одной из первых стран, решившихся на эксперимент тотального цифрового контроля, стал Китай, который ввел на общегосударственном уровне систему рейтингования граждан, систему “социального кредита”. Рейтинг гражданина выстраивается на основе данных, получаемых из государственных, коммерческих, личных источников информации, привязывается к паспорту и меняется в режиме реального времени в зависимости от поступающей информации.

Интересны данные опроса китайских граждан Свободным университетом Берлина в 2018 г.: 80% опрошенных одобряют введенную систему рейтингования населения, 19% “скорее одобряют, чем не

---

¹⁴ *Kitchin R., Coletta C., McArdle G. Op. cit. P. 6.*

одобряют”. Население достаточно быстро привыкло к новой форме цифрового контроля.

Несколько лет назад дискуссии о возможности внедрения новых цифровых технологий тотального контроля над жизнью граждан в Европе или России (наподобие системы “рейтингования граждан” в Китае) вызывали скорее улыбки. Мало кто верил, что население само, без особого сопротивления, будет передавать свои личные данные государству (место нахождения, цели перемещения по городу и др.), постоянно пересылать свои фото-подтверждения нахождения в самоизоляции, получать разрешения на выход из дома и др. Часто такие дискуссии заканчивались констатацией того, что в “западном” обществе, построенном на ценностях свободы, прав человека и т.п., такие формы государственного вмешательства в личное пространство мало реализуемы. Но пандемия COVID-19 изменила многое. Сегодня не утихают предложения об усилении контроля над перемещениями граждан через введение паспортов вакцинации (на основе создания единой системы информации о прививках), наличие вакцинации от короновирусной инфекции фактически становится механизмом допуска/не допуска к работе, к путешествиям и т.п. Нейросети используются для анализа поведения граждан, камеры следят за соблюдением масочного режима.

Пандемия активизировала деятельность национальных государств по использованию преимуществ цифрового контроля над населением. Фактически за несколько месяцев карантинных мероприятий в большинстве стран были развернуты беспрецедентные по охвату и универсальные по своим техническим решениям средства контроля за населением¹⁵. Цифровые платформы образовали альянсы с национальными государствами, выступив ключевыми акторами для реализации управленческих решений не только по контролю над пандемией, но и по сбору и агрегации информации о населении и бизнес-организациях¹⁶. Так, ресурсы российских цифровых платформ (Яндекс, Сбербанк и др.) были включены в развернутую систему контроля сначала за пациентами и гражданами, находящимися на карантине, а потом и за всеми остальными жителями.

Цифровые платформы давно преуспели в сборе пользовательских данных, которые индивиды предоставляют, не задумываясь и особо не опасаясь их передачи третьим лицам. Сегодня, рассуждая

---

¹⁵ См., например: Singapore, Helsinki and Zurich triumph in global smart city index // IMD. URL: <https://www.imd.org/smart-city-observatory/smart-city-index> (accessed: 08.06.2021).

¹⁶ См.: Социальные изменения в условиях цифровой среды: Коллективная монография / Под ред. В.П. Васильева. М., 2020. С. 129.

о больших данных (*Big Data*), чаще говорят о перспективах их использования, но ключевыми проблемами все же остаются сохранение безопасности данных и этические проблемы нарушения границ частной жизни. Согласно последним данным ВЦИОМ, меньше всего беспокоятся о передаче данных представители поколения Y — “миллениалы” (около 40%), а больше всего озабочены данной проблемой люди в возрасте 35–49 лет (около 70%)¹⁷. Экспансия цифровой индустрии осуществляется за счет расширения контроля над повседневностью, происходит тотальная, никем не ограниченная фиксация ежедневной рутины, неконтролируемое вмешательство в ежедневные пользовательские практики и действия. Цифровые технологии “подкупают” удобством их использования — прикосновением смартфона мы оплачиваем товары и услуги, получаем информацию по куар-коду, телефон регулирует наш режим дня и отдыха, без геолокационных сервисов многие горожане (особенно молодые) абсолютно не могут ориентироваться в пространстве и др.

Смартфон для современного горожанина становится инструментом участия в создании умного города снизу. Демократизация вычислительной техники привела к тому, что ежедневно миллионы людей по всему миру решают проблемы, прокладывают маршруты, ищут друзей, развлечения с помощью телефона. Смартфоны, по мнению Э. Таунсенда, — это только начало проектирования умного города, этому также способствуют открытая государственная информация, программное обеспечение и свободные социальные сети. Цифровые решения для умных городов могут распространяться с высокой скоростью. Как пишет Таунсенд: “Сегодня происходит бурный обмен не исследованиями достижений и передовой практикой в сфере умных городов, а собственно рабочими технологиями: кодами, компьютерными моделями, данными и проектами оборудования”¹⁸.

По данным рейтинга *Smart City Index*, в 2020 г. Москва занимала 56-е место среди 109 умных городов по всему миру. В столице активно создается цифровая среда и используются различные инструменты цифрового контроля. В Москве развернута городская система видеонаблюдения, которая представляет собой государственную информационную систему для сбора, обработки и хранения видео-

---

¹⁷ Аналитический обзор ВЦИОМ от 01.12.2020 “Персональные данные в Интернете: угроза утечки и как с ней бороться”. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/personalnye-dannye-v-internete-ugroza-utechki-i-kak-s-nei-borotsja> (дата обращения: 30.06.2021).

¹⁸ Таунсенд Э. Умные города: большие данные, гражданские хакеры и поиски новой утопии. М., 2019. С. 105.

записей с камер, установленных в городе. На официальном сайте сообщается, что при расследовании 70% преступлений использовалась городская система видеонаблюдения, более 121 тысячи нарушений в сфере благоустройства города зафиксировано в 2020 г.¹⁹ В камеры видеонаблюдения также встроена технология распознавания лиц. Технологию начали внедрять еще с марта 2016 г. Она была разработана российской компанией *N-Tech.Lab*, которая ранее создала приложение *FindFace*, позволяющее найти человека в социальных сетях по его фотографии. С апреля 2019 г. камеры распознавания лиц начали устанавливаться на турникетах в Московском метрополитене. До конца 2021 г. в Московском метрополитене должна быть внедрена для оплаты проезда система сканирования лица (*Face Pay*), которая с августа 2021 г. была запущена в тестовом режиме. С начала пандемии COVID-19 в Москве власти города обязали лиц с подтвержденной коронавирусной инфекцией использовать мобильное приложение “Социальный мониторинг” для контроля соблюдения изоляции. При установке приложения пользователи должны подтвердить свой номер телефона, сделать фотографию на фронтальную камеру. После этого приложение начинает автоматически отслеживать геолокацию пользователя и сравнивать ее с адресом, указанным в подписанном согласии на медицинскую помощь на дому. Приложение в случайное время присылает пользователю запрос на дополнительную идентификацию по фотографии (“селфи”). У большинства пользователей возникали проблемы с использованием приложения и из-за несвоевременно отправленной фотографии заболевшим выписывали штрафы.

Мы наблюдаем передачу функций социального контроля от человеческих акторов машинам и алгоритмам, автоматизацию и алгоритмизацию социального контроля. Данная автоматизация содержит “под покровом” объективности и нейтральности политические, экономические и идеологические императивы, машина содержит трудно эксплицируемое человеческое ядро. Технологии радикально меняют нашу повседневность, и то, что несколько лет назад воспринималось как отдаленное будущее, сегодня становится нашей обыденностью. Мы пьем кофе, выбранный алгоритмами именно для нас, исходя из анализа наших предпочтений, в кафе, которое подсказал нам смартфон на основе геолокации, мы расплачиваемся за кофе, поднося смартфон к считывающему устройству, умные часы регулируют время нашего отдыха и предлагают заняться физической нагрузкой, нейросети анализируют наши эмоции, контекстная

---

¹⁹ Информационные технологии. URL: <https://video.dit.mos.ru> (дата обращения: 25.05.2021).

реклама убеждает нас в необходимости приобретения “нужного” нам продукта... Искусственному интеллекту отчуждается право принятия решений как стратегического характера, так и повседневных. Искусственный интеллект все активнее алгоритмизирует то, что поддается алгоритмизации, приближаясь к цели технологизации решения творческих задач, что многих пугает. “Сущность обучения, человеческого или машинного, состоит в развитии способности к выявлению, распознаванию и постепенному воспроизведению образов... многие, если не все, величайшие произведения искусства, то есть вещи, которые мы считаем вершиной человеческого вдохновения и человеческих достижений, практически целиком состоят из образов. Какими бы проработанными и богатыми они ни были, в них нет ничего волшебного, и ничто не должно препятствовать их анализу достаточно мощными системами обработки данных. Гуманист во мне приходит в ужас от кажущегося прямолинейного редукционизма подобных утверждений, но... трудно понять, что, собственно, определяет стиль, помимо привычного упорядочения элементов, будь то в виде цветовой гаммы, последовательности нот, частотности словоупотребления или же структуры предложения. А это как раз те признаки, которые хорошо поддаются извлечению алгоритмами”²⁰.

Технологии, которые лежат в основе Четвертой промышленно-технологической революции (роботы, ИИ и машинное обучение, дроны, виртуальная и дополненная реальность, интернет-вещей, блокчейн и др.), вызывают множество дискуссий по различным последствиям их внедрения — социальным, правовым, экономическим, политическим, этическим. Применимы ли категории права к машине? Кто несет ответственность, если по вине робота происходит трагедия? Если военный робот совершает убийство, кто несет за это ответственность? Военачальник, который его использует в военной операции? Государство, чьей собственностью робот является? Производитель робота? Или разработчик робота? Это ситуация размывания ответственности — в итоге за трагедию несут ответственность они все и одновременно никто. «Исчезнет не просто установление персональной ответственности, а она сама: будучи распределенной по обезглавленной сети множественных акторов, она постепенно утратит свою квалификацию, из намеренного став ненамеренным, из военного преступления — военно-промышленным инцидентом. Почти как в случае “мусорных облигаций”, которые умышленно производятся в финансовой сфере, становится

---

²⁰ Гринфилд А. Радикальные технологии: устройство повседневной жизни. М., 2018. С. 349.

крайне сложно понять, кто кому и что должен. Это типичный дис-
позитив *фабрики по производству безответственности*²¹.

Некоторые технологии настолько глубоко проникают в нашу повседневность, что становятся “нашим продолжением”. Интернет вещей, по меткому определению А. Гринфилда, “колонизирует повседневную жизнь обработкой информации”²². Мы привыкаем отслеживать пройденное расстояние, измерять свой пульс, смотреть на количество своего сна, доверяя умным технологиям. Мы “измеряем себя”, пытаемся на основе агрегированных умными устройствами данных получить практические выводы и выстроить свою жизнь “в правильном направлении” (например, ЗОЖ). Количественные показатели измерений диктуют нам стратегию поведения и определяют количество необходимого нам сна, физической нагрузки, получаемых калорий. Привыкая к такой регулируемости, индивид начинает подчиняться “советам и рекомендациям” умных помощников, переставая принимать самостоятельные решения. “В условиях позднего капитализма расцвет носимой биометрической электроники можно понять только как дисциплинарную власть, пронизывающую само тело и его потоки”²³.

Еще одной технологией, радикально изменяющей механизм осуществления контроля, является дрон. Дроны произвели определенную революцию — “революцию взгляда”²⁴. Исследователи выделяют ряд инноваций, связанных с появлением указанной технологии: 1) постоянство взгляда и неусыпный контроль (дрон — это не человек, который может отвлечься, моргнуть, уснуть; механический взгляд работает без остановки); 2) синоптический взгляд или его тотальность (наблюдение за огромным пространством, “видеть все и постоянно”); 3) запись и архивирование “всего” (можно записать историю жизни индивида, заархивировать это и пересматривать нужные фрагменты при необходимости); 4) “слияние данных” (возможность соотнести различные части одного информационного события — то, что видно, с тем, что слышно); 5) схематизация жизненных паттернов (например, возможность следить за индивидом в социальных сетях, собирать и обобщать полученные данные, разрабатывать алгоритмы); 6) обнаружение девиаций и аномии (автоматическое обнаружение аномального поведения и предсказание его последствий, фиксация отклонений от “типичности”)²⁵.

---

²¹ Шамаю Г. Теория дрона. М., 2020. С. 243.

²² Гринфилд А. Указ. соч. С. 49.

²³ Там же. С. 53.

²⁴ Шамаю Г. Указ. соч. С. 47.

²⁵ Там же. С. 52.

Социальный контроль выступает как форма социальной асимметрии. Открытым остается вопрос — кто имеет доступ к информации, генерируемой машинами контроля? В связи с развитием новых информационно-коммуникативных технологий, искусственного интеллекта, больших данных все чаще возникают вопросы, связанные с легитимностью сбора и использования пользовательских данных. Такой сбор данных (особенно без ведома пользователя или в ситуациях, когда невозможно без проставления галочки получить доступ к основным “благам”) размывает границы частной жизни, делает прозрачным осуществление повседневных рутинных практик. Поисковые системы записывают каждый клик пользователя в интернете, им известен его IP-адрес, геолокация, интересы, онлайн-покупки, личные данные, сообщения в мессенджерах и прочее, что, к примеру, позволяет демонстрировать контекстную рекламу в соответствии с поведением пользователя в интернете. При этом согласия на это не спрашивается, а возможности выбора, какие сведения о себе предоставлять, не дается (пользовательские соглашения мы, как правило, не читаем). По умолчанию большие данные собирают все, что затем будет храниться на серверах и использоваться разными акторами — государственными, коммерческими.

«В цифровом городе компьютеры, датчики и “большие данные” будут повсюду, и они будут потреблять огромные объемы энергии. Люди будут оставлять в цифровом пространстве “следы” своих передвижений, совершенных покупок, своего общения и самой жизни. А вследствие того, что базы данных будут взаимосвязаны, никаких сложностей с тем, чтобы соединить отдельные “следы”, принадлежащие одному человеку... не возникнет... В цифровом городе каждый человек будет собираться заново в качестве “цифровой личности”, присутствующей в разнообразных базах данных»²⁶. Цифровая реальность способствует генерированию данных в огромных масштабах, и ученые уже заговорили о приближении так называемого “пика данных”, определенной точки, в которой извлечение данных может достигнуть предела. “Пик данных — это тот момент, когда гиганты интернет-индустрии уже знают о тебе все, и какие-то дополнительные детали нарушат хрупкий баланс и приведут к коллапсу всего политэкономического режима, основанного на данных”²⁷. Цифровые платформы начинают адаптироваться к такой ситуации, ограничивая пользование своими операционными сервисами, часто под видом проявления корпоративной социальной ответственности,

---

²⁶ Урри Дж. Как выглядит будущее? М., 2018. С. 222.

²⁷ Ловинк Г. Критическая теория интернета. М., 2019. С. 15.

“заботы о своем клиенте” (например, вовремя напомнить клиенту, что пора спать, погулять, размяться). Для цифровой платформы важнее не просто собирать все больше и больше информации, что способствует энтропии и возникновению информационного мусора, более значимо — извлекать из всего вала информации что-то ценное. “Энтропия — это главная угроза, которую приносит автоматизация. Система производит такое количество данных, что либо каждый будет под подозрением, либо никто. Производство информации, некогда определявшееся как создание осмысленных различий, достигло того состояния, когда оно делает кувырок и стремится к нулю — перегрузке системы”²⁸.

Для развития современных умных городов и цифровизации социальных практик необходимы актуальные и корректные данные, поэтому неизбежно придется идти на компромисс между правами граждан на неприкосновенность частной жизни и быстрым развитием новых смарт-технологий. Кроме государства личные данные также собираются частными компаниями, и прежде всего, цифровыми платформами. Соответственно необходимо регулирование прав на получение и использование данных, а также создание правил их коммерческого использования. Необходимость быстрой реакции на COVID-19 может изменить правила игры в отношении того, как граждане, организации и власти в разных странах обращаются с личными данными и где находится баланс между конфиденциальностью личных данных и общественным здоровьем и/или безопасностью. Также усиливается сотрудничество между частными компаниями и властями в ситуации обмена данными и их размещением на контролируемой платформе с открытым исходным кодом.

Цифровая платформа не только обеспечивает площадку для взаимодействий, получая прибыль из соединения спроса и предложения (бизнес-модель), но в перспективе начинает генерировать прибыль из поддержания площадки, из возможности извлекать новые данные из анализа агентов, подключенных к платформе, из “сетевых” эффектов, которые платформа получает при расширении числа пользователей²⁹.

Одним из бурно обсуждаемых решений властей стало радикальное изменение условий жизни и прав двух категорий граждан — “вакцинированных” и “не вакцинированных” (в число которых в России попали не только те, кто сознательно отказался от

---

²⁸ Ловинк Г. Указ. соч. С. 17.

²⁹ Цит. по: Маркеева А.В., Гавриленко О.В. Цифровая платформа как новый экономический актор и новая инстанция социального контроля // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2019. № 5. С. 36.

вакцинации, но и те, кто переболел более полугода назад, кто имеет медицинские противопоказания по вакцинации). Фактически произошло разделение населения на два “лагеря”, а отношение к вакцинации и действиям власти на какое-то время стали основанием для поляризации общества и социального расслоения. Более того, это разделение сразу стало еще и цифровым: так, решением московских властей от 22.06.2021 г. право посещения заведений общественного питания, музеев и т.п. получили только три категории граждан (привитые, переболевшие менее шести месяцев назад, имеющие трехдневный отрицательный ПЦР на коронавирус), причем исключительно по цифровому QR-коду. Оцифровывание населения фактически вышло на новый уровень: кроме того, что создана единая база данных по “коронавирусным статусам граждан” (аналог цифровых кодов здоровья, ковид-паспортов и др.), цифровые платформы получили еще больше информации по потребительским предпочтениям “привитых”, так как гораздо легче через QR-коды стало собирать данные о перемещениях граждан и их запросах.

Пандемия COVID-19 ускорила внедрение новых информационных технологий социального контроля, снизив “общественную чувствительность” к нарушению частных границ ради безопасности. Власти получили больше полномочий по сбору и использованию личных данных, причем, это характерно и для стран запада, где всегда большее внимание уделялось защите прав граждан на неприкосновенность частной жизни. В 2020 г. президент РФ В.В. Путин подписал закон “О едином федеральном информационном регистре, содержащем сведения о населении Российской Федерации”. Новая система должна объединить персональные данные россиян, имеющиеся у различных ведомств (МВД, Минобрнауки, Минобороны и др.), оператором системы станет Федеральная налоговая служба. Данный регистр может быть интегрирован с другими автоматизированными системами контроля. Обсуждение данного законопроекта сопровождалось бурными общественными дискуссиями об опасности возможной утечки персональных данных, нарушений неприкосновенности частной жизни граждан, угроз мошенничества и др.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аналитический обзор ВЦИОМ от 01.12.2020 “Персональные данные в Интернете: угроза утечки и как с ней бороться”. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/personalnye-dannye-v-internete-ugroza-utechki-i-kak-s-nei-borotsja>

Гринфилд А. Радикальные технологии: устройство повседневной жизни. М., 2018.

Информационные технологии. URL: <https://video.dit.mos.ru>

- Ловинк Г.* Критическая теория интернета. М., 2019.
- Маркеева А.В., Гавриленко О.В.* Цифровая платформа как новый экономический актор и новая инстанция социального контроля // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2019. № 5. С. 29–48.
- Обрывалина О.А.* Проблемы социального контроля в мегаполисе // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2013. № 2.
- Проект стратегии «Москва “Умный город — 2030”» // Сайт Правительства Москвы. URL: https://www.mos.ru/upload/alerts/files/3_Tekststrategii.pdf (дата обращения 06.06.2021).
- Социальные изменения в условиях цифровой среды: Коллективная монография / Под ред. В.П. Васильева. М., 2020.
- Таунсенд Э.* Умные города: большие данные, гражданские хакеры и поиски новой утопии. М., 2019.
- Урри Дж.* Как выглядит будущее? М., 2018.
- Фуко М.* Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы. М., 1999.
- Фуко М.* Безопасность, территория, население. М., 2011.
- Шамаю Г.* Теория дрона. М., 2020.

REFERENCES

- Analiticheskij obzor VCIOM ot 01.12.2020 “Personal’nye dannye v Internete: ugroza utechki i kak s nej borot’sja” [Analytical review of Russian Public Opinion Research Center dated 01.12.2020 “Personal data and Internet: security leak and ” how to combat it] URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/personalnye-dannye-v-internete-ugroza-utechki-i-kak-s-nei-borotsja> (accessed: 30.06.2021) (in Russian).
- Foucault M.* Nadzirat’ i nakazyvat’: rozhdenie tyur’mu [Discipline and Punish: The Birth of the Prison]. М., 1999 (in Russian).
- Foucault M.* Bezopasnost’, territoriya, naselenie. Kurs leksii, pročitannykh v Kollezhe de Frans v 1977–1978 uchebnom godu [Safety, Territory, Population. Lectures at the College de France in 1977–1978]. St. Petersburg, 2011 (in Russian).
- Grinfeld A.* Radikal’nye tekhnologii: ustrojstvo povsednevnoj zhizni [Radical Technologies: The Design of Everyday Life]. М., 2018 (in Russian).
- Informacionnye tehnologii: sajt [Informational technologies: site]. URL: <https://video.dit.mos.ru> (accessed: 25.05.2021) (in Russian).
- Kitchin R., Coletta C., McArdle G.* Urban informatics, governmentality and the logics of urban control. URL: <https://osf.io/preprints/socarxiv/27hz8/> (accessed: 09.06.2021). P. 1–21.
- Lovink G.* Kriticheskaja teorija interneta [Critical Theory of the Internet]. М., 2019 (in Russian).
- Markeeva A. V., Gavrilenko O. V.* Cifrovaja platforma kak novyj jekonomicheskij aktor i novaja instancija social’nogo kontrolja [Digital platform as a new economic actor and new instance of social control] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 7. Filosofija. 2019. N 5. S. 29–48 (in Russian).
- Obryvalina O. A.* Problemy social’nogo kontrolja v megapolise [The problem of social control in megapolis] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 18. Sociologija i politologija. 2013. N 2 (in Russian).
- Proekt strategii «Moskva “Umnyj gorod — 2030”» [Draft strategy «Moscow “Smart City — 2030”»] // Sajt Pravitel’stva Moskvy. URL: https://www.mos.ru/upload/alerts/files/3_Tekststrategii.pdf (accessed: 06.06.2021) (in Russian).

Shamaju G. Teorija drone [Theory of drone]. M., 2020 (in Russian).

Singapore, Helsinki and Zurich triumph in global smart city index // IMD.
URL: <https://www.imd.org/smart-city-observatory/smart-city-index/> (accessed: 08.06.2021).

Smart cities: digital solutions for a more livable future: Report of McKinsey Global Institute, dated June 5, 2018. URL: <https://www.mckinsey.com/business-functions/operations/our-insights/smart-cities-digital-solutions-for-a-more-livable-future> (accessed: 08.06.2021).

Social'nye izmenenija v uslovijah cifrovoj sredy: Kollektivnaja monografija [Social change in the digital environment. Collective monograph] / Pod red. V.P. Vasil'eva. M., 2020 (in Russian).

Taunsend A. Umnye goroda: bol'shie dannye, grazhdanskije hakery i poiski novej utopii [Smart Cities: Big Data, Civic Hackers, and the Quest for a New Utopia]. M., 2019 (in Russian).

Urri Dzh. Kak vygljadit budushhee? [What is the Future]. M., 2018 (in Russian).

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ И ДЕМОГРАФИЯ

DOI: 10.24290/1029-3736-2022-28-1-164-192

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ И СТАРЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ

С.А. Барков, докт. социол. наук, проф., зав. кафедрой экономической социологии и менеджмента социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

И.В. Колодезникова, канд. эконом. наук, доц. кафедры экономической социологии и менеджмента социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234**

Н.Л. Мысливец, канд. социол. наук, доц., директор Института социологии НАН Белоруссии, ул. Сурганова, 1, корп. 2, г. Минск, Белоруссия, 220013***

С.Н. Щербинин, канд. социол. наук, доц., доц. кафедры социологии и специальных социологических дисциплин Гродненского государственного университета имени Янки Купалы, начальник отдела менеджмента качества УО “Гродненский государственный университет им. Янки Купалы”, ул. Ожешко, 22, г. Гродно, Белоруссия, 230023****

Процесс социализации индивидов продолжается всю жизнь, но на различных этапах развития субъекты общественной деятельности отдают предпочтение разным социальным практикам. С возрастом меняется значимость различных видов практик в жизни индивида. В постиндустриальном обществе происходят существенные изменения критериев выбора и конфигурации социальных практик людьми “третьего возраста”.

В статье представлена оригинальная структура социальных практик для анализа старения населения в современных условиях. Авторами выделено три вида социальных практик: практики продолжения рода, производственно-трудовые, а также надприродные практики. Они могут взаимодополнять или дополнять друг друга, а также накладываться друг на друга. В разных исторических условиях и культурных контекстах соотношение этих практик существенно меняется.

Применительно к отдельным индивидам авторы предлагают использовать краткие названия обозначенных выше трех видов социальных практик — семья, труд и досуг. Наиболее очевидным образом замещение и взаимодополнение

* Барков Сергей Александрович, e-mail: barkserg@live.ru

** Колодезникова Инна Валентиновна, e-mail: inna0105@yandex.ru

*** Мысливец Николай Леонтьевич, e-mail: n.myslivets@gmail.com

**** Щербинин Сергей Николаевич, e-mail: s.n.scherbinin@mail.ru

этих социальных практик проявляется на разных этапах жизни отдельного человека — в детстве, взрослом возрасте и старости. Еще недавно достижение пенсионного возраста предполагало прекращение трудовых практик. Сегодня все больше пенсионеров могут, должны и/или хотят продолжать работать. Это базовое изменение существенно повлияло на соотношение видов социальных практик у пожилых людей. На пересечении трудовых и досуговых практик стали активно развиваться образовательные программы для пенсионеров, что еще недавно воспринималось как некая “экзотика”. У работающих пенсионеров меняются и семейные практики: они все чаще имеют возможность оказывать финансовую помощь детям.

В постиндустриальном обществе исключительно многообразными стали досуговые практики пенсионеров. Наряду с уже относительно давно занявшими свое место в жизни пожилых людей (посещение разного рода мероприятий в сфере культуры, занятия спортом и путешествий) стали развиваться практики, связанные с активным участием в общественно-политической жизни, а также здоровым образом жизни.

Предложенная авторами триада социальных практик позволяет не только выявить особенности жизненных стратегий современных пенсионеров, но и определить направления в работе с ними, требующие улучшения.

Ключевые слова: социальные практики пожилых людей, направления социализации пенсионеров, семейные практики, производственные трудовые практики, досуговые практики, замещение и трансформация социальных практик пожилых.

SOCIAL PRACTICES AND POPULATION AGING

Barkov Sergey A., Doctor of Sociology, Professor, Head of Economic Sociology and Management Department, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: barkserg@live.ru

Kolodeznikova Inna V., PhD in Economics, Associate Professor, Economic Sociology and Management Department, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: inna0105@yandex.ru

Myslivets Mikalay L., PhD in Sociology, Associate Professor, Director of the Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, st. Surganova, 1, bldg. 2, Minsk, Belarus, 220013, e-mail: n.myslivets@gmail.com

Shcharbinin Siarhei N., PhD in Sociology, Associate Professor, Associate Professor of Sociology and Special Sociological Disciplines Chair of Yanka Kupala State University of Grodno, Head of Quality Management Department of Yanka Kupala State University of Grodno, st. Ozheshko, 22, Grodno, Belarus, 230023, e-mail: s.n.scherbinin@mail.ru

The process of socialization continues throughout person's life, but at different stages of development, individuals give preference to different social practices. With age, the importance of various types of practices changes. In a postindustrial society, there are significant changes in the criteria for choosing and configuring social practices by people of the “third age”.

The article presents the original structure of social practices for analyzing the aging of the population in modern conditions. The authors identified three types of social practices: procreation practices, production and labor practices, as well as supra-natural practices. They can complement or substitute each other, as well as overlap each other. In different historical conditions and cultural contexts, these relationships between these practices change significantly.

With regard to individuals, the authors propose to use the short names of the three types of social practices — family, work and leisure. The most obvious way of replacing and complementing these social practices is manifested at different stages of an individual's life - in childhood, adulthood, and old age. Until recently, reaching the retirement age presupposed the termination of labor practices. Today, more and more retirees can, should and/or want to continue working. This basic change has had a significant impact on the interrelation of social practices in the “third age”. At the intersection of work and leisure practices, educational programs for pensioners began to actively develop, which until recently was perceived as an “exotic”. Family practices are also changing for working pensioners: they are increasingly able to provide financial assistance to children.

In the postindustrial society, the leisure practices of pensioners have become extremely diverse. Along with those which have already taken their place in the life of older people for a relatively long time (attending various kinds of cultural events, sports and travel), practices related to active participation in social and political life, as well as a healthy lifestyle, began to develop.

The triad of social practices proposed by the authors makes possible not only to identify peculiarities of modern pensioners' life strategies, but also to determine the dimensions in social work with them that require improvement.

Key words: *social practices of the elderly, areas of socialization of retirees, family practices, productive labour practices, leisure practices, substitution and transformation of social practices of the elderly.*

Общественная жизнь представляет собой совокупность многих направлений деятельности. Эти направления исключительно многообразные и с трудом укладываются в логически выверенную структуру. Несмотря на это социальная философия и социология как науки с самого начала своего существования пытались и пытаются такую структуру создать. Каждый автор, имея свои исследовательские и ценностные приоритеты, выделяет и группирует направления деятельности людей. Кроме того, ученые вырабатывают для них и особые названия: это и направления (деятельности), и виды (деятельности), и сферы (деятельности), и отрасли (деятельности), и направления социализации, и социальные процессы, и социальные практики. Все эти названия призваны отразить в теории одни и те же явления жизни, однако могут содержать в себе несколько разнящиеся смыслы. В данном случае для дальнейших рассуждений мы изберем термин “социальные практики”, который является на сегодня одним из наиболее “модных”, “современных” и может быть применен к различным уровням социальной реальности: обществу в целом, группам людей и отдельным людям.

На разных этапах своего развития эти субъекты общественной деятельности отдают предпочтение разным социальным практикам и формируют из них некий специфический набор или специфическую конфигурацию. При этом одни социальные практики начинают играть более значимую роль в жизни субъекта, а другие — менее значимую. Исключения не составляет и процесс старения отдельного человека: у пенсионера набор социальных практик явно отличается от того, что имеет работающий человек в расцвете сил. Кроме того, в постиндустриальном обществе этот набор существенно отличается от того, что имел пенсионер индустриальной и, тем более, доиндустриальной эпохи. Об этом речь пойдет ниже, а сейчас мы попробуем предложить свою структуру социальных практик, удобную для анализа старения населения в современных условиях.

Три вида социальных практик

Если рассматривать общество как особого рода продукт деятельности биологического вида *homo sapiens*, вполне обоснованным становится выделение тех социальных практик, которые непосредственно связаны с биологией, так сказать, “завещаны биологией”, и тех, которые не имеют к ней никакого отношения, а часто и противоречат содержащимся в биологической природе принципам. К биологически обусловленным практикам относятся те, которые связаны с продолжением рода и поддержанием жизни (снабжение организма необходимым количеством калорий). Понятно, что у людей эти практики радикально отличаются от тех, что имеют место в животном мире. Сильно огрубляя ситуацию, можно сказать, что животное совокупляется и ищет пищу. Человек же выстраивает бесконечное количество отношений с себе подобными в сфере взаимодействия полов и создает постоянно усложняющуюся экономическую систему поддержания жизни. Но все проявления высших чувств (любви, обожания, ревности и др.), а также практические действия в отношениях супругов и детей (общее хозяйство, наследование, воспитание и др.) могут быть вписаны в первый вид социальных практик — в *практики продолжения рода* или *семейные практики*. Точно так же и самые разнообразные занятия, с помощью которых современный человек получает не столько непосредственно калории, сколько деньги на поддержание жизни, могут быть рассмотрены как составляющие *производственных* или *трудовых* практик. Эти два вида практик имеют природно-рациональную основу. Без них жизнь вида *homo sapiens* невозможна в принципе. Самые непоследовательные действия в этих сферах, в конечном счете, мо-

гут быть объяснены тем, что человек стремится продолжить себя и удовлетворить свои биологические потребности, хотя в значительном количестве случаев сам по себе он этого не осознает.

Совсем иной является третья надприродная совокупность социальных практик. Эти практики лишены природной рациональности, но в то же время делают из *homo sapiens* человека. Фактически, они представляют собой все направления деятельности, не связанные с сексом и пропитанием. Это и все те действия, которые производит человек, руководствуясь идеалом красоты, и множественные практики, дающие человеку удовольствие безо всякой связи с продолжением рода и поддержанием жизни. Все направления искусства и многие направления гуманитарных наук, коллекционирование и путешествия, увеселительные мероприятия и религия — все эти и множество других социальных практик делают из общественного человека особый надприродный феномен.

Наглядно три вида социальных практик можно представить в виде трех пересекающихся кругов (рис. 1).

Рис. 1. Три базовых вида социальных практик

Надприродные практики в целом иррациональны с биологической точки зрения. Известно, что ученые самых разных направлений — и философы, и социологи, и психологи, и антропологи, и даже экономисты — всегда пытались и будут пытаться рационально обосновать то, что имеет место в реальности. Они выявляют множе-

ство причин и целей существования надприродной сферы. Однако мы должны признать, что как вид *homo sapiens* мог бы преспокойно существовать на Земле безо всех этих практик.

Ученые пытаются придать рациональность надприродным практикам, прежде всего, ссылаясь на их полезность для эффективного осуществления двух означенных выше видов биологически обусловленных практик. Надприродные практики — это область развития сознания, а сознание — мощный инструмент покорения природы. Оно дает неоспоримые конкурентные преимущества виду *homo sapiens* и (якобы) облегчает деятельность, связанную с достижением биологических целей. Молодые животные часто играют, отрабатывая те навыки, которые им пригодятся в жизни. Однако взрослый человек, играя в карты, шахматы или нарды, в подавляющем большинстве случаев не прибавляет ничего к тем компетенциям, которые востребованы на работе. Он просто получает удовольствие. То же самое можно сказать и о коллекционировании марок, монет и вообще чего бы то ни было. Существуют, конечно, люди, которые богатеют благодаря своим коллекциям, но это единицы среди миллионов “коллекционеров-бессребреников”.

Иррациональность действий, осуществленных во имя красоты, становится особенно очевидной при рассмотрении жизни первобытных народов. Часто они недоедали и сталкивались с множеством трудностей в удовлетворении своих биологических потребностей. Но даже женщины в племенах сибирских аборигенов тратили сотни часов на украшение своей и мужниной одежды. Впечатляющие религиозные артефакты древних времен также требовали огромного количества времени и энергии, которые люди также могли бы расходовать значительно рациональнее с биологической точки зрения.

Рациональное объяснение природной красоты было найдено, но оно с большим трудом применимо к человеческому обществу. Это объяснение заключается в том, что красота прямо вплетается в первую совокупность практик, связанных с продолжением рода. Пчела летит на красивый цветок с сильным запахом и опыляет его, у птиц самец привлекает самку ярким оперением и пением. Если следовать такой логике, можно утверждать, что подлинная красота природного мира, рождается в головах людей, а у самих животных скорее является притягательностью. А притягивать может не только великолепный аромат, но и зловоние, что часто и имеет место у животных. Постоянную же деятельность людей, руководствующихся принципами красоты, практически невозможно интерпретировать с таких позиций.

Таким образом, в общем и целом надприродные практики были и остаются иррациональными по отношению к практикам, так или иначе обусловленным биологией человека. Эту иррациональность фиксируют религия и обыденное сознание. Божественное происхождение человека и невозможность свести его развитие к процессу, имеющему четкие природные детерминанты, сделали из человека некое высшее существо, соприкасающееся в своей жизни не только с законами окружающего нас материального мира, но и с чем-то еще. И это что-то иррациональное с позиций окружающего мира, как бы ни хотелось ученым подо все подвести природную, естественную основу.

Социальная философия и социология всегда анализировали этот странный симбиоз природных и надприродных элементов человеческой жизни. Вл. Соловьев очень точно говорил в свое время о том, что в человеке есть “что-то ниже человека”, а “что-то выше человека”, имея в виду в первом случае биологическое начало, а во втором — божественное. Он писал: “Все, что существует и что может существовать, исчерпывается в нравственном отношении тремя категориями достоинства: мы имеем дело или с тем, что выше нас, или с тем, что нам равно, или с тем, что ниже нас”¹. О противоборстве природных и надприродных (божественных или иных) начал в человеке писали многие мыслители, жившие в самые разные эпохи и придерживавшиеся самых разных позиций относительно окружающей нас реальности и места в ней человека.

К. Маркс придал соотношению означенных выше социальных практик иерархический характер. В качестве базовой он выделил производственную сферу, т.е. сферу, связанную с поддержанием жизни, а надприродные практики поставил в зависимость от нее². Кстати, в предельно широком определении производственных отношений его соратник и постоянный соавтор Ф. Энгельс указывал: “Согласно материалистическому пониманию, определяющим моментом в истории являются, в конечном счете, производство и воспроизводство непосредственной жизни. Но само оно, опять-таки, бывает двоякого рода. С одной стороны — производство средств к жизни: предметов питания, одежды, жилища и необходимых для этого орудий; с другой — производство самого человека, продолжение рода. Общественные порядки, при которых живут люди определенной исторической эпохи и определенной страны, обуславливаются обоими видами производства: степенью развития,

---

¹ Соловьев В.С. *Оправдание добра. Нравственная философия.* М., 1996. С. 403.

² Маркс К. *К критике политической экономии.* М., 2017. С. 7.

с одной стороны — труда, с другой — семьи”³. Фактически он выделил в качестве базовых (“базисных”) две первые — биологически обусловленные — социальные практики и поставил надприродную (“надстроечную”) деятельность в зависимость от них.

В данном случае важно показать, что выделение трех видов социальных практик имеет свою достаточно давнюю историю. Оперирование понятиями этих практик у каждого ученого было подчинено императивам и методологическим предпочтениям развиваемой им теории. В частности, искусственное выделение из трех видов социальных практик высших и низших, а также выявление однонаправленных зависимостей между ними всегда служило основой критики марксизма. Именно его главная формула, в упрощенном варианте звучащая как “бытие определяет сознание”, отталкивала от него многих мыслящих людей. В эпоху постмодерна подобные однозначные детерминистские конструкции кажутся особенно неуместными, однако такое отношение к ним не умаляет самого выделения классиками марксизма базовых социальных практик, присутствующих в развитии общества и отдельных индивидов.

Говорить об иерархическом строении социальных практик невозможно из-за радикальной трансформации биологически оправданных действий в социальной среде. Такая трансформация позволяет тратить интеллектуальные и эмоциональные усилия почти равномерно по трем направлениям — воспроизводство рода, поддержание жизни и надприродная деятельность. Простое воспроизводство рода у животных вылилось у человека в ухаживание, брак (или отказ от него), семейные конфликты, отношения отцов и детей, наличие или отсутствие любовников или любовниц, проституцию, наследование недвижимости и еще множество социальных практик, имеющих неким условным центром секс. Деятельность по поддержанию жизни и потреблению калорий трансформировалось еще более радикально. Простое пощипывание травки у животных вылилось в социальные практики получения образования, поиска работы, профессиональной ориентации и адаптации на рабочем месте, конфликтов с начальством, творческой самореализации, ухода на пенсию и др. В свою очередь, надприродные практики исключительно многообразны и представляют собой громадный спектр, начиная от спокойного любования природой и заканчивая абсолютной воцерковленностью или вовлеченностью во всепоглощающее хобби. Вообще условно надприродные практики можно с известной долей

---

³ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 2019. С. 5.

условности обозначить словом “досуг”, что будет оправдано с точки зрения нашего дальнейшего повествования.

Пересечение, замещение и трансформация социальных практик

Пересечения трех видов социальных практик очевидны. Образование сочетает в себе и досуг, и производственную деятельность. Люди учатся рисовать для интересного времяпрепровождения и вытачивать гайки для зарабатывания денег. Кроме того, само получение новых знаний очень часто связано с получением удовольствия от новой информации или от преодоления себя, а удовольствие — это основа надприродных практик. Ухаживание за дочкой начальника и перспективный брак с нею находятся на пересечении воспроизводства рода и производственной деятельности. То же можно сказать и о харассменте и обычном флирте на работе, и даже в целом о семейном бизнесе как социально-экономическом феномене. Символом пересечения продолжения рода и надприродных практик, безусловно, служит человеческая любовь во всех ее многочисленных проявлениях — от написания стихов до совместного суицида (см. рис. 2).

Рис. 2. Примеры пересечения трех видов социальных практик

Как биологический вид и как субъект, созданный обществом, человек всегда был и остается агрессивным. Поэтому в рамках каждого вида социальных практик наряду с созидательной деятельностью существует и деятельность разрушительная. В рамках производственных практик — это война. Зарабатывать средства на существование люди могут, либо создавая некие материальные блага, либо отбирая их у других.

Надприродные практики предоставляют особый простор для агрессивной деятельности при обязательном условии получения от нее удовольствия. Негласным ее символом может служить Герострат, разрушивший храм Артемиды. Он сделал это исключительно для удовольствия — в данном случае для славы (по крайней мере, так об этом свидетельствует древнегреческий историк Феопомп и все сопутствующее мифотворчество). Другим более современным примером разрушительной деятельности, находящейся на стыке надприродных практик и практик продолжения рода, служат мажорки. Вообще человек склонен придумывать самые изощренные разрушительные практики, никак не связанные с запросами биологии, а в большинстве случаев противоречащие им.

Что касается социальных практик, связанных с продолжением рода, то разрушительная деятельность здесь является менее очевидной и яркой. Прежде всего к ней относятся всякого рода семейные конфликты, разрушающие отношения супругов. Сюда же можно отнести и другие социальные практики, наносящие ущерб семейной или просто половой жизни.

Важнейший сюжет социальной трансформации биологически обусловленных видов деятельности определяется тем фактом, что в какой-то момент они буквально становятся своей противоположностью. В этом случае биологические истоки и детерминанты социальных практик превращаются в нечто подобное фантому, а вся деятельность людей начинает восприниматься как принципиально надприродная. В рамках практик продолжения рода возникают целбат и движение чайлдфри. А в рамках производственных практик — целые слои людей, никогда не работавших и не желающих работать — начинания от жителей Древнего Рима с их требованием “Хлеба и зрелищ!” и заканчивая афроамериканскими матерями-одиночками в США, уже не одно поколение которых с 1960-х гг. живет на пособия. Здесь, как и во многих других случаях, фактически имеет место полная деструкция биологических, природных основ социальных практик.

Серьезное поползновение надприродным образом трансформировать социальные практики, связанные с получением средств

к существованию, также имеет место в эпоху постмодерна. Оно связано с развитием роботизации и искусственного интеллекта. И хотя можно долго спорить о границах замещения живых людей техникой, тенденция к тому, что все больше жителей развитых стран будут со все большим трудом находить себе работу, существует. Провозвестником такого развития событий следует считать отвергнутый в 2016 г. швейцарцами на референдуме законопроект о выплате каждому жителю страны 2,5 тысяч франков безо всякой трудовой деятельности⁴. Несмотря на эту первую неудачу выплаты подобного рода в развитых странах будут еще не раз обсуждаться и в ряде случаев становиться соответствующей социальной практикой.

Процесс выхолащивания биологии из социальных практик шел постепенно и достиг своего апогея в эпоху постмодерна. Сегодня мы буквально вступаем в эпоху расставания с биологией. Биологическое продолжение рода сменяется социальными практиками, препятствующими деторождению. Причем, если в индустриальном обществе базой для таких изменений служило пересечение данной сферы с производственной: работа сдерживала или убивала на корню желание женщин и/или мужчин иметь много детей или детей вообще, — то в постиндустриальном обществе в сферу продолжения рода прямо вмешались надприродные практики, практики досуга. Постоянный рост количества однополых браков, которые не позволяют иметь собственных детей, активно ширящееся движение по смене пола с потерей возможности произвести потомство, наконец, сознательный отказ от детей для получения возможности максимально реализовать свои желания (уже упоминавшееся движение чайлдфри) — все эти процессы имеют антибиологическую направленность, а развивающиеся в этом русле социальные практики могут реально уничтожить природную основу выживания *homo sapiens*.

Если отвлечься от подобного рода прогнозов, в концептуальном плане принципиально важным является следующее положение о трех видах социальных практик: энергия человека и группы людей может неравномерно распределяться между ними, могут происходить и замещения одних социальных практик другими. Собственно именно поэтому также не следует выстраивать социальные практики в иерархическом порядке — они все находятся на одном уровне и являются взаимозаменяемыми. Какие-то люди и их группы целиком уходят в производственную деятельность, сводя к минимуму практики продолжения рода и получения удовольствия. Трудоголизм всегда в той или иной мере присутствовал в истории человечества. Другие

---

⁴ URL: https://www.bbc.com/russian/international/2016/06/160605_switzerland_basic_income_referendum_rejected (дата обращения: 10.08.2021).

субъекты социальных отношений концентрируются на надприродных практиках и занимаются иными видами деятельности лишь постольку поскольку. Есть и те, кто предпочитает практики, прямо или косвенно связанные с продолжением рода, всем остальным.

Три вида социальных практик в жизни отдельного человека

Наиболее очевидным образом замещение и взаимодополнение социальных практик проявляется на разных этапах жизни отдельного человека. Применительно к обозначенным выше трем видам социальных практик именно на индивидуальном уровне очень удачными представляются их краткие названия — семья, труд и досуг (рис. 3). В разные периоды жизни соотношение этих социальных практик будет различным.

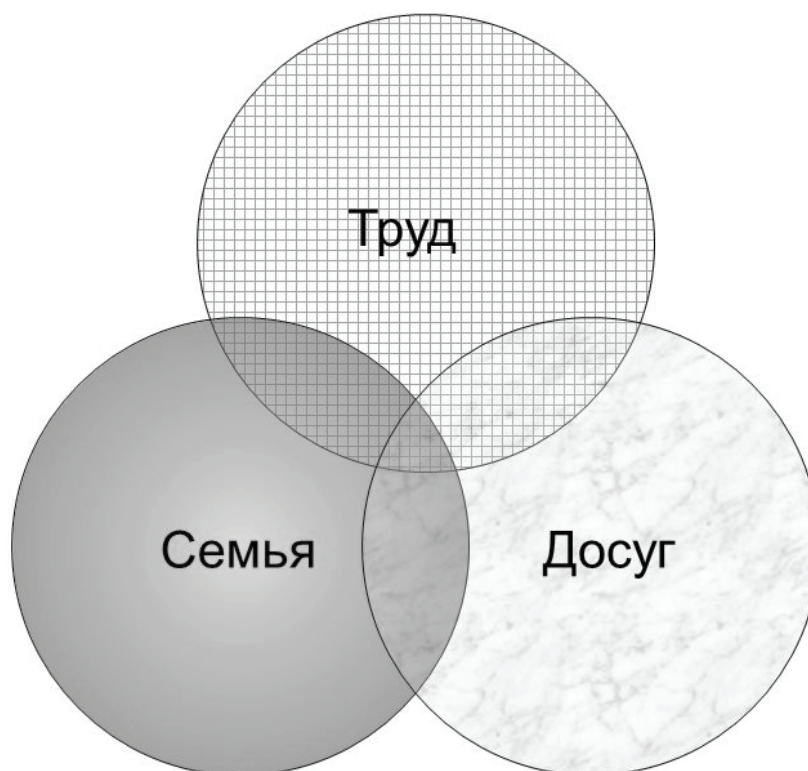

Рис. 3. Три вида социальных практик в жизни отдельного человека

У ребенка три вида социальных практик предстают в несколько искаженном виде, но несмотря на это имеются в наличии. Производственная сфера здесь представлена в виде образования в самом широком смысле слова, т.е. как освоение необходимых для будущего труда знаний и навыков. Искаженными в этот период оказываются и семейные практики, практики продолжения рода — ведь сам ребенок и представляет собой это продолжение. Поэтому с известной долей условности к ним можно отнести все действия по установле-

нию и развитию своих отношений с родителями, а также братьями и сестрами. Если же последних оказывается достаточно много, маленький человек очень быстро включается в практики продолжения рода, помогая родителям с теми детьми, которые родились после него. И эта деятельность — уход за младшими — может отнимать у ребенка достаточно много времени. Неслучайно, выходцы из больших семей часто вообще не хотят иметь своих детей — они уже “насладились” всеми радостями “отцовства” или “материнства” еще в детстве.

В детские годы гипертрофированными оказываются и социальные практики досуга. Именно поэтому в обыденном сознании справедливо бытует представление о дошкольных годах как о самом счастливом времени жизни. При этом не следует полагать, что все, что делает ребенок в раннем детстве, — это подготовка к будущей жизни. В значительном количестве случаев он просто получает удовольствие. Заниматься тем, что приносит радость — это прерогатива детства.

После окончания школы триада социальных практик начинает полноценно присутствовать в его жизни. Учеба в высшем учебном заведении очень часто сопрягается с трудовой деятельностью (пусть даже осуществляемой неполный рабочий день), да и сама учеба, особенно на сложных специальностях, может почти без всяких натяжек называться трудом. В целом же человек начинает балансировать между тремя полюсами социальных практик, замещая, скрещивая и взаимодополняя их.

На протяжении всей взрослой жизни человек и по субъективным, и по объективным причинам изменяет то время и ту энергию, которые отдает социальным практикам определенного рода. До образования своей собственной семьи у большинства людей преобладают практики труда и досуга. С появлением семьи и, в особенности, с рождением детей фокус естественным образом смещается в сторону семейных практик. Если у мужчины такого не происходит, он тут же начинает именоваться карьеристом, трудоголиком или увлеченным (в случае предпочтения сферы досуга семейным практикам). О женщинах, активно развивающих трудовые практики и соответственно испытывающих серьезные проблемы с семейными практиками, написаны многие тысячи страниц. Альтернативной жизненной стратегией многих миллионов женщин на планете служит предпочтение семейных практик всем остальным. Надприродные практики, условно называемые нами сферой досуга, также имеют своих приверженцев. Это и воцерковленные люди, начиная с обычных прихожан разных церквей, многие часы проводящих

в храмах и молитвах, и заканчивая монахами, которые до предела минимизируют все иные социальные практики, кроме действий, обусловленных религиозной верой.

Описанные выше предпочтения социальных практик в первую очередь связаны с индивидуальным выбором, пусть часто и неосознанным. Они в меньшей степени определяются внешними обстоятельствами жизни человека. Но не стоит забывать, что институциональный контекст развития обществ часто делает индивидуальный выбор тех или иных практик более легким или более трудным. В последнем случае резонно предположить, что его будет осуществлять меньшее количество людей в сравнении с теми, кто делает это в других социокультурных реалиях. Так, в Советском Союзе значительное количество людей работало не слишком интенсивно. Конечно, и тогда были карьеристы и трудоголики, но институциональный контекст уравнительной оплаты труда не стимулировал предпочтительную трату жизненных сил на труд. И тогда очень многие активно занимались практиками, связанными со сферой досуга. Развитие капитализма резко изменило ситуацию. Интенсивность труда возросла многократно, и на практики, связанные с активным, требующим затрат энергии досугом, человек перестал находить время и силы. Досуг стал ассоциироваться только с отдыхом, релаксацией. Активность вовлечения в семейные практики также во многом определяется институциональным контекстом. Для мусульманских женщин такие практики традиционно находились на первом месте в их жизненных приоритетах. Для большинства же коренных жительниц европейского континента эти практики представляют собой тяжелый труд. Кроме того, невозможность распределить время и силы между семейными, трудовыми и досуговыми практиками при наличии маленьких детей связана у них с постоянным стрессом и в ряде случаев приводит к депрессиям и другим психическим проблемам.

Объяснение сложности совмещения индивидом социальных практик трех видов связано, по всей видимости, с тем, что каждый человек обладает некоторым ограниченным количеством жизненной энергии. Эти количества энергии у разных индивидов различаются в разы, но все же они ограничены. При этом каждый вид социальных практик может захватить человека и заставить тратить на него все свои интеллектуальные и эмоциональные силы. Для гармоничного развития личности нужно стараться, говоря языком экономистов, “яйца распределять по корзинам”, т.е. уметь распределять силы и осуществлять все три вида социальных практик. Но сделать это очень сложно. Часто для завершения действия в рамках одного

вида социальных практик приходится расходовать энергию, которая при идеальном раскладе была бы потрачена на практики иного рода. Если такая ситуация повторяется достаточно часто, возникает гипертрофированность одних социальных практик в ущерб иным.

Радикальное изменение соотношения социальных практик происходит в финале жизни человека, в так называемом “третьем” или пенсионном возрасте. В индустриальную эпоху это время именовалось “заслуженным отдыхом”. И социально одобряемым поведением было прекращение трудовых практик и переключение на семейные практики и практики досуга. Такое переключение было закономерным в условиях активного использования физического труда, низкой продолжительности жизни и заметно ухудшающегося здоровья людей старшего поколения. В постиндустриальном обществе в условиях, когда большинство людей занято “офисным трудом”, не требующим перенапряжения физических сил, существенного роста продолжительности жизни и интенсивного развития медицины, ситуация существенно меняется. Кроме того, дефицит трудовых ресурсов, вызванный низкой рождаемостью, во многих странах подталкивает старшее поколение к продолжению работы. Поэтому трудовые практики не исключаются из жизни людей старшего поколения, и возникает новая ситуация, при которой пожилой человек должен находить новый баланс между видами социальных практик⁵. Определенные социокультурные процессы также оказывают влияние на эту ситуацию. Многие дети уже не хотят активно задействовать старшее поколение в своих семейных практиках. Они считают, что старики не столько помогают, сколько вмешиваются в их независимую жизнь. Все это требует специального осмысления.

Три вида социальных практик у людей пенсионного возраста

Выход на пенсию — переломный момент в жизни каждого человека, характеризующийся не только изменением статусно-ролевого набора, но и переосмыслением сформировавшихся ранее ценностей, отношения к себе и к окружающим, а также поиском новых путей реализации жизненных стратегий. У кого-то этот процесс происходит долго и болезненно, сопровождается переживаниями, пассивностью, неумением найти новые занятия, новые контакты, по-новому взглянуть на себя и окружающий мир. У других же адап-

---

⁵ Смирнова Т.В. Пожилые люди: стереотипный образ и социальная дистанция // Социологические исследования. 2008. № 8. С. 49–55. URL: http://www.isras.ru/files/File/Socis/2008-08/Smirnova_5.pdf (дата обращения: 06.08.2021).

тация к изменившимся условиям жизни проходит достаточно быстро: они полностью используют увеличившееся свободное время, безболезненно привыкают к новой социальной среде, не испытывают проблем в плане дальнейшей самореализации.

Люди пожилого возраста представляют собой особую социально-демографическую группу, влияние которой на происходящие в обществе социально-экономические, общественно-политические и социально-культурные процессы, на функционирование и развитие всех социальных институтов было и остается крайне важным. Приверженность традициям и консервативным ценностям, дисциплинированность, особые моральные и духовные качества, а также ориентация на передачу своего опыта следующим поколениям — таковы важнейшие отличительные черты сознания представителей данной группы⁶. Значительный ресурсный потенциал пожилых людей при его востребованности может стать существенным резервом экономического роста и развития общества в целом.

Не прекращается в пенсионном возрасте и процесс социализации личности. Согласно современным представлениям этот процесс начинается еще в утробе матери и заканчивается смертью. При этом традиционно термин “социализация” в большей степени применяется для описания жизни молодых людей. Однако и пенсионеры обладают явной спецификой в организации своего взаимодействия с обществом, принятии или непринятии его норм и ценностей. Содержанием процесса социализации пожилых людей является освоение ими новых социальных ролей, знаний и навыков, изменение ценностных ориентиров и поведенческих практик, что призвано обеспечивать комфортное приспособление к новому статусу и возможность продолжать непосредственно и активно взаимодействовать с социумом. Осмысление специфики процесса старения, особенностей включенности пожилых в общественные и трудовые отношения, а затем — применение их опыта и профессионализма являются важнейшими условиями оптимизации взаимоотношений между поколениями.

В качестве основных направлений социализации пожилых людей выступают обозначенные в начале главы три вида социальных практик: *труд и занятость, семья, досуг* (самосохранительное поведение, культурное и интеллектуальное развитие). Основные трансформации происходят в границах указанных направлений:

---

⁶ См.: *Осеев А.А.* Социальный портрет пенсионера в России: социальные функции, уровень жизни, занятия, досуг // Сборник мат-в междунар. науч.-практ. конф. VIII Дыльновские чтения “Современное общество в условиях социальной неопределенности: теория и практика”. Саратов, 2021. С. 65.

человек вынужден осваивать новое, соотносить свое поведение и деятельность с изменившимися реалиями, менять собственные привычки и т.д. (табл. 1). Триада социальных практик позволяет системно проанализировать и систематизировать содержание конкретных действий, мнений и отношения лиц пенсионного возраста к рассматриваемому жизненному этапу. Данный подход дает возможность выявить не только поведенческие стратегии пенсионеров, но и определить направления в работе с ними, требующие улучшения.

Таблица 1

Особенности социальных практик и социализации у пенсионеров

Социальные практики пенсионеров	Содержание социальных практик и процесса социализации	Особенности содержания социальных практик
Труд и занятость	Дальнейшая профессиональная самореализация; освоение новых профессиональных ролей; адаптация в новом трудовом коллективе; передача накопленного опыта молодым работникам	<ul style="list-style-type: none"> – наличие/отсутствие занятости – причины продолжения/непродолжения трудовой деятельности – сфера занятости: место работы, занимаемая должность, функциональные обязанности и другое – удовлетворенность содержанием выполняемой работы, взаимоотношениями в трудовом коллективе, размером заработной платы, коммуникациями по вопросам труда, значением трудовых отношений
Семья	Адаптация к выполнению новых социальных ролей (бабушка/дедушка, присматривающий и ухаживающий за пожилыми родственниками, помощник по хозяйству)	<ul style="list-style-type: none"> – семейное положение: наличие/отсутствие мужа/жены, совместно проживающих детей, внуков – характер взаимоотношений в семье: отсутствие/наличие межпоколенческих конфликтов, уважение к пожилым членам семьи, востребованность детьми и внуками помощи со стороны пожилых членов семьи – возможность и (или) необходимость оказывать материальную помощь членам своей семьи: детям, внукам, другим родственникам – нуждаемость/отсутствие нуждаемости в помощи со стороны членов своей семьи (детей, внуков, других родственников) – удовлетворенность новым семейным статусом

Социальные практики (досуг, самоохрaнительное поведение, культурное и интеллектуальное развитие)	Формирование новых межличностных отношений и нового круга общения; преодоление чувства одиночества; формирование групповой идентичности; реализация стратегии отношения к собственному здоровью и здоровью членов семьи как к ценности; поддержание физической активности в пределах, которые определяются состоянием собственного здоровья; адаптация к жизни в информационном обществе; саморазвитие	<ul style="list-style-type: none"> – досуг: содержание и формы – общественная деятельность – владение навыками использования новых информационных сервисов – сформированность культуры здорового образа жизни: качество питания, физическая активность, отсутствие вредных привычек либо их минимизация – осведомленность о деятельности органов по труду, занятости и социальному обслуживанию населения и удовлетворенность их услугами – отсутствие/наличие чувства тревожности и дискомфорта – самостоятельность, инициативность, активная жизненная позиция, уверенность в своих силах и возможностях и готовность к восприятию нового – удовлетворенность социальным положением – удовлетворенность размером пенсии
--	--	--

Содержание социализации в рамках каждого вида социальных практик отражает конкретные целевые установки личности пожилого человека в новых условиях его жизнедеятельности. Однако наиболее интересным становится отслеживание процессов замещения и взаимодополнения социальных практик у современных пенсионеров.

В рамках такого направления, как *труд и занятость*, основное содержание социализации составляют дальнейшая профессиональная самореализация, освоение новых профессиональных ролей, адаптация к меняющимся условиям труда, передача молодым работникам накопленного опыта⁷. По мнению российских исследователей Я.И. Тимофеевой и И.В. Кащук, участие лиц пенсионного возраста в трудовой деятельности ведет к перераспределению трудовых ресурсов и изменяет структуру занятости населения⁸.

⁷ Барков С.А., Ксенофонтова Е.Г. Молодые и возрастные работники на постиндустриальном рынке труда: противостояние или взаимодополнение? // Труд и социальные отношения. 2020. № 6. С. 15–33.

⁸ Тимофеева Я.И., Кащук И.В. Система наставничества как средство повышения качества жизни и благополучия пожилых людей // Непрерывное благополучие в мире: сб. науч. тр. Междунар. науч. симпозиума. г. Томск. 11–16 сентября 2016 г. Томск, 2016. С. 138.

В постиндустриальном обществе у многих лиц старшего возраста радикальным образом меняется целевая установка в отношении труда. Они полагают, что должны трудиться до смерти, а не до пенсии⁹. Ранее такие установки были характерны для творческих работников — актеров, режиссеров, художников, писателей, ученых и др. О значении креативности в эпоху постмодерна говорилось и говорится очень много. Несмотря на разнообразные теории и прогнозы, согласно которым в будущем человеческие усилия будут востребованы только в творческой сфере, в реальной жизни люди продолжают трудиться на множестве рабочих мест, не подразумевающих творческую активность¹⁰. Однако сам характер современного труда и культурные ценности постмодерна формируют некий идеал творческой личности, а эта личность в большинстве своем ориентирована работать до смерти. Сегодня можно констатировать широкое воздействие данного идеала на современную культуру и умонастроения широких слоев населения.

Кроме того, в индустриальном обществе ориентация на работу до смерти была по совершенно понятным причинам характерна для тех людей, чья пенсия попросту не позволяла выжить. К последним в Советском Союзе относились сельские пенсионеры, получавшие мизерную “колхозную” пенсию и продолжавшие трудиться в своем хозяйстве вплоть до самой смерти. Сегодня после осуществления не-олиберальных реформ во множестве стран мира у миллионов людей пенсии явно недостаточны для продолжения их нормальной жизни. В 1990-е гг., образно выражаясь, состоялись “похороны государства всеобщего благоденствия” (*welfare state*), и пенсионные программы стали в целом значительно скромнее, а также жестче по критериям отбора тех, кто может получать большую пенсию. Не избежала такой ситуации и Россия. Поэтому нужда в средствах также подталкивает лиц пенсионного возраста к продолжению трудовой активности во многом в ущерб другим социальным практикам.

В результате контент-анализа имеющихся зарубежных публикаций по рассматриваемой проблеме в качестве основных направлений для продолжения трудовой деятельности выделяются такие причины, как “желание иметь дополнительный доход”, “желание оставаться в коллективе”, “сохранение активности”, “полезность”, “передача опыта”. Причинами прекращения трудовой деятельно-

---

⁹ Владимиров Д.Г. Пожилые граждане на рынке труда: зарубежный опыт // Социологические исследования. 2013. № 6. С. 57–61. URL: <http://www.isras.ru/files/File/Socis/2013-6/Vladimirov.pdf> (дата обращения: 09.08.2021).

¹⁰ Барков С.А. Исторические метаморфозы потребления // Политика и общество. 2015. № 7. С. 825–826.

сти выступают “отказ нанимателя в продлении трудовых отношений”, “некомфортно чувствовал себя в коллективе”, “сложно справиться с нагрузками”, “усталость”¹¹. Данные опроса специалистов служб занятости и кадровых подразделений крупных российских компаний, проведенного кафедрой экономической социологии и менеджмента МГУ имени М.В. Ломоносова в рамках исследования занятости лиц пенсионного возраста, подтверждают актуальность указанных причин для продолжения трудовой деятельности российскими пенсионерами¹².

Сегодня работающих пенсионеров можно обнаружить буквально во всех отраслях и сферах деятельности: сельском хозяйстве, промышленном производстве, торговле, государственных организациях (учреждениях), индивидуальном предпринимательстве и др. Предпринимательство, самозанятость, фрилансерство становятся все более популярными сферами трудоустройства пенсионеров в постиндустриальном обществе¹³. Поэтому можно вполне обоснованно утверждать, что современные пенсионеры несмотря на серьезные трудности в освоении современных информационно-коммуникационных технологий стараются идти в ногу со временем и активно осваивают те ниши экономики, в которых еще недавно почти безраздельно господствовала молодежь.

Занятость пенсионеров является не только одной из определяющих характеристик их образа жизни, но и выступает в качестве косвенного индикатора успешности их социализации. Это имеет место, когда главным стимулом к продолжению работы служит не получение дополнительного дохода, а желание самореализоваться и быть включенным в социальные связи¹⁴. Кроме того, учитывая богатый жизненный опыт, которым обладают лица пенсионного возраста, вызывает интерес их готовность и желание делиться имеющимися знаниями с молодежью. Данное направление указывает на уровень социальной активности пенсионеров, их готовность непосредствен-

---

¹¹ Маркеева А.В., Колодезникова И.В. Технологии вовлечения пожилых людей в трудовую деятельность (обзор зарубежного опыта) // Общество: социология, психология, педагогика. 2020. № 11. С. 18–24.

¹² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и БРФФИ в рамках научного проекта № 20-511-00020 “Особенности занятости и социализации лиц пенсионного возраста в Республике Беларусь и Российской Федерации: компаративистский социологический анализ”.

¹³ Потехина И.П., Чижов Д.В. Потенциал старшего поколения как составляющая национального человеческого капитала (по материалам исследования в регионах ЦФО) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. № 2. С. 3–23.

¹⁴ Рогозин Д.М. Либерализация старения, или труд, знания и здоровье в старшем возрасте // Социологический журнал. 2012. № 4. С. 90.

но включаться в трудовые и социальные процессы и участвовать в функционировании социального института наставничества¹⁵.

Успешность социализации пожилого человека определяется как объективными показателями, связанными, например, с материальным достатком, так и его субъективными оценками. В качестве ключевой субъективной оценки здесь выступает фактор удовлетворенности. Как уже говорилось выше, данный фактор служит главной характеристикой надприродных или досуговых практик. Важнейшим пересечением данных социальных практик для любого человека во все времена было одновременное зарабатывание средств к существованию и получение удовольствия. Условно, хотя и не очень точно, такую ситуацию характеризует формула “работа=хобби” (она присутствует на рис. 2, показывающем пересечения социальных практик). Часто человеку совсем не обязательно тратить какие-либо дополнительные усилия на проведение своего досуга, если он получает истинное удовольствие от работы. Более того, очень многие специалисты по менеджменту и экономической социологии свято верят в то, что организация способна почти всем своим работникам создать условия для того, чтобы их высокая производительность непосредственно сопрягалась с высокой удовлетворенностью. Ссылаясь на признанного классика теории мотивации, американский исследователь Д. Пинк писал об этом следующее: “... как показал еще в 1962 году Маслоу, одним из лучших (а возможно, самым лучшим) способов самореализации является работа”¹⁶. Люди, получающие удовольствие от своей работы, естественно, тратят меньше энергии на досуговые практики. Верным будет и противоположное высказывание.

Совсем иная ситуация наблюдается, когда трудовые практики пересекаются с семейными. Чаще всего именно в этих случаях главным стимулом для продолжения работы служит не удовольствие, а получение дохода. Причем, этот доход для пенсионера важен не сам по себе, а в качестве помощи детям. И в этом случае он менее разборчив при выборе работы и в меньшей степени ищет в ней удовольствия, ведь любая дополнительная копейка — это счастье в его доме. Осознание пожилыми людьми своего полноправного членства в семье, ощущение собственной значимости (прежде всего, это касается мужчин) в таких обстоятельствах определяются их включенностью в процессы материального обеспечения близких людей.

---

¹⁵ Богданова Е. Трудовые отношения с участием пенсионеров: забота или манипуляция? // Журнал исследований социальной политики. 2016. Т. 14. № 4. С. 535–550.

¹⁶ Пинк Д. Нация свободных агентов: как новые независимые работники меняют жизнь Америки. М., 2005. С. 71.

Семейные социальные практики, являясь наиболее древними и традиционными, для пожилых людей могут полностью вытеснить практики трудовые. Рациональным основанием для такого вытеснения является необходимость нефинансовой помощи детям в воспитании их детей (особенно, когда этих детей, т.е. внуков, много). Прекращение трудовой деятельности может произойти сразу с наступлением пенсионного возраста или несколько позже. При этом снижение масштабов и частоты социальных интеракций, в которые вступают пожилые люди, ведет к тому, что их основным социальным окружением становится семья. Отныне именно ей принадлежит определяющая роль в деле активизации и поддержания жизненного потенциала человека¹⁷.

В рамках семейных социальных практик наиболее значимой составляющей выступает адаптация к выполнению пожилыми людьми новых социальных ролей (бабушка/дедушка; присматривающий и ухаживающий за пожилыми родственниками; помощник по хозяйству и др.). Тот социальный статус, который они приобрели в связи с выходом на пенсию (в первую очередь, статус неработающего пенсионера), предполагает возможность, а в ряде случаев и необходимость уделять значительно больше времени, нежели это было ранее, выполнению вышеперечисленных функций (одной или нескольких одновременно).

Направленность, содержание и успешность осуществления семейных практик во многом определяются не только объективными, но и субъективными факторами. Ключевым из них является характер взаимоотношений в семье. В качестве составляющих данного фактора представляется необходимым выделить взаимопонимание между поколениями, отсутствие/наличие межпоколенческих конфликтов, уважение к пожилым членам семьи. Все эти и ряд других характеристик семейных практик способствуют или препятствуют тому, чтобы они соединялись с досуговыми практиками. В семейных практиках пожилые люди могут находить не меньше удовольствия, чем в труде. Но для этого нужны благоприятные условия. Ярким примером соединения двух обозначенных видов социальных практик является характерная для многих семей в России и других странах ситуация активной вовлеченности бабушек и дедушек в воспитание внуков по причине того, что они в то время, когда сами были работающими родителями, не могли уделять своим детям так много сил, времени и внимания.

---

¹⁷ Парахонская Г.А. Пожилой человек в семье // Социологические исследования. 2002. № 6. С. 103–110. URL: <http://www.isras.ru/files/File/Socis/2002-06/Parakhonskaya.pdf> (дата обращения: 11.08.2021).

Если же пожилой человек является одиноким, то по объективным причинам он вынужден концентрировать свои силы на трудовых и досуговых социальных практиках. Однако и одинокие люди в ряде случаев начинают осуществлять семейные практики по отношению к дальним родственникам, соседям или знакомым.

Третий вид социальных практик — *досуговые* или *надприродные* практики — может быть достаточно полно представлен в жизни пожилого человека. В постиндустриальном обществе досуговые социальные практики пожилых людей исключительно многообразны: формирование новых межличностных отношений и нового круга общения, преодоление чувства одиночества, формирование групповой идентичности, забота о собственном здоровье, адаптация к жизни в информационном обществе, саморазвитие и др.¹⁸ Данные социальные практики во многом определяют социальный контекст жизни пенсионеров, включая особенности их жизнедеятельности и социального окружения. Если попытаться найти наиболее яркий символический пример таких практик, то им, по всей видимости, будет путешествующий пенсионер¹⁹. Такая социальная практика активно формировалась на Западе в период существования “государства всеобщего благоденствия”, актуальной она остается там и поныне. Не обремененные семьей и детьми и не нуждающиеся в дополнительном доходе пенсионеры развитых стран активно покоряют мировые пространства, составляя по некоторым направлениям принципиально значимую часть туристического потока. В нашей стране эта тенденция проявляет себя в меньшей мере, но также имеет место быть.

Основой активности пожилого человека в досуговых практиках является возможность проводить свободное время так, “как хочется”. Существуют факторы, которые могут существенным образом снизить эту возможность. Это недостаток денежных средств, недостаток свободного времени (в том случае, если пенсионер работает или имеет серьезные обязанности в семье), отсутствие подходящих предложений в культурной жизни, отсутствие друзей-единомышленников. Последний фактор представляется особенно важным: пожилому человеку очень трудно сохранить, а, тем более, вновь найти комфортное социальное окружение. В этом возрасте друзей не приобретают, а теряют. Для получения удовольствия от досуговых практик большинству людей важно контактировать с теми, кто им приятен. Отсутствие таких людей может привести к замещению досуговых практик трудовыми или семейными, в рамках которых про-

¹⁸ Щанина Е.В. Организация досуга пожилых людей // *Общественные науки. Социология*. 2013. № 4. С. 28–36.

¹⁹ Sanz M.F. Social. Tourism and Healthy Ageing // *International Journal of Tourism Research*. 2015. Apr. P. 78–89.

исходит взаимодействие не с друзьями или единомышленниками, а с коллегами и родственниками.

Наряду с собственно досуговыми практиками, имеющими место по большей части в сфере культуры, пенсионеры могут быть вовлечены в общественную деятельность. Лица пенсионного возраста представляют собой группу, потенциально и фактически социально активную в различных направлениях общественной жизни. Во многом это связано с наличием достаточного количества свободного времени, а также со стремлением максимально долго сохранять широкий круг общения и восполнять теряемые в связи с возрастом контакты. Данная активность может проявляться в политической, религиозной сферах, в участии в деятельности общественных организаций, фондов и т.д.

Еще одним видом досуговых социальных практик в пенсионном возрасте может стать образование. Образование во многом определяет мировоззрение и мироощущение человека, его ежедневные социальные практики, социальное окружение и многое другое. Причем, данная социальная практика может осуществляться сообразно двум разным мотивам. Первый мотив непосредственно связан с желанием пенсионеров трудиться. В значительном количестве случаев человек не остается на прежнем рабочем месте, а пробует найти себе новую сферу занятости. Очень часто для этого нужно освоить новую специальность, получить дополнительные знания и навыки. Вторым мотивом — это просто удовольствие или, если использовать эвфемизм, саморазвитие. Как уже говорилось выше, в данном случае образование теряет свою биолого-рациональную основу и полностью переходит в разряд надприродных практик. Чтобы удовлетворить потребность пенсионеров в образовании, университеты и другие учебные заведения по всему миру реализуют соответствующие программы. Исключением не стала и Россия, где в последние годы появились “серебряные университеты”, организованные как местными властями, так и вузами. Причем, набор программ здесь можно очень четко разделить в соответствии с вышеобозначенными мотивами. Например, программы компьютерной грамотности и финансовые программы непосредственно ориентированы на вооружение пенсионеров теми умениями, которые потребуются им в трудовой деятельности²⁰. А программы по истории и культуре, а также по иностранным языкам по большей части ориентированы на

---

²⁰ Смолькин А.А. Навыки владения современными компьютерными технологиями у представителей старших возрастных групп как условие их успешной социально-экономической интеграции // Социология власти. 2012. № 6–7 (1). С. 174–191. URL: [http://socoftpwr.rane.ru/uploads/6-7\(2012\)/10.pdf](http://socoftpwr.rane.ru/uploads/6-7(2012)/10.pdf) (дата обращения: 10.08.2021).

получение удовольствия от освоения новой информации и общения с людьми²¹.

В постиндустриальном обществе резко возрастает заинтересованность пожилых людей в образовании и самообразовании. Активность пенсионеров по части получения образования является еще одним показателем резких изменений, которые произошли в последние годы в социальных практиках и системе ценностей старшего поколения. Такую активность невозможно было наблюдать ни в доиндустриальную, ни в индустриальную эпохи.

В качестве отдельного вида социальных практик выступают те, которые связаны со здоровым образом жизни²². Причины, побуждающие людей пенсионного возраста заботиться о здоровье, достаточно очевидны: это и ухудшение этого самого здоровья (плохое самочувствие), желание повысить (сохранить) свою работоспособность, нежелание доставлять хлопоты близким и т.п. В современных условиях социальные практики этого рода оказываются неожиданно многообразными. Очевидно, что в эти практики входит занятие спортом. Во многих странах, прежде всего в Китае, очень большое количество пенсионеров занимаются спортом и получают от этого удовольствие. Но есть и особые практики, во многом обусловленные активным распространением научной и околонаучной информации о здоровом образе жизни. Пенсионеры начинают активно использовать разного рода диеты, принимать биологические добавки, заниматься медитацией и использовать многие другие “способы оздоровления”. Некоторые уделяют этой практике почти все свободное время, тратят на нее немалые деньги. Как показывают исследования, очень специфической практикой в этом ряду становится хождение по врачам. Причем это хождение отнюдь не всегда вызвано реальными болезнями, оно становится частью образа жизни пенсионера, поводом для общения и обретения “единомышленников”²³.

Социальные практики весьма разнородны. В разные периоды жизни люди уделяют первостепенное внимание одним социальным практикам, отставляя на втором плане другие. В постиндустриальном обществе происходит существенное изменение как самих социальных практик, так и их соотношения друг с другом. В рамках их осуществления практически теряется связь с той биологической

---

²¹ Колодезникова И.В. Организация профессионального переобучения для лиц пожилого возраста в России // Социальные практики и управление: проблемное поле социологии. Новосибирск, 2020. С. 82–90.

²² Савченков М.Ф., Соседова Л.М. Здоровый образ жизни как фактор активного долголетия и безопасной жизнедеятельности // XXI век. Техносферная безопасность. 2017. Т. 1. № 2. С. 95–105.

²³ Потехина И.П., Чижов Д.В. Указ. соч. С. 3–23.

основой, на которой они в свое время возникли. В частности, естественный процесс старения подвергается массивным социальным корректировкам, вплоть до открытой борьбы со старостью и даже со смертью²⁴. Социальные практики пенсионеров нашего времени образуют особую конфигурацию, весьма несхожую с той, которая была у пожилых людей сто, а тем более двести лет назад. У каждого человека пенсионного возраста эта конфигурация своя, но некоторые пересечения, замещения и трансформации социальных практик непосредственно связаны с тем социокультурным контекстом, в котором мы сегодня живем. Важнейшим изменением данного контекста в последние годы стало активное вторжение трудовых практик в жизнь пенсионеров. Они начали активно пересекаться с семейными и досуговыми практиками, а во многих случаях и замещать их. В будущем данная тенденция может еще в большей степени изменить жизнь как отдельных людей, так и общества в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Барков С.А. Исторические метаморфозы потребления // Политика и общество. 2015. № 7.

Барков С.А., Ксенофонтова Е.Г. Молодые и возрастные работники на пост-индустриальном рынке труда: противоборство или взаимодополнение? // Труд и социальные отношения. 2020. № 6.

Богданова Е.С. Трудовые отношения с участием пенсионеров: забота или манипуляция? // Журнал исследований социальной политики. 2016. Т. 14. № 4.

Владимиров Д.Г. Пожилые граждане на рынке труда: зарубежный опыт // Социологические исследования. 2013. № 6. URL: <http://www.isras.ru/files/File/Socis/2013-6/Vladimirov.pdf> (дата обращения: 09.08.2021).

Всемирный доклад о старении и здоровье // Сайт Всемирной организации здравоохранения. 2016. URL: https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/186463/9789244565049_rus.pdf?sequence=10 (дата обращения: 14.06.2021).

Десятилетие здорового старения. Глобальная стратегия и план действий по проблеме старения и здоровья на 2016–2020 гг.: на пути к миру, в котором каждый человек имеет возможность прожить долгую и здоровую жизнь. Доклад Генерального директора. 2020. URL: https://apps.who.int/gb/ebwha/pdf_files/WHA73/A73_INF2-ru.pdf. (дата обращения: 05.02.2021).

Колодезникова И.В. Организация профессионального переобучения для лиц пожилого возраста в России // Социальные практики и управление: проблемное поле социологии. Новосибирск, 2020.

Краснова О.В. Адаптация пожилых людей к современной социальной ситуации: дисс. ... канд. психол. наук: 19.00.05. М., 1996.

Маркеева А.В., Колодезникова И.В. Технологии вовлечения пожилых людей в трудовую деятельность (обзор зарубежного опыта) // Общество: социология, психология, педагогика. 2020. № 11.

Маркс К. К критике политической экономии. М., 2017.

---

²⁴ *Харари Ю.Н.* Sapiens. Краткая история человечества. М., 2021. С. 495–501.

Мудрик А.В. Социализация человека. М., 2011.

Осеев А.А. Социальный портрет пенсионера в России: социальные функции, уровень жизни, занятия, досуг // Сборник мат-в междунар. науч.-практ. конф. VIII Дыльновские чтения “Современное общество в условиях социальной неопределенности: теория и практика”. Саратов, 2021.

Парахонская Г.А. Пожилой человек в семье // Социологические исследования. 2002. № 6. URL: <http://www.isras.ru/files/File/Socis/2002-06/Parakhonskaya.pdf> (дата обращения: 11.08.2021).

Пинк Д. Нация свободных агентов: как новые независимые работники меняют жизнь Америки. М., 2005.

Потехина И.П., Чижов Д.В. Потенциал старшего поколения как составляющая национального человеческого капитала (по материалам исследования в регионах ЦФО) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. № 2.

Рогозин Д.М. Либерализация старения, или труд, знания и здоровье в старшем возрасте // Социологический журнал. 2012. № 4.

Савченков М.Ф., Соседова Л.М. Здоровый образ жизни как фактор активного долголетия и безопасной жизнедеятельности // XXI век. Техносферная безопасность. 2017. Т. 1. № 2.

Смирнова Т.В. Пожилые люди: стереотипный образ и социальная дистанция // Социологические исследования. 2008. № 8. URL: http://www.isras.ru/files/File/Socis/2008-08/Smirnova_5.pdf (дата обращения: 06.08.2021).

Смолякин А.А. Навыки владения современными компьютерными технологиями у представителей старших возрастных групп как условие их успешной социально-экономической интеграции // Социология власти. 2012. № 6–7 (1). URL: [http://socoftpower.rane.ru/uploads/6-7\(2012\)/10.pdf](http://socoftpower.rane.ru/uploads/6-7(2012)/10.pdf) (дата обращения: 10.08.2021).

Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия. М., 1996.

Старение // Официальный сайт ООН. URL: <https://www.un.org/ru/sections/issues-depth/ageing/>. (дата обращения: 24.05.2021).

Тимофеева Я.И., Кащук И.В. Система наставничества как средство повышения качества жизни и благополучия пожилых людей // Непрерывное благополучие в мире: Сб. науч. тр. Междунар. науч. симпозиума. Томск, 2016.

Харари Ю.Н. *Sapiens*. Краткая история человечества. М., 2021.

Швейцарцы отвергли идею выплаты гарантированного дохода. URL: https://www.bbc.com/russian/international/2016/06/160605_switzerland_basic_income_referendum_rejected (дата обращения: 10.08.2021).

Щанина Е.В. Организация досуга пожилых людей // Общественные науки. Социология. 2013. № 4.

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 2019.

REFERENCES

Barkov S.A. Istoricheskie metamorfozy potreblenija [Historical Metamorphosis of Consumption] // Politika i obshhestvo. 2015. N 7 (in Russian).

Barkov S.A., Ksenofontova E.G. Molodye i vozrastnye rabotniki na postindustrial'nyy rynke truda: protivoborstvo ili vzaimodopolnenie? [Young and old workers in the post-industrial labor market: confrontation or complementarity?] // Trud i social'nye otnosheniya, izdatel'stvo. 2020. N 6 (in Russian).

Bogdanova E.A. Trudovye otnoshenija s uchastiem pensionerov: zabota ili manipulacija? [Labour relations involving pensioners: care or manipulation?] // Zhurnal issledovanij social'noj politiki. 2016. T. 14. N 4 (in Russian).

Desjatiletie zdorovogo starenija. Global'naja strategija i plan dejstvij po probleme starenija i zdorov'ja na 2016–2020 gg.: na puti k miru, v ktorom kazhdyj chelovek imeet vozmozhnost' prozhit' dolguju i zdorovuju zhizn' [A decade of healthy ageing. Global Strategy and Action Plan on Ageing and Health 2016–2020: Towards a world where everyone has the opportunity to live a long and healthy life] // Doklad General'nogo direktora. 2020. URL: https://apps.who.int/gb/ebwha/pdf_files/WHA73/A73_INF2-ru.pdf (accessed: 05.02.2021) (in Russian).

Harari Yu.N. Sapiens. Kratkaja istorija chelovechestva [A brief history of humanity]. M., 2021 (in Russian).

Jengel's F. Proishozhdenie sem'i, chastnoj sobstvennosti i gosudarstva [The origin of the family, private property and the state]. M., 2019 (in Russian).

Kolodeznikova I.V. Organizacija professional'nogo pereobuchenija dlja lic pozhilogo vozrasta v Rossii [Organization of vocational retraining for the elderly in Russia] // Social'nye praktiki i upravlenie: problemnoe pole sociologii. Novosibirsk, 2020 (in Russian).

Krasnova O.V. Adaptacija pozhilyh ljudej k sovremennoj social'noj situacii: diss. ... kand. psihol. nauk: 19.00.05 [Adaptation of elderly people to the modern social situation: doctoral thesis: 19.00.05]. M., 1996 (in Russian).

Markeeva A.V., Kolodeznikova I.V. Tehnologii вовлеченija pozhilyh ljudej v trudovuju dejatel'nost' (obzor zarubezhnogo opyta) [Technologies of involving older people in labor activity (review of foreign experience)] // Obshhestvo: sociologija, psihologija, pedagogika. 2020. N 11 (in Russian).

Marks K. K kritike politicheskoj jekonomii [Towards a Critique of Political Economy]. M., 2017 (in Russian).

Mudrik A.V. Socializacija cheloveka [Human socialization]. M., 2011 (in Russian).

Oseev A.A. Social'nyj portret pensionera v Rossii: social'nye funkcii, uroven' zhizni, zanjatija, dosug [The social portrait of the pensioner in Russia: social functions, standard of living, occupation, leisure] // Sovremennoe obshhestvo v uslovijah social'noj neopredelennosti: teorija i praktika. Saratov, 2021 (in Russian).

Parahonskaja G.A. Pozhiloj chelovek v sem'e [The elderly person in the family] // Sociologicheskie issledovanija. 2002. N 6. URL: <http://www.isras.ru/files/File/Socis/2002-06/Parakhonskaya.pdf> (accessed: 11.08.2021) (in Russian).

Pink D. Nacija svobodnyh agentov: kak novye nezavisimye rabotniki menjajut zhizn' Ameriki [A Nation of Free Agents: How New Independent Workers Are Changing America's Life]. M., 2005 (in Russian).

Potehina I.P., Chizhov D.V. Potencial starshego pokolenija kak sostavljajushhaja nacional'nogo chelovecheskogo kapitala (po materialam issledovanija v regionah CFO) [Potential of the older generation as a component of national human capital (based on the research materials in the CFA regions)] // Monitoring obshhestvennogo mnenija: Jekonomicheskie i social'nye peremeny. 2016. N 2 (in Russian).

Rogozin D.M. Liberalizacija starenija, ili trud, znanija i zdorov'e v staršem vozraste [Liberalization of aging, or labor, knowledge and health in older age] // Sociologicheskij zhurnal. 2012. N 4 (in Russian).

Sanz M.F. Social. Tourism and healthy ageing // International Journal of Tourism Research. 2015. Apr.

Savchenkov M.F., Sosedova L.M. Zdorovyj obraz zhizni kak faktor aktivnogo dolgoletija i bezopasnoj zhiznedejatel'nosti [Healthy lifestyle as a factor of active longevity and safe living] // XXI vek. Tehnosfernaja bezopasnost. T. 1. N 2 (in Russian).

Shhanina E.V. Organizacija dosuga pozhilyh ljudej [Organization of leisure-time activities of seniors] // Obshhestvennye nauki. Sociologija. 2013. N 4 (in Russian).

Shvejcarcy otvergli ideju vyplaty garantirovannogo dohoda [Swiss rejected the idea of payment of guaranteed income]. URL: https://www.bbc.com/russian/international/2016/06/160605_switzerland_basic_income_referendum_rejected (accessed: 10.08.2021) (in Russian).

Smirnova T.V. Pozhilye ljudi: stereotipnyj obraz i social'naja distancija [Elderly people: stereotypical image and social distance] // Sociologicheskie issledovanija. 2008. N 8. URL: http://www.isras.ru/files/File/Socis/2008-08/Smirnova_5.pdf (accessed: 06.08.2021) (in Russian).

Smol'kin A.A. Navyki vladenija sovremennymi komp'juternymi tehnologijami u predstavitelej starshih vozrastnyh grupp kak uslovie ih uspeshnoj social'no-jekonomicheskoy integracii [Skills of possession of modern computer technologies in representatives of older age groups as a condition for their successful socio-economic integration] // Sociologija vlasti. 2012. N 6–7 (1). URL: [http://socofpower.rane.ru/uploads/6-7\(2012\)/10.pdf](http://socofpower.rane.ru/uploads/6-7(2012)/10.pdf) (accessed: 10.08.2021) (in Russian).

Solov'ev V.S. Opravdanie dobra. Nravstvennaja filosofija [Justification of Good. Moral Philosophy]. M., 1996 (in Russian).

Starenie [Ageing] // Oficial'nyj sajt OON. URL: <https://www.un.org/ru/sections/issues-depth/ageing/> (accessed: 24.05.2021) (in Russian).

Timofeeva J.I., Kashchuk I.V. Sistema nastavnic hestva kak sredstvo povyshenija kachestva zhizni i blagopoluchija pozhilyh ljudej [Mentoring system as a tool to improve the quality of life and well-being of older people] // Collection of scientific papers of International Scientific Symposium. Tomsk, 2016 (in Russian).

Vladimirov D.G. Pozhilye grazhdane na rynke truda: zarubezhnyj opyt [Older citizens in the labor market: foreign experience] // Sociologicheskie issledovanija. 2013. N 6. URL: <http://www.isras.ru/files/File/Socis/2013-6/Vladimirov.pdf> (accessed: 09.08.2021) (in Russian).

Vsemirnyj doklad o starenii i zdorov'e [World report on aging and health] // Vsemirnaja organizacija zdravoohranenija. 2016. URL: https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/186463/9789244565049_rus.pdf?sequence=10 (accessed: 14.06.2021) (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2022-28-1-193-204

СТРАТЕГИИ КАРЬЕРЫ САМОЗАНЯТЫХ В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ

Е.А. Свердликова, канд. филос. наук, доц. кафедры экономической социологии и менеджмента социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

А.С. Селезнёва, магистрантка кафедры экономической социологии и менеджмента социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234**

За последние десятилетия в мире появились миллионы фрилансеров, свободных агентов, индивидуальных предпринимателей, осуществляющих свою деятельность как в традиционных, так и в инновационных отраслях экономики. В международной практике всех этих людей традиционно причисляют к самозанятым (self-employed people). В России к самозанятым причислены самые “мелкие” индивидуальные предприниматели, не нанимающие работников и осуществляющие экономическую деятельность в незначительных масштабах. Они получили существенные льготы по уплате налогов. В статье обобщены результаты интернет-опроса, целью которого было выявление характерных черт портрета российского самозанятого, а также структурных и динамических особенностей построения жизненных стратегий самозанятых. Выделены три основные стратегии построения карьеры самозанятых на рынке труда и их существенные характеристики: стратегия “расширения бизнеса”, стратегия “поиска возможностей”, стратегия “динамической стабильности”.

Ключевые слова: самозанятые, налог на профессиональный доход, карьера, рынок труда, стратегии карьеры, опрос.

CAREER STRATEGIES FOR THE SELF-EMPLOYED IN A POST-INDUSTRIAL SOCIETY

Sverdlikova Elena A., Candidate of Philosophy, Associate Professor, Department of Economic Sociology and Management, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninskie gory, 1, bldg. 33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: elena.sverdlikova@gmail.com

Seleznyova Alyona S., undergraduate student, Department of Economic Sociology and Management, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninskie gory, 1, bldg. 33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: slzanal@yandex.ru

---

* Елена Альбертовна Свердлик, e-mail: elena.sverdlikova@gmail.com

** Селезнёва Алёна Сергеевна, e-mail: slzanal@yandex.ru

Over the past decades, millions of freelancers, free agents, and individual entrepreneurs have appeared in the world, carrying out their activities in both traditional and innovative sectors of the economy. In international practice, all these people are traditionally classified as self-employed (self-employed people). In Russia, the most “small” individual entrepreneurs who do not hire workers and carry out economic activities on a small scale are considered self-employed. They received substantial tax benefits. The article summarizes the results of an Internet survey, the purpose of which was to identify the characteristic features of the portrait of the Russian self-employed, as well as structural and dynamic features of the construction of life strategies of the self-employed. There are three main strategies for building a career for the self-employed in the labor market and their essential characteristics: the strategy of “business expansion”, the strategy of “finding opportunities”, the strategy of “dynamic stability”.

Key words: *self-employed, professional income tax, career, labor market, career strategies, questionnaire.*

В постиндустриальном обществе трансформируются представления работника и работодателя о стратегиях построения карьеры. Сегодня навыки, полученные в отвлеченной от основной сферы деятельности, ценятся намного выше. Линейная биография, характеризующаяся длительным процессом построения карьеры в одной сфере, вытесняется более фрагментарным типом построения карьеры. Подобную карьеру называют “лоскутной”. Данная тенденция определяется тем, что работники стали более мобильными и менее зависимыми от работодателя в лице организации. Такие работники стремятся к регулярному повышению своей квалификации и навыков мастерства, иначе они не будут соответствовать вызовам цифровой эпохи с характерным для нее стремлением к тотальной информатизации и к внедрению новых технологий.

В современном обществе выделяются следующие типы построения карьеры человека: вертикальный тип (рост в должности), горизонтальный тип (рост профессионального мастерства), номинальный тип (увеличение количества строчек в резюме), сетевой тип (рост количества контактов), репутационный тип (рост авторитета, укрепление позитивного имиджа и репутации в обществе).

Для выявления особенностей планирования, построения и определения видов карьеры самозанятых в современной России был проведен интернет-опрос и ряд глубинных интервью. Для нас важно было сгруппировать структурные составляющие и направления в отдельные типы, которые можно было бы соотнести с традиционными типами карьеры, а также выявить социальные факторы, детерминирующие поведение самозанятых. Онлайн-опрос проводился с использованием *Google Forms* в социальных сетях: ВКонтakte, *Facebook*, *Instagram*. Выборка составила 444 человека. Возраст самозанятых составил от 15 до 80 лет. Распределение респондентов по

полу: женский пол (69,6%) и мужской пол (30,4%). В опросе приняли участие не только самозанятые, но и лица, непосредственно связанные с данным сегментом рынка труда, хотя подавляющее большинство опрошенных строго идентифицировали себя как самозанятые, в соответствии с российским законодательством (84%). Были среди респондентов и те, кто не являлся на данный момент самозанятыми, но раньше были ими (7%) и те, кто стал индивидуальным предпринимателем (3%). Некоторые респонденты отмечали, что совмещают основную работу с самозанятостью: “я совмещаю корпоративную с самозанятостью”, “стал, но работаю по найму”, “сейчас устроилась официально, но подрабатываю частным преподавателем и создаю инфопродукты”.

Респонденты представляли самые разные отрасли экономики и сферы деятельности. Относительное большинство респондентов представляло сферу обучения и консультации (18%). Также в опросе были представлены: менеджмент (8%)¹ и фронт-энд разработка (8%)², а также копирайтинг (6%)³ и маркетинг/таргетинг (6%)⁴. Большая часть опрошенных занята в сфере образовательных услуг, и это неслучайно. Особое значение самозанятости для этой сферы осознает и государство. Например, в связи с пандемией, вызванной распространением новой коронавирусной инфекции, всем самозанятым репетиторам возвратили налоги, которые они уплатили в бюджет РФ в 2019 г.

Большинство опрошенных самозанятых получили образование в сфере общественных и гуманитарных наук (51,6%). Доля тех, кто получил образование в сфере естественных, технических наук, составляет 37,5%. Однако многие респонденты (48,8%) осуществляют свою деятельность в рамках самозанятости без дополнительного образования. Некоторые прошли специальные курсы для работы в той или иной сфере самозанятости (38,7%). Отношение к самозанятым со стороны близких людей, в целом, положительное. Только 13,2% заявили, что друзья, близкие и знакомые относятся к выбору такого рода деятельности отрицательно.

---

¹ Специалист, занимающийся управлением организаций, проектов и т.п.

² Специалист, который умеет верстать веб-страницы, знает целый ряд различных веб-технологий, которые используются во время создания клиентской стороны веб-сайта, интерфейса.

³ Специалист, занимающийся написанием текстов с целью рекламы или других форм маркетинга.

⁴ Специалист, занимающийся продвижением и распределением продукта, товара или услуги, а также анализом спроса на производимый товар или услугу. Таргетолог — специалист, занимающийся анализом пользователей в интернете с целью выделения определенной целевой аудитории по определенным критериям для дальнейшего продвижения товара или услуги в интернете.

Основными причинами, по которым люди решили выбрать сферу самозанятости, названы следующие: возможность планировать свою трудовую деятельность (20,5%), отсутствие фиксированного графика (16,2%) и дополнительный доход (11,3%). Вообще, если суммировать содержание ответов на многие смежные вопросы, можно с уверенностью утверждать, что свобода является главным притягательным фактором самозанятости. А основным барьером для самозанятости является боязнь неопределенности. Неопределенность — это обратная сторона свободы. И наряду с философами современные самозанятые, как никто другой, познали эту истину.

Однако несмотря на всю неопределенность будущего люди, осознавшие преимущества сферы самозанятости, не стремятся возвращаться или устраиваться в организации. На вопрос “Если бы Вам предложили работу в организации с зарплатой, равной Вашему доходу от деятельности в сфере самозанятости, то поменяли бы Вы ее?” подавляющее большинство (79,3%) ответили отрицательно (“нет” и “скорее нет”). Интересный, с нашей точки зрения, ответ респондентов: “если бы у меня был постоянный доход от самозанятости, то пожалуй нет. А так я совмещаю основную работу и имею неплохую подработку в инете”. Возможны исключения, например, опыт работы в технологических гигантах, таких как *Google* или Яндекс, в таком случае профессиональный интерес перевесил бы, и несколько лет с удовольствием были бы посвящены интересным проектам.

Следующий блок вопросов был связан с “выходом из тени”. Очень многие люди занимаются хозяйственной деятельностью, никак не декларируя ее и не задумываясь об особом налоговом и социально-экономическом статусе. На протяжении многих лет в России существует достаточно значительная доля теневой занятости. Согласно данным Росстата, на 2020 г. в неформальном секторе было занято около 16 миллионов человек. Меры, которые принимает государство для легализации “теневых” видов трудовой деятельности, способствовали увеличению числа граждан, зарегистрированных в качестве самозанятых. С 2019 г. их число выросло до 330 тысяч. При этом прогнозируется, что к 2024 г. эта цифра увеличится примерно до 2,4 миллионов. Безусловно, государству потребуется найти дополнительные способы для того, чтобы поднять уровень заинтересованности в правовом регулировании вышеназванных лиц. Для этого, прежде всего, следует повысить правовую грамотность. Даже в рамках нашего исследования выяснилось, что большинство респондентов не знают о национальном проекте РФ “Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы”, а ведь именно он включает в себя все

сведения, связанные с нормативным регулированием самозанятых, включая нововведения, которые относятся к мерам их поддержки.

Исходя из целей нашего исследования принципиально важным вопросом, задаваемым респондентам, был тот, который касался общего отношения к построению карьеры. Ввиду неоднозначности самого понятия “карьера самозанятых” важно узнать, считают ли эти люди возможным строить карьеру в своем нынешнем статусе или они все же соотносят термин “карьера” исключительно с деятельностью внутри организаций. Онлайн-опрос показал, что большинство (71,6%) самозанятых считают, что в их виде деятельности возможен карьерный рост.

Для того чтобы определить, какого типа карьеру рассматривают в своем профессиональном развитии самозанятые, обратимся к следующим данным. Большинство самозанятых считает, что горизонтальная (40%) и репутационная (40%) типы карьер находят отражение в их трудовой деятельности.

Попробуем разобраться, по какой причине данные типы карьер являются преимущественными в планировании деятельности самозанятых, и соотнесем их с выделенными нами типами стратегий карьер самозанятых. Горизонтальный тип карьеры предполагает развитие профессиональной деятельности в разрезе поиска своего пути посредством различных инструментов, способствующих развитию его ремесла на рынке: это может быть работа, связанная с предоставлением услуг и продажей товаров различным организациям. Для эффективного развития своего дела самозанятый использует различные способы для продвижения себя на рынке: участие в проектах различных организаций, дополнительное обучение по смежным специальностям, участие в вебинарах, совмещение разных типов деятельности и т.п.

Стратегия “поиска возможностей”, выделенная нами в ходе исследования, как раз является преобладающей стратегией карьеры у самозанятых. Цель стратегии “поиска возможностей” — понять, по какому пути дальше следовать: идти в штат организации или оставаться самозанятым.

Репутационный тип карьеры формируется для привлечения клиентов, покупателей и заказчиков. Репутация позволяет оставаться всегда лояльными к самозанятому. Формирование того и другого требует от самозанятого полной отдачи и высокого уровня мастерства.

Вертикальный тип карьеры у самозанятых не пользуется особой популярностью. Доля тех, кто полагает, что самозанятость позволяет строить вертикальный тип карьеры, всего 11%. Это связано,

прежде всего, с тем, что сегодня многие люди нашли в сфере самозанятости отголоски некой особой философии свободы.

Такие типы карьер, как сетевая (10%) и номинальная (2%), у самозанятых также не особо популярны. Во-первых, данные типы, как отмечали самозанятые, являются неким мостиком между горизонтальным и вертикальным типами карьер. Ни сетевой тип, ни номинальный нельзя выбрать как единственно верный путь к самореализации.

Многие самозанятые отмечали, что если в семье все являются самозанятыми, то это хороший способ работать в коллективе, таким образом создавая артель. Стратегию “динамической стабильности”, которая отражает как раз тот путь обмена различных интеракций и опыта между участниками рынка сферы самозанятости, мы выделили как отдельную стратегию. Это независимые, “свободолюбивые” граждане, которым не важен социальный статус, они не стремятся попасть в организацию, или создать организацию. Как отметил один из самозанятых, они “Собирают вокруг интересных людей и создают проекты по фану”.

Репутационный тип карьеры, характеризующийся ростом и укреплением позитивного имиджа, прослеживается во всех стратегиях карьеры самозанятого. Как отметили некоторые из респондентов, “Тут все взаимосвязано, лучше навык, больше клиентов, с клиентами нужна хорошая репутация, с разными клиентами набираешься опыта, с опытом и хорошей репутацией увеличивается количество клиентов, а значит увеличивается цена... Тут подходит все, кроме первого и третьего” или “синергия 2,4,5”.

Особый интерес представляет тот факт, что большинство самозанятых сегодня рассматривают данную занятость не как подработку, а как основной тип занятости (57%). В постиндустриальном обществе самозанятые перестают быть маргинальной группой на рынке труда. Труд людей в сфере информационных технологий пользуется престижем, а среди них очень много самозанятых. Кроме того, подкупает в этом статусе и самостоятельность в принятии важных решений, касающихся как работы, так и личной жизни.

Привлекательность статуса самозанятого в постиндустриальном обществе сопрягается и с очевидными сложностями работы в этом статусе. Сам самозанятый, общество и контрагенты по бизнесу часто предъявляют весьма противоречивые требования к человеку, самостоятельно реализующему профессиональную деятельность. Амбивалентный характер самозанятого характеризуется тем, что, с одной стороны, это своего рода “свободные агенты”, “алхимики”, креативный класс, что раскрывается в некоем свободном образе

жизни, с другой — достаточно собранные, ответственные и активные люди. Они сами вынуждены выстраивать свою стратегию построения карьеры, следить за тайм-менеджментом и уметь разбираться в юридических документах. Статус самозанятого, бесспорно, является привлекательным для многих людей в постиндустриальном обществе. При этом встает вопрос о развитии хозяйственной деятельности в этой форме. Многие самозанятые стремятся к тому, чтобы максимально эффективно продвигать свои товары и услуги на рынке, однако большинство респондентов не стремится к переходу на более высокий уровень экономической активности и расширению сферы влияния. Об этом свидетельствуют данные, полученные в ходе исследования: доля самозанятых, которые не стремятся открыть ИП, ООО, АО составляет 53%, а тех, кто хочет трансформировать свой юридико-экономический статус — 45%.

Обобщая данные опроса, систематизируем разновидности карьеры самозанятых. Так как самозанятый в определенной мере предстает как человек-бизнес, на наш взгляд, оказывается возможным провести аналогию между его стратегиями построения карьеры и традиционными стратегиями развития бизнеса. Воспользуемся для этого альтернативами развития фирм в теории стратегического менеджмента: стратегии роста, ограниченного роста и сокращения. Основываясь на данных проведенного социологического исследования, вышеуказанных стратегических альтернативах развития организаций и традиционной классификации типов карьеры, можно выделить три основные стратегии построения карьеры самозанятых на рынке труда:

- 1) стратегия “расширения бизнеса” (стратегия роста);
- 2) стратегия “поиска возможностей” (стратегия ограниченного роста);
- 3) стратегия “динамической стабильности” (стратегия сокращения).

Стратегия “расширения бизнеса” представляет собой путь постоянного повышения уровня навыков и компетенций самозанятого для роста бизнеса — оборота, прибыли, доли рынка и т.д. Данная стратегия подразумевает становление самозанятого как профессионала, стремящегося к оформлению своей деятельности в новом качестве, а именно — к созданию организации. Это может быть ИП с определенным количеством наемных работников, ООО, АО или др. Такой конвенциональный тип карьеры выбирают самозанятые, имеющие предпринимательскую жилку и высокую самоорганизованность. Например, сегодня набирает популярность такое понятие, как “бутстреппинг”, которое обозначает создание своего

стартапа при помощи только личных усилий: на собственные средства и без посторонней помощи, без привлечения внешних инвесторов⁵. Например, самозанятый, занимающийся тем, что предлагает свои услуги в качестве репетитора на различных сайтах, стремится впоследствии открыть свою онлайн-школу или образовательный центр, оформить себя в качестве ИП и нанять сотрудников. Подобно процессу “кристаллизации” металлов и определенных сплавов, который начинается с зародышей малого размера и последующим их ростом, самозанятый начинает свой путь с состояния “начала” своей трудовой деятельности. Обычно это подработка репетитором, помощь детям в написании тестов, экзаменов, изучении педагогической науки и специфики своего предмета. А далее он стремится к росту в своей профессиональной деятельности. Растет количество контактов, повышается профессиональный уровень, нарабатываются навыки и компетенции. Стратегия “расширения бизнеса” основывается на том, что самозанятый выбирает преимущественно вертикальный тип карьеры и репутационный как сопутствующий. Целью данной стратегии является переход на более качественный новый уровень — открытие своего дела, создание АО, а со временем, может быть, даже выход на IPO и т.п.

Такая стратегия реализуется в отраслях, в которых необходима концентрация некоторого количества рабочей силы для успешного бизнеса. Без организации в таких условиях не обойтись, и самозанятый, начиная работать, как правило, уже имеет намерение со временем расширить свое дело.

Стратегия “поиска возможностей” характеризуется тем, что самозанятый не определился и ищет себя. Важно, что этот поиск человек может осуществлять всю жизнь. При этом данная стратегия может обернуться неким интерстициальным состоянием, когда самозанятый профессионал пребывает в различных позициях: предоставляет свои услуги компаниям, работает фрилансером в сотрудничестве с той или иной организацией, работает автономно. Параллельно он может предоставлять услуги физическим лицам, например, осуществлять ремонтные работы, помогать в сдаче квартир или производить продукты собственного производства и т.п. В рамках этой стратегии может наблюдаться описанный выше маятниковый эффект: периодическая смена частичной и полной самозанятости. Самозанятый, выбирая для себя данную стратегию, стремится осознать, что ему больше по душе и как он видит свое будущее в профессиональной сфере. Целью данной стратегии явля-

---

⁵ *Годин С.* Библия бутстреппера. URL: <http://interesnyeknigi.ru/recenzii/bibliyabustreppera-set-godin/> (дата обращения: 15.03.2021).

ется, примеряя различные роли в профессиональной сфере, понять, по какому пути ему дальше следовать: идти в штат в организацию или оставаться самозанятым.

Стратегия “динамической стабильности” — это принципиальная ориентация на сохранение статуса самозанятого. Человек, выбирая данную стратегию, не стремится открывать ИП, ООО, АО или работать в организации. Карьерный рост в данном случае представляет собой особый процесс, характеризующийся целенаправленной, повторяющейся последовательностью обмена опытом и интеракций между самозанятым и другими субъектами рынка. Такие взаимодействия чаще всего осуществляются в форме проектов, в рамках которых самозанятый либо является инициатором и организатором, либо выполняет определенную функцию по контракту. Жизненная стратегия “динамической стабильности” характеризуется тем, что карьера самозанятого может представлять собой сочетание нескольких типов карьер: горизонтальной, репутационной, сетевой и номинальной. Самозанятый может работать из своего региона, предоставлять услуги в других регионах, путем использования информационных технологий и соответствующих компетенций. Самозанятые, обладая различными профессиональными компетенциями и навыками, могут образовать своего рода современную артель и осуществлять определенную совместную деятельность с участием в общих доходах.

Выбор данной стратегии обусловлен как личностными характеристиками самозанятого, так и спецификой отрасли, в которой он работает. Самозанятый, например, предпочел комфорт и баланс личной жизни и трудовой деятельности поиску определенной должности в организации. Данная стратегия реализуется в отраслях, в которых отдельный человек может обеспечить себе стабильный доход и достижение жизненного успеха без подключения к бизнесу других людей. Это и работа на фондовом рынке, и отдельные виды ремонта, и ряд направлений информационных и телекоммуникационных технологий.

Описанные выше стратегии построения карьеры самозанятого в нашем исследовании являются основными, однако в реальности возможны различные переходы и трансформации в рамках социально-трудовой деятельности. На протяжении всей трудовой жизни самозанятый может менять свое видение построения карьеры, менять стратегию и тактику действий. Основными критериями перехода из одной фазы в другую являются, во-первых, законодательная база той или иной формы занятости, степень ее разработанности для эффективного существования в рамках выбранной трудовой деятельно-

сти, во-вторых, наличие определенных навыков и компетенций для успешной реализации себя как высококонкурентного специалиста и желания этого перехода, в-третьих, наличие определенных экономических и социально-трудовых условий в РФ для выбора той или иной формы занятости.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Барков С.А. Социология организаций. М., 2004.
- Барков С.А., Коврова М.А., Селезнева А.С., Чугунова М.А. Территориальная мобильность населения как экономическая и социокультурная проблема российского рынка труда // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019. Т. 25. № 2. С. 66–92.
- Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2002.
- Бек У. Общество риска: на пути к другому модерну. М., 2000.
- Бехар Г. Дело не в кофе. Корпоративная культура Starbucks. М., 2018.
- Быстрова Н.В., Яров Р.Б. Современные педагогические технологии как средство подготовки компетентных специалистов // Инновационные подходы к решению профессионально-педагогических проблем. Сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции. Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина. Н. Новгород, 2018.
- Годин С. Библия бутстреппера. М., 2004.
- Гоулман Д. Эмоциональное лидерство. Искусство управления людьми на основе эмоционального интеллекта. М., 2019.
- Дубин И.Н., Байтенизов Д.Т., Кэмпбелл Д., Караянис Э., Азатбек Т.А. Фриланс как интеллектуально-креативная форма самозанятости // Социально-экономические явления и процессы. 2019. № 3. С. 69–82. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/frilans-kak-intellektualno-kreativnaya-forma-samozanyatosti-v-novoye-ekonomike-traektoriya-novoy-paradigmy-samozanyatosti>
- Заславская Т.И. Бизнес-слой российского общества: сущность, структура, статус. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/816/929/1216/002Zaslavskaya.pdf>. (дата обращения: 30.11.2020).
- Иванова С.В. Мотивация 100%. Где же у него кнопка? М., 2019.
- Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000.
- Крюкова Е.С., Рузанова В.Д. Индивидуальный предприниматель и самозанятый гражданин: соотношение понятий // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 3. URL: http://www.consultant.ru/law/podborki/samozanyatyenekolko_vidov_deyatelnosti/
- Пинк Д. Нация свободных агентов: как новые независимые работники меняют жизнь Америки. М., 2005.
- Селезнева А.С. Анализ восприятия карьеры успешных стартаперов // Материалы международного студенческого исследовательского проекта изучения рынка труда “Будущее труда в постиндустриальной экономике”. Сб. ст. Междунар. студенческого исследовательского проекта и научной конференции / Под общ. ред. С.А. Баркова, А.В. Маркеевой. М., 2020. URL: <https://bookonline.ru/node/4907> — doi: 10.31453/kdu.ru.91304.0117.

Сизова И.Л., Хусяинова Т.М. Интернет-занятость: инновационные формы и деформированные состояния // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2018. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-zanyatost-innovatsionnye-formy-i-deformirovannye-sostoyaniya/viewer>

Скруг В.С. Регулирование процесса легализации налогообложения доходов самозанятых граждан в Российской Федерации на современном этапе // Экономика. 2019. № 1. С. 536–552. URL: <https://1economic.ru/lib/40125>

Социальные изменения в условиях цифровой среды: Коллективная монография / Под ред. В.П. Васильева. М., 2020.

Шейна А.Ю., Альтдинова Г.З., Нафикова Р.Р. Проблема легализации самозанятых в Российской Федерации // Инновационное развитие. 2018. № 9. С. 75–77. URL: https://rctmis.mohe.gov.af/static/article_file/Document3.pdf

REFERENCES

Barkov S.A. Sociologiya organizacij [Sociology of organizations]. М., 2004 (in Russian).

Barkov S.A., Kovrova M.A., Selezneva A.S., Chugunova M.A. Territorial'naya mobil'nost' naseleniya kak ekonomicheskaya i sociokul'turnaya problema rossijskogo rynka truda [Territorial mobility of the population as an economic and socio-cultural problem of the Russian labor market] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2019. T. 25. N 2. S. 66–92 (in Russian).

Bauman Z. Individualizirovannoe obshchestvo [An individualized society]. М., 2002 (in Russian).

Bek U. Obshchestvo riska: na puti k drugomu modern [Risk Society: on the way to another modern]. М., 2000 (in Russian).

Bekhar G. Delo ne v kofe. Korporativnaya kul'tura Starbucks [It's not about coffee. Corporate culture of Starbucks]. М., 2018 (in Russian).

Briana Sell Stenard. Are transitions to *self-employment* beneficial? // Journal of Business Venturing Insights. 2019. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2352673419300198?via%3Dihub>

Bystrova N.V., Yarov R.B. Sovremennye pedagogicheskie tekhnologii kak sredstvo podgotovki kompetentnyh specialistov [Modern pedagogical technologies as a means of training competent specialists] // Innovacionnye podhody k resheniyu professional'no-pedagogicheskikh problem sbornik statej po materialam Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Nizhegorodskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet imeni Koz'my Minina. N. Novgorod, 2018 (in Russian).

Dubin I.N., Bajtenizov D.T., Kempbell D., Karayanis E., Azatbek T.A. Frilans kak intellektual'no-kreativnaya forma samozanyatosti [Freelancing as an intellectual and creative form of self-employment] // Social'no-ekonomicheskie yavleniya i processy. 2019. N 3. S. 69–82. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/frilans-kak-intellektualno-kreativnaya-forma-samozanyatosti-v-novoy-ekonomike-traektoriya-novoy-paradigmy-samozanyatosti> (in Russian).

Godin S. Bibliya butstrepera [The bootstrapper Bible]. М., 2004 (in Russian).

Goulman D. Emocional'noe liderstvo. Iskusstvo upravleniya lyud'mi na osnove emocional'nogo intelekta [Emotional leadership. The art of managing people based on emotional intelligence]. М., 2019 (in Russian).

Ivanova S.V. Motivaciya 100%. Gde zhe u nego knopka? [Motivation 100%. Where is his button?]. М., 2019 (in Russian).

Kastel's M. Informacionnaya epoha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura [The information age: economy, society and culture]. M., 2000 (in Russian).

Kocha M., Parka S., Zahrab S.A. Career patterns in self-employment and career success // Journal of Business Venturing. 2019. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0883902618307316?via%3Dihub>

Kryukova E.S., Ruzanova V.D. Individual'nyj predprinimatel' i samozanyatyj grazhdanin: sootnoshenie ponyatij [Individual entrepreneur and self-employed citizen: correlation of concepts] // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. 2018. N 3. URL: http://www.consultant.ru/law/podborki/samozanyaty_neskolko_vidov_deyatelnosti/ (in Russian).

Patel P.C., Wolfe M.T. Not all paths lead to Rome: *Self-employment*, wellness beliefs, and well-being // Journal of Business Venturing Insights. 2020. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2352673420300391?via%3Dihub>

Pink D. Naciya svobodnyh agentov: kak novye nezavisimye rabotniki menyayut zhizn' Ameriki [The nation of free agents: how new independent workers are changing the life of America]. M., 2005 (in Russian).

Selezneva A.S. Analiz vospriyatiya kar'ery uspešnyh startaperov [An analysis of the perception of the career of successful startups] // Materialy mezhdunarodnogo studencheskogo issledovatel'skogo proekta izucheniya rynka truda "Budushchee truda v postindustrial'noj ekonomike". Sb. st. Mezhdunar. studencheskogo issledovatel'skogo proekta i nauchnoj konferencii / Pod obshch. red. S.A. Barkova, A.V. Markeevoy. M., 2020. URL: <https://bookonlime.ru/node/4907> — doi: 10.31453/kdu.ru.91304.0117 (in Russian).

Sheina A.Yu., Al'tdinova G.Z., Nafikova R.R. Problema legalizacii samozanyatyh v rossijskoj federacii [The problem of legalization of the self-employed in the Russian Federation] // Innovacionnoe razvitie. 2018. N 9. S. 75–77. URL: https://rctmis.mohe.gov.af/static/article_file/Document3.pdf (in Russian).

Sizova I.L., Husyainova T.M. Internet-zanyatost': innovacionnye formy i deformirovannye sostoyaniya [Internet employment: innovative forms and deformed states] // Vestnik PNIPU. Social'no-ekonomicheskie nauki. 2018. N 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-zanyatost-innovatsionnye-formy-i-deformirovannye-sostoyaniya/viewer> (in Russian).

Skrug V.S. Regulirovanie processa legalizacii nalogooblozheniya dohodov samozanyatyh grazhdan v Rossijskoj Federacii na sovremennom etape [Regulation of the process of legalization of income taxation of self-employed citizens in the Russian Federation at the present stage] // Ekonomika. 2019. N 1. S. 536–552. URL: <https://1economic.ru/lib/40125> (in Russian).

Social'nye izmeneniya v usloviyah cifrovoj sredy: Kollektivnaya monografiya [Social changes in the digital environment: A collective monograph] / Pod red. V.P. Vasil'eva. M., 2020 (in Russian).

Zaslavskaya T.I. Biznes-sloj rossijskogo obshchestva: sushchnost', struktura, status [Business layer of the Russian society: essence, structure, status]. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/816/929/1216/002Zaslavskaya.pdf>. (data obrashcheniya: 30.11.2020) (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2022-28-1-205-215

ПАРТИСИПАТИВНЫЙ МЕНЕДЖМЕНТ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ СЛИЯНИЙ И ПОГЛОЩЕНИЙ КОМПАНИЙ

С.А. Барков, докт. социол. наук, проф., зав. кафедрой экономической социологии и менеджмента социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

П.А. Жигин, аспирант социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234**

С социологической точки зрения, слияния и поглощения компаний являются одним из видов объединения социальных систем. Аналогом этих процессов на макросоциальном уровне служат объединения стран. Между этими, на первый взгляд, разными объединительными процессами существует ряд важных сходств. Как и объединения стран, объединения компаний могут быть добровольными и недобровольными (дружественными и недружественными). Объединение может не угрожать интересам низовых звеньев социальной системы, но вызывать страх и противодействие элит. Наконец, специфика, легкость и эффективность объединений зависят от институционального контекста, в котором они происходят.

Важнейшим институциональным различием между объединениями стран и объединениями организаций является запрет на насильственный захват государств (в соответствии с принципом нерушимости границ) при призвании и даже одобрении недружественных поглощений в рыночной экономике.

Партисипативный менеджмент как реализация общей тенденции к демократизации управления в постиндустриальную эпоху также является одним из элементов институционального контекста слияний и поглощений. Его три составляющие — участие в капитале, участие в прибылях и участие в управлении — специфическим образом трансформируют объединительные процессы. В целом, объединения становятся проводить легче, так как в условиях партисипативного менеджмента и самоуправления независимых коллективов (команд), становление новой социальной системы представляет собой не столкновение прежних иерархий власти, а добавление новых участников внутриорганизационного рынка.

Ключевые слова: объединение компаний, слияние, поглощение, социальная система, партисипативный менеджмент, производственная демократия, участие в капитале, участие в прибылях.

---

* Барков Сергей Александрович, e-mail: socorgmen@yandex.ru

** Жигин Павел Алексеевич, e-mail: zhigin-pavel2007@yandex.ru

PARTICIPATIVE MANAGEMENT AND INSTITUTIONAL CONTEXT OF MERGERS AND ACQUISITIONS (M&AS)

Barkov Sergey A., Doctor of Sociology, Professor, Head of Department of Economic Sociology and Management, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninskiye Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: socorgmen@yandex.ru

Zhigin Pavel A., postgraduate student, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninskiye Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: zhigin-pavel2007@yandex.ru

From a sociological point of view, mergers and acquisitions of companies are specific types of integration between social systems. The unions of countries are an analogue of these processes at the macrosocial level. There are a number of important similarities between these seemingly different unifying processes. Like countries' unions, associations of companies can be voluntary or involuntary (friendly or unfriendly). Unification may not threaten the interests of the lower levels of the social system, but may cause fear and opposition from the elites. Finally, the specificity, ease and effectiveness of associations depend on the institutional context in which they take place.

The most important institutional difference between associations of countries and associations of organizations is the prohibition on the violent seizure of states (in accordance with the principle of inviolability of borders) when invoking and even approving hostile takeovers in the market economy.

Participation management as an implementation of the general trend towards democratization of organizations in the post-industrial era is also one of the elements of the institutional context of mergers and acquisitions. Its three components — capital, sharing, profit sharing and participation in decision making — transform the unifying processes in a specific way. In general, it becomes easier to carry out mergers and acquisitions, since in the conditions of participation management and self-government of independent groups (teams); the formation of a new social system is not a clash of the previously existed hierarchies of power, but the addition of new participants in the intra-organizational market.

Key words: consolidation of companies, merger, acquisition, social system, participation management, industrial democracy, capital sharing, profit sharing.

Слияния и поглощения стали одной из самых популярных стратегий развития бизнеса как за рубежом, так и в России¹. Объединение двух компаний — это объединение двух социальных систем. Прямым аналогом этого процесса является объединение стран. По-

---

¹ См., в частности: Волкова В.В. Тенденции развития слияния и поглощения международных компаний // Вестник современных исследований. 2018. № 84 (23). С. 29–30; Драгушина Д.С. Тенденции развития рынка слияний и поглощений в России // Студенческий форум. 2019. № 39–2 (90). С. 42–43; Потоцкая С.Р. Российский рынок слияний и поглощений: этапы развития и их особенности // Российское предпринимательство. 2009. № 10–1. С. 20–25.

нятно, что социальные системы в двух этих случаях относятся к разным уровням общественной реальности, но в процессе их объединения несложно обнаружить множество схожих черт. Так, поглощения и в том, и в другом случае могут быть добровольными и недобровольными. На корпоративном уровне сплошь и рядом встречаются недружественные поглощения, при этом другая их часть может быть сознательно инициирована владельцами небольших компаний, которые сами не против влиться в крупную компанию, стабилизируя тем самым свое положение на рынке. Страна также может в определенных условиях стремиться стать частью более крупной и сильной державы, что часто имело место в истории Российской империи. Правда, чаще в истории происходили захватнические войны, в результате которых страна “недобровольно” поглощалась другой. В процессе слияний, которые по определению добровольны, также могут наблюдаться схожие явления². Добровольно объединившиеся компании могут создать новую организацию с бесчисленным количеством конфликтов и критической разницей в организационных культурах. В результате объединенная компания становится неэффективной и распадается на части. Конфликты характерны и для добровольных союзов стран. Наиболее понятным примером здесь может служить Евросоюз, острота конфликтов в котором часто доходит до такой степени, что ставит под угрозу само существование данной формы европейской интеграции.

Явным институциональным отличием объединения стран и объединения компаний является то, что недружественные поглощения стран в современных условиях запрещены международным правом и решениями международных организаций. Важнейшими приоритетами международных отношений со времен создания Лиги наций, а затем ООН стали территориальная целостность и нерушимость границ государств. Недружественные поглощения компаний, напротив, практически не подвергаются никаким запретам и служат частью общемировой экономической практики³. Более того, многие справедливо полагают, что такие поглощения служат одной из основ эффективности рыночной системы хозяйствования, ведь благодаря им неэффективно использовавшиеся ресурсы поглощаемой компании начинают более компетентно использоваться в объединенной структуре.

---

² Блинов Д.Д. Поглощение и слияние — соотношение понятий // Современный взгляд на будущее науки. Сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. Уфа, 2016. С. 76–79.

³ Митус А.И. Правовые последствия слияний и поглощений коммерческих организаций, осуществляемых путем реорганизации в форме слияния или присоединения // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 5. С. 158–160.

Недружественные поглощения являются проблемой для объединяющихся компаний, но не для общества в целом. И все же не стоит забывать, что недружественные поглощения компаний порождают многочисленные социальные проблемы для персонала и могут оказаться крайне неудачными как раз в силу этих проблем⁴.

Реалии современного общества, и, в частности, строения современных организаций, существенно повлияли на осуществление процессов слияния и поглощения компаний. В целом производить объединительные процессы стало легче, и это происходит и на уровне корпоративного управления, и на уровне общего менеджмента, и на уровне управления человеческими ресурсами.

Все больше компаний в мире начинает ориентироваться на так называемую англо-саксонскую структуру корпоративного управления, при которой отсутствует мажоритарный акционер⁵. Находясь в руках миноритариев, компания служит удобным объектом для поглощения. Само поглощение происходит почти автоматически с изменением долей в акционерном капитале. В таких условиях не нужно убеждать упрямого, а иногда и очень жадного владельца в выгоды продажи его бизнеса. Правда, поглощения в условиях англо-саксонского корпоративного управления вызывают ожесточенное сопротивление высшего менеджмента, который теряет свой статус, полномочия и доходы, но все же сам механизм объединения компаний на уровне собственников обретает свою рациональную основу и работает почти безупречно.

Институциональный контекст слияний и поглощений формируется не только национальным и международным регулированием этих процессов, но и нормами и правилами менеджмента компаний. Особенности управления могут способствовать или препятствовать объединительным процессам. И в части внутриорганизационного устройства в последние годы наблюдались процессы, которые разнонаправленно воздействовали на возможности и практику корпоративных объединений.

В целом, на уровне управления организацией имели место изменения, которые позволили облегчить объединительные процессы. Современные организации как альтернатива традиционным бюрократическим корпорациям, господствовавшим в экономике сере-

---

⁴ *Потоцкая С.Р.* Российский рынок слияний и поглощений: этапы развития и их особенности // Российское предпринимательство. 2009. № 10–1. С. 20–25; *Сизова Д.А., Сизова Т.В.* Тактики слияний и поглощений в системе корпоративного управления компании // Проблемы и перспективы развития промышленности России. Сб. мат-в IX Междунар. науч.-практ. конф. М., 2021. С. 297–304.

⁵ *Барков С.А., Денильханов А.Х.* Формы организации бизнеса. М., 2019. С. 297–327.

дины XX в., являют собой гибкие, саморазвивающиеся социальные системы⁶. Присоединение к ним не означает кардинального слома старой пирамиды власти и построения новой — более величественной. Скорее данный процесс можно представить как вхождение нового игрока на внутриорганизационный рынок.

Современные компании существенно отличаются от своих предшественниц, функционировавших в индустриальную эпоху, строением низовых звеньев организационной пирамиды⁷. Работники образуют самоуправляемые команды, относительно автономно реализующие свои начинания и задания, пришедшие свыше. Руководство в таких условиях ставит по большей части общие цели, а выбор конкретных средств и все управленческие решения по тактическим вопросам берет на себя команда.

Наиболее передовые компании мира уже давно работают по таким схемам. Например, в концерне BMW “наверху в предельно упрощенном виде сохранилась линейно-иерархическая структура (правление АО), которая организационно накладывается на низшую, проектно-производительную ступень. Основу последней составляют мобильные группы”⁸. В отношении таких групп полностью реализован принцип самоуправления, вплоть до того, что члены группы сами выбирают себе руководителя. Примерно такая же ситуация существует в *General Electric* и множестве других передовых компаний по всему миру.

Добавление самоуправляемых коллективов, имеющих свои собственные “юрисдикции” (территории, товары, клиентов и др.), к уже существующим в процессе слияния или поглощения не создает конфликтной ситуации. Социальная система, основанная на их функционировании, не переживает революционных трансформаций, и объединительные процессы оказываются не столь болезненными, как это было ранее. Появление новых команд в этих условиях не разрушает старые. Развитие стиля управления, ориентированного на команды, переводит вопросы управления персоналом в объединенной компании в более рациональную плоскость и позволяет комбинировать элементы новой социальной системы, подобно тому как к поезду прицепляются новые, самые разные вагоны, при том что сам принцип движения поезда остается неизменным.

Принципиально значимой особенностью современных объединений является отсутствие объективных условий для возникно-

---

⁶ Барков С.А., Зубков В.И. Социология организаций. М., 2020.

⁷ Организационное поведение / Под ред. С.А. Баркова. М., 2019. С. 371–391.

⁸ Чернаков А., Умбетбаев М. Быстрые съездают медленных // Эксперт. 1997. № 21. С. 25.

вения страха перед массовыми увольнениями. Многие работники не осознают этого и боятся объединения чуть ли не как краха всей жизни, тем более что высший менеджмент часто способствует таким паническим настроениям. Но на самом деле это не так. Персонал, организованный в самоуправляемые коллективы (проектные группы, функциональные команды, сообщества практик и др.) и обладающий высокой компетенцией в своей области, оказывается более защищенным в процессе объединения по сравнению с работниками индустриальной эпохи. Их природный страх перед переменами вообще, усиленный историческим опытом болезненного объединения бюрократических организаций, в сегодняшних реалиях часто оказывается неприятным “фантомом”, не имеющим под собой реальных оснований.

В отличие от бюрократических организаций, в которых любая перестройка могла означать взлеты для одних и падения для других, в постиндустриальных компаниях ситуация оказывается более стабильной. Являясь членом самоуправляемой команды, человек работает долго и в меньшей степени зависит от меняющегося начальства.

Как уже упоминалось ранее, страх перед объединениями компаний свойственен высшему менеджменту. Его уязвимость наличествовала и при бюрократическом строении организаций, сохраняется такое положение вещей и сегодня. В поглощаемой компании в принципе вообще может ничего не меняться, единственное изменение, которое произойдет всегда — к власти придет новый директор. Чаще всего он приводит и свою команду. Поэтому весь топ-менеджмент очень чувствителен к сделкам по поглощению. Если же происходит добровольное слияние, позиции высших менеджеров оказываются более защищенными, но сама практика их работы явно меняется, меняются объекты управления, возрастает вероятность всякого рода конфликтов. А это опять-таки означает возрастание всей совокупности управленческих рисков⁹. Страх перед объединением, тем самым, присущ высшему менеджменту как социально-профессиональной группе и как одному из базовых элементов социальной системы современной организации. Собственно этот страх является одним из базовых мотивов хорошей работы менеджеров, действующих согласно силлогизму “Если хорошо работаешь — твою компанию будет сложно поглотить”.

Страх высших менеджеров искусственно по вертикали власти сверху вниз передается средним и низовым звеньям управления, ко-

---

⁹ *Вселенская И.В.* Разработка модели риск-менеджмента сделки слияния и поглощения // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2019. № 4 (42). С. 33–39.

торые, как было показано выше, чаще всего могут не столь сильно беспокоиться о своем положении в новых организационных условиях. В этом плане можно наблюдать опять определенную схожесть между социальными системами разного уровня — организациями и странами. Народы часто хотят и могут “жить вместе”, а “потерять независимость” боятся прежде всего государственные элиты. И здесь встает интересный вопрос о том, кто на кого в большей степени влияет — народ на власть или элита на массы. Понятно, что степень такого влияния определяется демократичностью управления. Если рассматривать социальные системы корпоративного уровня, то частью институционального контекста становится развитие производственной демократии или партисипативного менеджмента.

Партисипативный менеджмент активно развивается в постиндустриальных организациях. Участие персонала в жизни в управлении компаний многообразно. Оно может затрагивать только самые несложные тактические вопросы, а может распространяться на выбор стратегии и решение проблем, от которых зависит выживание и развитие компании. Формы активности работников по решению всех этих вопросов также могут быть различными. Сущность партисипативного менеджмента и его базовые характеристики определяются тем, какой механизм лежит в основе участия персонала в управлении. А этих механизмов три:

- участие в капитале;
- участие в прибылях;
- участие в управлении.

Наиболее последовательный партисипативный менеджмент базируется на участии персонала в капитале компании. Если персонал владеет значимым пакетом акций или значимой долей в ООО, его участие в прибылях и управлении уже подразумевается и определяется тем, что работники наделяются правами собственников (чаще всего акционеров). Участие в капитале делает персонал полноправным партнером по ведению бизнеса, но осуществление такой практики связано со множеством экономических и технических проблем, поэтому осуществляется не так часто.

Значительно чаще в основе партисипативного менеджмента лежит механизм участия в прибылях (*profit sharing*, англ.). Он связан с разработкой премиальных (бонусных) программ, в рамках которых выплаты определяются прибылью фирмы и предназначаются работникам, не являющимся ее собственниками. Такая схема логично приводит и к определенному участию персонала в управлении. В противном случае людям будет непонятно, за что им выплачивают или не выплачивают премии. Они каким-нибудь способом должны

на это влиять, а это и есть участие в принятии решений, т.е. в управлении.

Наконец, самым “слабым” вариантом партисипативного менеджмента является распространение демократического стиля руководства и коллегиальных решений. Тогда работники просто привлекаются к процессу принятия решений, чувствуют себя вовлеченными в дела компании, а компания получает от них необходимую информацию и реализацию креативных способностей.

Рассмотрим последовательно, как влияют три вида и соответственно три компонента партисипативного менеджмента на процессы объединения компаний.

В процессе слияний и поглощений участие в капитале не избавляет от проблем, а иногда даже создает их. Дело в том, что работники, невзирая на все современные реалии, все еще боятся объединений. Иногда в организации может наличествовать специфический корпоративный патриотизм (в некоторой степени схожий с национальным). Работники могут быть убеждены, что сами в “своей” организации они лучше справятся со всеми возникающими трудностями, смогут более полно реализовать свои представления о развитии компании. Попросту они не хотят делить власть с “чужаками”. Обладая капиталом, рядовой персонал начинает в какой-то степени мыслить, как элита. Очень часто на Западе сторонние акционеры совсем не против поглощения своей компании, а персонал и профсоюзы занимают по отношению к этому процессу противоположную позицию.

Однако ситуация не столь однозначна. Если объединение, особенно в форме слияния, обладает реальными и понятными преимуществами, работники как одни из владельцев бизнеса могут его поддержать. При этом сам процесс объединения может быть не таким легким, как в случае, когда компанией владеют сторонние акционеры. Противников объединения нужно будет долго убеждать, а по поводу каждого нюанса становления объединенной организации взвешивать свои “за” и “против”. Процесс может быть медленным, но результат его будет эффективным. Внешние собственники никогда с таким участием не будут анализировать все особенности предстоящего объединения.

Как это часто бывает в социальном управлении, компетентное и неторопливое решение многочисленных проблем, возникающих в начале процесса, снимает ряд сложностей, которые могли бы возникнуть позднее. В условиях партисипативного менеджмента, основанного на участии в капитале, убедить людей в желательности объединения, спланировать все стадии процесса объединения, а

также все особенности объединенной структуры оказывается достаточно сложно, но затем процесс слияния или поглощения развивается более последовательно и с меньшим количеством проблем.

Партисипативный менеджмент, связанный с участием в прибылях, оказывает косвенное влияние на отношение работников к объединительным процессам. Их могут вдохновить высокие цифры ожидаемых прибылей. Такие прогнозы делаются всегда, но отнюдь не всегда оправдываются. Задействованные в программах участия в прибылях, сотрудники организации с большей легкостью могут согласиться на слияние или поглощение, чем сотрудники-акционеры. Так как в постиндустриальных организациях механизм *profit sharing* встречаются значительно чаще, чем участие в капитале, в целом он может дополнительно стимулировать объединительные процессы в экономике. Однако, по всей видимости, более важным следствием этого механизма является все-таки участие в процессе принятия важных стратегических решений в фирме. Как уже говорилось ранее, участие в прибылях требует для своего рационального обоснования определенной демократизации управленческих процессов.

Участие в управлении как базовый тип партисипативного менеджмента “работает” на повышение эффективности процессов слияния и поглощения. Участие в управлении, во-первых, ставит элиту менеджмента в понятную зависимость от мнений рядовых работников, во-вторых, позволяет гласно обсуждать сложившуюся ситуацию, а, в-третьих, подразумевает возможность для персонала влиять на те пути, которыми на практике будет осуществляться объединение двух корпоративных социальных систем.

В условиях демократического управления в процессе слияния или поглощения организации персонал оказывается более защищенным и в меньшей степени готов принимать необдуманные решения только для того, чтобы не допустить объединения. Если и в образованной в результате процесса объединения социальной системе будет главенствовать демократический стиль руководства, значительная часть проблем, связанных с перемещениями работников, их сопротивлением переменам, может быть решена на более квалифицированном уровне. В этом случае люди меньше боятся попасть под власть нового диктатора, который окажется хуже предыдущего. Поэтому практика партисипативного менеджмента в ходе слияния или поглощения не должна прерываться. Данная практика делает значительно более эффективной работу HR-менеджеров в ходе объединительного процесса. Демократия служит им известным “подспорьем”, и они могут более компетентно осуществлять функции по подбору персонала, определению его вознаграждения,

оценке трудовой деятельности, планированию карьеры и дополнительному образованию сотрудников.

Из вышесказанного следует, что в целом современный институциональный контекст развития менеджмента явно способствует облегчению осуществления процессов объединения компаний. Самые разные категории персонала начинают чувствовать себя более уверенно и защищенно в случае реструктуризации социальной системы. Понятно, что реальная практика всегда сильно отличается от институциональных норм, и слияния и поглощения компаний часто предстают как болезненные процессы, генерирующие множество проблем. Однако широкое распространение англосаксонской системы корпоративного управления с дисперсной собственностью (фактическим отсутствием мажоритарного акционера)¹⁰, а также партисипативного менеджмента в формах участия в капитале, участия в прибылях и участия в принятии решений создают условия для того, чтобы реализовывать объединительные процессы более продуманно, с меньшим сопротивлением, незначительным количеством конфликтов и, главное, меньшим страхом перед трансформацией корпоративных социальных систем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Барков С.А., Денильханов А.Х.* Формы организации бизнеса. М., 2019.
- Барков С.А., Зубков В.И.* Социология организаций. М., 2020.
- Блинов Д.Д.* Поглощение и слияние — соотношение понятий // Современный взгляд на будущее науки. Сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. Уфа, 2016. С. 76–79.
- Волкова В.В.* Тенденции развития слияния и поглощения международных компаний // Вестник современных исследований. 2018. № 84 (23). С. 29–30.
- Вселенская И.В.* Разработка модели риск-менеджмента сделки слияния и поглощения // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2019. № 4 (42). С. 33–39.
- Драгушина Д.С.* Тенденции развития рынка слияний и поглощений в России // Студенческий форум. 2019. № 39–2 (90). С. 42–43.
- Митус А.И.* Правовые последствия слияний и поглощений коммерческих организаций, осуществляемых путем реорганизации в форме слияния или присоединения // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 5. С. 158–160.
- Организационное поведение / Под ред. С.А. Баркова. М., 2019.
- Потоцкая С.Р.* Российский рынок слияний и поглощений: этапы развития и их особенности // Российское предпринимательство. 2009. № 10 (1). С. 20–25.
- Сизова Д.А., Сизова Т.В.* Тактики слияний и поглощений в системе корпоративного управления компании // Проблемы и перспективы развития промышленности России. Сб. мат-в IX Междунар. науч.-практ. конф. М., 2021. С. 297–304.

---

¹⁰ *Сизова Д.А., Сизова Т.В.* Указ. соч. С. 297–304.

Чернаков А., Умбетбаев М. Быстрые съедают медленных // Эксперт. 1997. № 21. С. 24–27.

REFERENCES

Barkov S.A., Denil'khanov A.Kh. Formy organizatsii biznesa [Forms of business organisation]. M., 2019 (in Russian).

Barkov S.A., Zubkov V.I. Sotsiologiya organizatsii [Sociology of Organizations]. M., 2020 (in Russian).

Blinov D.D. Pogloshchenie i sliyanie — sootnoshenie ponyatii [Acquisition and merger — correlation of concepts] // *Sovremennyi vzglyad na budushchee nauki. Sb. statei Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii.* Ufa, 2016. P. 76–79 (in Russian).

Chernakov A., Umbetbaev M. Bystrye s'edayut medlennykh [The Fast Eats the Slow] // *Ekspert.* 1997. N 21. P. 24–27 (in Russian).

Dragushina D.S. Tendentsii razvitiya rynka sliyanii i pogloshchenii v Rossii [M&A market development trends in Russia] // *Studencheskii forum.* 2019. N 39–2 (90). P. 42–43 (in Russian).

Mitus A.I. Pravovye posledstviya sliyanii i pogloshchenii kommercheskikh organizatsii, osushchestvlyaemykh putem reorganizatsii v forme sliyaniya ili prisoedineniya [Legal implications of mergers and acquisitions of commercial organizations carried out through reorganization in the form of merger or acquisition] // *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii.* 2010. N 5. P. 158–160 (in Russian).

Organizatsionnoe povedenie [Organizational Behavior] / Ed. by S.A. Barkov. M., 2019 (in Russian).

Pototskaya S.R. Rossiiskii rynek sliyanii i pogloshchenii: etapy razvitiya i ikh osobennosti [Russian market of mergers and acquisitions: stages of development and their features] // *Rossiiskoe predprinimatel'stvo.* 2009. N 10 (1). P. 20–25 (in Russian).

Sizova D.A., Sizova T.V. Taktiki sliyanii i pogloshchenii v sisteme korporativnogo upravleniya kompanii [Tactics of mergers and acquisitions in the company's corporate governance system] // *Problemy i perspektivy razvitiya promyshlennosti Rossii. Sb. materialov IX Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii.* M., 2021. P. 297–304 (in Russian).

Volkova V.V. Tendentsii razvitiya sliyaniya i pogloshcheniya mezhdunarodnykh kompanii [Trends in the development of mergers and acquisitions of international companies] // *Vestnik sovremennykh issledovaniy.* 2018. N 84 (23). P. 29–30 (in Russian).

Vselenskaya I.V. Razrabotka modeli risk-menedzhmenta sdelki sliyaniya i pogloshcheniya [Development of M&A transaction risk-management model] // *Teoriya i praktika servisa: ekonomika, sotsial'naya sfera, tekhnologii.* 2019. N 4 (42). P. 33–39 (in Russian).

СОЦИОЛОГИЯ МЕДИЦИНЫ И ЗДОРОВЬЯ

DOI: 10.24290/1029-3736-2022-28-1-216-237

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СРЕДА И МЕРЫ БОРЬБЫ С ПАНДЕМИЕЙ COVID-19 В КИТАЕ (КНР)

Т.В. Семина, докт. социологич. наук, ст. научный сотрудник кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

Го Вэй, асп. социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234**

В данной статье рассматриваются на примере практического опыта Китая меры борьбы с коронавирусной инфекцией, негативные последствия пандемии, затронувшие все аспекты жизни общества. Проанализировано развитие цифровой трансформации производства и распространения культурного контента в Китае, развития G-интернета и искусственного интеллекта, благодаря чему “новая инфраструктура” будет проникать в культурную индустрию по множеству каналов. Проведен социологический анализ исследования мнения детей и трудностей в онлайн-образовании в Китае. Рассматривается успех китайской народной медицины, которая явилась одним из символов успешной борьбы КНР с пандемией и в которой используется фитотерапия, предусматривающая обработку лазером лечебных трав, а массаж и гирудотерапия дополнены квантовыми технологиями.

Пандемия как явление глобальное обострила вопрос солидарных отношений людей во всем мире, оказала значительное влияние на экономическую, политическую, социальную и культурную сферы жизни, став травмирующим фактором для населения всех стран мира. В данной связи авторы статьи указывают важность объединения усилий разных стран с целью решения глобальной проблемы, касающейся способности к быстрой мобилизации и консолидации всех слоев мирового сообщества во время пандемии. Предложен идеологический подход глобальной солидарности в борьбе с коронавирусом, целью которой является активизация международного сотрудничества ради сдерживания распространения инфекции по всему миру.

Ключевые слова: Китай, пандемия, профилактика, ограничительные меры, международное сотрудничество, мировое сообщество, социология культуры, онлайн-образование, коронавирусная дипломатия.

---

* Семина Татьяна Васильевна, e-mail: stv.seminal911@yandex.ru

** Го Вэй, e-mail: 909605566@qq.com

SOCIOCULTURAL ENVIRONMENT AND COMBAT MEASURES WITH COVID-19 PANDEMIC IN CHINA (PRC)

Semina Tatiana V., Doctor of Sociology, Department of Modern Sociology, Faculty of sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninskiye Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: stv.seminal911@yandex.ru

Go Way, Postgraduate Student, Department of Modern Sociology, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninskiye Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: 909605566@qq.com

This article examines measures to combat coronavirus infection on the example of China's practical experience, analyzes the negative consequences of the pandemic that have affected all aspects of society. The development of the digital transformation of the production and distribution of cultural content in China, the development of the Internet and artificial intelligence, thanks to which the "new infrastructure" will penetrate the cultural industry through a variety of channels. A sociological analysis of the study of children's opinions and difficulties in online education in China was conducted. The success of Chinese folk medicine, which was one of the symbols of the successful struggle of the People's Republic of China against the pandemic, the use of herbal medicine, which involves laser treatment of medicinal herbs, and massage and hirudotherapy is supplemented with quantum technologies, are considered.

The pandemic as a global phenomenon has exacerbated the issue of solidarity relations of people around the world has had a significant impact on the economic, political, social and cultural spheres of life, becoming a traumatic factor for all countries of the world. In this regard, the authors of the article point out the importance of combining the efforts of different countries to solve the global problem of the ability to quickly mobilize and consolidate all layers of the world community during a pandemic. An ideological approach of global solidarity in the fight against coronavirus is proposed, where the goal is to intensify international cooperation in order to contain the spread of infection around the world.

Key words: *China, pandemic, prevention, restrictive measures, international cooperation, world community, sociology of culture, online education, coronavirus diplomacy.*

Китай — первая страна, столкнувшаяся с новым COVID-19, и в этом смысле ее опыт профилактических мер против распространения коронавирусной инфекции уникален. Международное сообщество с самого начала возникновения эпидемии и в настоящее время внимательно наблюдает за действиями Китая по противодействию новой коронавирусной инфекции, перенимая положительный опыт.

На данный момент ситуация с пандемией на всей территории КНР взята под четкий государственный контроль. Ежедневно проводится тестирование на коронавирусную инфекцию каждого региона Китая в порядке очереди и за счет государственных средств, все случаи заражения подвергаются моментальному изолированию, а также своевременному лечению.

Действия правительства Китая показали, что принятие конкретного комплекса многоуровневых мер позволяет остановить распространение эпидемии COVID-19, сгладить нарастающий социальный конфликт в обществе, что и послужило причиной пристального изучения китайского опыта в борьбе с коронавирусом всем мировым сообществом.

После того как в декабре 2019 г. первые случаи заражения новой коронавирусной инфекцией были диагностированы в Ухане, власти города с 1 января 2020 г. закрыли оптовый рынок морепродуктов, который считался эпицентром распространения инфекции.

Центральное правительство Китая практически сразу подключилось к мониторингу обстановки в Ухане. Когда количество подтвержденных случаев инфицирования достигло 200, был запущен механизм санитарно-эпидемиологического реагирования на ситуацию.

20 января 2020 г. председатель КНР Си Цзиньпин дал региональным правительствам указание уделять повышенное внимание развитию ситуации с эпидемией, по сути, запустив региональные механизмы реагирования на кризисную ситуацию.

Необходимо отметить, что в тот момент был накоплен лишь малый объем первоначальных статистических данных о начинающейся эпидемии. Государство было вынуждено реагировать на новый вирус, который распространялся со скоростью, значительно превышающей ожидания медицинских экспертов, не имея точных данных об уровне его летальности и контагиозности¹.

Следует отметить, что эпидемия коронавируса оказала значительное влияние на экономическую, политическую, социальную и культурную сферы жизни Китая. Яркая и насыщенная событиями жизнь в Поднебесной замерла в один миг. И тем не менее, Китай своим примером показал всему миру, что любую эпидемию можно остановить общими усилиями под чутким и рациональным началом. Коммунистическая партия Китая (КПК) пять раз пересматривала и совершенствовала национальный протокол реагирования на COVID-19 с учетом текущей ситуации, особое внимание уделялось оперативности реагирования на каждый случай заражения. В самом начале эпидемии правительство Китая установило четкие временные требования, которые подразумевали моментальное информирование о каждом случае заражения COVID-19, был разработан в

---

¹ Кулинцев Ю. Опыт Китая в борьбе с эпидемией COVID-19: хронология событий и предпринимаемые меры. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/opyt-kitaya-v-borbe-s-epidemiyei-covid-19-khronologiya-sobytiy-i-predprinimaemye-meru/> (дата обращения: 01.09.2021).

оперативном порядке тест на выявление вируса, способный показать заражение в течение 12 часов. 23 января 2020 г., к моменту введения карантина в Ухане, по официальным данным (https://ncov.dxy.cn/ncovh5/view/en_pneumonia) общее число инфицированных коронавирусом в Китае достигло 830 человек, число скончавшихся — 26 человек, при этом 24 пациента скончались в провинции Хубэй. За сутки число погибших выросло на 8 человек, а число заразившихся — почти на 200².

Предпринятые противоэпидемические меры включали и включают в себя сегодня строгое социальное дистанцирование и ограничение мобильности населения, в момент острой стадии эпидемии — полный запрет передвижения по зараженной местности. Именно темпы распространения нового вируса стали основанием для правительства Китая для введения в 11-миллионном городе строгих карантинных мер³ — транспортное сообщение с мегаполисом было приостановлено, местным жителям запрещалось покидать пределы города. Жителям рекомендовалось не покидать свои дома без острой необходимости и не собираться большими группами. Движение в городе, за исключением спецтранспорта, было приостановлено, магазины, госучреждения и производства были закрыты или переведены на режим удаленной работы.

Начиная с 24 января 2020 г. власти Китая в связи с распространением нового типа коронавируса приостановили транспортное сообщение с 15 городами центральной провинции Хубэй. Тем самым фактически под карантином оказались в общей сложности более 41 млн человек.

Жесткие карантинные меры, принятые в регионах Китая, наиболее подверженных заражению, по-прежнему остаются наиболее эффективными средствами борьбы с эпидемией. Глава ВОЗ Т. Гебрейесус признал, что если бы не решимость Китая на проведение карантинных мероприятий в Ухане и других городах Китая, то “в мире было бы больше случаев заболевания и смертей от коронавируса”⁴.

Важно отметить, что правительство Китая в первую очередь сосредоточило все силы на четком и многоканальном информировании населения в целях недопущения паники по случаю распространения

---

² Кулинцев Ю. Указ. соч.

³ Wuhan temporarily shuts down local transportation to curb virus. URL: http://en.hubei.gov.cn/news/newslst/202001/t20200123_2014475.shtml (accessed: 01.09.2021).

⁴ WHO Director-General's statement on IHR Emergency Committee on Novel Coronavirus (2019-nCoV). URL: [https://www.who.int/director-general/speeches/detail/who-director-general-s-statement-on-ih-er-emergency-committee-on-novel-coronavirus-\(2019-ncov\)](https://www.who.int/director-general/speeches/detail/who-director-general-s-statement-on-ih-er-emergency-committee-on-novel-coronavirus-(2019-ncov)) (accessed: 01.09.2021).

вируса. “С 21 января Госкомздрав КНР начал ежедневно публиковать сводки об эпидемической ситуации в стране, с 3 февраля эти сводки начали переводить на английский, а затем на русский и другие самые распространенные языки мира. За время эпидемии пресс-канцелярия Госсовета КНР провела 160 с лишним пресс-конференций, на которых было отвечено на почти 1,5 тыс. насущных вопросов”⁵. Помимо основных мер, предпринятых правительством Китая в оперативном порядке, велась активная борьба со всевозможными спекуляциями на рынке средств индивидуальной защиты, масок и антисептиков, спрос на которые вырос в сотни раз в разгар эпидемии, хотя не лишним будет отметить, что в общественном транспорте в крупных городах Китая марлевые маски всегда являлись рекомендованным атрибутом индивидуальной защиты круглогодично, не только в периоды вспышек вирусных инфекций. “Оперативно на борьбу с вирусом были мобилизованы представители госслужб. Так, в сердце распространения эпидемии, в город Ухань, в январе-феврале было направлено 346 медицинских бригад в составе 42,6 тыс. медработников. Всего лишь за 10 дней в городе было развернуто 16 временных госпиталей на 14 тыс. коек. По всей стране на проверку температуры и выявление подозрительных случаев было оперативно мобилизовано 4 млн сотрудников районных управ. Мобилизовано производство защитных масок, ежедневный объем которого вырос с 5,86 млн в начале февраля до 200 млн к концу апреля”⁶.

Китай считается источником COVID-19, поразившего весь мир в начале 2020 г., но в то же время является первым государством, которое преодолело эпидемию. После сдерживания вспышки инфекции внутри страны, Китай начал активное наступление “коронавирусной дипломатией”, сутью которой явилось оказание помощи другим странам, которые все еще боролись с распространением вирусной инфекции при нехватке медицинского оборудования и персонала. Поскольку Китай был первой страной, пораженной новым вирусом незадолго до других стран региона, таких как Япония или Республика Корея, опыт борьбы и правительственных мер оказался полезен остальному миру. Вспышка показала, что многие страны или большинство из них не готовы к масштабам пандемии. Медицинские службы испытывают и сегодня беспрецедентные трудности из-за нехватки медперсонала, больничного пространства и оборуду-

---

⁵ Щепин К. Китай поделился опытом борьбы с COVID-19 в Белой книге // Российская газета. Столичный выпуск. 2020.06.09. № 124 (8178). URL: <https://rg.ru/2020/06/09/kitaj-podelilsia-opytom-borby-s-covid-19-v-beloj-knige.html> (дата обращения: 20.08.2021).

⁶ Там же.

дования, в некоторых странах наблюдаются высокие показатели смертности и перед ними встает необходимость выбирать, каким пациентам оказывать помощь в первую очередь. Решение проблемы нехватки медицинских масок, перчаток, униформы и аппаратов искусственной вентиляции легких частично взял на себя Китай.

Кроме того, в политическом контексте это создало благоприятные условия для контроля всей ситуации. Во-первых, Китай крупнейший в мире производитель подобной санитарной продукции. Во-вторых, в то время, когда остальной мир боролся с быстрым ростом числа инфицированных, Китай, по официальным данным, постепенно стал возвращаться к нормальным показателям. Все вышеперечисленные факторы подготовили почву для так называемой “коронавирусной дипломатии”, прочно укоренившейся в концепции мягкой силы, созданной Джозефом Найом.

Мягкая сила подразумевает возможность одного государства влиять на другие государства и негосударственные субъекты и убеждать их следовать их примеру. В настоящий момент Китай все еще продолжает свою “коронавирусную дипломатию”, но уже в направлении так называемой “вакцинной дипломатии”. *Financial Times* сообщает, что в начале октября 2020 г. Пекин решил присоединиться к инициативе Всемирной организации здравоохранения — обеспечить глобальное распространение вакцины против COVID-19, как только они станут доступны. Это решение выступает частью более широкой стратегии Китайской Народной Республики по связям с общественностью, которая должна противодействовать негативно-му восприятию Китая, а также представлять его как ответственного гражданина глобального общества.

Пандемия COVID-19 сформировала новые вызовы, существенно повлияла на культурную жизнь, стала травмирующим фактором для сфер искусства и культуры. Но следует отметить, что в то же время пандемия стала катализатором изменений и открыла новые возможности для сферы культуры и ее потребителей, произошел расцвет онлайн-технологий в области культуры.

Если говорить о рабочем режиме и об ограничительных мерах внутри Китая, то в 2020 г. большая часть внешнего общения Поднебесной перешла в онлайн-режим, а госслужбы — в режим “облачной дипломатии”. Высокоскоростное интернет-соединение и другие современные научные технологии позволили в онлайн-формате проводить деловые приемы, семинары, диалоги, в итоге оказавшиеся очевидно результативными. У такого нового для многих отраслей виртуального режима есть свои плюсы — он быстрый, удобный, но представляет собой вынужденный выбор в условиях пандемии.

В течение 12 недель изоляции в самом начале эпидемии коронавируса сектор искусства и культуры Китая был вынужден закрыть свои офлайн-двери и обратить внимание на онлайн-аудиторию. Согласно подсчетам, в Китае 904 миллиона человек имеют возможность выхода в интернет и 99,3% из них пользуются сетью на мобильных устройствах, поэтому недостатка в аудитории культурный сектор Китая не испытал. Стремительно выросло число онлайн-приложений, ресурсов онлайн-обучения и количество прямых трансляций, в результате чего количество пользователей интернета выросло на 110,2%⁷.

Всего через несколько дней после начала карантина в Ухане, Национальное управление культурного наследия Китая выступило с заявлением, в котором обратилось к государственным и частным музеям страны с просьбой провести выставки и экспозиции в режиме онлайн, с целью “поддержания решимости и боевого духа местных жителей в борьбе с эпидемией”. Многие крупные музеи весь период пандемии вели прямые трансляции в социальной видео-сети *TikTok*. *Pinduoduo*, будучи третьим по величине игроком в электронной коммерции Китая, заявил, что готов к сотрудничеству с Нью-Йоркским музеем искусств и крупными китайскими музеями для проведения прямой трансляции выставок, разработки виртуальных туров и продвижения сувенирных товаров.

По всему Китаю увеличился интерес к иностранному контенту, фильмам, при том что КНР законодательно установила 30% ограничение для иностранных ресурсов. Китайский сайт *Youku* подписал соглашение с британским *BBC* о показе довольно большого количества видео, фильмов и сериалов производства Соединенного Королевства. Уникальность контента с сериалами “Шерлок” и “Аббатство Даунтон” помогло *Youku* выделиться на фоне основных своих конкурентов, сервисов *iQiyi* и *Tencent Video*. Из-за карантинных мер киносектор потерпел более всего убытков, а если учесть тот факт, что в Китае самое большое количество кинотеатров в мире и второй по величине кассовый бокс после США, то пандемия привела к очень объемным кассовым потерям в размере более 30 миллиардов юаней.

Все больше людей погрузилось в чтение электронных ресурсов и книг, что интересно, в марте 2020 г., т.е. в самый разгар эпидемии, количество потребляемой медицинской литературы увеличилось на 48% от средних показателей, на 25% — по психологии и на 90% — материалов, связанных с пандемией. Но вместе с тем, “физические”

---

⁷ COVID-19's impact on the arts sector in China. URL: <https://www.britishcouncil.org/research-policy-insight/insight-articles/impact-covid-19-arts-sector-china> (accessed: 27.08.2021).

книжные магазины и издательства столкнулись с огромными проблемами из-за потери большей части доходов. Организаторы Пекинской международной книжной ярмарки были вынуждены адаптироваться к сложившейся ситуации и создать виртуальную выставочную площадку для международных участников, не имеющих возможности выехать в Китай. Пандемия также нанесла огромный удар по сектору живой музыки, более 8000 проектов живых выступлений были отменены или отложены, а общая сумма убытков музыкальной индустрии в Китае оценивается более 1 миллиарда фунтов стерлингов.

COVID-19 побудил художников, культурные учреждения и предприятия к кардинальным инновациям. Музыкальные лейблы, концертные площадки и видео-платформы в разгар карантина незамедлительно начали совместную работу по привлечению и вовлечению новой аудитории на всех онлайн-площадках. Пандемия продемонстрировала людям во всем мире несомненную важность искусства. Культура как кладезь ресурсов и развлекательных мероприятий оказалась утешением, а также предоставила путь к интеллектуальному развитию для всех без исключения людей в условиях жестких ограничений мобильности. “Теперь не может быть никаких сомнений в том, что культура жизненно важна для нашего благополучия. Люди — существа социальные, — отмечает китайский актер Ли Юньчжун. — Тот, кто живет в большом городе, таком как Ухань, и обычно выходит на улицу для общения с людьми, не привык к заключению”.

Кроме вышеупомянутых нововведений на ежегодной Экономической конференции КНР в связи со сложившейся ситуацией и опытом карантинных мер эксперты предложили увеличить инвестиции в теперь уже новые области инфраструктуры, такие как интернет 5G и искусственный интеллект, благодаря чему “новая инфраструктура” будет проникать в культурную индустрию по множеству каналов, углублять культурные ценности и реализовывать эффективное расширение возможностей экономики и культуры Китая. Цифровая трансформация традиционных средств массовой информации культуры будет способствовать цифровой трансформации производства и распространению культурного контента.

Во время эпидемии коронавируса кроме культурного сектора в режим онлайн ушла вся сфера образования, обучение, в том числе и в иностранных вузах, было организовано для китайских студентов на различных платформах и лекции проводились в формате онлайн-конференций. К сожалению, онлайн-образование, будучи уже не новым явлением в современном образовательном процессе, столкнулось с рядом сложностей, а дети, не имеющие альтернативы

к обучению в другом формате, начинали испытывать определенные психологические трудности. Согласно социальному онлайн-исследованию научного издательства *BMC Pediatrics* 20,7 и 7,2% детей сообщают о посттравматическом стрессовом расстройстве (ПТСР) и депрессивных симптомах из-за пандемии COVID-19. Показатели посттравматического стрессового расстройства и *SMFQ-P* значительно выше у учащихся средних школ и школ-интернатов по сравнению с учащимися начальной и дневной школ. При этом 44,3% респондентов считают, что онлайн-образование эффективно для получения знаний и улучшения практических и коммуникативных навыков. 78,0% считают систему онлайн-образования эффективной. В целом 79,8% респондентов удовлетворены тем, что дети могут адаптироваться к этой новой системе образования. Во время пандемии COVID-19 мы обнаружили, что каждый пятый ребенок страдает посттравматическим стрессовым расстройством и у каждого 14-го ребенка есть симптомы депрессии⁸.

Таким образом, эпидемия COVID-19 вызвала симптомы посттравматического стрессового расстройства и депрессии у китайских детей в возрасте от 7 до 15 лет. При том что большая часть респондентов исследования удовлетворена онлайн-образованием, все же значительная часть студентов не довольна такой формой обучения. 44,3% респондентов считают онлайн-образование эффективным с точки зрения получения знаний и улучшения практических и коммуникативных навыков. 78,0% считают эффективным, когда учащиеся могут выполнять поставленные задачи, общаться с учителями и пользоваться преимуществами мультимедийного формата. 78,0% ответили, что дети могут адаптироваться к системе онлайн-образования.

Онлайн-образование в целом требует систематического мышления, тщательного проектирования и продуманной реализации, но в рамках сложившейся ситуации в Китае как первом эпицентре вирусной инфекции не было возможности проведения комплексной подготовки, поэтому формат электронного образования сильно различается в разных регионах Китая и разных учебных заведениях. Исследование *BMC Pediatrics* показало, что возраст детей, уровень образовательного учреждения, место проживания, а также семейный доход в значительной степени связаны с эффективностью и удовлетворенностью системой онлайн-образования. Это можно объяснить двумя основными причинами. Дети старшего возраста технически в

---

⁸ The impact of COVID-19 pandemic outbreak on education and mental health of Chinese children aged 7–15 years: an online survey. URL: <https://bmcpediatr.biomedcentral.com/articles/10.1186/s12887-021-02550-1> (accessed: 25.08.2021).

большей мере способны адаптироваться к этой форме образования, семьи с более высоким социально-экономическим статусом имеют более свободный доступ к высоким технологиям и цифровым устройствам. Таким образом, появилась значительная часть студентов, не входящих в представленную выше категорию, которым не нравится онлайн-образование и которые не участвуют в таком формате полноценно. Безусловно, в связи со сложившейся картиной сектор образования и другие заинтересованные стороны должны обратить внимание на оптимизацию образовательной программы и обеспечить равный доступ к технологиям и образовательным инструментам. Эффективное и общедоступное онлайн-образование не только сведет к минимуму потери в учебе, но и смягчит психическое здоровье детей за счет активного вовлечения учителей, родителей и друзей⁹.

Негативные последствия пандемии COVID-19 затронули все аспекты жизни общества, не только образование, здоровье, но и экономику, религию и политику. Согласно проведенным психологическим исследованиям, выдержки из которых были приведены выше, ожидается, что подобный негативный психологический эффект, как ПТСР и депрессия будут происходить и, более того, имеют тенденцию к усугублению в силу обстоятельств, когда дети вынуждены безвылазно находится дома, а также из-за отсутствия активного отдыха и межличностного общения с детьми того же возраст¹⁰. Очень часто дети в условиях жестких ограничений чувствуют тревогу и разочарование.

Итогом исследования *BMC Pediatrics* стали следующие данные: 20,7 и 7,16% детей в возрасте от 7 до 15 лет в Китае испытали психологические проблемы из-за эпидемии COVID-19. Эти симптомы чаще встречаются у учащихся средних школ и школ-интернатов по сравнению с учащимися начальной и дневной школ. В целом большая часть респондентов удовлетворена онлайн-образованием, но все же значительная часть студентов не довольна. Поэтому власти должны постоянно оптимизировать программу онлайн-образования и обеспечивать равный доступ к возможностям цифрового обучения¹¹.

---

⁹ Tang B., Wang X., Li Q., Bragazzi N.L., Tang S., Xiao Y., Wu J. Estimation of the transmission risk of the 2019-nCoV and its implication for public health interventions // *Journal Clinical Medicine*. 2020. Vol. 9. N 2.

¹⁰ Dalton L., Rapa E., Stein A. Protecting the psychological health of children through effective communication about COVID-19 // *Lancet Child Adolescence Health*. 2020. Vol. 4. N 5. P. 346–347.

¹¹ The impact of COVID-19 pandemic outbreak on education and mental health of Chinese children aged 7–15 years: an online survey. URL: <https://bmcpediatr.biomedcentral.com/articles/10.1186/s12887-021-02550-1> (accessed: 24.08.2021).

Правительство Китая приняло максимально строгие меры, включая закрытие школ, запрет на путешествия внутри страны и за ее пределами, изоляцию и карантин внутри населения; национальные празднования китайского Нового года и иных государственных праздников подверглись не только внешним ограничениям на проведение мероприятий, но также и семейные передвижения были строго запрещены¹².

Коронавирусная инфекция мобилизовала не только политическую, культурную и образовательную сферу, но и активизировала деятельность всех возможных медицинских учреждений Китая. Кроме крупных медицинских лабораторий к исследованию новой вирусной инфекции приступило большое число специалистов китайской народной медицины. Согласно актуальным сводкам новостного агентства Синьхуа, в одной из пекинских фармацевтических компаний было заявлено, что власти Таиланда и Японии санкционировали использование гранул традиционного китайского лекарства из трав, эффективность которого в лечении нового вируса подтверждена клиническими исследованиями. Это говорит о том, что эксперты в области китайской народной медицины уже провели ряд масштабных и глубоких исследований, в связи с чем лекарство из сбора трав с доказанной эффективностью проходит процедуру регистрации более чем в 30 странах мира. В некоторых странах, например Узбекистане, одно из противовирусных средств традиционной китайской медицины включено в государственный список, и люди могут получить его, несмотря на то что оно не зарегистрировано. В Кувейте также это лекарство официально признано препаратом для лечения пациентов с COVID-19¹³. Как заявил директор Института традиционной китайской медицины Тяньцзиньского колледжа в Пекинском Университете науки и технологии Вэнь Цзяньминь, “в первое время распространения коронавируса, особенно в городе Ухань, когда не хватало медикаментов, не хватало средств защиты, китайская традиционная медицина сыграла очень важную роль в борьбе с коронавирусом”¹⁴.

В самом начале эпидемии коронавируса китайским врачам приходилось пользоваться всеми возможными методами, способными остановить распространение инфекции, в том числе и самыми обыч-

¹² Tang B., Wang X., Li Q., Bragazzi N.L., Tang S., Xiao Y., Wu J. Op. cit.

¹³ Ван Сяодун, Ван Хао, Чжан Юй. Традиционная китайская медицина помогает в исцелении // Российская газета. Спецвыпуск. 2020. 28.12. № 295 (8349). URL: <https://rg.ru/2020/12/28/tradicionnaia-kitajskaia-medicina-sposobna-spravitsia-s-koronavirusom.html> (дата обращения: 17.08.2021).

¹⁴ В Китае рассказали о препаратах традиционной медицины против COVID-19. URL: <https://ria.ru/20200423/1570452544.html> (дата обращения: 20.08.2021).

ными противопростудными препаратами традиционной медицины, с помощью которых ранее успешно лечили вспышки гриппа на территории Китая. У тех пациентов, которые находились на начальной стадии заражения, а это больше 91% зараженных, полезность данных препаратов достигала почти 90%. Согласно новостным сводкам периода начала эпидемии, в Китае из почти 80 тысяч зараженных примерно 90% пациентов были излечены препаратами китайской народной медицины, а из указанного количества пациентов умерло лишь 500 человек.

“Никто из медицинских работников, которые контактировали с зараженными, но в то же время принимали препараты китайской медицины, не заразился. Поэтому сейчас мы бы хотели использовать этот метод для борьбы с коронавирусом и для наших иностранных партнеров, для европейских стран. Некоторые препараты, мы уже составили их список, мы готовы предоставить тем странам, которые сейчас испытывают большие трудности и дефицит препаратов для борьбы с коронавирусом. Эти препараты основаны на китайских травяных средствах”, — подчеркнул Вэнь Цзяньминь. ТАСС он сообщил, что традиционные методы китайской медицины, такие как акупунктура, массаж и гирудотерапия (лечение постановкой пиявок на тело пациента), дополнены квантовыми технологиями. Так, место постановки пиявок перед процедурой обрабатывают специальным лазером, что, по словам специалистов, повышает эффективность процедуры в 15 раз. Квантовая фитотерапия предусматривает обработку собранных лечебных трав лазером, что повышает терапевтический эффект и полностью дезинфицирует их от случайных инфекций. По данным китайских медиков, 96% пациентов, перенесших коронавирус, лечились методами традиционной китайской медицины¹⁵.

Ведущее предприятие в области модернизации и интернационализации традиционной китайской медицины *Yiling Pharmaceutical*, прославившееся в борьбе с коронавирусной инфекцией, также провело испытания в области доказательной медицины. С момента вспышки эпидемии гранулы *Lianhua Qingwen* были допущены Национальной комиссией здравоохранения совместно с Государственным управлением традиционной китайской медицины в качестве одного из трех лекарств для эффективного лечения новой коронарной пневмонии. План диагностики и лечения новой коронавирусной пневмонии методами традиционной китайской медицины при участии данного препарата был одобрен Министерством здраво-

---

¹⁵ В Китае рассказали о препаратах традиционной медицины против COVID-19.

охранения КНР и активно применялся более чем в 20 провинциях и городах Китая.

В 2020 г. в связи с острой эпидемией многие эксперты и исследователи в области китайской народной медицины провели серию углубленных лабораторных анализов и обобщили фармакологический механизм, противовирусный эффект и опубликовали клинические результаты *Lianhua Qingwen* в ведущих медицинских изданиях Китая. В данном клиническом исследовании по лечению новой коронавирусной пневмонии с помощью капсул китайской медицины *Lianhua Qingwen Capsules* приняли участие такие ученые, как Чжун Наньшань и Чжан Боли и более чем 20 медицинских учреждений. Результаты исследования показали, что *Lianhua Qingwen* может значительно ускорить лечение таких клинических симптомов, как лихорадка, кашель, слабость при активной стадии коронарной пневмонии, препарат также способен значительно улучшить работу пораженных инфекцией легких, сократить продолжительность симптомов и увеличить скорость клинического излечения.

Китайская народная медицина явилась еще одним символом успешной борьбы КНР с пандемией, а также вселила уверенность в народные массы. «Пандемия COVID-19 стала еще одним напоминанием человечеству о том, что мы должны начать зеленую революцию и быстрее двигаться к созданию возможностей для зеленого развития экономики и переходу к зеленому образу жизни», — заявил Си Цзиньпин в своем выступлении в ходе общих прений на 75-й сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций. Председатель КНР также призвал «извлечь политические, экономические и гуманитарные уроки из нынешней пандемии с тем, чтобы более эффективно противостоять будущим кризисам в системе здравоохранения, повысить глобальный иммунитет к новым заболеваниям и сопутствующим им проблемам, и неуклонно следовать принципу «человеческая жизнь — превыше всего»».

Китай к настоящему моменту успешно пресек все каналы распространения коронавирусной инфекции. Стране удалось удержать смертность от COVID-19 на довольно низком уровне в 5,6%. Об этом говорится в опубликованной 7 июня 2020 г. Белой книге «Действия Китая по борьбе с COVID-19», в которой обобщен опыт противостояния «самому серьезному эпидемическому кризису с момента образования Китайской Народной Республики». В ней же звучит призыв к созданию стабильных международных механизмов эпидемиологического мониторинга, раннего оповещения, совместного реагирования и оперативного сбора средств на борьбу с глобальными вызовами в сфере здравоохранения.

Авторы доклада отметили, что «Китай разрабатывал свой “путь к успеху” в борьбе с коронавирусом, основываясь на национальной специфике и медицинской практике». Важнейшим принципом в противостоянии эпидемии стало возведение во главу угла людских жизней. “Здоровье и жизни людей — превыше всего” — эта формулировка в Белой книге повторяется семь раз. “Когда коронавирус нанес первый удар, Китай решил защищать жизни и здоровье людей даже ценой долгосрочного экономического спада, жизни были поставлены выше интересов экономического роста”¹⁶.

Авторы Белой книги делают вывод, что “солидарность и сотрудничество — самое эффективное оружие для борьбы с пандемией коронавирусной инфекции”. Они вновь призвали международное сообщество сплотить ряды для борьбы с COVID-19 и перестать использовать пандемию как предлог для сведения счетов с политическими оппонентами. «Мы выступаем категорически против политизации COVID-19. Общий враг человечества — это коронавирусная инфекция, а не отдельная страна или раса. Китай призывает международное сообщество отказаться от предрассудков, поиска “козлов отпущения” и политизации вируса. Нам нужно укрепить солидарность, сотрудничество и ответственность — только так мы добьемся победы над пандемией», — отмечается в этом источнике¹⁷.

Безусловно, начало эпидемии в КНР в 2020 г. спровоцировало беспрецедентную волну синофобии во всем мире. Ко всем выходцам из КНР, а по последним статистическим данным, проживающих за рубежом китайцев свыше 40 млн, возникло дикое по меркам современных реалий предвзятое отношение, китайцев в лицо называли разносчиками вируса, а сам COVID-19 стал именоваться “китайским вирусом”. Антикитайские настроения в ряде стран быстро перешли с бытового уровня на политический, что стало реальной проблемой для Пекина. Свое начало вспышка синофобии берет из укоров Пекина и Китая в целом за непрозрачность относительно обстоятельств эпидемии и недостаточную информативность о новой вирусной инфекции, позже мировое сообщество стало критиковать все совокупные действия Китая в текущей ситуации, даже те, что никак не были связаны с коронавирусной эпидемией.

На данный момент шансы на улучшение имиджа КНР среди развивающихся стран определенно есть, более того, в кратчайшие сроки справившись с эпидемией, Китай представил миру четкое информирование о методах борьбы, дисциплине, солидарности и сотрудничестве китайского народа и власти. Ныне преимуществом

---

¹⁶ Щепин К. Указ. соч.

¹⁷ Там же.

КНР в борьбе с COVID-19 названа высокая способность страны к мобилизации государственных и общественных ресурсов на борьбу с кризисом. Государству удалось мобилизовать финансы, в сжатые сроки собрав 162,5 млрд юаней (около 23 млрд долл.) на борьбу с вирусом. Благодаря этим средствам стране удалось обеспечить сто-процентную доступность лечения от коронавирусной инфекции.

Высокую способность к мобилизации показало и китайское общество: на борьбу с эпидемией встали 8,8 млн волонтеров, по стране на противодействие COVID-19 было собрано 39 млрд юаней (5,57 млрд долл.) пожертвований¹⁸. Несмотря на вспышку синофобии и глобальную панику, гуманитарную помощь Китаю в самое тяжелое время оказали 77 стран и 12 международных организаций. В ответ КНР оказала гуманитарную помощь 150 странам и четырем международным организациям, отправила 29 команд медиков для поддержки наиболее пострадавших от инфекции стран. В разгар пандемии Китай не остановил экспорт медицинского оборудования и средств защиты, с 1 марта по 31 мая поставив за рубеж более 70 млрд масок, 340 млн противочумных костюмов, 115 млн пар защитных очков, 225 млн наборов для тестирования COVID-19 и более 40 млн инфракрасных термометров. Китай также выступил с рядом инициатив финансовой поддержки беднейших стран, пострадавших от коронавируса. На эти цели КНР в течение двух следующих лет выделит 2 млрд долл. “Эта помощь оказывается без всякой политической подоплеки и без преследования геополитических интересов”, — подчеркивают авторы Белой книги¹⁹.

Следует отметить, что международные гуманные инициативы также исходили из России за период распространения коронавирусной инфекции с января по апрель 2020 г. В многосторонних контактах по проблеме пандемии коронавируса Россия не отступила от своей внешнеполитической линии и проводит гуманистическую политику. В ежедневном режиме осуществляются контакты по линии ВОЗ, в строгом соответствии с Международными медико-санитарными правилами (ММСП) предоставляются данные о количестве заболевших и противоэпидемических мероприятиях в стране, проведенных тестах²⁰.

Ситуация с новой коронавирусной инфекцией по-прежнему остается неблагоприятной во всем мире. Сегодня все страны мира

---

¹⁸ Щепин К. Указ. соч.

¹⁹ Там же.

²⁰ ВОЗ не нашла доказательств искажения Россией данных по COVID-19. 2020.26.03. // Международная информационная группа “Интерфакс”. URL: <https://www.interfax.ru/russia/701057> (дата обращения: 06.08.2021).

объединились в борьбе с новым вирусом. На брифинге, состоявшемся 23 июня 2021 г., официальный представитель МИД КНР Чжао Лицзянь подчеркнул, что “с момента вспышки COVID-19 Китай перенимал опыт многих стран и следовал международной практике, а также всегда корректировал меры контроля за въездом людей в страну в соответствии с научным подходом и с учетом изменений и развития эпидемиологической ситуации”²¹.

Таким образом, по утверждению Чжао Лицзянь, Китай намерен продолжать корректировать карантинные ограничения, в том числе и на въезд в страну, в соответствии с научным подходом и учетом изменений эпидемиологической ситуации в мире.

Многие эксперты признают, что несмотря на то, что за всю историю человечества неоднократно вспыхивали и более опасные с медицинской точки зрения эпидемии (чума, оспа и пр.), настоящая ситуация с COVID-19 является беспрецедентной, поскольку никогда ранее не было такого, чтобы эпидемия парализовала весь мир. Фактическая остановка экономики, блокировка передвижения, изоляция стран друг от друга — такого в мировой истории еще не было. Мир столкнулся с каким-то новым явлением, поэтому ясного понимания того, чем вся эта ситуация закончится, каким будет новый миропорядок, нет, хотя очевидно, что COVID-19 стал глобальным вызовом для всего человечества.

Современный мир стремительно меняется, и эти изменения затрагивают все сферы функционирования государств, социальных институтов и каждого человека любой страны мира. Становится совершенно очевидным, что тот миропорядок, к которому каждый из нас привык, меняется. Пандемия стала причиной страха и тревоги миллионов людей по всему миру и оказала влияние на психическое здоровье миллионов людей, повлекла за собой потерю близких, изоляцию, экономические потрясения и неуверенность в завтрашнем дне. Масштабная паника — это реально страшная угроза для любого социума, она может спровоцировать хаос, анархию и полную потерю управляемости, цивилизованного мира.

Социология как вид профессиональной деятельности рассматривает общество как целостную систему функционирования социальных общностей, в том числе в период пандемии, изучает отношения, существующие между общностями. В данной связи следует согласиться с Ю.Г. Волковым и В.И. Курбатовым, что на многие вопросы, которые касаются функционирования будущего общества и человека посткоронавирусного мира, в этом обществе должна

---

²¹ В Китае рассказали, как будут регулировать карантинные ограничения. URL: <https://ria.ru/20210623/ogranicheniya-1738225941.html> (дата обращения: 05.09.2021).

ответить социология. В настоящее время еще крайне мало фундаментальных исследований в данной области, но уже сегодня исследователи, среди которых отечественные и зарубежные социологи, обсуждают сценарии и тренды, связанные с осмыслением сценариев и трендов посткоронавирусного мира. Это выражается в систематизации исследовательских проектов российских социологов, социальных философов, представителей гуманитарного и естественно-научного знания и зарубежных социологов, представляющих Америку, Европу и Азию, в связи с чем выделяются и обобщаются основные исследовательские подходы, прогнозирующие будущее устройство мира²².

Эксперты утверждают, что подобно другим эпохальным событиям, пандемия COVID-19 приведет к фундаментальному сдвигу в общественном укладе и мышлении людей. В отличие от других ценностей, социальная ценность жизни стала социально-приоритетной, происходит возрождение данной самой важной ценности на планете среди множества других ценностей в обществе. В условиях вынужденных мер происходит трансформация личности, кардинальное ее изменение, изменение мировоззрения, отношения к себе и окружающим.

На наш взгляд, изменение современного мира, происходящее под воздействием пандемии, носит глобальный характер, поэтому серьезное социологическое изучение данного вопроса в рамках глобализации социальных процессов крайне важно.

Если обратиться к истории социологического анализа эпидемий, то вопрос о методах социологического исследования пандемии был поставлен еще 100 лет назад, после того как по всему миру распространился так называемый испанский грипп, известный как пандемия гриппа 1918 г., которая продолжалась почти 36 месяцев — с января 1918 г. по декабрь 1920 г., в результате чего была заражена примерно треть населения планеты. Число погибших, по разным оценкам, составило от 17 до 50 млн, а возможно, и до 100 млн, что делает ее одной из самых смертоносных пандемий в истории человечества²³. В конце XX столетия значимость социологического изучения новых заболеваний была выявлена и подчеркнута в докладе П.М. Стронга “Социология здоровья и болезни” для Всемирной организации здравоохранения, в котором он предлагает социологи-

---

²² Волков Ю.Г., Курбатов В.И. Глобальная социология пандемии: отечественные и зарубежные сценарии и тренды послекоронавирусного мира // Гуманитарий юга России. 2020. Т. 9 (42). № 2.

²³ Brown J. Influenza: the hundred year hunt to cure the deadliest disease in history. N.Y., 2018.

ческое исследование реакции общества на пандемию как глобальную экзистенциальную угрозу²⁴.

Профессор социологии Университета общественных наук Вирджинии Д. Блэк в своей книге “Моральное время”, опубликованной в 2011 г., рассказывая о последствиях бубонной чумы в Европе, выделял такие ответные реакции общества, как ложная информация, ложные обвинения и массовые убийства евреев и других групп, обвиняемых в этой болезни. По его мнению, социальные потрясения всегда вызывают к жизни как теоретические концепции заговоров и конспирологии, так и массовые движения паникующей толпы, и это не может не интересовать социологию пандемии²⁵.

Особую тревогу у современных социологов вызывает тот факт, что экстремистские сообщества во всем мире подхватили тему COVID-19 и используют ее для распространения вражды и роста конспирологических настроений среди населения. При этом наиболее эффективной пропагандистской стратегией ультраправых является использование дезинформации. *Из-за ситуации с коронавирусом подавляющая часть человеческой деятельности перешла в онлайн.* Проблема в том, что наравне с объективными фактами сеть заполнили фейковые и неподтвержденные сообщения об эпидемии. У напуганного населения фейковые сообщения вызывают страх, нарастает истерия в интернете, что вызывает панику у простых людей. Масштабная паника — это реально страшная угроза для любого социума, она может спровоцировать хаос, анархию и полную потерю управляемости, цивилизованного мира. Панические настроения неустойчивы, они возникают именно в момент перехода на новый уровень понимания опасности. Если в момент перехода вспышку паники удастся каким-то образом купировать, то далее массовое сознание осваивается на новой стадии понимания реальности, принимает ее и перестраивает свою картину мира в отсутствие солидарности в обществе.

Если вести речь о социальных откликах и ответах на пандемическую угрозу, социологи выделяют следующие сценарии: сценарий атомизации, описанный в свое М. Фуко и А. Камю, когда сильные социальные связи становятся слабыми, а слабые связи исчезают вовсе; сценарий поляризации, описанный М. Блиссом, и сценарий формирования сообщества общей судьбы, согласно концепции П. Бэра. П. Бэр рассматривает “общую судьбу” через призму современности — как форму существования общества против общего врага, как

---

²⁴ Strong P.M. Epidemic psychology: a model // Sociology of Health and Illness. 1990. N 12. P. 249–259.

²⁵ Black D. Moral time. Oxford, 2011.

форму солидарности, которая формируется под действием внешних обстоятельств и общей угрозы²⁶.

Постпандемическая реальность будет новым вызовом для мира во всех сферах его жизни, социальной, экономической, политической, а также в области искусственного интеллекта и здравоохранения. Ключевые факторы успеха профилактических мер — солидарность, доверие и поддержка со стороны всей мировой общественности. Общественное сознание — это идеологическая часть бытия общества, стремительная социальная дифференциация общества существенно влияет и на контролируруемую социализацию. В данной интерпретации идеология является основой структуры общества, ее ценностно-нормативным каркасом по отношению к правам человека. Права человека должны быть соизмеримы, и защита права одного человека, нельзя нарушать права других людей, что особенно значимо в условиях пандемии. Мир столкнулся с беспрецедентным кризисом, в основе которого лежит глобальная чрезвычайная ситуация в области общественного здоровья, в связи с чем и международные нормы направлены на ликвидацию последствий пандемии коронавирусной инфекции.

Итак, постпандемическая реальность стала новым вызовом для всего человечества во всех сферах его жизни — социальной, экономической, политической, а также в области искусственного интеллекта и мировой системы здравоохранения. Китай первым столкнулся с новой коронавирусной инфекцией и первым вышел из тяжелой фазы пандемии. Благодаря эффективности новых подходов эта страна пока справляется с пандемией с наименьшими потерями, поскольку именно Китай эффективно подготовился к войне нового поколения, которую по праву можно назвать биологической, поскольку она уносит миллионы жизней на планете. Наиболее весомым средством как борьбы с пандемией, так и с ее разноплановыми последствиями представляются глобальная солидарность мирового сообщества по отношению к необходимости активной борьбы с данной болезнью и эффективное международное сотрудничество. Необходимо концентрировать усилия мирового сообщества, так как жизнь и здоровье являются высшей ценностью на планете, необходимо научиться принимать неизбежные меры на бытовом, правительственном, межправительственном и международном уровнях настолько координированно, насколько это возможно. Результатом

---

²⁶ Ярмак О.В., Страшко Е.В., Шкайдерова Т.В. Реакция на пандемию Covid-19 интернет-аудиторий Москвы, Санкт-Петербурга и Севастополя (по материалам медиа-аналитического исследования) // Вестник Института социологии. 2020. Т. 11. № 3. С. 121–142. DOI: 10.19181/vis.2020.11.3.666

этого представляется долгосрочный положительный эффект: более безопасный мир и готовность к эффективному отражению возвращения или повторной новой волны коронавирусной инфекции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

В Китае рассказали о препаратах традиционной медицины против COVID-19. URL: <https://ria.ru/20200423/1570452544.html> (дата обращения: 20.08.2021)

Ван Сяодун, Ван Хао, Чжан Юй. Традиционная китайская медицина помогает в исцелении // Российская газета. Спецвыпуск. 2020. 28.12. № 295 (8349). URL: <https://rg.ru/2020/12/28/tradicionnaia-kitajskaia-medicina-sposobna-spravitsia-s-koronavirusom.html> (дата обращения: 17.08.2021).

ВОЗ не нашла доказательств искажения Россией данных по COVID-19. 26.03.2020 // Международная информационная группа “Интерфакс”. URL: <https://www.interfax.ru/russia/701057> (дата обращения: 06.08.2021).

Волков Ю.Г., Курбатов В.И. Глобальная социология пандемии: отечественные и зарубежные сценарии и тренды послекоронавирусного мира // Гуманитарий юга России. 2020. Т. 9 (42). № 2.

Всемирная организация здравоохранения. Советы для частного сектора по борьбе с COVID-19. URL: https://www.who.int/docs/default-source/coronaviruse/asks-to-private-sector-russion.pdf?sfvrsn=805926b_2 (дата обращения: 24.08.2021).

Иванов В.Н. Консенсус социальный // Социологический словарь / Отв. ред. Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичев. М., 2010.

Кулинецв Ю. Опыт Китая в борьбе с эпидемией COVID-19: хронология событий и предпринимаемые меры. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/opyt-kitaya-v-borbe-s-epidemiej-covid-19-khronologiya-sobytyi-i-predprinimaemye-meru/> (дата обращения: 01.09.2021).

Ломская Т. Дипломатический иммунитет: кто и в каком количестве покупает российскую вакцину. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/429873-diplomaticheskij-immunitet-kto-i-v-kakom-kolichestve-pokupaet-rossiyskuyu-vakcinu> (дата обращения: 17.08.2021).

Россия вошла в топ-3 стран, которые лучше всего справились с пандемией. URL: https://www.m24.ru/news/medicina/22042021/162441?utm_source=CopyBuf (дата обращения: 02.09.2021).

Щепин К. Китай поделился опытом борьбы с COVID-19 в Белой книге // Российская газета. Столичный выпуск. 2020. 09.06. № 124(8178) // URL: <https://rg.ru/2020/06/09/kitaj-podelilsia-opytom-borby-s-covid-19-v-beloj-knige.html> (дата обращения: 20.08.2021).

Ярмак О.В., Страшко Е.В., Шкайдерова Т.В. Реакция на пандемию Covid-19 интернет-аудиторий Москвы, Санкт-Петербурга и Севастополя (по материалам медиа-аналитического исследования) // Вестник Института социологии. 2020. Т. 11. № 3. С. 121–142. DOI: 10.19181/vis.2020.11.3.666

REFERENCES

Black D. Moral time. Oxford, 2011.

Brown J. Influenza: the hundred year hunt to cure the deadliest disease in history. N.Y., 2018.

COVID-19's impact on the arts sector in China. URL: <https://www.britishcouncil.org/research-policy-insight/insight-articles/impact-covid-19-arts-sector-china> (data obrashhenija: 27.08.2021).

Dalton L., Rapa E., Stein A. Protecting the psychological health of children through effective communication about COVID-19 // *Lancet Child Adolescence Health*. 2020. Vol. 4 (5). P. 346–347.

Ivanov V.N. Konsensus social'nyj // *Sociologicheskij slovar'* / Otv. red. G.V. Osipov, L.N. Moskvichev. M., 2010 (in Russian).

Jarmak O.V., Strashko E.V., Shkajderova T.V. Reakcija na pandemiju Covid-19 internet-auditorij Moskvy, Sankt-Peterburga i Sevastopolja (po materialam media-analiticheskogo issledovanija) // *Vestnik Instituta sociologii*. 2020. T. 11. N 3. C. 121–142. DOI: 10.19181/vis.2020.11.3.666 (in Russian).

Kulincev Ju. Opyt Kitaja v bor'be s jepidemiej COVID-19: hronologija sobytij i predprinimaemye mery [China's experience in combating the COVID-19 epidemic: chronology of events and measures taken]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/opyt-kitaya-v-borbe-s-epidemiej-covid-19-khronologiya-sobytyi-i-predprinimaemye-mery/> (data obrashhenija: 01.09.2021) (in Russian).

Lomskaja T. Diplomaticheskij immunitet: kto i v kakom kolichestve pokupaet rossijskiju vakcinu [Diplomatic immunity: who buys the Russian vaccine and in what quantity]. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/429873-diplomaticheskij-immunitet-kto-i-v-kakom-kolichestve-pokupaet-rossijskuyu-vakcinu> (data obrashhenija: 17.08.2021) (in Russian).

Rossija voshla v top-3 stran, kotorye luchshe vsego spravilis' s pandemiej. URL: https://www.m24.ru/news/medicina/22042021/162441?utm_source=CopyBuf (data obrashhenija: 02.09.2021) (in Russian).

Shhepin K. Kitaj podelilsja opytom bor'by s COVID-19 v Beloj knige // *Rossijskaja gazeta*. Stolichnyj vypusk. 2020. 09.06. N 124 (8178). URL: <https://rg.ru/2020/06/09/kitaj-podelilsia-opytom-borby-s-covid-19-v-beloy-knige.html> (data obrashhenija: 20.08.2021) (in Russian).

Strong P.M. Epidemic psychology: a model // *Sociology of Health and Illness*. 1990. N 12. P. 249–259.

Tang B., Wang X., Li Q., Bragazzi N.L., Tang S., Xiao Y., Wu J. Estimation of the transmission risk of the 2019-nCoV and its implication for public health interventions // *Journal Clinical Medicine*. 2020. Vol. 9 (2).

The impact of COVID-19 pandemic outbreak on education and mental health of Chinese children aged 7–15 years: an online survey. URL: <https://bmcpediatr.biomedcentral.com/articles/10.1186/s12887-021-02550-1> (accessed: 25.08.2021).

V Kitae rasskazali o preparatah tradicionnoj mediciny protiv COVID-19 [In China, they told about traditional medicine preparations against COVID-19]. URL: <https://ria.ru/20200423/1570452544.html> (data obrashhenija: 20.08.2021) (in Russian).

Van Sjaodun, Van Hao, Chzhan Juj. Tradicionnaja kitajskaja medicina pomogaet v iscelenii [Traditional Chinese medicine helps in healing] // *Rossijskaja gazeta*. Specvypusk. 2020. 28.12. N 295 (8349). URL: <https://rg.ru/2020/12/28/tradicionnaia-kitajskaia-medicina-sposobna-spravitsia-s-koronavirusom.html> (data obrashhenija: 17.08.2021) (in Russian).

VOZ ne nashla dokazatel'stv iskazhenija Rossiej dannyh po COVID-19 [WHO found no evidence of Russia's distortion of data on COVID-19]. 2020.26.03 // *Mezhdunarodnaja informacionnaja gruppa "Interfaks"*. URL: <https://www.interfax.ru/russia/701057> (data obrashhenija: 06.08.2021) (in Russian).

Volkov Ju.G., Kurbatov V.I. Global'naja sociologija pandemii: otechestvennye i zarubezhnye scenarii i trendy poslekoronavirusnogo mira [Global Sociology of the pandemic: domestic and foreign scenarios and trends after the coronavirus world] // Gumanitarij juga Rossii. 2020. T. 9 (42). N 2 (in Russian).

Vsemirnaja organizacija zdravoohranjenja. Sovety dlja chastnogo sektora po bor'be s COVID-19 [World Health Organization. Tips for the private sector to combat COVID-19]. URL: https://www.who.int/docs/default-source/coronaviruse/asks-to-private-sector-russion.pdf?sfvrsn=805926b_2 (data obrashhenija: 24.08.2021) (in Russian).

WHO Director-General's statement on IHR Emergency Committee on Novel Coronavirus (2019-nCoV). URL: [https://www.who.int/director-general/speeches/detail/who-director-general-s-statement-on-ihf-emergency-committee-on-novel-coronavirus-\(2019-ncov\)](https://www.who.int/director-general/speeches/detail/who-director-general-s-statement-on-ihf-emergency-committee-on-novel-coronavirus-(2019-ncov)) (accessed: 01.09.2021).

Wuhan temporarily shuts down local transportation to curb virus. URL: http://en.hubei.gov.cn/news/newslst/202001/t20200123_2014475.shtml (accessed: 01.09.2021).

DOI: 10.24290/1029-3736-2022-28-1-238-259

ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ COVID-19 НА СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ ЗДОРОВЬЕСБЕРЕЖЕНИЯ И МЕНТАЛЬНОЕ ЗДОРОВЬЕ РОССИЯН

Е.Н. Новосёлова, канд. социол. наук, доц., зам. зав. кафедрой социологии семьи и демографии по научной работе социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

В статье рассматривается вопрос влияния пандемии COVID-19 на поведенческие практики здоровья россиян. Коронавирус создал нестабильную среду по всему миру, вынудил людей приспосабливаться к изменившейся жизни, осознать собственную уязвимость и утрату контроля над своей жизнью, действовать вне привычного контекста и рутинных схем, изменил отношение к телесности. Эпидемия и карантинные мероприятия сделали актуальным вопрос о необходимости соблюдать предписанные меры предосторожности, развели людей по разным лагерям в соответствии с той стратегией, которой они придерживаются, а это либо следование некоей поведенческой нормы (ношение масок и перчаток, социальная дистанция, вакцинация и т.д.), которая способна уменьшить угрозу распространения заболевания, представляющего опасность для окружающих, либо — игнорирование этой нормы. На базе анализа литературы и новейших статистических данных в статье предпринимается попытка оценки последствий “ковид-диссидентства”, а соблюдение ограничительных мер и вакцинация рассматриваются не только как стратегия самосохранения для каждого отдельного индивида, но и как акт альтруизма по отношению к своим согражданам.

В работе автор подробно анализирует влияние пандемии на ментальное здоровье людей, поднимает вопрос о “второй эпидемии” негативных психологических эффектов, а также останавливается на роли семьи как значимой группы, которая способна как защитить от пагубного психотравмирующего воздействия “пандемии страха”, так и обострить ее влияние, а также привить те или иные поведенческие привычки, подтолкнуть к общественно полезному выбору или отвести от него.

В завершении статьи автор касается информационной работы с населением, в частности формирования дискурса о важности прививочной кампании и соблюдении ограничительных мер как акте заботы не только о себе и своем самосохранении, но о родных, близких и соотечественниках.

Эмпирической базой работы являются данные Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), Федеральной службы государственной статистики, Фонда “Общественное мнение” и Всероссийского центра изучения общественного мнения.

* Новосёлова Елена Николаевна, e-mail: alena_n_@mail.ru, nauka@socio.msu.ru

Ключевые слова: коронавирус, пандемия, COVID-19, практики здоровья, самосохранительное поведение, гигиенические практики, ментальное здоровье, коллективная ответственность.

IMPACT OF THE COVID-19 PANDEMIC ON SOCIAL HEALTH-SAVING PRACTICES AND MENTAL HEALTH OF RUSSIAN CITIZENS

Novoselova Elena N., PhD in Sociology, Associate Professor of the Department of the Family and Demography, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: alena_n_@mail.ru, nauka@socio.msu.ru

The article examines the impact of the COVID-19 pandemic on the behavioral health practices of Russian citizens. The coronavirus has created an unstable environment around the world, forced people to adapt to a changing way of life. People realized their own vulnerability and loss of control over their lives, which forced them to act outside the usual context and routine schemes and change their attitude to corporeality. Epidemic and lockdowns urged people to comply with the prescribed precautions, but that also provoked divisions among social groups following the evolvement of different strategies, opinions and behavioral norms related to new rules and restrictions. Based on the analysis of the latest statistical publications and data, the article attempts to assess the consequences of “covid dissidence”. Compliance with restrictive measures and vaccination is considered not only as a strategy of self-preservation for each individual, but also as an act of altruism in relation to their fellow citizens. In this work, the author analyzes the impact of the epidemic on the mental health of people, and also dwells on the role of the family as a significant agent that can protect against the harmful psycho-traumatic effects of the “pandemic of fear” as well as exacerbate its influence, hence instilling certain behavioral habits.

Author deals with the question of how to create discourses about the importance of vaccination and the observance of restrictive measures, not only as an act of self-preservation, but as a responsible behavior towards relatives, friends and compatriots.

The empirical basis of the work is the data of the World Health Organization (WHO), the Federal State Statistics Service, the Public Opinion Foundation and the All-Russian Center for the Study of Public Opinion.

Key words: coronavirus, pandemic, COVID-19, health practices, hygiene practices, mental health, collective responsibility.

Пандемия COVID-19 стала серьезным испытанием, глобальной проверкой на прочность для человечества. Она охватила весь мир, изменила и продолжает менять жизнь людей. В какой-то момент казалось, что она заполнила собой все пространство, поглотила его, заслонив собой многие серьезные проблемы, которые не стали менее актуальными и решать которые все равно придется. Кроме того, оказалось, что вирус способен не только заражать и убивать людей, но и менять сознание, тем самым превращая пандемию в эпидемию

паники и страха¹, уровень которых меняется в зависимости от информационной повестки, принимаемых мер и числа новых заражений, и подогревается СМИ, которые породили инфодемию, нередко создавая “информационный шум”, усложняющий поиск достоверной информации и стимулирующий повышение тревожности среди населения².

Конечно, человек существо достаточно адаптивное и постепенно привыкает ко всему в жизни, и коронавирус здесь не исключение, он постепенно рутинизируется и встает в один ряд с другими проблемами. Большинство понимает, что ковид не исчезнет волшебным образом и человечеству придется жить с ним в обозримом будущем (компания Bloomberg, например, посчитала, что пандемия коронавируса затянется на 7 лет³), паника постепенно сходит на нет, люди закупились масками и антисептиками и готовы противостоять коронавирусу “на ногах”⁴. Таким образом, возникает новая реальность, в которой планка нормального риска повышена, и человеческая психика это нормализует, дабы ее носитель не сошел с ума. Несмотря на рутинизацию коронавируса, превращение его в часть жизни, он внес и продолжает вносить серьезные изменения в представления людей о своей безопасности в плане сохранения здоровья и жизни вообще.

Знания о новом вирусе, путях его распространения привели к развитию новых практик здоровья, так как ситуация реальной угрозы жизни вынудила людей “серьезно относиться не только к выбору моделей своего поведения, но и к анализу последствий этого выбора”⁵. Традиционно практики здоровья включают в себя отказ от курения и употребления спиртных напитков, определенный режим питания, занятия спортом, медицинскую активность, физическую активность, режим дня, в том числе баланс между трудом и отдыхом и т.д. В период пандемии к ним добавились новые гиги-

---

¹ *Абрамов А.В., Багдасарян В.Э., Бышок С.О. и др. Пандемия COVID-19: конец привычного мира? // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2020. № 2. URL: www.evestnik-mgou.ru*

² *1-я конференция ВОЗ по инфодемиологии // Официальный сайт ВОЗ. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/events/detail/2020/06/30/default-calendar/1st-who-infodemiology-conference> (дата обращения: 01.10.2021).*

³ *Казанцева К. Bloomberg: пандемия коронавируса продлится семь лет // Газета.ru. 2021. 05 февр. URL: https://www.gazeta.ru/social/news/2021/02/05/n_15582950.shtml (дата обращения: 01.10.2021).*

⁴ *См. об этом: Социология пандемии. Проект коронаФОМ / Рук. авт. колл. А.А. Ослон. М., 2021. С. 75.*

⁵ *Ильиных С.А. Практики сохранения здоровья: размышления о причинах выбора в период реальной угрозы жизнедеятельности общества // Общество: социология, психология, педагогика. 2020. № 4. С. 24.*

енические практики, а также изменения в некоторых социальных и религиозных ритуалах, некоторые исследователи даже говорят о “дискредитации прежних ритуалов близости”⁶ и необходимости в культурно-ценностной легитимации данного процесса.

Тот факт, что в рамках официального дискурса и ограничительных мер прежние “ритуалы доступа”⁷ оказались скомпрометированными, демонстрируют лидеры государств и другие официальные и неофициальные лица, которые носят маски и перчатки, демонстративно отказываются от рукопожатий, изобретая все более причудливые формы приветствия (соприкосновение локтями, “пожимание ног”, намасте, рука у сердца и т.д.)⁸. “Коронавирусные изменения” произошли не только в мирской части общества. Несмотря на смятение и даже возмущение многих верующих, уверенных, что, вопреки тому что вокруг эпидемия “чумы XXI века”, никакой серьезной опасности в храме нет и быть не может, в период подъема заболеваемости храмы были вынуждены проводить церемонии и обряды в виртуальном режиме вместо мероприятий с большим количеством присутствующих, а позже использовать одноразовую посуду при причастии, проводить в церкви дезинфекцию, рекомендовать прихожанам воздерживаться от целования церковной утвари и т.д. Вышеописанные изменения вполне вписываются в понятие “практики здоровья”, так как они помогают защитить самого и оградить окружающих от заболевания, вызванного вирусом SARS-CoV-2.

Безусловно, в истории человечества имеются многочисленные примеры различных эпидемий, гораздо более страшных, чем нынешняя, а ВОЗ объявляет пандемию не в первый раз за последние десятилетия (последней пандемией был “свиной грипп” в 2009 г.), но настолько масштабной, затрагивающей всех и каждого ныне живущего, пожалуй, не припомнить. Таким образом, “новая пандемия” сочетает в себе глобальность охвата и ощутимость на индивидуальном уровне. Согласно аналитическому докладу НИУ ВШЭ на март 2021 г. только 13,1% россиян заявляют о том, что не знают о случаях болезни среди своих знакомых, у 54,4% есть переболевшие в ближайшем окружении (родственники, близкие друзья), у 47,2% —

---

⁶ Воронов В.М. Пандемия COVID-19 как экзистенциальное и культурное событие: группы, культурные границы и феномен настроения (на примере российского общества) // Журнал фронтальных исследований. 2021. № 1 (21). С. 47.

⁷ Гофман Э. Поведение в публичных местах. Заметки о социальной организации сборищ. М., 2017.

⁸ Коронавирус меняет повседневность: без рукопожатий и лобзаний // Русская служба BBC News. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-51736220> (дата обращения: 01.10.2021).

в дальнем окружении (знакомые, соседи, коллеги по работе, одноклассники, сокурсники)⁹.

По данным на 24 октября 2021 г., в мире насчитывается 243 млн случаев заболевания, в России, которая на тот момент была по этому показателю все возможные антирекорды, — 8,08 млн¹⁰, и конца все-му этому пока не видно. Если в 2020 г. россияне возлагали на 2021 г. надежды, что эпидемия коронавируса закончится (30% считали, что 2021 г. будет лучше, чем 2020)¹¹, и полагали, что пик эпидемии пройден, и она сейчас пойдет на спад (45,6% на март 2021)¹², то новый всплеск эпидемии, локдаун, который постепенно начал вводиться в регионах России, разбил их надежды. Опрос ВЦИОМ, проведенный 29 октября 2021 г., показал, что только 10% россиян думают, что сейчас эпидемиологическая ситуация в связи с коронавирусом в их регионе улучшается, а 60% полагают, что она ухудшается, и считают, что необходимо принимать дополнительные меры борьбы с эпидемией: усилить пропаганду вакцинации и сделать ее обязательной (16%), повысить уровень медицины (9%), усилить масочный режим (8%), а также ввести ограничения (карантин, локдаун, увеличить количество выходных, 7%) и закрыть границы (5%)¹³. Надо сказать, что новые штаммы захватывают весь мир и все более очевидно, что коронавирус SARS-CoV-2 останется с человечеством надолго¹⁴.

Сегодня все чаще раздаются голоса о том, что термин “эпоха коронавируса” по праву займет место в учебниках истории, что ковид навсегда изменил нашу жизнь и мир уже никогда не будет прежним, а неизбежно переформатируется на всех уровнях. Существует потребность во все большем количестве “изобразительно-выразительных средств для описания новых пугающих явлений... так как сугубо научный подход в этом случае выглядит недостаточным”¹⁵, поэтому

⁹ “Черный лебедь” в белой маске. Аналитический доклад НИУ ВШЭ к годовщине пандемии COVID-19 / Под ред. С.М. Плаксина, А.Б. Жулина, С.А. Фаризовой. М., 2021. С. 8.

¹⁰ Стопкоронавирус.рф. Официальный интернет-ресурс для информирования населения по вопросам коронавируса (COVID-19). <https://xn--80aesfpebagmfb1c0a.xn--p1ai/information/> (дата обращения: 01.10.2021).

¹¹ Ожидания от 2021-го // Сайт ФОМ. 2020. 31 дек. URL: <https://fom.ru/Nastroeniya/14528> (дата обращения: 01.10.2021).

¹² “Черный лебедь” в белой маске...

¹³ Нерабочие дни: как мы их проведем? // Сайт ВЦИОМ. Аналитический обзор. 2021.29.10. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nerabochie-dni-kak-my-ikh-provedem> (дата обращения: 01.11.2021).

¹⁴ Врач: Коронавирус SARS-CoV-2 останется с нами надолго // Российская газета. 2021.13.02.

¹⁵ Ядова М.А. Социология пандемии covid-19: попытка осмысления. Введение к тематическому разделу // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11. Социология. 2021. № 2. С. 9.

в публикациях можно встретить массу поэтических эпитетов на эту тему, например, что сегодняшний мир подобен “витязю на распутье: вернуться назад невозможно, вперед идти страшно, кроме того, на камне у развилки ничего не написано”¹⁶. Наверное, это так и есть, но в полной мере оценить степень влияния коронавируса на общество и экономику можно будет только через несколько десятков лет. Конечно ясно, что мир меняется, но в какую сторону, однозначно пока сказать сложно. Тем не менее, некоторые ученые уже сегодня приходят к выводу, что сочетание “смертоносного вируса, слабого планирования и некомпетентного руководства” приведет к тому, что мир станет менее открытым, процветающим и свободным¹⁷, что связано с тем, что во главу угла будет поставлена безопасность, и многие государства будут жить по принципу “каждый сам за себя”¹⁸, а люди в это время сформируют новые привычки (в частности — “меньше трогаешь — меньше рискуешь”) и свыкнутся с тем, что каждый человек может быть источником потенциальной опасности¹⁹. Однако все это скорее домыслы, а как на самом деле изменится мир, и изменится ли вообще, покажет время.

Пандемия коронавирусной инфекции COVID-19, вызванная коронавирусом SARS-CoV-2, началась в декабре 2019 г., когда в китайском городе Ухань были зарегистрированы первые случаи пневмонии неизвестного происхождения. В январе 2020 г. заболевание распространилось уже на весь Китай, а в феврале перекинулось на десятки стран мира. 11 марта 2020 г. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) признала, что мир имеет дело с пандемией (*pandemia*, от греч. *pan*demia “весь народ в целом”), “необычайно сильной эпидемии, распространившейся на территории стран, континентов”²⁰. Данное решение, по словам Генерального директора ВОЗ Т. Гебрейесус, было принято из-за скорости и масштабов распространения болезни, а также из-за отсутствия со стороны некоторых стран должного реагирования²¹, которого, впрочем, сложно было ожидать в условиях острой нехватки информации о природе нового вируса и отсутствия

---

¹⁶ Абрамов А.В., Багдасарян В.Э., Бышок С.О. и др. Указ. соч.

¹⁷ Там же.

¹⁸ См. например: Арзаманова Т. Первые уроки первой пандемии XXI столетия // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. 2020. Июнь. Вып. 57 (73).

¹⁹ Марина Безуглова: “Привычки, которые мы сейчас приобретаем, сформируют наше новое поведение в будущем” // Проект коронаФОМ. К-беседы. 2020.18.05. URL: <https://covid19.fom.ru/post/marina-bezuglova-privychki-kotorye-my-sejchas-priobretaem-sformiruyut-nashe-novoe-povedenie-v-budushem> (дата обращения: 01.10.2021).

²⁰ Большая Медицинская Энциклопедия (БМЭ) / Под ред. Б.В. Петровского. Т. 18. М., 1982.

²¹ Абрамов А.В., Багдасарян В.Э., Бышок С.О. и др. Указ. соч.

отработанных протоколов действий. В тот же день ВОЗ присвоила инфекции официальное название — COVID-19 (“Coronavirus disease 2019”). Международный комитет по таксономии вирусов 11 февраля 2020 г. присвоил собственное название возбудителю инфекции COVID-19 — SARS-CoV-2²². Примерно тогда же начались споры о том, естественного или искусственного происхождения этот вирус, и, хотя доказательства в пользу второй версии скорее косвенные, отвергнуть эту гипотезу пока нельзя. Интересно, что большая часть россиян склоняется именно к этой версии: 57,9% тех, кто считает, что ковид вообще существует (это 88% населения), уверены в том, что коронавирус был создан в лаборатории, и только 23,8% — что он имеет природное происхождение²³; версия об искусственном происхождении COVID-19 “наиболее популярна среди старшего поколения и россиян, источником новостей для которых являются друзья и знакомые”²⁴.

Естественный или рукотворный, вирус изменил отношение людей к привычным вещам и заставил их делать выбор между следованием некоей норме (соблюдением ограничительных мер призванных уменьшить угрозу распространения заболевания, представляющего опасность для окружающих) и игнорированием этой нормы. Таким образом, восприятие ограничений, связанных с эпидемией, и сама оценка опасности пандемии COVID-19 неоднородны, хотя и несколько сглаживаются со временем, по мере привыкания к жизни в условиях пандемии. Если классифицировать группы по их отношению к эпидемии и вирусу как таковому, то для начала можно выделить два противоположных магистральных направления: ковид-диссидентство (те, кто уверен, что коронавируса не существует, что это выдумка) и ковид-паникерство/ковид-алармизм (вирус существует, а принимаемые меры и ограничения недостаточны). Между этими полюсами находятся более нейтральные: ковид-лоялизм (вирус существует, меры и ограничения достаточны) и ковидоскептицизм (вирус существует, меры и ограничения избыточны)²⁵.

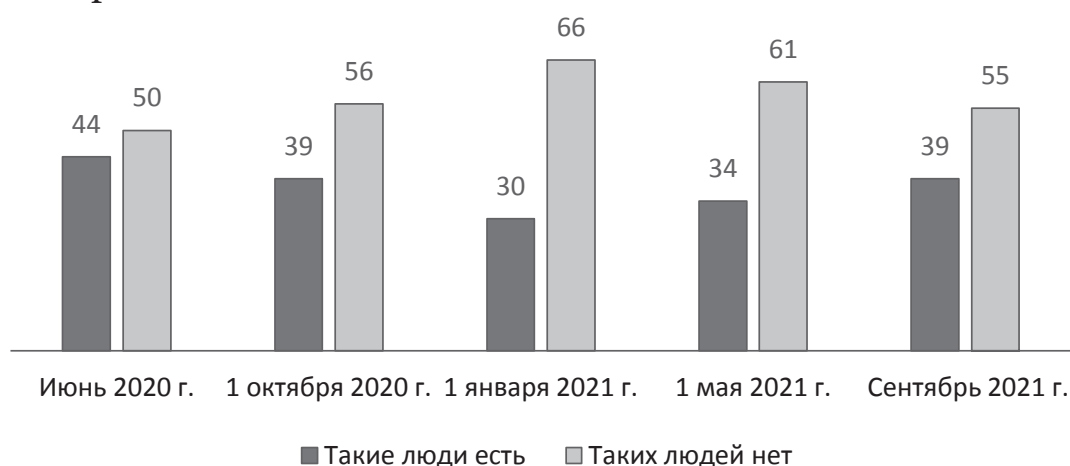
²² Наименование заболевания, вызванного коронавирусом (COVID-19), и вирусного возбудителя // Официальный сайт Всемирной организации здравоохранения. URL: [https://www.who.int/ru/emergencies/diseases/novel-coronavirus-2019/technical-guidance/naming-the-coronavirus-disease-\(covid-2019\)-and-the-virus-that-causes-it](https://www.who.int/ru/emergencies/diseases/novel-coronavirus-2019/technical-guidance/naming-the-coronavirus-disease-(covid-2019)-and-the-virus-that-causes-it)

²³ Из Уханя с любовью: представления россиян о происхождении коронавируса // Проект К-ФОМ. URL: <https://covid19.fom.ru/post/iz-uhanya-s-lyubovyu-predstavleniya-rossiyan-o-proishozhdenii-koronavirusa>

²⁴ Две трети россиян назвали коронавирус новым видом биологического оружия. URL: <https://www.forbes.ru/newsroom/obshchestvo/422255-dve-treti-rossiyan-nazvali-koronavirus-novym-vidom-biologicheskogo> (дата обращения: 01.11.2021).

²⁵ Об этом: Зеленин А.В., Буцева Т.Н. От сидидомцев до коронапофигистов (наименования лиц в период пандемии коронавируса) // Русский язык в школе.

Сложно говорить о том, какова доля указанных групп в российском обществе. Во-первых, данные опросов сильно разнятся: по некоторым данным, доля тех, кто склонен считать пандемию мистификацией в духе теорий заговора, а введение ограничительных мер — чрезмерной реакцией на происходящее, доходила в середине 2020 г. до 40%, а анализ социальных сетей демонстрирует популярность высказываний о том, что власти преувеличивают опасность коронавируса в своих интересах²⁶, при этом данные ФОМ на этот счет “крутятся” вокруг 10%²⁷. Во-вторых, этот процент нестабилен и изменяется по мере развития эпидемии. В какой-то момент было очевидно, что сторонников диссидентских взглядов становится все меньше как среди респондентов (12% в июле 2020 г. и 6% в январе 2021 г.), так и среди их знакомых²⁸, однако потом тренд стал обратным, и доля ковид-диссидентов выросла с 6 до 10% (сентябрь 2021 г.), а доля тех, кто называет его настоящей болезнью, снизилась с 89 до 82%. О популяризации подобного “диссидентства” свидетельствует и рост числа сторонников этой точки зрения в окружении респондентов (рис.)²⁹.

Построено по данным: Сомнению всегда найдется место // К-зонд. Сайт ФОМ.

URL: <https://covid19.fom.ru/post/somneniyu-vsegda-najdetsya-mesto>

Рис. Распределение ответов на вопрос “Среди ваших друзей, родственников, знакомых есть люди, считающие коронавирус выдумкой, или таких людей нет?”

2020. № 81 (6). С. 97–106; Воронов В.М. Пандемия covid-19 как экзистенциальное и культурное событие: группы, культурные границы и феномен настроения (на примере российского общества) // Журнал фронтирных исследований. 2021. № 1 (21). С. 41–68.

²⁶ См. об этом: Кирзюк А.А. “У меня нет страха”: ковид-диссиденты в поисках агентности и правды // Мониторинг. 2021. № 2.

²⁷ Закутина Е. Отказ от иллюзий // Сайт ФОМ. URL: <https://covid19.fom.ru/post/otkaz-ot-illyuzij> (дата обращения: 06.10.2021).

²⁸ Там же.

²⁹ Сомнению всегда найдется место // К-зонд. Сайт ФОМ. URL: <https://covid19.fom.ru/post/somneniyu-vsegda-najdetsya-mesto> (дата обращения: 01.10.2021).

Можно провести параллель между поведением людей в период эпидемии, в том числе в ситуации локдауна, и ярким примером из теории игр, а именно “дилеммой заключенного”. Ее суть в том, что рациональные люди могут не сотрудничать, даже если кажется, что это в их интересах, нередко такая ситуация складывается в силу несовершенства информации. Если говорить об эпидемии, то с точки зрения общественного здоровья, взаимная выгода от ограничительных мер, например, очевидна, так как они в принципе работают только когда большинство людей готовы терпеть связанные с ними неудобства, а если существенная часть населения начинает игнорировать ограничения, эпидемиологические риски возрастают, и ситуация ухудшается для всех. Но для отдельного нарушившего ограничительные меры выигрыш больше (при условии, что остальные сидят по домам), так как он не заболевает и при том сохраняет практически привычный образ жизни. Тот же кейс можно применить и к антипрививочникам³⁰, так как коллективный иммунитет мог бы защитить от коронавируса и тех, кто не привит, но для этого необходимо, чтобы большая часть населения все же была вакцинирована, казалось бы, взаимная выгода от вакцинации очевидна, но общество расколото, а сама прививочная кампания вызывает споры в медийном пространстве, в социальных сетях, в повседневном общении россиян. По данным ФОМ, “необходимой мерой в борьбе с эпидемией коронавируса” массовую вакцинацию считают 60% россиян; полагают, что “в массовой вакцинации нет необходимости” около 30%, которые включают в себя и 7% тех, кто в принципе против каких-либо прививок. Интересен тот факт, что доля тех, кто считает, что в массовой вакцинации нет необходимости, выше в наиболее молодых группах 18–30 лет — 46%³¹, против 12% в группе старше 60 лет в которой 88% считают ковид реальной болезнью³². Таким образом, ковидскептицизм имеет тенденцию к поражению более молодых групп, что связано как с тем, что молодые чаще считают, что могут легко перенести болезнь и не боятся, так и с тем, что они меньше доверяют отечественной вакцине, здравоохранению и государству в целом.

---

³⁰ Пережить локдаун: как изоляция влияет на людей // Сайт ФОМ. К-ДАЙДЖЕСТЫ. 05.03.21. URL: <https://covid19.fom.ru/post/perezhit-lokdaun-kak-izolyaciya-vliyaet-na-lyudej> (дата обращения: 01.10.2021).

³¹ Индивидуальный выбор и коллективный иммунитет // Сайт ФОМ. К-Зонд. 2021.04.10. URL: <https://covid19.fom.ru/post/individualnyj-vybor-i-kollektivnyj-immunitet> (дата обращения: 01.10.2021).

³² Сомнению всегда найдется место // Сайт ФОМ. К-Зонд. 2021.01.10. URL: <https://covid19.fom.ru/post/somnениyu-vsegda-najdetsya-mesto> (дата обращения: 01.10.2021).

Несмотря на скептицизм ковид-диссидентов и антипрививочников эксперты говорят о том, что ситуация с распространением коронавирусной инфекции улучшится только тогда, когда люди осознают важность поведенческой адаптации к новым нормам жизни, и речь здесь не только вакцинации, но и о других более простых мерах профилактики, эффективность которых, особенно если они введены вовремя и на срок достаточный для того, чтобы исключить риски возобновления вспышки болезни, продемонстрировал опыт других эпидемий, например пандемии “испанки” в 1918 г., и эпидемии гриппа в 2009 г. в Мехико³³. Даже простое мытье рук сдерживает эпидемию и приводит к задержке пика заболеваемости на 2,7 месяца³⁴. Кроме того, соблюдение некоторых ограничительных мер можно рассматривать как акт альтруизма по отношению к своим согражданам, в частности, ношение маски скорее всего имеет низкую эффективность для профилактики заражения, так как далеко не все знакомы с правильной процедурой ее ношения, однако она уменьшает выброс инфекционного агента от больного в пространство³⁵. То же самое можно сказать и о социальном дистанцировании, которое эпидемиолог Дж. Мартин назвал “одним из величайших призывов к альтруизму”³⁶, так как “в основе концепции социального дистанцирования — не только собственная безопасность, но и снижение риска инфицирования для других”³⁷. Конечно, контакты не могут быть полностью устранены, но соблюдение дистанции и избегание больших скоплений людей целесообразно, так как один носитель инфекции, не соблюдающий данные ограничения, способен привести к болезни 406 человек через 30 дней, сокративший свои контакты на 50% — 15 человек, на 75% — 2,5 человека (см. табл. 1)³⁸.

---

³³ *Bootsma M.C.J., Ferguson N.M.* The effect of public health measures on the 1918 influenza pandemic in U.S. cities // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2007. N 104 (18). P. 7588–7593; *Hellewell J., Abbott S., Gimma A., Bosse N.I., Jarvis C.I., Russell T.W., et al.* Feasibility of controlling COVID-19 outbreaks by isolation of cases and contacts // *The Lancet Global Health*. 2020. N 8 (4). P. 488–496.

³⁴ *Гинаева Г.А.* Профилактика covid-19 и ее эффективность: обзор литературы // *Материалы Всероссийской научно-практической конференции “Наука и социум”*. 2020. № 15.

³⁵ Там же.

³⁶ *Bai N.* Why experts are urging social distancing to combat coronavirus outbreak // *Patient Care*. 2020. March 14. URL: <https://www.ucsf.edu/news/2020/03/416906/why-experts-are-urging-social-distancing-combat-coronavirus-outbreak> (accessed: 21.09.2021).

³⁷ *Феденок Ю.Н., Буркова В.Н.* Социальное дистанцирование как альтруизм в условиях пандемии коронавируса: кросс-культурное исследование // *Сибирские исторические исследования*. 2020. № 2. С. 10.

³⁸ COVID-19. Coronavirus Calculations & Infographic // *Signer Laboratory*. URL: <https://robertsigner.wordpress.com/coronavirus/> (accessed: 21.09.2021).

Таблица 1

Скорость распространения эпидемии коронавируса в зависимости от степени снижения числа социальных контактов населением

Степень ограничения контактов	Число зараженных (человек) одним инфицированным за период времени 5–30 дней в зависимости от количества контактов		
	На данный момент	Через 5 дней	Через 30 дней
Нет ограничений	1	2,5	406
50% снижения контактов	1	1,25	15
75% снижения контактов	1	0,625	2,5

Построено по данным: COVID-19. Coronavirus Calculations & Infographic // Signer Laboratory. URL: <https://robertsigner.wordpress.com/coronavirus/>

Таблица 2

Динамика соблюдения мер профилактики коронавируса россиянами, в %

Меры профилактики/ Дата опроса	20.04.2020	09.09.2020	01.03.2021
Остаюсь чаще дома	67	22,6	38,5
Мою чаще руки	56	56,4	62,6
Использую социальное дистанцирование	36	31,8	42,6
Избегаю общественных мест, таких как бары и рестораны	43	38,3	42,6
Посещаю реже магазины	45	18,3	30,1
Отменил запланированное с семьей или друзьями	31	9,3	14,2
Реже путешествую	20	22,2	31,8
Больше покупаю онлайн	8	7,3	15
Чаще убираюсь дома	16	13	18,2
Избегаю ходить в магазин в часы его наибольшей загруженности покупателями	21	19,8	28,2
Избегаю общественного транспорта	36	28,3	39,5
Использую реже наличные	21	20,1	28,9
Работаю из дома	16	4,4	7,6
Меньше занимаюсь спортом	12	3,8	4,5
Ношу защитную маску вне дома		40,6	63,5
Ничего из перечисленного	13	27	17

Источник: “Черный лебедь” в белой маске. Аналитический доклад НИУ ВШЭ к годовщине пандемии COVID-19 / Под ред. С.М. Плаксина, А.Б. Жулина, С.А. Фаризовой. М., 2021.

Большинство россиян, по данным опросов, в период пандемии все-таки предпочитают рациональный путь сотрудничества. Люди стали чаще носить маски (63,5%), мыть руки (62,6%), избегать таких мест, как бары и рестораны (46,5%), и использовать социальное дистанцирование (42,6%)³⁹. Кроме того, россияне реже приветствуют друзей и родных поцелуем (40% — в 2019 г., 27% — в 2020 г.), жмут друг другу руки (50% — в 2019 г., 38% — в 2020 г.) и обнимаются (55% — в 2019 г., 42% — в 2020 г.)⁴⁰. С тем, каких еще мер профилактики коронавируса придерживается население России и какие практики со временем становятся более/менее востребованными, можно ознакомиться в табл. 2.

Таким образом, на сегодняшний момент коронавирус “укрепляет свои позиции и в субъективном поле мнений, а не только в объективной плоскости переполненных больниц, рекордных показателей заболеваемости и смертности”⁴¹, что делает особо актуальными вопросы, связанные с ментальным здоровьем, поскольку, как любая чрезвычайная ситуация, эпидемия COVID-19 породила волну психологического напряжения среди населения по всему миру.

Пандемия и такие меры, как самоизоляция, карантин, ограничения в передвижении, значительно ухудшили условия и привычный образ жизни практически всех и каждого. Одиночество, неопределенность, неуверенность в завтрашнем дне, страх за здоровье близких или опасение не получить помощь из-за других сопряженных со здоровьем проблем, нестабильное экономическое положение и т.п. породили тревогу и страх, которые негативно повлияли на состояние людей и увеличили количество обращений за помощью с эмоциональными проблемами⁴². Таким образом, еще одним последствием пандемии явилась “вторая эпидемия” негативных психологических эффектов⁴³. С.К. Брукс, Р.К. Вебстер, Л.Е. Смит и др., проанализировав 3166 статей и 24 обзора, пришли к выводу, что среди населения

---

³⁹ “Черный лебедь” в белой маске... С. 10.

⁴⁰ В пандемию — без поцелуев! // Сайт ВЦИОМ. 2020.09.12. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/v-pandemiju-bez-poceluev> (дата обращения: 06.09.2021).

⁴¹ Там же.

⁴² *Островский Д.И., Иванова Т.И.* Влияние новой коронавирусной инфекции covid-19 на психическое здоровье человека (обзор литературы) // Омский психиатрический журнал. 2020. № S2–1 (24).

⁴³ *Huang Y., Zhao N.* Generalized anxiety disorder, depressive symptoms and sleep quality during COVID-19 outbreak in China: a web-based cross-sectional survey // *Psychiatry Research*. 2020. Vol. 288 (Цит. по: *Сорокин М.Ю., Касьянов Е.Д., Рукавишников Г.В.* и др. Психологические реакции населения как фактор адаптации к пандемии COVID-19 // *Обзор психиатрии и медицинской психологии*. 2020. № 2. С. 88).

мира широкое распространение получили симптомы посттравматического стрессового расстройства, замешательства и гнева⁴⁴. По этой причине крайне важными становятся вопросы обеспечения бесперебойного доступа к услугам по лечению психических, неврологических расстройств и расстройств, связанных с употреблением психоактивных веществ для людей с развивающимися или уже имеющимися нарушениями психического здоровья. По данным ВОЗ, 93% опрошенных из 130 стран, участвовавших в исследовании о воздействии COVID-19 на неврологическое и психическое здоровье, сообщили о сбоях в оказании этих услуг, в то время как спрос на психотерапевтические услуги увеличился⁴⁵.

Итак, повышенный уровень тревожности, стресса, бессонница и эмоциональная нестабильность, психосоматические проявления, посттравматический синдром (ПТСР), депрессии и т.д. являются психологическими последствиями пандемии COVID-19. “Самоизоляция привела к нарушению привычного распорядка дня, негативные новости воспринимались более остро, чем обычно, былые страхи проснулись, возобновились приступы раздражительности, уныния, тоски, что привело к усугублению депрессивных состояний”, что было связано с неопределенностью будущего (66%), отсутствием свободы передвижения (50%), волнением за свое здоровье и здоровье близких (42%)⁴⁶.

Вышеперечисленные проблемы касаются как людей, у которых в анамнезе ранее не было психических расстройств, так и тех, кто ранее сталкивался с какими-либо ментальными нарушениями, для которых инфекция SARS-CoV-2 более опасна: для людей с психическими расстройствами выше риск заражения⁴⁷ и госпитализации по сравнению с больными с COVID-19, но без психического расстройства (8,5% против 4,7% и 27,4% против 18,6% соответственно), а уровень смертности выше почти в два раза⁴⁸. Многие авторы ут-

---

⁴⁴ Brooks S.K., Webster R.K., Smith L.E. et al. The psychological impact of quarantine and how to reduce it: rapid review of the evidence // *The Lancet*. 2020. N 395. P. 912–920. doi:10.1016/S0140-6736(20)30460-8.

⁴⁵ Исследование ВОЗ подтвердило влияние пандемии на психическое здоровье людей // ТАСС. 2021.26.01. URL: <https://tass.ru/obschestvo/10545595> (дата обращения: 21.09.2021).

⁴⁶ Аймалетдинов Т.А., Гильдебрандт И.А., Никишова Е.Н., Рассадина Д.С. Новая нормальность. Образ жизни, рынки, инфраструктура и коммуникации после пандемии. М., 2020. С. 44, 45.

⁴⁷ Taquet M., Luciano S., Geddes J.R., Harrison P.J. Bidirectional associations between COVID-19 and psychiatric disorder: retrospective cohort studies of 62 354 COVID-19 cases in the USA // *The Lancet Psychiatry*. 2021. N 8. P. 130–140.

⁴⁸ Wang Q., Xu R., Volkow N.D. Increased risk of COVID-19 infection and mortality in people with mental disorders: analysis from electronic health records in the United

верждают, что в тех странах, где бушует пандемия и высоки цифры заболеваемости, велика вероятность кризиса в психологической помощи и нарастания заболеваемости психическими расстройствами, депрессиями и т.д., так как их вероятность у переболевших увеличивается. Кроме того, по мнению экспертов, скорее всего проблемы, связанные с расстройством психики из-за последствий самоизоляции, имеют отсроченный характер и могут проявиться позже⁴⁹, более всего подвержены риску люди с низким доходом, чрезмерно сфокусированных на масс-медиа, лица старше 65 лет⁵⁰.

По мнению Ю.В. Быховец, психотравмирующими в настоящей пандемии являются целый ряд факторов: это прежде всего сам вирус SARS-CoV-2 и опасность заражения для себя и близких; кроме того — несколько истеричное освещение событий в СМИ; экономические последствия, такие как потеря многими работы, снижение доходов и т.д.; изменение привычного уклада жизни, в том числе и количественные и качественные изменения в отношении с членами семьи⁵¹. Влияние семьи в данной ситуации носит амбивалентный характер. С одной стороны, семья — это главная опора человека, его “крепость”, призванная помогать и защищать своих членов, в том числе от внешней угрозы, коей стала пандемия, давать чувство защищенности и поддержки. И в период пандемии в большинстве своем так и происходило, семья стала “зоной стабильности, ключевым источником поддержки, убежищем в ситуации повышенных рисков”⁵², карантин дал возможность сконцентрироваться на семье, “познакомиться”, помог пересмотреть и понять ценность семьи и брака, больше времени проводить с детьми (об этом заявляют 48% россиян)⁵³. По данным *Ipsos*, две трети россиян (66%) уверены, что благодаря коронавирусу их отношения с членами семьи и друзьями

States // World Psychiatry. 2021. Feb. Vol. 20. N 1. P. 124–130 (Цит. по: Как COVID-19 влияет на психическое здоровье людей // Научно-производственный журнал “Разработка и регистрация лекарственных средств”. URL: <https://www.pharmjournal.ru/jour/announcement/view/555> (дата обращения: 28.09.2021)).

⁴⁹ Аймалетдинов Т.А., Гильдебрандт И.А., Никишова Е.Н., Рассадина Д.С. Указ. соч. С. 45.

⁵⁰ Lotzin A., Acquarini E., Ajdukovic D. et al. Stressors, coping and symptoms of adjustment disorder in the course of the COVID-19 pandemic — study protocol of the European Society for Traumatic Stress Studies (ESTSS) pan-European study // European Journal of Psychotraumatology. 2020. Vol. 11. N 1.

⁵¹ Быховец Ю.В. Пандемия COVID-19 как многофакторная психотравмирующая ситуация // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2020. Т. 5. № 2(18). С. 291–308.

⁵² Социодиггер. 2020. Сент. Т. 1. Вып. 2: Семья и родительство. С. 31.

⁵³ С детьми на самоизоляции // Сайт ВЦИОМ. 2020.02.06. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/s-detmi-na-samoizolyaczii> (дата обращения: 06.09.2021).

улучшились⁵⁴. Опрос ВЦИОМ, проведенный после месяца пребывания соотечественников на карантине, показывает, что по сравнению с более спокойным допандемичным временем ситуация в семьях кардинально не изменилась и “53% респондентов полностью уверены, что конфликты в их семье, разрывы не случатся, еще 32% — что скорее не случатся”⁵⁵. По данным Аналитического центра НАФИ, отношения в семьях в период самоизоляции также не претерпели особых изменений, это касается отношений с родителями (76%), детьми (77%), с супругом/партнером (76%). При этом более всего ухудшились отношения между партнерами (18%), отношения же с родителями в 19% случаев даже улучшились⁵⁶.

Только в 11%, по данным НАФИ, и в 10%, по данным ВЦИОМ, семей атмосфера в период карантина ухудшилась, причем в наибольшей степени это коснулось семей с плохим и очень плохим материальным положением, в которых в 24% случаев отношения ухудшились (для сравнения, в семьях с высоким достатком — в 3% отношения ухудшились, со средним — в 6%)⁵⁷, так как их материальное положение в условиях пандемии с большой вероятностью еще больше пошатнулось, а финансовый стресс стал одним из самых значимых факторов изменения качества семейных отношений как в России, так и за рубежом.

Интерактивное социологическое исследование сотрудников кафедры социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова В.М. Карповой и С.В. Ляликовой “Дистанционное обучение: опыт родителей” продемонстрировало рост уровня конфликтности в семьях в период самоизоляции (51,6% говорят о его существенном или некотором росте), причем конфликтные ситуации происходят в том числе и в присутствии детей (6,4% — очень часто и часто, 35,2% — иногда)⁵⁸.

Обзор международных исследований, проведенный А.С. Евдокименко, Е.А. Стрижовой и др., показал⁵⁹, что люди стали с бóльшим

---

⁵⁴ Разговор о семье, судьбе и браке в пандемических тонах // Сайт К-ФОМ. URL: <https://covid19.fom.ru/post/razgovor-o-seme-sudbe-i-brake-v-pandemicheskikh-tonah> (дата обращения: 06.10.2021).

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Аймалетдинов Т.А., Гильдебрандт И.А., Никишова Е.Н., Рассадина Д.С. Указ. соч. С. 50.

⁵⁷ Расширенная подборка данных ВЦИОМ к тематическому выпуску “Семья и родительство”. 2020. № 2 (дата обращения: 06.10.2021).

⁵⁸ Карпова В.М., Ляликова С.В. Дистанционное обучение: опыт родителей. Пресс-релиз инициативного социологического исследования КССиД. М., 2020.

⁵⁹ Евдокименко А.С., Стрижова Е.А., Терехова Е.С., Караськова А.В., Михновец Д.А. Психологические последствия первой и второй волн пандемии COVID-19 // “Черный лебедь” в белой маске... С. 151.

“пониманием относиться к негативному поведению своих партнеров, проявлять бóльшую готовность прощать и мéньшую склонность обвинять их”⁶⁰, из-за карантина они смогли уделять больше времени семье и их семейные отношения укрепились (71%)⁶¹. Конечно, огромное значение здесь имело не только наличие самих отношений, но и удовлетворенность ими, и люди “с крепкими отношениями были менее подвержены тревоге, стрессу и депрессии... по сравнению с теми, кто не состоял в отношениях” или имел отношения “худшего качества”, это касается и детей, которые лучше приспосабливались и легче переживали изменения, связанные с пандемией, если семейная атмосфера была нормальной и стабильной⁶².

Так или иначе, COVID-19 разрушил привычный образ жизни домохозяйств и семьи разного состава и детности по-разному реагировали на ситуацию с пандемией. Подтверждением этому могут служить данные ФОМ, согласно которым 41% опрошенных, проживающих с несовершеннолетними детьми, 63% проживающих со взрослыми детьми и 65% живущих с супругом/супругой заявили о том, что семейные отношения до и после самоизоляции не изменились⁶³. Тяжелее всего пришлось семьям, которые находились на самоизоляции с двумя и более детьми, моносемьям и семьям с низким доходом, таким образом, “преимущество получи те, кто способен быстро адаптироваться к новой реальности: чаще это люди, не проживающие совместно с несовершеннолетними детьми”⁶⁴. В самом выигрышном положении оказались супруги/партнеры, проживающие без детей (25% сообщили о том, что на самоизоляции пришлось тяжело), в самом сложном — многодетные и сложносоставные семьи (41%), также нелегко пришлось одиноким (35%)⁶⁵.

---

⁶⁰ Евдокименко А.С., Стрижова Е.А., Терехова Е.С., Караськова А.В., Михновец Д.А. Указ. соч. С. 151.

⁶¹ Nasser A.Y., Al-Hadithi H.T., Dashmash E.Z. et al. The effect of the 2019 coronavirus disease outbreak on social relationships: a cross-sectional study in Jordan // *International Journal of Social Psychiatry*. 2020. 25 Oct.

⁶² Pieh C., O'Rourke T., Budimir S., Probst T. Relationship quality and mental health during COVID-19 lockdown // *PLoS ONE*. 2020. N 15 (9) (Цит. по: Евдокименко А.С., Стрижова Е.А., Терехова Е.С., Караськова А.В., Михновец Д.А. Указ. соч. С. 153).

⁶³ Социология пандемии. Проект коронаФОМ / Рук. авт. колл. А.А. Ослон. М., 2021.

⁶⁴ Самоизоляция ухудшила отношения между супругами, но улучшила отношения с родителями // Сайт Аналитического центра НАФИ. URL: <https://nafi.ru/analytics/samoizolyatsiya-ukhudshila-otnosheniya-mezhdu-suprugami-no-uluchshila-otnosheniya-s-roditelyami/> (дата обращения: 06.06.2021).

⁶⁵ Режим самоизоляции: в тягость или в радость? // Сайт ФОМ. 2020.04.05. URL: <https://covid19.fom.ru/post/rezhim-samoizolyacii-v-tyagost-ili-v-radost> (дата обращения: 06.09.2021).

Работа, учеба, домашние обязанности, отдых — все то, что до пандемии было разделено во времени и пространстве, слилось в единое целое. Семьям с детьми пришлось решать множество свалившихся на них проблем, связанных с организацией быта, собственной трудовой деятельностью и обучением детей. Треть россиян (35%) уверена, что в период действия ограничительных мер с детьми было сложнее, чем обычно, поскольку нагрузка на старших членов семьи сильно возросла. Вынужденное нахождение на одной территории в течение длительного времени стало фактором риска для некоторых семей и катализировало тлеющие внутри конфликты.

Несмотря на то что большинство россиян считают, что отношения в их собственной семье никак не изменились во время самоизоляции, на более абстрактный вопрос, заданный ФОМом в мае 2020 г. о том, как изменятся отношения в российских семьях во время самоизоляции, 42% заявили, что “отношения ухудшатся, так как в самоизоляцию члены семьи проводят слишком много времени вместе” (18%), “может давить замкнутое пространство” (7%), “отсутствие личного пространства из-за маленькой площади жилья”, “стресс от самоизоляции” (4%), “проблемы с деньгами” (9%) и “потеря работы” (4%)⁶⁶. Таким образом, говоря о каких-то гипотетических семьях, россияне критичнее оценивали последствия карантина, чем при анализе своих собственных семейных отношений.

Некоторые исследования фиксируют ухудшение ситуации с домашним насилием на фоне пандемии, поскольку агрессоры и жертвы проводят больше времени в замкнутом пространстве, а экономический кризис обостряет психологические проблемы. Службы спасения в Европе и Азии фиксируют резкий рост числа обращений на горячие линии от жертв и самих агрессоров: во Франции на 30%, а в Китае — в три раза⁶⁷. По некоторым данным, в Москве число преступлений, совершаемых на бытовой почве, возросло на 9% по сравнению с данными 2019 г.⁶⁸

В совместном докладе семи организаций по защите прав женщин “Домашнее насилие в условиях COVID-19 в России” говорится об увеличении количества обращений за помощью в период строгой изоляции. Среди обращающихся в большинстве своем жертвы

---

⁶⁶ Семейные отношения в условиях самоизоляции // Сайт ФОМ. URL: <https://covid19.fom.ru/post/semeynye-otnosheniya-v-usloviyah-samoizolyacii> (дата обращения: 06.09.2021).

⁶⁷ *Островский Д.И., Иванова Т.И.* Указ. соч.

⁶⁸ Омбудсмен Москвы сообщила, что на фоне пандемии возросло число фактов домашнего насилия // ТАСС. 2021.11.03. URL: <https://tass.ru/obschestvo/10878907> (дата обращения: 06.09.2021).

хронического насилия в семье, которое увеличилось с принятием ограничительных мер, однако существуют и первичные случаи. В период карантина страх, неопределенность, отсутствие информации привели к тому, что возможности жертв домашнего насилия в поисках помощи и защиты своих прав еще больше сократились, что повысило для них риски возникновения худшего сценария⁶⁹. Существуют и другие данные, например, согласно исследованию австралийских ученых “Психологическая помощь и взаимоотношения во время пандемии COVID-19” с домашним насилием столкнулись 1,2% опрошенных⁷⁰.

Пандемия стала поворотным моментом нашего времени, и уже сегодня очевидны внешние проявления кризиса социума, как и то, что его глубинные смыслы проявятся позднее. Прогнозы о том, каким будет мир после COVID-19, быстро множатся, хотя любой прогноз — дело неблагодарное, и по большому счету, чем все это закончится, точно не знает никто. Ситуация осложняется тем, и вероятно, в нашей стране это наиболее заметно, что несмотря на то что декларируемый уровень поддержки мер по борьбе с COVID-19 достаточно высок, нестабильность, неопределенность и риск, а также неудобства и трудности, которые стали неотъемлемыми спутниками жизни, привели к тому, что усталость граждан от ситуации, связанной с пандемией нарастает, а вместе с этим снижается мотивация придерживаться рекомендуемого безопасного поведения, увеличивается количество людей, в недостаточной степени соблюдающих рекомендации и ограничения. В совокупности с низкими темпами вакцинации и недоверием к отечественной вакцине (надо сказать, что россияне в принципе не особо любят вакцинироваться и склонны к конспирологии), такое поведение дает пространство для новых волн эпидемии и способствует мутациям вируса, которые могут быть опасны как для самих “антипрививочников”, так и для тех, кто уже провакцинирован. Пандемия обострила важность проблемы личной ответственности: носить ли маску, оставаться дома по необходимости, соблюдать дистанцию, вакцинироваться или нет и т.д. — сегодня уже не совсем личное дело каждого, а вопрос безопасности, ведь развитие ситуации с пандемией зависит не только от системы здравоохранения, но и от каждого россиянина. Обвинять в нерациональном поведении только само население сложно, так как россияне вообще не привыкли думать, что от них что-то зависит,

---

⁶⁹ См. об этом: Домашнее насилие в условиях COVID-19 в России. М., 2020.

⁷⁰ *Biddle N., Edwards B., Gray M., Sollis K.* Mental help and relationships during the COVID-19 pandemic // The ANU Centre for Social Research and Methods. 2020. 8 July.

и на это есть объективные причины, уходящие корнями глубоко в историю российской государственности. Чтобы изменить что-то в “русском характере”, склонном к пассивности и достаточно высокому уровню социального инфантилизма необходимо проводить должное информирование общества, так как именно под влиянием информации происходят изменения в сознании и поведении людей, именно правильный информационный посыл может помочь людям перестать считать себя непричастными “винтиками” и осознать, что “каждый человек несет ответственность перед всеми людьми за всех людей и за все”, в случае с охватившей мир эпидемией — собственное здоровье и безопасность других людей, за то что происходит со всем миром, как бы пафосно это ни звучало.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамов А.В., Багдасарян В.Э., Бышок С.О. и др. Пандемия COVID-19: конец привычного мира? // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2020. № 2. URL: www.evestnik-mgou.ru

Аймалетдинов Т.А., Гильдебрандт И.А., Никишова Е.Н., Рассадина Д.С. Новая нормальность. Образ жизни, рынки, инфраструктура и коммуникации после пандемии. М., 2020.

Арзаманова Т. Первые уроки первой пандемии XXI столетия // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. 2020. Июнь. Вып. 57 (73).

Воронов В.М. Пандемия COVID-19 как экзистенциальное и культурное событие: группы, культурные границы и феномен настроения (на примере российского общества) // Журнал фронтальных исследований. 2021. № 1 (21).

Гипаева Г.А. Профилактика covid-19 и ее эффективность: обзор литературы // Материалы Всероссийской научно-практической конференции “Наука и социум”. 2020. № 15.

Гофман Э. Поведение в публичных местах. Заметки о социальной организации сборищ. М., 2017.

Зеленин А.В., Буцева Т.Н. От сидидомцев до коронапофигистов (наименования лиц в период пандемии коронавируса) // Русский язык в школе. 2020. № 81 (6).

Ильиных С.А. Практики сохранения здоровья: размышления о причинах выбора в период реальной угрозы жизнедеятельности общества // Общество: социология, психология, педагогика. 2020. № 4.

Как COVID-19 влияет на психическое здоровье людей // Научно-производственный журнал “Разработка и регистрация лекарственных средств”. URL: <https://www.pharmjournal.ru/jour/announcement/view/555>

Карпова В.М., Ляликова С.В. Дистанционное обучение: опыт родителей. Пресс-релиз инициативного социологического исследования КССиД. М., 2020.

Кирзюк А.А. “У меня нет страха”: ковид-диссиденты в поисках агентности и правды // Мониторинг. 2021. № 2.

Островский Д.И., Иванова Т.И. Влияние новой коронавирусной инфекции covid-19 на психическое здоровье человека (обзор литературы) // Омский психиатрический журнал. 2020. № S2–1 (24).

Сорокин М.Ю., Касьянов Е.Д., Рукавишников Г.В. и др. Психологические реакции населения как фактор адаптации к пандемии COVID-19 // Обозрение психиатрии и медицинской психологии. 2020. № 2.

Социология пандемии. Проект коронаФОМ / Рук. авт. колл. А.А. Ослон. М., 2021.

Феденок Ю.Н., Буркова В.Н. Социальное дистанцирование как альтруизм в условиях пандемии коронавируса: кросс-культурное исследование // Сибирские исторические исследования. 2020. № 2.

“Черный лебедь” в белой маске. Аналитический доклад НИУ ВШЭ к годовщине пандемии COVID-19 / Под ред. С.М. Плаксина, А.Б. Жулина, С.А. Фаризовой. М., 2021.

Ядова М.А. Социология пандемии covid-19: попытка осмысления. Введение к тематическому разделу // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11. Социология. 2021. № 2.

REFERENCES

Abramov A. V., Bagdasaryan V.E., Byshok S.O. i dr. Pandemiya COVID-19: konec privychnogo mira? [COVID-19 pandemic: the end of the familiar world?] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyj zhurnal). 2020. № 2. URL: www.vestnik-mgou.ru DOI 10.18384/2224-0209-2020-2-1001 (in Russian).

Arzamanova T. Pervye uroki pervoj pandemii XXI stoletiya [First lessons of the first pandemic of the XXI century] // Evropejskaya bezopasnost': sobytiya, ocenki, prognozy. 2020. Iyun'. Vyp. 57 (73) (in Russian).

Bai N. Why experts are urging social distancing to combat coronavirus outbreak // Patient Care. 2020. March 14. URL: <https://www.ucsf.edu/news/2020/03/416906/why-experts-areurging-social-distancing-combat-coronavirus-outbreak> (accessed: 21.03.2020).

Biddle N., Edwards B., Gray M., Sollis K. Mental help and relationships during the COVID-19 pandemic // The ANU Centre for Social Research and Methods. 2020. 8 July.

Bootsma M.C.J., Ferguson N.M. The effect of public health measures on the 1918 influenza pandemic in U.S. cities // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2007. N 104 (18). P. 7588–7593.

Brooks S.K., Webster R.K., Smith L.E. et al. The psychological impact of quarantine and how to reduce it: rapid review of the evidence // The Lancet. 2020. N 395. P. 912–920. doi:10.1016/S0140-6736(20)30460-8

“Chernyj lebedь” v beloј maske. Analiticheskij doklad NIU VSHE k godovshchine pandemii COVID-19 [“Black Swan” in a white mask. Analytical report of the Higher School of Economics on the anniversary of the COVID-19 pandemic] / Pod red. S.M. Plaksina, A.B. Zhulina, S.A. Farizovoj. M., 2021 (in Russian).

Fedenok Yu.N., Burkova V.N. Social'noe distancirovanie kak al'truizm v usloviyah pandemii koronavirusa: kross-kul'turnoe issledovanie [Social distancing as altruism in the context of the coronavirus pandemic: a cross-cultural study] // Sibirskie istoricheskie issledovaniya. 2020. N 2 (in Russian).

Gipaeva G.A. Profilaktika covid-19 i ee effektivnost': obzor literatury [Prevention of covid-19 and its effectiveness: a literature review] // Materialy Vserossijskoј nauchno-prakticheskoj konferencii “Nauka i socium”. 2020. N 15 (in Russian).

Gofman E. Povedenie v publicnyh mestah. Zametki o social'noj organizacii sborishch [Behavior in public places. Notes on the social organization of gatherings]. M., 2017 (in Russian).

Hellewell J., Abbott S., Gimma A., Bosse N.I., Jarvis C.I., Russell T.W. et al. Feasibility of controlling COVID-19 outbreaks by isolation of cases and contacts // *The Lancet Global Health*. 2020. N 8 (4). P. 488–496.

Huang Y., Zhao N. Generalized anxiety disorder, depressive symptoms and sleep quality during COVID-19 outbreak in China: a web-based cross-sectional survey // *Psychiatry Research*. 2020. Vol. 288.

Ilinykh S.A. Praktiki sohraneniya zdorov'ya: razmyshleniya o prichinah vybora v period real'noj ugrozy zhiznedeyatel'nosti obshchestva [Health preservation practices: reflections on the reasons for choosing in the period of a real threat to the life of society] // *Obshchestvo: sociologiya, psihologiya, pedagogika*. 2020. N 4 (in Russian).

Kak COVID-19 vliyaet na psihicheskoe zdorov'e lyudej [How COVID-19 Affects Human Mental Health] // *Nauchno-proizvodstvennyj zhurnal "Razrabotka i registraciya lekarstvennyh sredstv"*. URL: <https://www.pharmjournal.ru/jour/announcement/view/555> (data obrashcheniya: 28.06.2021) (in Russian).

Karpova V.M., Lyalikova S.V. Distancionnoe obuchenie: opyt roditel'ej. [Distance learning: the experience of parents] *Press-reliz iniciativnogo sociologicheskogo issledovaniya KSSiD*. M., 2020 (in Russian).

Kirzyuk A.A. U menya net straha: kovid-dissidenty v poiskah agentnosti i pravdy [I have no fear: Covid dissidents in search of agency and truth] // *Monitoring*. 2021. N 2 (in Russian).

Lotzin A., Acquarini E., Ajdukovic D. et al. Stressors, coping and symptoms of adjustment disorder in the course of the COVID-19 pandemic — study protocol of the European Society for Traumatic Stress Studies (ESTSS) pan-European study // *European Journal of Psychotraumatology*. 2020. Vol. 11. N 1. Article ID 1780832. 11 p. DOI:10.1080/20008198.2020.1780832

Nasser A.Y., Al-Hadithi H.T., Dashmash E.Z. et al. The effect of the 2019 coronavirus disease outbreak on social relationships: a cross-sectional study in Jordan // *International Journal of Social Psychiatry*. 2020. 25 Oct.

Ostrovsky D.I., Ivanova T.I. Vliyanie novej koronavirusnoj infekcii covid-19 na psihicheskoe zdorov'e cheloveka (obzor literatury) [The impact of the new coronavirus infection covid-19 on human mental health (literature review)] // *Omskij psihiatricheskij zhurnal*. 2020. N S2–1 (24) (in Russian).

Pieh C., O'Rourke T., Budimir S., Probst T. Relationship quality and mental health during COVID-19 lockdown // *PLoS ONE*. 2020. N 15 (9).

Sorokin M.Y.U., Kasyanov E.D., Rukavishnikov G.V. i dr. Psihologicheskie reakcii naseleniya kak faktor adaptacii k pandemii COVID-19 [Psychological reactions of the population as a factor of adaptation to the COVID-19 pandemic] // *Obozrenie psihiatrii i medicinskoj psihologii*. 2020. N 2 (in Russian).

Sociologiya pandemii. [Sociology of a pandemic] Proekt koronaFOM / Ruk. avt. koll. A.A. Oslon. M., 2021 (in Russian).

Taquet M., Luciano S., Geddes J.R., Harrison P.J. Bidirectional associations between COVID-19 and psychiatric disorder: retrospective cohort studies of 62 354 COVID-19 cases in the USA // *The Lancet Psychiatry* 2021. N 8. P. 130–140.

Voronov V.M. Pandemiya COVID-19 kak ekzistencial'noe i kul'turnoe sobytie: gruppy, kul'turnye granicy i fenomen nastroyeniya (na primere rossijskogo obshchestva) [The COVID-19 pandemic as an existential and cultural event: groups,

cultural boundaries and the phenomenon of mood (on the example of Russian society)] // Zhurnal Frontirnyh Issledovanij. 2021. N 1 (21) (in Russian).

Wang Q., Xu R., Volkow N.D. Increased risk of COVID-19 infection and mortality in people with mental disorders: analysis from electronic health records in the United States // World Psychiatry. 2021. Feb. Vol. 20. N 1. P. 124–130.

Yadova M.A. Sociologiya pandemii covid-19: popytka osmysleniya: vvedenie k tematicheskomu razdelu [Sociology of the covid-19 pandemic: an attempt at comprehension: an introduction to the thematic section] // Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 11. Sociologiya. 2021. N 2 (in Russian).

Zelenin A.V., Buceva T.N. Ot sididomcev do koronapofigistov (Naimenovaniya lic v period pandemii koronavirusa) [From Sididoms to Coronapofigists (Names of persons during the coronavirus pandemic)] // Russkij yazyk v shkole. 2020. N 81 (6). S. 97–106 (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2022-28-1-260-277

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КАТЕГОРИИ “СОЦИАЛЬНАЯ ПРАКТИКА” ДЛЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ФЕНОМЕНА ИСКУССТВЕННОГО ПРЕРЫВАНИЯ БЕРЕМЕННОСТИ

М.В. Шелест, соискатель ученой степени кафедры социологии и социальных технологий Волгоградского государственного университета, пр-т Университетский, 100, г. Волгоград, Российская Федерация, 400062*

Проблема искусственного прерывания беременности остается одной из нерешенных проблем современности. В статье приводится понятие и структурная особенность феномена искусственного прерывания беременности. Рассматривается традиционный подход к исследованию феномена, в основе которого находится категория “общество”. Объясняется недостаточность такого подхода: ограничение социального аспекта исследования феномена, неполное представление о причинах его распространения. Проводится анализ подхода к изучению социальной действительности, основанного на категории “социальная практика”, появившейся в социологии на рубеже 1980-х гг. Анализ показал, что такой подход направлен на изучение не самих явлений, а на повторяющиеся действия индивидов, совокупность которых и представляет собой социальную практику. В статье приводятся этапы формирования социальной практики, ее признаки, опираясь на которые автор пришел к заключению, что совокупность действий по прерыванию беременности, воспроизводимая отдельными индивидами, представляет собой социальную практику, а значит, предлагаемый подход возможен для изучения феномена искусственного прерывания беременности. Он позволит проследить процесс становления социальной практики искусственного прерывания беременности, определить ее воздействие на поведение отдельного индивида и на социальные субъекты; выявить комплекс причин, которые оказывают влияние на принятие индивидом решения о прерывании беременности; все это вместе приведет к определению и выработке более эффективных методов регулирования практики искусственного прерывания беременности.

Ключевые слова: феномен искусственного прерывания беременности, социальная практика, подходы исследования, общество, действия индивидов.

---

* Шелест Марина Викторовна, e-mail: marina_sheles@mail.ru

THE PROSPECT OF USING THE CATEGORY OF “SOCIAL PRACTICE” TO STUDY THE PHENOMENON OF ARTIFICIAL TERMINATION OF PREGNANCY

Shelest Marina V., Candidate of the Academic degree of the Department of Sociology and Social Technologies of the Volgograd State University, Universitetsky Ave., 100, Volgograd, Russian Federation, 400062, e-mail: marina_sheles@mail.ru

The problem of artificial termination of pregnancy remains one of the unsolved problems of our time. The article presents the concept and structural feature of the phenomenon of artificial termination of pregnancy. The traditional approach to the study of the phenomenon, which is based on the category “society”, is considered. The insufficiency of this approach is explained: the limitation of the social aspect of the study of the phenomenon, an incomplete idea of the reasons for its spread. The article analyzes the approach to the study of social reality based on the category “social practice”, which appeared in sociology at the turn of the 1980. The analysis showed that this approach is aimed at studying not the phenomena themselves, but the repeated actions of individuals, the totality of which is a social practice. The article presents the stages of the formation of social practice, its signs, based on which the author came to the conclusion that the set of actions for termination of pregnancy, reproduced by individual individuals, is a social practice, which means that the proposed approach is possible to study the phenomenon of artificial termination of pregnancy. It will make it possible to trace the process of formation of the social practice of artificial termination of pregnancy, to determine its impact on the behavior of an individual and on social subjects; to identify a set of reasons that influence an individual’s decision to terminate pregnancy; which together will lead to the definition and development of more effective methods of regulating the practice of artificial termination of pregnancy.

Key words: *the phenomenon of artificial termination of pregnancy, social practice, research approaches, society, the action of individuals.*

Проблема искусственного прерывания беременности остается одной из острых социальных проблем современности, которая требует решения. Методы борьбы с ней, применяемые в нашей стране в различные периоды, зарекомендовали себя в большей степени, как малоэффективные. По утверждению специалистов, количество прерываний беременности было и остается значительным. Борьбу с феноменом изначально строили, пытаясь ответить на вопрос: почему индивид прерывает беременность? Ведь для решения любой проблемы, необходимо понять ее причины, для чего важна точность их определения, которая во многом зависит от выбора подхода к исследованию проблемы. И здесь возникает сложность.

Изучение социального аспекта феномена искусственного прерывания беременности с момента его распространения, а точнее с рубежа XX в., строилось с опорой на такие понятия, как “общество”,

“социальные институты”, которые использовались в этот период и оставались основополагающими на протяжении последующих нескольких десятков лет для исследования всей социальной действительности. Однако особенностью феномена искусственного прерывания беременности является то, что объединяющим фактором здесь выступает не общество как совокупность субъектов, обладающих какими-либо общими признаками, общностью интересов, разделяемыми ценностями¹, а действие, которое повторяют номинальные общности, представляющие собой чисто статистические образования². Феномен не относится к какой-то группе людей, данное действие воспроизводят разрозненные индивиды, относящиеся к самым различным группам общества. Это во многом объясняет, почему подход от “общества” приводил к ограниченным выводам о причинах и, как следствие, к противоречивым и малоэффективным методам борьбы с феноменом, а социальный аспект исследований ограничивался отслеживанием его воздействия на демографические процессы, выявлением социально-экономических закономерностей жизни индивидов, воспроизводящих его³. Использование для изучения феномена категории “социальная практика”, на наш взгляд, позволит выявить предпосылки формирования практики, определить ее воздействие на поведение отдельного индивида и на различные социальные субъекты; поможет выявить спектр причин, по которым индивид решает прервать беременность, понять его поведение, а, следовательно, найти новые подходы к решению проблемы. Методологической базой работы послужили идеи, содержащиеся в трудах зарубежных и отечественных ученых в области социологии, посвященные социальной практике и решению проблемы абортов. Использовался метод теоретического анализа литературных источников по теме исследования.

Искусственное прерывание беременности — это сознательное, основанное на личном решении, действие индивида, направленное на прекращение беременности в течение первых 28 недель, которое приводит к гибели плода, так как последний еще не жизнеспособен⁴.

---

¹ Ядов В.А. Социология должна стать самостоятельной наукой // *Философская и социологическая мысль*. 1989. № 7. С. 43–50.

² Грушин Б.А. Массовое сознание: Опыт определения и проблемы исследования. М., 1987. С. 54; Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. М., 2005. С. 202.

³ Юсупова А.Н. Аборты в России: Монография / Под ред. В.Ю. Альбицкого. М., 2004. С. 25.

⁴ Кузнецов В.К., Лисицын Ю.П., Оппенгейм Д.Г. и др. Аборт искусственный // Большая медицинская энциклопедия / Главн. ред. Б.В. Петровский. Т. 1. М., 1974. С. 12–16.

С социологической точки зрения, феномен можно назвать болезнью общества. Как отметил врачеватель древности Гиппократ “лечить нужно не болезнь, а больного”⁵. Именно “индивидуализация каждого случая... это самое твердое основание лечения, которое направляется не против болезни, а против страдания больного”⁶. В случае с феноменом искусственного прерывания беременности больным выступает индивид, совершающий аборт искусственный, поэтому именно его отдельное действие и требует подробного исследования. Категория “социальная практика” позволяет подойти к изучению социального феномена именно от действия отдельного индивида.

Термин “социальная практика” в качестве базовой категории в социологии появился на рубеже 1980-х гг.⁷, но до настоящего времени данная категория при изучении феномена искусственного прерывания беременности не применялась. П. Бурдые отметил, что социальной практикой можно считать как целесообразные действия индивидов, так и каждодневные поступки, не требующие объяснений⁸. В. Волков и О. Хархордин назвали практиками “все то, что мы делаем”⁹. Универсального определения категории “социальная практика” в научных кругах пока не существует. Мы будем придерживаться мнения Н.Л. Антоновой о том, что “социальная практика предстает как совокупность действий и взаимодействий индивидов, групп, общностей, организаций во времени и в пространстве”¹⁰. Такая формулировка позволяет определить, что совокупность действий индивидов по прерыванию беременности представляет собой социальную практику. При этом индивидами данной практики являются и женщины (непосредственно) и мужчины (опосредованно).

На рубеже XX в. в социологии разрабатывалось два основных подхода к проведению исследований социума. В одном центральное место занимали категории “общество”, “культура”, “социальные группы”, “личность”, в другом — “социальное действие”. В основу

---

⁵ Гиппократ. Проект кафедры истории медицины Московского государственного медико-стоматологического университета им. А.И. Евдокимова. URL: <https://www.historymed.ru/encyclopedia/quotes/gippokrat/> (дата обращения: 15.07.2021).

⁶ Боткин С.П. Из первой клинической лекции // Медицинский вестник. 1862. № 41. С. 391–393.

⁷ Антонова Н.Л. Социальная практика: теоретико-методологические основания исследовательского анализа // Известия Уральского государственного университета. Общественные науки. 2009. № 4. С. 92–98.

⁸ Бурдые П. Начала. М., 1994.

⁹ Волков В.В., Хархордин О.В. Теория практик. СПб., 2008. С. 15.

¹⁰ Антонова Н.Л. Указ. соч. С. 92–98.

первой концепции легли идеи Э. Дюркгейма (1858–1917)¹¹, в которых автор называл общество самостоятельной сущностью, состоящей из частей, не сводимых к их сумме. Он был убежден, что единичные люди свои ценности, нормы поведения получают, приобщаясь к образованиям, выходящим за рамки индивидуальных, а та или иная структура общества принуждает их к определенному поведению. Главное усилие социолога, как пишет Э. Дюркгейм, должно быть направлено на то, чтобы найти различные свойства среды, способные оказать влияние на развитие социальных явлений¹². Опираясь на данную теорию, причины любых социальных явлений исследователи стали искать в закономерностях, тенденциях, происходящих в обществе.

Другую концепцию разработал М. Вебер (1864–1920). Первичной единицей социологии автор назвал социальное действие отдельного индивида: «Социология рассматривает отдельного индивида и его действие как первичную единицу, как “атом”... а такие понятия, как “государство”, “общество”, “феодализм” и т.п., в социологическом понимании означают... категории определенных видов совместной деятельности людей, и задача социолога заключается в том, чтобы свести их к “понятному” поведению, а такое сведение всегда означает одно — сведение к поведению участвующих в этой деятельности отдельных людей»¹³. Иными словами, источником социальных явлений является единичное социальное действие индивида, которому присущи: 1) осознанность, 2) ориентация на другого¹⁴. Но не просто ориентация на другого, а “ожидание” субъектом определенного поведения, ответной реакции от партнера¹⁵. Одним из центральных аспектов теории М. Вебера был мотив поведения человека. Автор был уверен, что граница между реактивным поведением и осмысленным действием не может быть точно проведена¹⁶, индивид не в состоянии осознать полностью мотив, и тем более высказать его, а, следовательно, и объяснить свои действия. Задача социолога — выявить эту связь между отдельными мотивами, и определить ее подлинный характер¹⁷. Другими словами, данный подход приводил исследователя к необходимости всесторонне изучать причины дей-

---

¹¹ *Durkheim E.* De la division du travail social: étude sur l'organisation des sociétés supérieures. P., 1893.

¹² *Дюркгейм Э.* Метод социологии. Харьков, 1899. С. 100.

¹³ *Вебер М.* Избранные произведения. М., 1990. С. 507.

¹⁴ Там же. С. 603.

¹⁵ *Социология: основы общей теории / Под общ. ред. А.Ю. Мягкова.* М., 2016. С. 49.

¹⁶ *Вебер М.* Основные социологические понятия. М., 2014. С. 4.

¹⁷ Там же. С. 11.

ствия индивида, объяснять его поведение, что в свою очередь объясняло социальное явление в целом.

Всеобщее признание получила первая концепция, которая и определила на несколько десятков лет всю логику исследований социальных явлений, методы проведения их анализа и прочее. Понимание того, к какой ограниченности привел выбор одной из концепций, подтолкнуло Т. Парсонса в 1936 г. к попытке их синтеза. Опираясь на идеи М. Вебера, Т. Парсонс подробно раскрыл понятие единичного действия, как основной единицы, на которые необходимо делить явление для его изучения¹⁸. Вместе с тем, автор пришел к выводу, что понятие “индивид” может расшириться от отдельной личности до коллектива или культурной системы. Вслед за Э. Дюркгеймом Т. Парсонс высказал мысль о том, что социальные системы не сводятся к сумме личных действий, а индивид в своих действиях ориентируется на нормы, которые утвердились в обществе.

Недостаточность выбранной концепции для проведения социологических исследований прослеживается в различных трудах XX в. Так, русский и американский социолог и культуролог П.А. Сорокин в своих работах, изучая мир людей, находящихся в процессе психического взаимодействия, ограничился исследованием характера действий, которые они производят, а причины, по которым они действуют, свел к принуждению со стороны общества. По его мнению, каждый человек производит множество актов, на которые он получает множество реакций от людей, с которыми он живет. Все акты он поделил на запрещенные или недозволенные, должные и рекомендованные или добровольные¹⁹. Для каждого человека они распределяются в свои “копилки”, в зависимости от того, каковы его представления “дозволенно-должного” поведения²⁰. Но сами представления индивиду “прививают” окружающие его сочеловеки: «... жизнь и деятельность каждого человека, весь его характер коренным образом определяется другими людьми, тем “обществом”, которое его окружало и окружает»²¹. Таким образом, поведение индивида рассматривалось им в зависимости от общества, сам индивид предстал безвольным существом, на которого оказывают непреодолимое воздействие физико-химические, биологические, социально-психологические силы, воздействующие на него.

Практическим примером ограничения социальных исследований, вызванного подходом через категорию “общество”, можно

---

¹⁸ Парсонс Т. О структуре социального действия. М., 2007. С. 85.

¹⁹ Сорокин П.А. Общая социология. М., 2007. С. 79.

²⁰ Там же. С. 89.

²¹ Там же. С. 11.

назвать способ выявления причин распространения феномена искусственного прерывания беременности. С 1920-х гг. в СССР начали изучать вопрос социально-бытовой обстановки в стране, вызывающей аборт²², т.е. для определения путей борьбы с феноменом, поставили задачу выявить закономерности социально-материальных условий жизни, при которых индивиды чаще всего прерывали беременность. В последующем к закономерностям во внешних обстоятельствах жизни, социальному, семейному положению²³ добавили уровень образования, склонность к вредным привычкам и прочее²⁴. Такой подход сохраняется до настоящего времени.

Выбранная в социологии концепция не смогла ответить на те вопросы, которые постепенно стали возникать у исследователей. Так, в 1970-х гг. у известного советского социолога В.А. Ядова возник вопрос: «...если личность — результат социального процесса, то норма ее поведения и ее социальные роли рассматриваются как навязанные извне предписания. Но откуда “являются” эти предписания?»²⁵. Ученый пришел к выводу, что личность, безусловно, тесно связана с социальными условиями, средой, с обществом в целом, но внешние воздействия не имеют принудительной способности, личность способна им противостоять²⁶. Такой вывод требовал пересмотра подхода к определению причин распространения некоторых социальных явлений, в том числе феномена искусственного прерывания беременности. Однако по идейным соображениям советские социологи не могли себе такого позволить. Основополагающей категорией социальных исследований в СССР продолжало оставаться “общество”. Лишь на рубеже 1990-х гг. В.А. Ядов в своих работах отметил, что «категория “общество” является слишком абстрактной, поэтому ее можно рассматривать конечным, а не начальным пунктом анализа социальной системы»²⁷.

Центральное место в работе П. Бергера и Т. Лукмана “Социальное конструирование реальности”, вышедшей в 1966 г., заняла идея, связанная с понятием “привычка”²⁸. Авторы отметили, что

---

²² Генс А. Проблема аборта в СССР. М., 1929. С. 3.

²³ Садвокасова Е.А. Социально-гигиенические аспекты регулирования размеров семьи. М., 1969. С. 163.

²⁴ Юсупова А.Н. Указ. соч. С. 67.

²⁵ Социология Ядова: методологический разговор / Ред.-сост., авторы предисл.: Е.Н. Данилова, Л.А. Козлова, П.М. Козырева, О.А. Оберемко. М., 2018. С. 311.

²⁶ Там же. С. 311–315.

²⁷ Ядов В.А. Размышления о предмете социологии. М., 1990. С. 3–16.

²⁸ Berger P.L., Luckmann T. The social construction of reality. A treatise on sociology of knowledge. L., 1966.

“всякая человеческая деятельность подвергается хабиитуализации (опривычиванию)”²⁹, т.е. действие, которое часто повторяется, осознается исполнителем как образец и становится необязательно каждую ситуацию определять заново. Данное исследование позволило определить роль привычки в жизни индивида: человек способен привыкнуть и воспроизводить, не задумываясь, не только то действие, которое повторяет сам, но и то, которое производят другие индивиды. Иными словами, индивид, наблюдая в обществе действие аборта, становится способным повторить его.

Рассмотрение трудов об абортах показало, что применяемый подход ограничивал исследование социологического аспекта феномена искусственного прерывания беременности изучением масштабов распространения случаев аборта, их воздействия на демографию, причин социально-экономического характера, отношения общества к феномену³⁰. Оставалось без внимания влияние, которое оказывает сама практика на социум, и как общество воздействует на нее.

Изучение социальной практики как самостоятельной категории стартовало в начале 1970-х гг. с появления научной статьи французского социолога П. Бурдьё (1930–2002) “Эскиз теории практики” (1972), а годом позже К. Гирца — “Интерпретация культур”³¹. В основу категории “социальная практика” легла концепция “социального действия”. Фундаментальным трудом XX в. в направлении изучения социальных практик можно назвать труд П. Бурдьё “Практический смысл” (1980), в котором автор отмечает, что практики сами создают систему представлений и они же являются результатом реальных отношений, создаются индивидами и оказывают на них влияние³². Таким образом, действия по прерыванию беременности воспроизводятся отдельными индивидами и складываются в социальную практику, которая оказывает воздействие на индивидов. Условия же социума, по мнению П. Бурдьё, имеют лишь то значение, что люди, которые попадают в сходные условия, имеют все шансы производить и сходные практики³³. Обстоятельства, окружающие

---

²⁹ Бергер П.Л. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995. С. 89–90.

³⁰ Юсупова А.Н. Указ. соч. С. 26.

³¹ Волков В.В. О концепции практик(и) в социальных науках // Бесплатная электронная библиотека. 1997. URL: <http://kniga.seluk.ru/k-filosofiya/1293567-1-volkov-vadim-viktorovich-doktor-filosofskih-nauk-dekan-fakulteta-politicheskikh-nauk-sociologii-evropeyskogo-u.php> (дата обращения: 15.07.2021).

³² Бурдьё П. Практический смысл / Отв. ред. Н.А. Шматко. СПб., 2001.

³³ Бурдьё П. Начала. С. 195.

индивида, оказывают определенное влияние на его выбор средств для достижения каких-либо целей, но не определяются ими. Это позволяет понять, что индивид в своем поведении в большей степени зависит от себя самого, а значит, причины, по которым он решается искусственно прервать беременность, недопустимо ограничивать выявлением закономерностей в условиях его жизни.

В 1984 г. Э. Гидденс изложил основные положения своей теории структуризации. Автор отметил, что социальная жизнь представляет собой совокупность социальных практик, которые складываются из социальных действий³⁴. Структура действия рассматривается им «как регулярно воспроизводящиеся “наборы” правил и ресурсов, которые существуют вне времени и пространства, проявляются в памяти индивидов в виде “отпечатков” социальной практики и отличаются “отсутствием субъекта”»³⁵. Для Гидденса человеческая деятельность представляет собой и средства, и результат структуры социальной системы. Действия отдельных людей, сложившиеся в социальную практику, могут оказать определенное воздействие на поведение отдельного человека, т.е. повторяющееся воспроизводство аборта оказывает воздействие на поведение отдельных индивидов. Следует подчеркнуть обозначенную автором принципиальную разницу между принуждением к действию, о котором говорил Э. Дюркгейм, и воздействием, которому человек может противостоять. О последнем свидетельствует факт изменения социальных практик.

О том, какую роль в обществе играют сами социальные практики, также писал А. Шютц: «...то, что вначале было лишь результатом повторяющихся действий группы индивидов, следующим поколением воспринимается как данность, подлежащая лишь повторению, настолько же естественная для индивида в окружающем пространстве, как и физические объекты, присутствующие в нем»³⁶. Иными словами, сами практики оказывают сильное воздействие на поведение индивидов.

Труды различных авторов указывают на то, что подход к изучению социальных явлений через “социальную практику” “заставляет” исследователей уделять много внимания изучению того, что движет индивидом в его действиях, изучать факторы, которые оказывают воздействие на его поведение. Например, А.Ю. Мягков, изучая действия индивидов, пришел к заключению, что в основе

---

³⁴ Гидденс Э. Устроение общества: очерк теории структуризации. М., 2005. С. 40.

³⁵ Там же. С. 45.

³⁶ Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / Сост. А.Я. Алхасов. М., 2003. С. 156–157.

действия индивида находятся его потребности и интересы. Для их удовлетворения последний прибегает к образцам поведения, которые он видит вокруг себя или воспроизводит сам. Такие образцы могут накапливаться в связи с меняющимися условиями, со временем. Из множества вариантов человек выбирает один, опираясь на личные ценностные ориентации и установки. Таким образом, значимыми факторами, определяющими поведение, являются внутренние, к которым относятся личные убеждения индивида, его ценностные установки и другое. Однако изучение факторов, которые оказывают влияние на распространение феномена искусственного прерывания беременности, до настоящего времени ограничивалось рассмотрением внешних факторов: условий жизни, социокультурного развития индивидов, которые стали называть причинами распространения практики. Эти причины с самого начала выявлялись через прямые анкетные вопросы. Но индивид в своих действиях полностью осознанно никогда не поступает, его действия во многом основываются на интуиции, инстинктах (ответная реакция), чувствах, эмоциях³⁷, кроме того, он не всегда способен не только правильно определить причины, но и признаться в них, поэтому такие вопросы приводили исследователей к поверхностным или ложным выводам. А новый подход позволил выявить внутренние факторы, которые оказывают влияние на решение индивида прервать беременность.

Так, изучение этапов становления рассматриваемой практики способствовало определению предпосылок ее возникновения, основанных на происходящих изменениях в российском обществе в конце XIX в.: вовлечение женщины в производство, распространение в это время информации о возможности и способах аборт, сложившееся мнение в обществе об их безопасности, статус эмбриона был поставлен под сомнение, проникновение атеистических и феминистских взглядов в общество, оправдание процедуры научным сообществом с целью легализации. Если до этого периода каждый случай искусственного прерывания беременности обществом воспринимался как преступление, сами женщины избегали такой процедуры, прежде всего, потому что считали ее страшным грехом³⁸, теперь же отношение к процедуре прерывания беременности стало меняться. Л. Окинчиц в 1911 г. в своем докладе отметил, что

---

³⁷ Социология: основы общей теории. С. 50.

³⁸ Пирожкова О.П. Статистические данные относительно количества выкидышей в Московских городских больницах и городских родильных приютах // Труды IV-го Съезда Общества российских акушеров и гинекологов (16–19 дек. 1911 г. в С.-Петербурге) / Под ред. А. Редлиха. СПб., 1912. С. 103–109.

вопрос о преступном выкидыше всегда подвергался односторонней оценке, рассматривались интересы внутриутробного плода, интересы же матери ставились на второй план или игнорировались. Теперь женщины узнали о своих правах, материнство стало “выходить из моды”, стремление к заработку стало заменять его³⁹. Легализация аборт после 1917 г. окончательно убедила многих индивидов в правильности такого поведения, т.е. основная причина появления и распространения практики абортов заключается в изменении ценностных установок человека. Личные убеждения индивида в том, что в аборте нет ничего плохого, что собственное удобство и интересы превыше всего, позволили ему, возможно под давлением внешних обстоятельств, соглашаться на прерывание беременности.

В российскую социологию категория “социальная практика” проникла на рубеже XX в. и вызвала много споров и обсуждений. В.В. Волков и О.В. Хархордин пришли к выводу, что практики раскрывают способы социального существования, приемлемые для данной культуры в данный исторический момент⁴⁰. Таким образом, социальная практика отражает те мировоззренческие взгляды, которые присущи индивидам в данный период времени. Например, изучение социальной практики искусственного прерывания беременности позволяет выявить их отношение к внутриутробному плоду. В современном обществе эмбрион внутренне не воспринимается ребенком, к беременности относятся, как к зарождению новой жизни, только в случае ее желанности, в иных случаях — как к проблеме. Об этом свидетельствуют данные за 2018 г. о том, что 57% зарегистрированных Росстатом прерываний беременности составляют аборты лишь по одному желанию женщины (37% самопроизвольные, 3,1% по показаниям)⁴¹.

Кроме того, социальная практика оказывает воздействие на поведение индивидов. Об этом свидетельствуют данные Росстата о возрасте жениха и невесты при вступлении в брак, и возрасте женщин при рождении первого ребенка, динамика которого направлена в сторону увеличения⁴², при том, что возраст начала половой жизни напротив снижается. Количество детей в семье строго контролируется

---

³⁹ Окинчиц Л. Как бороться с преступным выкидышем // Труды IV-го Съезда Общества российских акушеров и гинекологов... С. 53–67.

⁴⁰ Волков В.В., Хархордин О.В. Указ. соч. С. 22.

⁴¹ Население России 2018: двадцать шестой ежегодный демографический доклад / Отв. ред. С.В. Захаров. М., 2020. С. 175.

⁴² Население. Браки и разводы // Сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/12994> (дата обращения: 10.09.2021).

ется и минимизируется: суммарный коэффициент рождаемости в 2020 г. стал равен 1,5⁴³.

Опираясь на представленные труды, мы пришли к заключению, что не только социальные практики оказывают воздействие на индивидов, но и индивиды и различные социальные субъекты преобразуют социальные практики. Российские социологи предложили такое воздействие рассматривать на макро- и микроуровнях⁴⁴. В первом случае акторами практики искусственного прерывания беременности могут выступать социальные субъекты, которые вносят изменения в нормативно-правовую базу, используют достижения научно-технического прогресса как для разработки новых методов аборт (с меньшим вредом для физиологического здоровья женщины), так и для распространения abortивных препаратов и проведения незаконных консультаций по их применению вне больницы (интернет, различные устройства), осуществляют действия по профилактике аборт и другие. Во втором случае акторами выступают отдельные индивиды и социальные группы. Несмотря на то что не каждый человек может являться автором социальных практик, однако практически каждый бывает втянут в практики других субъектов, подчиняя им свои помыслы и действия. Своим воспроизводством действия актер поддерживает существование практики. Для создания новых социальных практик или изменения существующих, индивид должен быть готов к отказу от привычного образа жизни, к “внутренним” переменам, к самоограничению, без которых не может произойти “внешних” изменений⁴⁵, т.е. индивид должен обладать определенной внутренней решимостью, стойкостью, чтобы повлиять на практику.

Изучение воздействия индивидов на практику искусственного прерывания беременности позволяет выявить причины развития самой практики. В России продолжается отстаивание индивидами своих прав на сохранение возможности искусственно прервать беременность, т.е. общество в целом не готово ее утратить. Практика поддерживается индивидами воспроизводством процедуры аборт. Попытка минимизировать последствия для физиологического здоровья женщины привела к разработке учеными медикаментозного способа аборт. С 2005 г. такой способ получил распространение в

---

⁴³ Демография. Естественное движение населения // Сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 10.09.2021).

⁴⁴ Антонова Н.Л. Указ. соч. С. 92–98.

⁴⁵ Резник Ю.М. Человек и его социальные практики // Человек вчера и сегодня: междисциплинарные исследования. М., 2008. Вып. 2. С. 84–102.

России. В результате, по утверждению акушера-гинеколога, доктора медицинских наук М.В. Медведева, уже к 2014 г. у многих женщин сложилось отношение к такому способу как к средству, позволяющему совсем не предохраняться⁴⁶. Прием “лекарства” делает процедуру привлекательной. Появление таких препаратов привело к тому, что участниками практики абортов стали коммерческие организации, а также правоохранительные органы, занимающиеся пресечением незаконного распространения таких препаратов.

Социальной практике присущи этапы становления и признаки, которые позволяют соотнести какое-либо социальное явление с данной категорией. К этапам становления исследователи относят: производство отдельного социального действия индивидом; повторение этого действия (опривычивание); массовое воспроизведение индивидами, влияние на социальную реальность и поведение отдельного индивида⁴⁷. К признакам — устойчивость, воспроизводимость, массовость, нормативность⁴⁸, наличие смыслового основания⁴⁹. Кроме того, социальные практики можно типизировать на принятые в обществе и не принятые или малораспространенные, а иногда противоречащие нормам общества, вступающие в противоречие с существующими стандартами⁵⁰.

Социальная практика искусственного прерывания беременности в России начала формироваться в конце XIX в. Начальный этап заключался в росте количества случаев абортов вследствие изменения личного отношения к такому действию у индивидов. После событий 1917 г. предпосылки превратились в руководство к действию. Аборт был избран властью для решения политических, идеологических проблем, а также социального экспериментирования⁵¹. Второй этап, опривычивание, завершился очень быстро, избавление от плода удалось превратить в глазах общества в способ реализации прав женщин, который стал восприниматься не только как удобная, но и как нормальная (от слова “норма”) процедура, о чем свидетельству-

---

⁴⁶ Медикаментозный или хирургический аборт? // Сайт о женском здоровье и современной гинекологии // Медведев. URL: https://www.medvedev.ua/knowledge-base/articles/2014/medical_or_surg_abort.html (дата обращения: 08.09.2021).

⁴⁷ Шугальский С.С. Социальные практики: интерпретация понятия // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 2. С. 276–280.

⁴⁸ Антонова Н.Л. Указ. соч. С. 92–98.

⁴⁹ Дьяков А.А. Теория практик: социально-философский потенциал концепции // Известия Саратовского университета. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2011. Т. 11. № 1. С. 8–12.

⁵⁰ Шабанова М.А. О некоторых преимуществах интеграции экономического и социологического анализа институциональных изменений. Статья 1. Институты, практики, роли // Экономическая социология. 2006. Т. 7. № 4. С. 11–26.

⁵¹ Юсупова А.Н. Указ. соч. С. 26.

ют следующие статистические показатели. Так, в Ленинграде число абортсв на 100 родов в 1924 г. составило 21, в 1928 г. — 139⁵². Во второй половине 1930-х гг. социальная практика сформировалась, началось бессознательное повторение процедуры индивидами (не было необходимости обдумывать свое решение, доказывать кому-либо необходимость проведения такой процедуры); проявились все признаки категории: устойчивость (абортсв продолжали делать и после роста цен на процедуру, после запрета в 1936 г. их стали делать нелегально), воспроизводимость (к практике прибегали индивиды всех слоев общества и уровня достатка), нормативность (большая часть населения перестала видеть в поступке что-либо плохое), наличие смыслового основания (удобный способ избавиться от незапланированной беременности).

В результате соотнесения этапов становления и признаков социальной практики с феноменом искусственного прерывания беременности в ходе исследования нами было установлено, что феномен искусственного прерывания беременности является социальной практикой, что позволяет его исследовать через предлагаемую категорию.

Таким образом, особенность подхода к изучению феномена искусственного прерывания беременности через категорию “социальная практика” заключается в том, что он направлен не на сам феномен, а на индивидов, его совершающих, на их действие. Категория позволяет значительно расширить социологический аспект изучения феномена искусственного прерывания беременности, а именно:

- выявить предпосылки формирования практики, обнаружить ее “корень”;
- выявить комплекс причин, которые оказывают влияние на принятие индивидом решения о прерывании беременности;
- определить воздействие самой социальной практики на поведение отдельного индивида и на различные социальные субъекты;
- определить роль индивидов и общественных субъектов в изменении и развитии социальной практики.

Важность изучения данных вопросов состоит в том, что ответы на них позволят выявить более эффективные методы регулирования социальной практики искусственного прерывания беременности. Исследование показало, что практика изменяется вследствие

---

⁵² Демографическая модернизация России, 1900–2000 / Под ред. А.Г. Вишневого. М., 2006. С. 203.

изменения поведения отдельных индивидов, следовательно, регулирование практики возможно через воздействие на решение отдельного человека, чей поступок в совокупности с другими и составляет практику. В данном случае методы должны быть направлены на формирование у молодежи традиционных представлений о феномене беременности, репродуктивной функции человека, о взаимоотношениях мужчины и женщины, позитивных представлений о многодетных семьях. Это поможет индивиду более ответственно подойти к вопросам половой жизни и ее последствиям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Антонова Н.Л. Социальная практика: теоретико-методологические основания исследовательского анализа // Известия Уральского государственного университета. Общественные науки. 2009. № 4.

Бергер П.Л. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995.

Боткин С.П. Из первой клинической лекции // Медицинский вестник. 1862. № 41.

Бурдые П. Начала. М., 1994.

Бурдые П. Практический смысл / Отв. ред. Н.А. Шматко. СПб., 2001.

Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.

Вебер М. Основные социологические понятия. М., 2014.

Волков В.В. О концепции практик(и) в социальных науках // Бесплатная электронная библиотека. 1997. URL: <http://kniga.seluk.ru/k-filosofiya/1293567-1-volkov-vadim-viktorovich-doktor-filosofskih-nauk-dekan-fakulteta-politicheskikh-nauk-sociologii-evropeyskogo-u.php> (дата обращения: 15.07.2021).

Волков В.В., Хархордин О.В. Теория практик. СПб., 2008.

Генс А. Проблема аборта в СССР. М., 1929.

Гидденс Э. Устроение общества: очерк теории структуризации. М., 2005.

Гиппократ. Проект кафедры истории медицины Московского государственного медико-стоматологического университета им. А.И. Евдокимова. URL: <https://www.historymed.ru/encyclopedia/quotes/gippokrat/> (дата обращения: 15.07.2021).

Грушин Б.А. Массовое сознание: опыт определения и проблемы исследования. М., 1987.

Демографическая модернизация России, 1900–2000 / Под ред. А.Г. Вишневого. М., 2006.

Дьяков А.А. Теория практик: социально-философский потенциал концепции // Известия Саратовского университета. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2011. Т. 11. № 1.

Дюркгейм Э. Метод социологии. Харьков, 1899.

Кузнецов В.К., Лисицын Ю.П., Оппенгейм Д.Г. и др. Аборт искусственный // Большая медицинская энциклопедия. М., 1974.

Окинчиц Л. Как бороться с преступным выкидышем // Труды IV-го Съезда Общества российских акушеров и гинекологов (16–19 дек. 1911 г. в С.-Петербурге) / Под ред. А. Редлиха. СПб., 1912. С. 53–67.

Парсонс Т. О структуре социального действия. М., 2007.

Пирожкова О.П. Статистические данные относительно количества выкидышей в Московских городских больницах и городских родильных приютах // Труды IV-го Съезда Общества российских акушеров и гинекологов (16–19 дек. 1911 г. в С.-Петербурге) / Под ред. А. Редлиха. СПб., 1912. С. 103–109.

Резник Ю.М. Человек и его социальные практики // Человек вчера и сегодня: междисциплинарные исследования. М., 2008. Вып. 2.

Садвокасова Е.А. Социально-гигиенические аспекты регулирования размеров семьи. М., 1969.

Социология: основы общей теории / Под общ. ред. А.Ю. Мягкова. М., 2016.

Социология Ядова: методологический разговор / Ред.-сост., авторы предисл. Е.Н. Данилова, Л.А. Козлова, П.М. Козырева, О.А. Оберемко. М., 2018.

Сорокин П.А. Общая социология. М., 2007.

Шабанова М.А. О некоторых преимуществах интеграции экономического и социологического анализа институциональных изменений. Статья 1. Институты, практики, роли // Экономическая социология. 2006. Т. 7. № 4.

Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. М., 2005.

Шугальский С.С. Социальные практики: интерпретация понятия // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 2.

Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / Сост. А.Я. Алхасов. М., 2003.

Юсупова А.Н. Аборты в России: Монография / Под ред. В.Ю. Альбицкого. М., 2004.

Ядов В.А. Социология должна стать самостоятельной наукой // Философская и социологическая мысль. 1989. № 7.

REFERENCES

Antonova N. L. Social'naya praktika: teoretiko-metodologicheskie osnovaniya issledovatel'skogo analiza [Social practice: theoretical and methodological foundations of research analysis] // Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Obshchestvennyye nauki. 2009. N 4 (in Russian).

Berger P.L., Luckmann T. The social construction of reality. A treatise on sociology of knowledge. L., 1966.

Berger P.L. Social'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sociologii znaniya [Social construction of reality. A treatise on the sociology of knowledge]. M., 1995 (in Russian).

Botkin S.P. Iz pervoj klinicheskoy lektsii [From the first clinical lecture] // Meditsinskiy vestnik. 1862. N 41 (in Russian).

Bourdieu P. Nachala [The Beginning]. M., 1994 (in Russian).

Bourdieu P. Prakticheskij smysl [Practical meaning] / Otv. red. per. i poslesl. N.A. Shmatko. SPb., 2001 (in Russian).

Demographic modernization of Russia, 1900–2000 / Ed. by A.G. Vishnevsky. M., 2006 (in Russian).

Durkheim E. De la division du travail social: etude sur l'organisation des societes superieures. P., 1893.

Durkheim E. Metod sociologii [Method of sociology]. Kharkiv, 1899 (in Russian).

Dyakov A.A. Teoriya praktik: social'no-filosofskij potencial koncepcii [The theory of practices: the socio-philosophical potential of the concept] // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Ser. Filosofiya. Psihologiya. Pedagogika. 2011. N 1 (in Russian).

Gens A. Problema aborta v SSSR [The problem of abortion in the USSR]. M., 1929 (in Russian).

Giddens E. Ustroenie obshchestva: Ocherk teorii strukturacii [Organization of society: An essay on the theory of structuration]. M., 2005 (in Russian).

Gippokrat. Proekt kafedry istorii mediciny Moskovskogo gosudarstvennogo mediko-stomatologicheskogo universiteta im. A.I. Evdokimova [Hippocrates. Project of the Department of the History of Medicine of the Moscow State Medical and Dental University named after A.I. Evdokimov]. URL: <https://www.historymed.ru/encyclopedia/quotes/gippokrat/> (accessed: 15.07.2021) (in Russian).

Grushin B.A. Massovoe soznanie: Opyt opredeleniya i problemy issledovaniya [Mass consciousness: Experience of definition and problems of research]. M., 1987 (in Russian).

Kuznetsov V.K., Lisitsyn Yu.P., Oppenheim D.G., etc. Abort iskusstvennyj [Artificial abortion] / Bol'shaya medicinskaya enciklopediya [Big medical Encyclopedia]. M., 1974 (in Russian).

Okinchits L. How to deal with criminal miscarriage // Proceedings of the ivth Congress of the Society of Russian Obstetricians and Gynecologists (16–19 Dec. 1911 in St. Petersburg) / Ed. by A. Redlich. St. Petersburg, 1912 (in Russian).

Parsons T. O strukture social'nogo dejstviya [On the structure of social action]. M., 2007 (in Russian).

Pirozhkova O.P. Statistical data on the number of miscarriages in Moscow city hospitals and city maternity shelters // Proceedings of the IVth Congress of the Society of Russian Obstetricians and Gynecologists (16–19 Dec. 1911 in St. Petersburg) / Ed. by A. Redlich. St. Petersburg, 1912 (in Russian).

Reznik Yu.M. Chelovek i ego social'nye praktiki [Man and his social practices] // Chelovek vchera i segodnya: mezhdisciplinarnye issledovaniya. 2008. N. 2 (in Russian).

Sadvokasova E.A. Social'no-gigienicheskie aspekty regulirovaniya razmerov sem'i [Social and hygienic aspects of family size regulation]. M., 1969 (in Russian).

Schutz A. Smyslovaya struktura povsednevnogo mira: ocherki po fenomenologicheskoy sociologii [The Semantic structure of the Everyday World: Essays on phenomenological Sociology]. M., 2003 (in Russian).

Shabanova M.A. O nekotoryh preimushchestvah integracii ekonomicheskogo i sociologicheskogo analiza institucional'nyh izmenenij. Stat'ya 1: instituty, praktiki, roli [On some advantages of integration of economic and sociological analysis of institutional changes. Article 1: institutions, practices, roles] // Ekonomicheskaya sociologiya. 2006. N 4 (in Russian).

Shtompka P. Sociologiya. Analiz sovremennogo obshchestva Sociology [Analysis of modern society]. M., 2005 (in Russian).

Shugalsky S.S. Social'nye praktiki: interpretaciya ponyatiya [Social practices: interpretation of the concept] // Znanie. Ponimanie. Umenie. 2012. N 2 (in Russian).

Sociologiya: osnovy obshchej teorii [Sociology: fundamentals of general theory]. M., 2016 (in Russian).

Sociologiya Yadova: metodologicheskij razgovor [Yadov's Sociology: a methodological conversation]. M., 2018 (in Russian).

Sorokin P.A. Obshchaya sociologiya [General sociology]. M., 2007 (in Russian).

Volkov V.V. O koncepcii praktik(i) v social'nyh naukah [About the concept of practices(s) in the social sciences] // Besplatnaya elektronnyaya biblioteka. 1997. URL: <http://kniga.seluk.ru/k-filosofiya/1293567-1-volkov-vadim-viktorovich-doktor->

filosofskih-nauk-dekan-fakulteta-politicheskikh-nauk-sociologii-evropeyskogo-u.
php (accessed: 15.07.2021) (in Russian).

Volkov V.V., Kharkhordin O.V. Teoriya praktik [Theory of practice]. St. Petersburg, 2008 (in Russian).

Weber M. Izbrannye proizvedeniya [Selected works]. M., 1990 (in Russian).

Weber M. Osnovnye sociologicheskie ponyatiya [Basic sociological concepts]. M., 2014 (in Russian).

Yadov V.A. Sociologiya dolzhna stat' samostoyatel'noj naukoj [Sociology should become an independent science] // *Filosofskaya i sociologicheskaya mysl'*. 1989. N 7 (in Russian).

Yusupova A.N. Aborty v Rossii: monografiya [Abortions in Russia: A monograph]. M., 2004 (in Russian).

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

DOI: 10.24290/1029-3736-2022-28-1-278-300

ГЕНЕЗИС ИНСТИТУТА ЛОББИЗМА В РОССИИ: ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД И СОВРЕМЕННОСТЬ

П.С. Каневский, канд. полит. наук, доц. кафедры политологии и социологии политических процессов социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

Данная работа является продолжением цикла статей автора о генезисе института лоббизма в России. В работе рассматривается специфика формирования института лоббизма от момента распада СССР до наших дней. Показано, что развитие института лоббизма зависело как от трансформаций политической системы, так и от меняющихся норм взаимодействия между группами интересов и органами власти. Становление лоббизма за последние 30 лет прошло через три этапа: хаотичный период структурных преобразований 1991–1993 гг., этап развития демократической системы и олигархизации экономики в 1993–2003 гг., генезис вертикали власти с 2003 г. по настоящее время. Специфика института лоббизма, сложившегося в современной России в результате многочисленных трансформаций в обществе и системе власти, определяется несколькими ключевыми составляющими. Во-первых, это система групп интересов, в которой ключевыми субъектами влияния являются крупные корпорации и предпринимательские объединения. Во-вторых, это объекты лоббизма, среди которых на первом месте по степени значимости для лоббистов находятся Президент РФ, Администрация Президента РФ и Правительство РФ. В-третьих, это способы взаимодействия, которые в настоящий момент находятся преимущественно в тени. Фундаментальной проблемой в развитии института лоббизма является то, что как исполнительные органы, так и парламент являются закрытыми, непубличными властными структурами, доступ к которым для внешних групп в целом не систематизирован. Это ведет к элитизации лоббизма, т.е. образованию относительно небольшого ядра системы групп интересов, которое имеет привилегированный доступ к системе принятия решений.

Ключевые слова: институт лоббизма, группы интересов, олигархия, политическая система, процесс принятия решений.

---

* Каневский Павел Сергеевич, e-mail: baggio-18@yandex.ru

DEVELOPMENT OF LOBBYING IN RUSSIA: POST-SOVIET AND CONTEMPORARY PERIODS

Kanevskiy Pavel S., Associate Professor, Candidate of Political Science, Department of Political Science and Sociology of Political Processes, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: baggio-18@yandex.ru

This work is a continuation of the series of articles dedicated to the genesis of lobbying in Russia. The article examines the specifics of the formation of the institution of lobbying from the moment of the collapse of the USSR to the present day. It is shown that the development of lobbying depended both on the transformations of the political system as well as on the changing norms of interaction between interest groups and the government. The development of lobbying over the past 30 years has passed through three stages: a chaotic period of structural transformations in 1991–1993, the stage of development of the democratic system and oligarchic economy in 1993–2003, the genesis of the vertical of power from 2003 to the present. Specifics of the institution of lobbying in Russia is determined by several key components. First, it is shaped by the interest groups system, which circles around large corporations and business associations. Second, lobbying is determined by the structure of power and decision making, with the President of the Russian Federation, the Administration of the President and the Government being major institutional stakeholders for lobbyists. Third, the development of lobbying depends on modes of interaction between interests groups and public officials which basically remains mostly in the shadows. A fundamental problem in the development of lobbying in Russia is that both the executive bodies and the parliament are closed, non-public power structures, access to which for external groups is generally not systematized. This leads to the elitist, oligarchic tendencies of lobbying means that only few privileged groups enjoy access to the decision-making system.

Key words: lobbying, interest groups, oligarchy, political system, decision making.

Развитие лоббизма в России пришлось на период молодой и неокрепшей демократической системы, политические элиты которой слабо понимали, как правильно регулировать отношения между органами власти и быстро нарождающимися организованными группами, прежде всего, группами крупного капитала, которые создавались руками государства с конца 1980-х гг. А.В. Павроз справедливо отмечает, что «современный лоббизм появился в России вследствие радикальных рыночных реформ, связанных с разгосударствлением экономики. В результате в стране сформировался класс независимых предпринимателей. У них возникли потребности в выстраивании отношений с органами государственной власти. И лоббизм в этой связи стал инструментом влияния вновь возникшего бизнеса

на органы государственной власти”¹. В условиях политического хаоса и неупорядоченного процесса принятия решений, экономические элиты смогли быстро выстроить выгодные для себя механизмы давления на власть, сопровождавшиеся большим количеством общественных дисфункций — подменой общественных интересов частными, чрезмерным влиянием ряда избранных групп интересов, развитием коррупционных отношений.

Чтобы понять логику становления института лоббизма в последние три десятилетия, важно проанализировать те изменения, которые происходили в развитии политической системы в целом. После образования независимого Российского государства в 1991 г. генезис института лоббизма прошел через три этапа:

1. Институт лоббизма во время структурных изменений политической системы. 1991–1993 гг.
2. Институт лоббизма в период становления новой демократической политической системы и олигархизации экономики. 1993–2003 гг.
3. Институт лоббизма в условиях развития вертикали власти. 2003–2021 гг.

Первый этап развития российского лоббизма после распада СССР пришелся на период, когда старая политическая система распалась, а новая еще не устоялась. В 1991–1993 гг. институт лоббизма из периода латентной плюрализации, начавшейся в недрах государственного аппарата в годы перестройки, перешел в период неупорядоченного развития. Внутриведомственный лоббизм советского типа перестает быть единственной формой продвижения групповых интересов, так как начинают развиваться институты политического представительства и появляются новые центры власти. В 1990 г. Верховный Совет РСФСР из формальной и малозначительной структуры превращается в двухпалатный парламент — высший законодательный орган республики, а после 25 декабря 1991 г. — Российской Федерации. Верховный Совет становится вторым по значимости объектом лоббизма после органов исполнительной власти, так как в его недрах активизируется законотворческая активность. При этом перечень субъектов законодательной инициативы был весьма обширен: отдельные депутаты и органы Верховного Совета, Президент СССР, а затем Российской Федерации, правительство, все высшие суды Российской Федерации, генеральный прокурор, высшие органы республик в составе РСФСР и Российской Федерации².

¹ Павроз А.В. Тенденции, проблемы и перспективы лоббизма в России // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2018. № 4. С. 152.

² См.: Любимов А.П. История лоббизма в России. М., 2005. С. 21–22.

При этом в реальности законотворческая деятельность по-прежнему инициировалась государственными ведомствами, которые организовывали внесение в Верховный Совет ключевых законопроектов через президентские структуры или правительство³. Комитеты и комиссии Верховного Совета «формировались по профессиональному признаку, а потому в них работало много людей, либо ранее бывших тесно связанными с соответствующими ведомствами, либо рассчитывающих в случае неудачной парламентской карьеры повысить свое положение в ведомственной структуре. Поэтому ведомства достаточно легко находили заинтересованных депутатов, готовых проявлять активность при проталкивании нужных законопроектов»⁴.

В период 1991–1993 гг. институт лоббизма приобретает несколько важных характеристик. Во-первых, лоббизм становится выгодным видом деятельности для представителей власти, которые быстро понимают, что для них это одновременно и бизнес, и способ создания необходимой ресурсной поддержки для реализации своих политических амбиций. Во-вторых, происходит окончательное раздробление системы групп интересов по отраслевому принципу. В-третьих, институт лоббизма развивается в условиях отсутствия какой-либо нормативной базы и исключительно на неформальных основаниях. Если в условиях административно-командной системы неформальный лоббизм был подчинен логике плановой экономики, то с развитием рыночных механизмов начинается период его динамичного и хаотичного развития.

Политический кризис и последующая реструктуризация всей политической системы в 1993 г. знаменует новый виток развития института лоббизма. Меняется структура объектов лоббизма — возникает относительно упорядоченная система федеральной власти, в которой лоббизм осуществляется на уровне федеральной исполнительной и федеральной законодательной власти, а в условиях развития федерализма усиливается роль региональных органов власти. Трансформируется система групп интересов, внутри которой происходит резкое усиление интересов крупного капитала, что станет доминирующей тенденцией в развитии лоббизма в последующие десятилетия. Наконец, согласно новой Конституции, возникает номинальный дисбаланс между ветвями власти в пользу исполнительных органов и института Президента, который в 2000-е гг. станет реальным.

---

³ См.: Нецадин А.А., Блохин А.А., Верещагин В.В., Григорьев О.В., Ионин Л.Г., Кашин В.К., Малютин М.В., Кравченко А.И. Лоббизм в России: этапы большого пути (продолжение) // Социологические исследования. 1996. № 4. С. 3.

⁴ Там же.

Политическая система в 1993–2021 гг. трансформировалась нелинейно, что напрямую отразилось на динамике развития лоббизма. В 1993–2003 гг. складывается структура из трех основных центров власти, ставших ключевыми объектами влияния групп интересов — правительство, Президент и Администрация Президента, Федеральное Собрание.

В данной политической конструкции, как и до 1993 г., ключевую роль заняли органы исполнительной власти, ставшие главными объектами влияния. Значительные полномочия, которые были предоставлены новой Конституцией Президенту, дали ему возможность издавать указы, имеющие прямую нормативную силу. В 1990-е гг. ключевые социально-экономические вопросы регулировались не федеральными законами, принятыми парламентом, а нормативными указами Президента Б.Н. Ельцина. В частности, на основании указов Президента в 1995 г. была проведена серия залоговых аукционов, в ходе которых частные коммерческие структуры получили контроль над ключевыми предприятиями страны, формирующими 1/5 бюджета страны. Проведение залоговых аукционов лоббировала группа олигархов во главе Б.А. Березовским, Р.А. Абрамовичем, В.О. Потаниным, М.Б. Ходорковским, В.Ю. Алекперовым и пр., которые в результате образовали крупнейшие частные промышленные корпорации страны: “Сибнефть”, “ЮКОС”, “Лукойл”, “Сиданко”, “Норильский никель”, “Мечел” и др.⁵ Именно олигархические группы стали в 1990-е гг. ядром системы групп интересов, значительно ослабив положение бывшего советского директората, который терял контроль над ключевыми предприятиями промышленности.

Органы исполнительной власти во главе с Президентом были лишь одним из ключевых объектов влияния. Федеральное Собрание, ставшее высшим законодательным органом вместо Верховного Совета, в период 1993–2003 гг. является вторым по значимости объектом лоббизма. Это было связано с развивавшейся конкурентной многопартийностью и федерализацией власти — в данных условиях исполнительные органы вынуждены были учитывать мнение различных фракций, депутатов и сенаторов, которые далеко не всегда разделяли позицию правительства или президентской администрации.

Ситуация кардинальным образом изменилась после думских выборов 2003 г., когда партия власти “Единая Россия” получила абсолютное большинство мест, при этом выборы впервые проходили полностью на пропорциональной основе. В Госдуме четвертого созыва (2003–2007 гг.) изменяется структура центров принятия реше-

---

⁵ См.: Мусиенко И.М. Залоговые аукционы как фактор становления российской олигархии // Проблемы современной экономики. 2013. № 11. С. 55.

ний, что определяет особенности лоббизма в нижней палате на все последующие созывы. Во-первых, Совет Государственной Думы из основного центра власти превращается в технический орган, полностью подконтрольный “Единой России”. Во-вторых, вместе с упразднением выборов по одномандатным округам исчезают внефракционные депутатские группы. В-третьих, прекращают деятельность межфракционные депутатские объединения.

С 2003 г. центр тяжести во взаимодействии с лоббистами смещается в сторону Президиума “Единой России” и групп, образованных внутри фракции единороссов⁶. Внутри правящей партии начинают формироваться группы, которые отстаивают интересы отдельных экономических отраслей (нефтегазовых, банковских, военно-промышленных лобби и пр.) и регионов⁷. Иными словами, в 2003 г. в Думе произошла качественная трансформация, в процессе которой механизм принятия решений, подчиненный плюралистичной и конкурентной среде, оказался практически монополизирован одной фракцией. Это в корне изменило стратегии групп интересов, которые вынуждены были искать новые каналы выхода на внутрипартийные группы и Президиум “Единой России”. Впрочем, период 2003–2004 гг. характеризуется значительным снижением независимой законодательной активности Госдумы и усилением дисбаланса между исполнительной и законодательной ветвями власти. Нижняя палата парламента постепенно утрачивает прежнее значение для групп интересов, хотя и остается важным субъектом принятия решений по целому ряду ключевых вопросов, а потому неверно говорить о том, что после 2003 г. в Госдуме не осталось лоббизма. Он стал более узкопрофильным, техническим и в меньшей степени ориентированным на политическую конкуренцию.

Структура института лоббизма, сложившегося в современной России в результате многочисленных изменений и преобразований в обществе и системе власти, определяется несколькими ключевыми составляющими:

- 1) система групп интересов — совокупность всех субъектов лоббизма в стране;
- 2) объекты лоббизма, определяемые институциональными полномочиями и возможностями конкретных органов власти;
- 3) способы и специфика взаимодействия между субъектами и объектами лоббизма.

---

⁶ См.: Толстых П.А. Миллиардные обороты думского лоббизма // Polit.ru. 2005.28.04. URL: <https://m.polit.ru/article/2005/04/28/lobb/> (дата обращения: 22.07.2021).

⁷ См.: Там же.

Сложившаяся в современной России система групп интересов является продолжением тех процессов, которые были запущены в конце 1980-х — 1990-е гг., с поправкой на изменение политической конъюнктуры в середине 2000-х гг. Процессы либерализации и децентрализации управления привели к тому, что из государства выделились новые автономные предприятия и финансовые группы, которые в течении нескольких лет сформировали корпоративное и отраслевое ядро российской экономики. Группы крупного бизнеса, куда входят и частные, и государственные компании, формирующие сегодня около 50% ВВП страны⁸, в течение последних трех десятилетий были и остаются ключевыми субъектами лоббизма. Как было сказано выше, менялась лишь степень их автономности от государства. Если в 1990-е и начале 2000-х гг. они были в значительной степени независимы и даже диктовали слабому государству свои условия, то с середины 2000-х гг. государство стремится к восстановлению паритета, что выражается в усилении прямого контроля над бизнес группами, а также в формировании государственных предприятий.

Влияние российских корпораций и их лоббистский потенциал определяются сегодня несколькими факторами: а) у них сложились наиболее тесные и долгосрочные отношения с органами власти; б) их цели часто совпадают с целями государства или отдельных органов власти ввиду их значимости для российской экономики; в) они обладают наибольшим количеством ресурсов, необходимых для проведения лоббистских кампаний. Наиболее влиятельные корпорации сложились в следующих отраслях экономики: нефтегазовая отрасль, металлургия, военно-промышленный комплекс, строительный бизнес, фармацевтика, телекоммуникационная отрасль, автомобилестроение, банковский сектор, аграрная отрасль, производство продуктов питания, розничная и оптовая торговля, табачная отрасль, пивная и алкогольная продукция, страхование, СМИ, химическое производство.

Отдельно стоит упомянуть о различного рода государственных компаниях, которые изначально создаются государством. Это, в первую очередь, государственные корпорации, государственные и муниципальные унитарные предприятия. Их лоббистский потенциал определяется тем, что они встроены в систему государственного управления, а потому им гарантирован постоянный доступ к центрам принятия решений.

---

⁸ См.: Фактор страха российских МСП // Ведомости. 2020.21.09. URL: <https://www.vedomosti.ru/salesdepartment/2020/09/21/faktor-straha-rossiiskih-msp> (дата обращения: 22.07.2021).

За связь с органами власти в отдельных корпорациях отвечают GR-отделы или отделы по взаимодействию с органами государственной власти. Они существуют далеко не во всех компаниях, однако крупные корпорации обычно институционализируют лоббистские в своих структурах. При этом формирование GR-отделов в российских корпорациях происходит неравномерно. Институционализированное взаимодействие с органами власти в наибольшей степени развито в компаниях с высокой долей иностранного капитала, либо в компаниях из отраслей, которые особенно сильно зависят от государственного регулирования. К первой группе относятся преимущественно табачная, пивная, фармацевтическая отрасли, ко второй — нефтегазовая, металлургическая, телекоммуникационная. В последние 10–15 лет существенно развились GR-отделы в корпорациях с преобладающим государственным участием. В ряде отраслей, напротив, традиция создания GR-отделов неразвита. Это касается, в первую очередь, аграрной, банковской, страховой, алкогольной и лесной отраслей⁹. Профессионализация GR-деятельности в российских корпорациях развивается в целом медленно, что связано с дефицитом профессиональных кадров, недофинансированием GR-отделов, большим количеством неурегулированных правовых вопросов, которые напрямую связаны с нелегальным статусом института лоббизма в целом.

Вторую по значимости категорию составляют бизнес-ассоциации, которые выполняют функцию агрегаторов групповых интересов в конкретных отраслях. Хотя первые ассоциации предпринимателей появляются еще в СССР в конце 1980-х гг., в 1990-е гг. для них была характерна “слабая организация и высокая политизированность деятельности”¹⁰. Крупные корпорации предпочитали напрямую взаимодействовать с государством в лице Президента, правительства и парламента. Ситуация начала меняться в 2000-е гг., когда органы власти при В.В. Путине начали дистанцироваться от прямого контакта с олигархами и началось внедрение механизмов консультаций с бизнесом через головные ассоциации.

Сегодня в России сложилась трехуровневая система предпринимательских объединений. Первый уровень представлен четырьмя зонтичными ассоциациями — РСПП, Торгово-промышленная палата России, ОПОРА России и “Деловая Россия”. На втором уровне

---

⁹ См.: Толстых П.А. GR: полное руководство по разработке государственно-управленческих решений, теории и практике лоббирования. М., 2019. С. 331.

¹⁰ Яковлев А.А., Говорун А.В. Бизнес-ассоциации как инструмент взаимодействия между правительством и предпринимателями: результаты эмпирического анализа // Журнал новой экономической ассоциации. 2011. № 9. С. 100.

действует несколько сотен отраслевых и региональных объединений федерального уровня. Третий уровень включает в себя региональные предпринимательские объединения.

Российские ассоциации в разной степени способствуют интеграции и консолидации групп интересов в различных отраслях. Крупные зонтичные организации, такие как РСПП или Торгово-промышленная палата, являются важными агрегаторами интересов, однако они работают по межотраслевому принципу, а потому взаимодействуют преимущественно с отраслями и отдельными крупными корпорациями, которые имеют наибольшую стратегическую значимость для государства. Отраслевые объединения, в свою очередь, также по-разному интегрируют групповые интересы. Например, пивная отрасль, представленная головной ассоциацией “Союз российских пивоваров”, является примером четкой консолидации групповых интересов и координации их взаимодействия друг с другом и с органами власти¹¹. Нефтяная отрасль, напротив, в значительной степени раздроблена и носит конкурентный характер.

Отдельно стоит упомянуть о бизнес-ассоциациях иностранного бизнеса, который давно и успешно осуществляет свою деятельность на территории России, а также активно взаимодействует с органами власти. Многие государства имеют стратегические интересы на российском рынке, который привлекателен для них с точки зрения инвестиционного и потребительского потенциала. Среди наиболее влиятельных зарубежных торговых палат можно отметить Американскую торговую палату, Ассоциацию европейского бизнеса, Российско-Германскую внешнеторговую палату, Франко-российскую торгово-промышленную палату, Итало-Российскую торговую палату, Российско-Австрийский деловой совет, Китайско-Русскую Торговую Палату, Российско-Китайский деловой совет, Российско-Японский Деловой Совет и пр. Ассоциации зарубежного бизнеса не только выполняют функцию представительства своих членов и продвижения их интересов на территории России, но являются также важными связующими звеньями в политическом и экономическом диалоге Российского государства и бизнеса с зарубежными партнерами.

Общая проблема бизнес-объединений связана с их нечетким статусом в российской политико-правовой системе. Крупнейшие зонтичные организации — РСПП, “Деловая Россия” и “Опора России” — зарегистрированы как общественные организации, что не в полной мере отражает их реальный статус. Как справедливо

---

¹¹ См.: Толстых П.А. GR: полное руководство по разработке государственно-управленческих решений... С. 579.

отмечают В.Н. Кириллина и Д.Р. Попов, “многие формальные инструменты выстраивания двусторонней коммуникации с органами государственной власти для них недоступны”¹². Единственным исключением являются торгово-промышленные палаты России, которые легально могут участвовать в подготовке проектов законов и иных актов, так как их деятельность регламентируется законом “О торгово-промышленных палатах в Российской Федерации” от 1993 г. Поэтому статус бизнес-объединений России на данном этапе можно описать как “неполная институционализация” или “квазиинституционализация”¹³. Многие социальные нормы и правила взаимодействия данных ассоциаций закреплены в реальной политической практике, но не оформлены законодательно.

В целом, группы интересов бизнеса остаются наиболее влиятельными субъектами лоббизма в современной России. Это связано с генезисом российской рыночной экономики и политической системы, которые в последние четыре десятилетия видоизменялись в логике постоянного, хотя и неравномерного диалога власть—бизнес. Взаимодействие между возродившейся буржуазией и центрами власти складывалось нелинейно и даже стихийно. Это не могло не отразиться на практиках данного взаимодействия, унаследованных из позднесоветского времени и первых лет независимости России. Усиление крупного капитала в механизме принятия решений привело к многочисленным дисфункциям, прежде всего, к резкому увеличению системной коррупции, ставшей одной из форм неформального института лоббизма.

Хотя бизнес-группы являются ядром российской системы групп интересов, они не единственные активные субъекты лоббизма. Процессы демократизации, запущенные в конце 1980-х гг. привели к появлению множества других групп интересов. Прежде всего, речь идет о профсоюзах, профессиональных ассоциациях, некоммерческих организациях.

На роль второго по значимости после бизнеса субъекта лоббизма в постперестроечной России не без права претендовали профсоюзы, которые в 1991–1993 гг. были важными субъектами при обсуждении многих решений в правительстве и Госдуме. Однако ситуация кардинальным образом изменилась в ходе конфликта между Кремлем и Белым домом в 1993 г., когда ведущий профсоюз страны ФНПР во главе с И.Е. Клочковым выбрал сторону А.В. Руцкого, призвав рабочих к массовым акциям протеста в ответ на антиконсти-

---

¹² Кириллина В.Н., Попов Д.Р. Проблема институционализации бизнес-объединений в России // Бизнес. Общество. Власть. 2020. № 2–3. С. 150.

¹³ Там же. С. 151.

туционные меры Президента¹⁴. Политический конфликт окончился поражением парламента и заморозкой всех профсоюзных счетов. И.Е. Ключков был вынужден уйти в отставку, а на его место пришел московский профсоюзный лидер М.В. Шмаков. Это привело к смене вектора в отношениях между властью и профсоюзами.

Правительство было заинтересовано, скорее, в погашении какой-либо активности профсоюзов, понимая опасность нового социального взрыва. В эту логику вписывается вся система российского корпоративизма и трипартизма, которая в итоге заметно отличается от классических моделей Западной и Северной Европы.

На первый взгляд трехсторонние консультации стали нормой, однако на первое место в этом диалоге вышли ФНПР со стороны наемных работников и Координационный совет объединений работодателей России (КСОР), в который сегодня входит 41 организация со стороны компаний. Развитию социального партнерства способствуют и распоряжения глав регионов и муниципальных образований о проведении коллективно-договорной кампании¹⁵.

Тем не менее в реальности в трехстороннем переговорном процессе происходит явный перекося в сторону власти и бизнеса, в то время как профсоюзам отводится второстепенная роль. В этом отношении к России можно применить знаменитый тезис “корпоративизм без труда”, который Дж. Килер использовал по отношению к Франции, имея ввиду, что корпоративизм распространился лишь на часть общественных отношений (прежде всего связанную с интересами бизнеса) и не превратился в полноценную модель социального партнерства¹⁶.

В отличие от профсоюзов и групп бизнеса, у профессиональных ассоциаций не было предыстории становления ни в дореволюционное, ни в советское время. В отличие от стран Запада, где многочисленные ассоциации, объединяющие представителей конкретных профессий, являются важными субъектами лоббизма, в России они в силу различных причин мало включены в процесс принятия решений и консультации с властью.

Например, во врачебном профессиональном сообществе до сих пор не существует сильных организаций, способных выполнять функцию равноправного диалога между врачебным сообществом и органами власти. В отличие от врачебных ассоциа-

---

¹⁴ См.: *Мальшиев М.А.* Трипартизм в системе социального партнерства // Социология власти. 2008. № 1.

¹⁵ См.: *Сергеев А.И.* Своеобразие российского трипартизма // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 99.

¹⁶ См.: *Elgie R., Griggs S.* French politics: debates and controversies. L., 2013. P. 158.

ций, существующих в англо-американских и западноевропейских странах, которые играют значительную роль в формировании профессиональных стандартов, нормативной базы, трудовых условий и уровня зарплаты, российские врачи в целом исключены из процесса принятия решений, за них основные вопросы решает либо государство, либо непосредственное начальство на местах. Основная проблема российских профессиональных ассоциаций заключается в том, что они не устоялись в политической и профессиональной культуре, им не хватает как поддержки снизу, от конкретных работников, так и желаний государства встраивать их в процесс принятия решений.

Отдельно стоит упомянуть о потребительских ассоциациях, которые создаются для интеграции и защиты интересов не представителей конкретных профессий, а широкой социальной группы потребителей. Деятельность такого рода объединений регламентируется отдельным законом “О защите прав потребителей” от 1992 г., который позволяет гражданам на добровольной основе объединяться в ассоциации и союзы.

Как отмечает П.А. Толстых, на настоящий момент в России сложилось три категории потребительских объединений, которые являются активными субъектами лоббизма:

1) потребительские союзы — наиболее типичные в рамках мировой практики потребительские объединения, ведущие работу и с органами власти, и с гражданами по вопросам реализации потребительских прав (Союз потребителей РФ);

2) союзы потребительских объединений — зонтичные структуры, которые агрегируют и продвигают в органах власти интересы различных потребительских организаций (Международная конфедерация обществ потребителей);

3) потребительские союзы, являющиеся по сути частными лоббистскими структурами, которые под прикрытием защиты потребительских прав защищают интересы конкретных компаний и отраслей бизнеса (например, Национальный союз защиты прав потребителей)¹⁷.

Наконец, еще один широкий сегмент российской системы групп интересов представлен многочисленными некоммерческими организациями, которые объединяются вокруг разделяемых группой ценностей и убеждений и ориентированы на защиту определенных социальных слоев, окружающей среды, улучшение местной инфраструктуры, развитие в обществе ценностных и морально-нравствен-

---

¹⁷ См.: Толстых П.А. GR: Полное руководство по разработке государственно-управленческих решений... С. 790–792.

ных устоев и т.п. В 2020 г. в России было зарегистрировано 213 тыс. некоммерческих организаций¹⁸. Все российские НКО существуют за счет внешней финансовой поддержки: федеральные гранты, региональные гранты, донорские средства, частные пожертвования.

НКО являются важными субъектами взаимодействия с органами власти на разных уровнях. По целому ряду вопросов они выполняют функцию связующих звеньев между отдельными социальными группами и властью. Становление каналов взаимодействия между НКО и органами власти начало происходить с момента бурного роста подобных организаций в 1990–2000-е гг. Однако с начала 2010-х гг. государство взяло курс на систематизацию взаимодействия с НКО и ввело механизмы отбора наиболее социально значимых организаций, с которыми органы власти готовы взаимодействовать в приоритетном порядке и оказывать им поддержку, в том числе финансовую.

В настоящее время в России сложилось несколько категорий НКО, которые оказывают влияние на власть либо посредством прямых контактов, либо через формирование публичной повестки:

1. Социально-ориентированные НКО. В эту категорию входит широкий спектр организаций, которые содействуют поддержке и защите прав незащищенных слоев населения (пенсионеры, инвалиды, люди с тяжелыми и редкими заболеваниями, ветераны, дети и пр.), предоставляют социально-психологические услуги, услуги в сфере образования, налаживают межнациональные связи¹⁹. Механизм отбора такого рода НКО государством окончательно сложился к 2017 г., когда вступили в силу поправки в закон “О некоммерческих организациях”. При этом расширительная трактовка социально-ориентированных НКО размывает их коренной смысл и создает дополнительные каналы получения государственной поддержки для групп интересов, аффилированных с государством.

2. НКО, ориентированные на защиту прав человека и контроль за деятельностью органов власти. Такого рода группы образовывались еще в СССР и изначально были связаны преимущественно с Хельсинскими соглашениями 1975 г. (приведшими к возникновению Хельсинских групп в Москве и советских республиках), а также развитием прав и свобод граждан в конце 1980-х гг. (Общество “Мемориал”, Комитет солдатских матерей и пр.). Изменение международной ситуации и политической повестки в России в 2000-е гг.

---

¹⁸ См.: В Минюсте отметили уменьшение числа некоммерческих организаций в РФ за три года // ТАСС. 2020.31.03. URL: <https://tass.ru/obschestvo/8125469> (дата обращения: 22.07.2021).

¹⁹ См.: Федеральный закон “О некоммерческих организациях” от 12.01.1996 № 7-ФЗ (последняя редакция). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824/ (дата обращения: 22.07.2021).

способствовало росту напряженности в отношениях между государством и правозащитными НКО, что в конечном счете вылилось в серию открытых конфликтов и принятию в 2012 г. закона “Об иностранных агентах”. Сегодня деятельность таких НКО преимущественно маргинализована, они не имеют прямых каналов коммуникации с органами власти и крайне ограничены в возможностях формирования политической и публичной повестки.

3. Экологические НКО. Сюда входят различного рода некоммерческие организации, созданные для защиты окружающей среды, защиты флоры и фауны, защиты прав животных, повышения качества экологических стандартов для производств, продвижения экологически чистой пищи и потребительской продукции и т.д. В России на настоящий момент существует не более 30 экологических НКО, в реальности участвующих во взаимодействии с органами власти на разных уровнях. Наиболее влиятельными субъектами экологического лоббизма являются крупные международные организации, такие как “Гринпис”, Всемирный фонд дикой природы, Международный социально-экологический союз. Такого рода организации активно взаимодействуют с профильными органами власти: Межведомственной рабочей группой по вопросам, связанным с изменением климата и обеспечения устойчивого развития в Администрации Президента, Минприроды, думским комитетом по экологии и т.д. Российские экологические НКО пользуются влиянием преимущественно на региональном и местном уровне и редко серьезно влияют на федеральную повестку²⁰.

Возможности российских групп интересов оказывать влияние на принимаемые решения зависят не только от возможностей и ресурсов самих групп, но и от того институционального окружения, в котором они находятся. К началу 2010-х гг. в России в целом стабилизировался механизм взаимодействия организованных групп и органов власти, что было связано с консолидацией режима, определением политико-идеологического вектора развития страны и устоявшимся распределением полномочий между органами власти. На сегодняшний момент в России можно выделить три основных объекта лоббизма на федеральном уровне:

- 1) Президент и Администрация Президента;
- 2) Правительство (Аппарат Правительства, федеральные органы исполнительной власти);
- 3) Федеральное Собрание (Государственная Дума и Совет Федерации).

---

²⁰ См.: Щеголов А. Экологический лоббизм в современной России // Власть. 2010. № 9. С. 54.

Президент, Администрация Президента и Правительство являются наиболее важными стратегическими объектами лоббизма. Это связано с тем, что в конструкции вертикали власти и общем механизме принятия решений они играют первоочередную роль.

В отличие от 1990-х гг., роль Президента как объекта лоббизма сегодня существенно изменилась. Если в 1990-е гг., как было показано выше, Президент своими указами и распоряжениями решал преимущественно общественно-экономические отношения (обычно связанные с интересами бизнеса), то сегодня основная часть президентских указов и распоряжений направлена на решение организационных, оперативных и кадровых вопросов²¹. Иными словами, Президент в целом дистанцировался от прямого издания нормативных актов в пользу тех или иных групп интересов. Отдельные влиятельные группы, причем как государственного, так и частного секторов могут лоббировать указы Президента, однако это происходит только в тех случаях, когда затрагиваются стратегические для государства отрасли или компании. Причем основными каналами влияния на Президента обычно являются Администрация Президента, Контрольное Управление Президента, Управление по работе с обращениями граждан и организаций, а также помощники Президента, которые выполняют функцию фильтров информации, поступающей в том числе от групп интересов.

Важность института Президента как объекта лоббизма определяется тем, что это наиболее влиятельный законодатель в Российской Федерации. Хотя доля законопроектов, внесенных Президентом на рассмотрение Государственной Думой, относительно невелика (4,5% в осеннюю сессию Госдумы в 2020 г.)²², они гарантировано и быстро становятся законами. Участие групп интересов в подготовке президентских законопроектов осуществляется не напрямую, а через помощников, ключевые управления Президента и Администрации Президента.

Администрация Президента (АП), согласно Конституции РФ, является органом государственной власти, который обеспечивает деятельность Президента и осуществляет контроль за исполнением его решений. С юридической точки зрения деятельность АП неразрывно связана с Президентом и не является ни самостоятельным органом принятия решений, ни самостоятельным органом зако-

---

²¹ См.: Толстых П.А. GR: Полное руководство по разработке государственно-управленческих решений... С. 857.

²² См.: Заседали реже, болели чаще, вносили больше, разрешали меньше // Коммерсантъ. 2021.03.07. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4636646> (дата обращения: 22.07.2021).

нотворчества, что также следует из буквы Конституции, в которой политико-управленческие полномочия данного органа нигде не закреплены. Однако в реальности АП является одним из самых важных субъектов подготовки политико-государственных решений, что связано со сложившимися неформальными нормами политического процесса в РФ. АП является важнейшим координатором, контролером и скрытым законодателем в ходе подготовки и принятия политических решений, а ее функции отчасти дублируют функции, возложенные на Правительство РФ. АП готовит властно-распорядительные документы, доклады на имя Президента, внутренние письма между подразделениями АП, внешние письма высшим должностным лицам из разных ветвей власти, внешние письма в поддержку тех или иных групп интересов²³.

АП является ключевым субъектом подготовки указов, распоряжений, поручений, указаний и законодательных инициатив Президента. Замечания, данные АП при подготовке законопроектов, практически всегда учитываются Государственной Думой. При этом АП имеет право неформального вето на решения, принимаемые на разных уровнях, в том числе в Правительстве или Федеральном Собрании. Ключевыми управлениями, которые отвечают за взаимодействие с группами интересов, с одной стороны, и центрами принятия политико-государственных решений — с другой, являются Государственно-правовое управление, Экспертное управление (особенно в части вопросов, связанных с расходованием бюджетных средств), а также институт помощников Президента, которые также являются структурной частью АП.

Важнейшими каналами влияния как на Президента, так и на АП являются многочисленные советы и комиссии, которые создаются при Президенте и координируются управлениями Президента и АП. Например, в Комиссию по вопросам стратегии развития топливно-энергетического комплекса и экологической безопасности входят крупнейшие энергетические корпорации России. Данная комиссия принимает непосредственное участие в подготовке проектов решений, касающихся топливно-энергетического комплекса, имеет право запрашивать отчеты органов власти²⁴. Вместе с тем, в большинстве случаев взаимодействие групп интересов и АП происходит кулуарно, поэтому оценить реальный объем лоббизма в недрах Администрации не представляется возможным.

---

²³ См.: Толстых П.А. GR: полное руководство по разработке государственно-управленческих решений... С. 896.

²⁴ См.: Заседание Комиссии по вопросам стратегии развития ТЭК и экологической безопасности. 2012.10.07. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/15912> (дата обращения: 22.07.2021).

Следующим по значимости объектом лоббизма является Правительство РФ — высший исполнительный орган государственной власти. Основные объекты лоббизма в Правительстве можно разделить на три уровня: Председатель Правительства и заместители Председателя Правительства, федеральные министры и федеральные органы исполнительной власти, Аппарат Правительства.

Правительство отвечает за несколько стратегических направлений, имеющих ключевое значение для многих групп интересов: разработка и представление Госдуме федерального бюджета с дальнейшим его обеспечением; обеспечение и проведение единой финансовой, кредитной и денежной политики, а также политики в области культуры, науки, образования, здравоохранения, социального обеспечения, экологии; осуществление управления федеральной собственностью. С политико-процессуальной точки зрения вес Правительства при принятии и реализации решений определяется несколькими факторами.

Во-первых, полномочия Правительства реализуются посредством нормативных актов — постановлений и распоряжений. Постановления являются актами общенормативного содержания в пределах компетенций данного органа, распоряжения — правоприменительными актами по оперативным и текущим вопросам. Крайне широкие полномочия Правительства, особенно в экономической сфере, определяют основные области лоббизма для групп интересов, которые регулируются нормативными актами: получение государственных гарантий, налоговых и импортных таможенных льгот, выбор исполнителя работ по государственным подрядам, участие в госзакупках, поддержка отдельных участников рынка²⁵.

Во-вторых, Председатель Правительства и его заместители имеют право издавать индивидуальные правовые акты (поручения и указания), которые обязательны для исполнения федеральными и региональными органами исполнительной власти. Как правило, поручения и указания формируются по результатам заседаний, совещаний и встреч Председателя Правительства и его заместителей. Значительная часть таких встреч проводится с представителями различных групп интересов (предпринимателей, экологов, общественников и пр.), которые стремятся донести до руководителей исполнительной власти свои проблемы и интересы²⁶. Стоит отме-

---

²⁵ См.: Толстых П.А. GR: полное руководство по разработке государственно-управленческих решений... С. 945.

²⁶ Например, по итогам встречи Д. Медведева с представителями Всероссийского экологического форума “Чистая страна”, прошедшей 23 апреля 2019 г., Председатель Правительства направил поручения Минприроды, Минстрою, Ми-

титель, что часто групповые интересы в такого рода встречах доводятся до премьер-министра и его замов не напрямую, а через многочисленных посредников, например, больших ассоциативных групп (например, РСПП, “Опора России” и пр.), губернаторов, депутатов, сенаторов и т.д.²⁷

В-третьих, правительство является важным инициатором законопроектов. Законопроекты, принимаемые самими депутатами и сенаторами Федерального Собрания по любым вопросам, связанным с бюджетом или финансовыми обязательствами государства, требуют обязательного заключения Правительства. Ключевым каналом участия групп интересов в законотворческой деятельности Правительства как правило является прямое или косвенное донесение своего мнения (путем прямого участия, через ассоциативных посредников, “своих” людей в правительстве или направления писем) до рабочих групп, которые отвечают за разработку и согласование законопроектов.

Отдельно как об объектах лоббизма стоит сказать о федеральных органах исполнительной власти, подотчетных Правительству или Президенту РФ — министерствах, агентствах, службах. Их важность для групп интересов определяется тем, что они имеют право издавать целый ряд нормативных правовых актов: постановления, приказы, распоряжения, правила, инструкции, положения. Исполнительные органы готовят резолюции, доклады во исполнение поручений Президента и Правительства, служебные письма заместителям Председателя Правительства, другим органам исполнительной власти или внешним группам интересов, в том числе в поддержку или против поддержки инициатив групп интересов²⁸.

В отличие от Администрации Президента, Аппарат Правительства не обладает столь же значимым политическим весом и не может принимать самостоятельных решений. Однако сотрудники Аппара-

---

нэкономразвития, ФАС, Минпросвещения, Минобрнауки, Росгидромету, Росприроднадзору и Роспотребнадзору, касающиеся разных аспектов реализации экологической стратегии России (см.: Дмитрий Медведев дал поручения по итогам встречи с участниками Всероссийского экологического форума “Чистая страна”. 2019.02.05. URL: <http://government.ru/orders/selection/401/36558/> (дата обращения: 22.07.2021)).

²⁷ Например, 24 февраля 2021 г. М. Мишустин встречался с членами Совета Палаты Совета Федерации, на которой решался целый блок ключевых проблем субъектов Федерации: интересы местных производителей и сельскохозяйственной отрасли, выделение бюджетных средств на социальные вопросы и пр. (см.: Михаил Мишустин дал поручения по итогам встречи с членами Совета палаты Совета Федерации. 2021.11.03. URL: <http://government.ru/news/41707/> (дата обращения: 22.07.2021)).

²⁸ См.: Толстых П.А. GR: полное руководство по разработке государственно-управленческих решений... С. 1042–1043.

та Правительства обладают широкими полномочиями по влиянию на содержательную часть документов Правительства. Вдобавок к этому, Аппарат отвечает за множество организационных вопросов, связанных с организацией совещаний и встреч членов Правительства, оформлением решений по итогам данных встреч и пр. Иными словами, Аппарат Правительства выполняет значительную часть незаметной технической работы, которая играет важнейшую роль во всех решениях, принимаемых Правительством.

Таким образом, практически все ключевые решения, касающиеся основных групп интересов, иницируются и принимаются либо Президентом и Администрацией Президента, либо Правительством. Тот факт, что Федеральное Собрание не является ключевым объектом лоббизма, отчасти компенсируется тем, что данный орган является важным каналом лоббизма, через который группы интересов могут доносить свои идеи до Правительства и Президента.

Несмотря на то, что внефракционные группы и объединения депутатов номинально не существуют, неформально в Государственной Думе и Совете Федерации формируются группы депутатов, которые с разной степенью сплоченности прямо или косвенно выражают интересы различных групп интересов или социально-экономических отраслей. Так, в Госдуме седьмого созыва (2017–2021 гг.) сложились неформальные группы депутатов, которые отстаивают интересы экономических отраслей (54,2% от общего числа депутатов), отдельных крупных корпораций, включая как государственные, так и частные (17,3%), интересы регионов и региональных бизнес-групп (34,4%), общественно-политических групп, включая профсоюзы и НКО (8,3%)²⁹. Причем подавляющее большинство таких неформальных представителей находится во фракции “Единой России”. Схожая картина наблюдается и в Совете Федерации, в котором 36,5% сенаторов представляют отраслевые интересы, 15 — отдельные корпорации, 34,7 — интересы регионов и региональных бизнес-групп, 1,7% — общественно-политические группы³⁰.

Ключевыми объектами влияния при рассмотрении законопроектов в Государственной Думе являются профильные думские комитеты и отдельные влиятельные депутаты, которые имеют устоявшиеся связи с органами исполнительной власти, а также фракция “Единая Россия”, которая имеет стабильное большинство и контро-

---

²⁹ Басманова Е., Березовская О., Тельнова С. Лоббизм в Государственной Думе Федерального Собрания (седьмой созыв). Барнаул, 2019. С. 17–19.

³⁰ Басманова Е., Березовская О., Пушкарева В., Тельнова С. Лоббизм в Совете Федерации. Барнаул, 2021. С. 17–18.

лирует повестку в нижней палате. Реальная законопроектная деятельность, как уже говорилось, происходит в органах исполнительной власти. На уровне Правительства за это отвечают профильные департаменты по федеральным законам исполнительной власти, Комиссия правительства по законопроектной деятельности, а также отдельные чиновники в конкретных министерствах, которые участвуют в законопроектной деятельности. Комиссия правительства по законопроектной деятельности является важным объектом влияния, так как предполагает участие в ней не только чиновников и политиков, но и представителей внешних групп. На уровне Администрации Президента законопроекты проходят согласование в Государственно-правовом комитете, Экспертном управлении, Департаменте по взаимодействию с Федеральным Собранием и политическими партиями, Управлении по внутренней политике. За каждым думским комитетом закреплен сотрудник Управления по внутренней политике, который отслеживает, контролирует и корректирует законопроекты, будучи в тесном контакте с депутатами-членами комитета³¹. Таким образом, группам интересов, которые взаимодействуют с Федеральным Собранием, важно заручиться предварительной поддержкой органов исполнительной власти, которые в реальности решают судьбу практически всех законопроектов.

Фундаментальной проблемой в развитии института лоббизма является то, что как исполнительные органы, так и парламент являются закрытыми, непубличными властными структурами, доступ к которым для внешних групп в целом не систематизирован. Это ведет к элитизации лоббизма, т.е. образованию относительно небольшого ядра системы групп интересов, которое имеет привилегированный доступ к системе принятия решений. Как верно отмечает П.Я. Фельдман, возникает «ближний круг лоббистов, наделенных исключительными ресурсами и возможностями»³². Отсутствие прозрачности и, как следствие, высокие риски коррупционных связей при принятии и согласовании решений являются одной из фундаментальных проблем развития института лоббизма в России. Для поиска решения данной проблемы необходимо провести полную ревизию существующих общественно-политических механизмов, действующих и потенциальных юридических и общественных норм, способных привести к повышению прозрачности при принятии решений, а также созданию более четких и понятных правил

---

³¹ См.: Толстых П.А. GR: полное руководство по разработке государственно-управленческих решений... С. 1076–1077.

³² Фельдман П.Я. Нужен ли в России закон о лоббизме? // Власть. 2014. № 2. С. 121–122.

взаимодействия между группами интересов и органов власти. Причем в этом вопросе важно опираться не только на опыт Запада, как это происходит при обсуждении регулирования лоббизма, но и на собственную историю, на традиции, которые в разные эпохи определяли нормы и правила участия групп интересов в осуществлении государственной политики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Басманова Е., Березовская О., Пушкарева В., Тельнова С. Лоббизм в Совете Федерации. Барнаул, 2021.

Басманова Е., Березовская О., Тельнова С. Лоббизм в Государственной Думе Федерального Собрания (седьмой созыв). Барнаул, 2019.

В Минюсте отметили уменьшение числа некоммерческих организаций в РФ за три года // ТАСС. 2020.31.03. URL: <https://tass.ru/obschestvo/8125469>

Заседали реже, болели чаще, вносили больше, разрешали меньше // Коммерсантъ. 2021.03.07. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4636646>

Заседание Комиссии по вопросам стратегии развития ТЭК и экологической безопасности. 2012.10.07. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/15912>

Кириллина В.Н., Попов Д.Р. Проблема институционализации бизнес-объединений в России // Бизнес. Общество. Власть. 2020. № 2–3.

Любимов А.П. История лоббизма в России. М., 2005.

Малышев М.А. Трипартизм в системе социального партнерства // Социология власти. 2008. № 1.

Мусиенко И.М. Залоговые аукционы как фактор становления российской олигархии // Проблемы современной экономики. 2013. № 11.

Нещадин А.А., Блохин А.А., Верещагин В.В., Григорьев О.В., Ионин Л.Г., Кашин В.К., Малютин М.В., Кравченко А.И. Лоббизм в России: этапы большого пути (продолжение) // Социологические исследования. 1996. № 4.

Павроз А.В. Тенденции, проблемы и перспективы лоббизма в России // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2018. № 4.

Сергеев А.И. Своеобразие российского трипартизма // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 99.

Толстых П.А. Миллиардные обороты думского лоббизма // Polit.ru. 2005.28.04. URL: <https://m.polit.ru/article/2005/04/28/lobb/>

Толстых П.А. GR: полное руководство по разработке государственно-управленческих решений, теории и практике лоббирования. М., 2019.

Фактор страха российских МСП // Ведомости. 2020.21.09. URL: <https://www.vedomosti.ru/salesdepartment/2020/09/21/faktor-straha-rossiiskih-msp>

Федеральный закон “О некоммерческих организациях” от 12.01.1996 N 7-ФЗ (последняя редакция). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824/

Фельдман П.Я. Нужен ли в России закон о лоббизме? // Власть. 2014. № 2.

Щеколов А. Экологический лоббизм в современной России // Власть. 2010. № 9.

Яковлев А.А., Говорун А.В. Бизнес-ассоциации как инструмент взаимодействия между правительством и предпринимателями: результаты эмпирического анализа // Журнал новой экономической ассоциации. 2011. № 9.

REFERENCES

Basmanova E., Berezovskaya O., Pushkareva V., Telnova S. Lobbizm v Sovete Federacii [Lobbying in the Federation Council]. Barnaul, 2021 (in Russian).

Basmanova E., Berezovskaya O., Telnova S. Lobbizm v Gosudarstvennoj Dume Federal'nogo Sobraniya (sed'moj sozyv) [Lobbying in the State Duma of the Federal Assembly (seventh convocation)]. Barnaul, 2019 (in Russian).

Elgie R., Griggs S. French politics: debates and controversies. L., 2013.

Faktor straha rossijskih MSP [The fear factor of Russian SMEs] // Vedomosti. 2020.09.21. URL: <https://www.vedomosti.ru/salesdepartment/2020/09/21/faktor-straha-rossiiskih-msp> (in Russian).

Federal'nyj zakon "O nekommercheskih organizacijah" ot 12.01.1996 N 7-FZ (poslednyaya redakcija) [Federal Law "On Non-Commercial Organizations" dated 12.01.1996 N 7-FZ (last edition)]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824/ (in Russian).

Feldman P.Ya. Nuzhen li v Rossii zakon o lobbizme? [Does Russia need a law on lobbying?] // Vlast'. 2014. N 2 (in Russian).

Kirillina V.N., Popov D.R. Problema institucionalizacii biznes ob'edinenij v Rossii [The problem of institutionalization of business associations in Russia] // Biznes. Obshchestvo. Vlast'. 2020. N 2–3 (in Russian).

Lyubimov A.P. Istoriya lobbizma v Rossii [The history of lobbying in Russia]. M., 2005 (in Russian).

Malyshev M.A. Tripartizm v sisteme social'nogo partnerstva [Tripartism in the system of social partnership] // Sociologiya vlasti. 2008. N 1 (in Russian).

Musienko I.M. Zalogovye aukciony kak faktor stanovleniya rossijskoj oligarhii [Mortgage auctions as a factor in the formation of the Russian oligarchy] // Problemy sovremennoj ekonomiki. 2013. N 11 (in Russian).

Neshchadin A.A., Blohin A.A., Vereshchagin V.V., Grigor'ev O.V., Ionin L.G., Kashin V.K., Malyutin M.V., Kravchenko A.I. Lobbizm v Rossii: etapy bol'shogo puti (prodolzhenie) [Lobbying in Russia: the stages of a large path (continuation)] // Sociologicheskie issledovaniya. 1996. N 4 (in Russian).

Pavroz A.V. Tendencii, problemy i perspektivy lobbizma v Rossii [Trends, problems and prospects of lobbying in Russia] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2018. N 4 (in Russian).

Sergeev A.I. Svoeobrazie rossijskogo tripartizma [The specifics of Russian tripartism] // Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena. 2009. N 99 (in Russian).

Shchekolov A. Ekologicheskij lobbizm v sovremennoj Rossii [Environmental lobbying in modern Russia] // Vlast'. 2010. N 9 (in Russian).

Tolstykh P.A. Milliardnye обороты думского лobbizma [Billions of turnovers of the Duma lobbying] // Polit.ru. 2005. 28 Apr. URL: <https://m.polit.ru/article/2005/04/28/lobb/> (in Russian).

Tolstykh P.A. GR: polnoe rukovodstvo po razrabotke gosudarstvenno-upravlencheskih reshenij, teorii i praktike lobbirovaniya [GR: the complete guide to governance development, theory and practice of Lobbying]. M., 2019 (in Russian).

V Minyuste otmetili umen'shenie chisla nekommercheskih organizacij v RF za tri goda [The Ministry of Justice noted a decrease in the number of non-profit organizations in the Russian Federation in three years] // TASS. 2020.03.31. URL: <https://tass.ru/obschestvo/8125469> (in Russian).

Yakovlev A.A., Govorun A.V. Biznes-associacii kak instrument vzaimodejstviya mezhdru pravitel'stvom i predprinimatel'yami: rezul'taty empiricheskogo analiza [Business associations as a tool for interaction between government and entrepreneurs: the results of empirical analysis] // Zhurnal Novoj Ekonomicheskoy Associacii. 2011. N 9 (in Russian).

Zasedali rezhe, boleli chashche, vnosili bol'she, razreshali men'she [Meetings were held less often, ill more often, contributed more, allowed less] // Kommersant. 2021.07.03. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4636646> (in Russian).

Zasedanie Komissii po voprosam strategii razvitiya TEK i ekologicheskoy bezopasnosti [Meeting of the Commission on the development strategy of the fuel and energy complex and environmental safety]. 10.07.2012. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/15912> (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2022-28-1-301-312

ОСОБЕННОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ ТЕОРИЙ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА В РАЗЛИЧНЫЕ ПЕРИОДЫ РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПОЛИТОЛОГИИ

Е.О. Меньшикова, асп. философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ломоносовский проспект, д. 27, корпус 4, ГСП-1, учебный корпус “Шуваловский”, г. Москва, Российская Федерация, 119991*

Статья посвящена сравнительному контент-анализу двух отрывков, представляющих зарубежные теории политического лидерства отечественному читателю и исследователю и относящихся к различным периодам развития советской и российской политологии. Также приводится проведенный автором сравнительный качественный и количественный анализ рассмотренных зарубежных теорий.

Ключевые слова: политическое лидерство, политология, теории лидерства, российская политология, история политологии.

FEATURES OF THE STUDY OF FOREIGN THEORIES OF POLITICAL LEADERSHIP IN DIFFERENT PERIODS OF DEVELOPMENT OF DOMESTIC POLITICAL SCIENCE

Menshikova Elena O., Postgraduate Student of the Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Lomonosovsky prospect, 27, bldg. 4, GSP-1, Educational Building “Shuvalovsky”, Moscow, Russian Federation, e-mail: menshikova.eo@gmail.com

The article is dedicated to the comparative content-analysis of the two excerpts, considering foreign political leadership theories for the Russian readers and researches and related to the different stages of Soviet and Russian political science development. There are also quotative and quotative analyses of the theories provided by the author.

Key words: political leadership, political science, leadership theories, Russian political science, political science history.

Политическое лидерство и его теоретико-методологические основы представляют интерес для современных исследователей в сфере элитологии и политологии. Политология в России является

---

* Меньшикова Елена Олеговна, mail: menshikova.eo@gmail.com

достаточно молодой наукой, тем не менее, за период всего полувекового развития она неоднократно претерпела изменения идеологических и методологических основ исследований.

В истории развития политологии в СССР и в дальнейшем в России можно выделить различные этапы. В частности, после фактического признания и институционализации политологии как науки, которое было ознаменовано проведением Московского конгресса Международной ассоциации политических наук (МАПН) в 1979 г., и до распада Советского Союза в отечественной политической науке шел этап накопления понятийного аппарата и методологии исследования. Большую роль в этом, несомненно, сыграл вышеуказанный Московский конгресс МАПН и подготовка к его проведению.

Главенствовавшая в СССР идеология, утверждавшая руководящую роль партии, не формировала ни общественного, ни академического запроса на исследования политического лидерства, тем не менее, на базе факультетов философии и психологии институтов велась работа по исследованию феноменов элит, лидерства, в том числе и в политической сфере. Однако это не означало перерыва в исследованиях и остановки развития академического знания. В этот период советскими учеными ведется работа по критическому анализу зарубежного опыта политической жизни.

Использование зарубежных примеров общественной жизни дает возможность формирования критической оценки политических институтов и процессов, а также обширный материал для оценки и подготовки дальнейшего развития научного знания.

Распад Советского Союза стал отправной точкой изменений во всех сферах общественной жизни, в том числе и научной. Отказ от идеологической составляющей в исследованиях и плюрализм мнений позволили значительно расширить существующие школы исследований и сформировать новые на основе ранее проведенной аналитической работы. Исследователи получили неограниченный доступ к зарубежной литературе по политологии, психологии и менеджменту, что значительно расширило горизонты научного знания. В этот период широкое распространение получают переводная литература и попытки ее адаптации к отечественным реалиям, в дальнейшем же накопленные знания позволяют сформировать национальную школу исследования политического лидерства.

Параллельно на базе университетов коллективы исследователей-единомышленников, отталкиваясь от уже сформированной методологии и накопленного ранее опыта критического анализа, начинают отечественные исследования в сфере политического ли-

дерства. Например, именно в этот период формируется школа психологического подхода к изучению политического лидерства, представленная Е.Б. Шестопа́л, Н.М. Ракитя́нским, А.В. Селезневой. В дальнейшем данным авторским коллективом была разработана концептуальная модель политико-психологического анализа, использованная в многочисленных прикладных исследованиях представителей российской политической элиты.

Для оценки различий в подходах к исследованию политического лидерства на разных этапах развития отечественной политологии был проведен контент-анализ двух максимально приближенных по тематике и форме обзоров теорий: главы из книги “Современный Левиафан” Ф.М. Бурлацкого и А.А. Галкина и главы из книги “Политиками не рождаются: как стать и остаться эффективным политическим лидером” под редакцией Е.В. Егоровой-Гантман.

“Современный Левиафан” — это совместная монография Ф.М. Бурлацкого и А.А. Галкина, посвященная анализу основных проблем политической социологии современного авторам зарубежного общества. В рамках данного исследования авторы рассматривают такие явления общественной жизни, как политическая система, социальные компоненты политической власти, политическая культура, политическое поведение и система международных отношений.

Это исследование вышло в свет в 1985 г. в редакции философской литературы издательства “Мысль”. В предисловии к изданию авторы отмечают все более проявляющуюся тесную связь политики с наукой, что является отражением все большей институционализации политологии в СССР, вхождение ее в состав академических дисциплин.

Тем не менее, в СССР в данный период довлеющей остается монополярная парадигма исследований — диалектический и исторический материализм. Рассмотрение явлений зарубежной буржуазной социально-политической жизни происходит в рамках данного подхода, в том числе и в “Современном Левиафане”.

Несмотря на вышеуказанный факт монография затрагивает ряд вопросов, не теряющих свою актуальность и до сегодняшнего момента. Кроме того, данная работа внесла серьезный вклад в основы элитологии как науки в СССР и России, а также послужила серьезным фундаментом для дальнейших исследований в области политического лидерства.

“Политиками не рождаются: как стать и остаться эффективным политическим лидером” — это продукт прикладной политической психологии, психологическое пособие для политиков, выпущенное

в 1993 г. Институтом США и Канады Российской академии наук совместно с Центром политического консультирования “Николо-М”. Основное внимание посвящено образу политика, в то же время большой интерес авторов вызывают теоретические основы политического лидерства.

Авторы называют свою работу первой в России книгой по психологии политического лидерства и среди основных ее задач, кроме практического использования действующими политическими лидерами и их советниками и консультантами, выделяют просветительскую, направленную на разъяснение отдельных особенностей черт личности политических лидеров, мотивов их отдельных поступков и поведения в целом.

Несмотря на то что между публикацией данных двух работ прошло менее десяти лет, они содержат в себе множество различий: как с точки зрения приведенных фактов и теорий, так и с точки зрения подходов. Данный период был ознаменован глубинными изменениями социально-политического ландшафта государства, пробуждением политической активности широких масс и в целом популяризации политики как сферы общественной жизни. Для глубокого анализа отличий автором был проведен сравнительный анализ и контент-анализ вышеуказанных текстов.

В рамках анализируемых текстов авторы рассматривают основные зарубежные теории политического лидерства. В табл. 1 приведены рассмотренные в исследованиях зарубежные теории в авторской формулировке и зарубежные авторы указанных подходов.

В работе “Политиками не рождаются” анализируется значительно больше теорий — восемь, в то время как в “Современном Левиафане” только три. Ф.М. Бурлацкий и А.А. Галкин детально рассматривают теории черт и функции ситуации, ссылаясь на исследования К. Бэрда и Р. Стогдилла, а также В. Дилла, Т. Хилтона и А. Голднера. Подобные количественные расхождения можно легко объяснить радикальным изменением степени влияния идеологии на исследования в сфере общественных наук и возможностью свободного доступа к зарубежной литературе и исследованиям после распада Советского Союза. В то же время, вне поля упоминания авторами остаются, например, такие теории, как теория ожидания взаимодействия и теория обмена и транзактного анализа.

Небезынтересно отметить, что в дальнейшем несмотря на неограниченный доступ ученых к теоретическому и эмпирическому материалу в развитии отечественных исследований политического лидерства данные направления также не смогут снискать широкой популярности и останутся на периферии научных исследований, в

Таблица 1

№ п/п	Теория лидерства	“Современный Левиафан”	“Политиками не рождаются”
1	Теория черт	“Лидерство объясняется как исключительное социально-психологический феномен, а лидером объявляется человек, обладающий особой совокупностью психологических черт” ¹ Э. Богадрус, К. Бэрд, Р. Стогдилл, Е. Дженнингс	“Если лидер обладает качествами (передающимися по наследству), отличными от его последователей, то эти качества можно выделить” ² Ф. Гальтон
2	Функция ситуации	“Поведение лидера, которое подходит для одной ситуации, может быть полностью непригодно в другой” ³ В. Дилл, Т. Хилтон, В. Рейтман, А. Голднер, Э. Фромм, Д. Рисмен	“Появление лидера есть результат места, времени и обстоятельств” ²⁴ Э. Хартли

¹ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан. Очерки политической социологии капитализма. М., 1985. С. 165.

² Абашикина Е., Егорова-Гантман Е., Косолапова Ю., Разворотнева С., Сиверцев М. Политиками не рождаются: как стать и остаться эффективным политическим лидером. М., 1993. С. 13.

³ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Указ. соч. С. 165.

⁴ Абашикина Е., Егорова-Гантман Е., Косолапова Ю., Разворотнева С., Сиверцев М. Указ. соч. С. 13.

Таблица 1 (продолжение)

№ п/п	Теория лидерства	“Современный Левиафан”	“Политиками не рождаются”
3	Личностно-ситуативные теории		<p>“Четыре фактора, которые необходимо учитывать при рассмотрении феномена лидерства:</p> <ul style="list-style-type: none"> – черты и мотивы лидера как человека – образы лидера – характеристика роли лидера – институциональный контекст”⁵ <p>Г. Герт, С. Милз</p>
4	Отношение ведомых к лидеру	<p>“Лидерство должно определяться через отношение ведомых к лидеру”⁶ Т. Хейман, Ф. Стенфорд, У. Берк</p>	<p>“Лидерство стало рассматриваться как отношение между людьми, а не как характеристика отдельного индивида”⁷ Р. Стогдилл, К. Шатл, Р. Кетел, Э. Холландер, Дж. Джулиан</p>
5	Теория ожидания взаимодействия		<p>“Вероятностная модель эффективности лидерства”, которая ставит акцент на интеграции влияния стилей лидерства (характеризующие личностные свойства лидера) и ситуативных переменных (включающих отношения между лидером и последователями, структуру задачи, позицию власти лидера)⁸ Дж. Хоманс, Дж. Хемфилл, Р. Стогдилл, С. Эванс, Ф. Фидлер</p>

⁵ Абашкина Е., Егорова-Гантман Е., Косолапова Ю., Разворотнева С., Сиверцев М. Указ. соч. С. 14.

⁶ Бурлацкий Ф. М., Галкин А. А. Указ. соч. С. 167.

⁷ Абашкина Е., Егорова-Гантман Е., Косолапова Ю., Разворотнева С., Сиверцев М. Указ. соч. С. 14.

⁸ Там же. С. 15.

Таблица 1 (окончание)

№ п/п	Теория лидерства	“Современный Левиафан”	“Политиками не рождаются”
6	Мотивационная теория лидерства		“Эффективность лидера рассматривается в зависимости от его воздействия на мотивацию последователей, их способность к продуктивному выполнению задания и удовлетворение, испытываемое ими в процессе работы” ⁹ С. Митчел, С. Эванс
7	Теории обмена и транзактного анализа		“Подход рассматривает лидера как чувствующего потребности и желания своих последователей и предлагающего им способы их осуществления” ¹⁰ Дж. Хоманс, Дж. Марч, Г. Саймон, Дж. Тибо, Г. Келли, К. Джерджен
8	Атрибутивные теории		“Рассматривают лидера как своего рода марионетку, получающую прямые указания от своих последователей” ¹¹

⁹ Абашикина Е., Егорова-Гантман Е., Косолапова Ю., Разворотнева С., Сиверцев М. Указ. соч. С. 17.

¹⁰ Там же. С. 18.

¹¹ Там же.

то время как в западной политологии они и до сегодняшнего момента являются предметом исследовательского интереса.

Тем не менее, в рассмотрении тех зарубежных теорий политического лидерства, которые были приведены в анализируемых текстах, несмотря на различную научную парадигму исследований отсутствуют существенные различия в подходах.

В целом, авторами достаточно точно представлена суть основных теорий, однако стоит отметить, что в “Современном Левиафане” теория черт раскрыта полнее и шире, нежели в “Политиками не рождаются”. Е.В. Егорова-Гантман приводит достаточно короткое определение теории черт, в основном ссылаясь лишь на предтечу современных теорий черт, а именно на Ф. Гальтона, который определял отдельные черты, присущие лидерам, как передающиеся по наследству. В целом, в “Современном Левиафане” теория черт раскрыта намного шире, приведена хронология и логика исследований от Э. Богардуса до Р. Стогдилла, перечислены некоторые конкретные показатели в рамках данной теории, например, число черт, предлагаемых к рассмотрению тем или иным исследователем.

Перед проведением контент-анализа автору необходимо было убедиться в возможности корректного сравнения указанных текстов, для этого был проведен первичный анализ, который показал

Таблица 2

№ п/п	Слово	Количество слов	Релевантность	% в тексте
1	политический	40	3,33	1,00
2	лидер	37	3,08	0,90
3	власть	29	2,41	0,70
4	лидерство	23	1,91	0,60
5	система	20	1,66	0,50
6	сильный	20	1,66	0,50
7	элита	18	1,50	0,40
8	группа	18	1,50	0,40
9	черта	16	1,33	0,40
10	личность	15	1,25	0,40
11	человек	14	1,16	0,30
12	правлящий	13	1,08	0,30
13	социолог	12	1,00	0,30
14	исследование	12	1,00	0,30

высокую степень идентичности обоих текстов: в них содержится от 3734 (“Современный Левиафан”) до 3321 (“Политиками не рождаются”) слов, процент слов, не несущих информационной нагрузки в обоих отрывках составляет в среднем около 40%, словарь текстов составляет около 1200 слов. Также при первичном семантическом анализе текстов автоматически были определены следующие категории: “связь”, “работа”, “политика” (“Современный Левиафан”) и “политика”, “аналитика”, “страхование” (“Политиками не рождаются”). Результаты проведенного семантического анализа приведены в табл. 2 для “Современного Левиафана” и в табл. 3 для “Политиками не рождаются” соответственно.

В обоих текстах среди наиболее употребляемых слов были выявлены следующие: “лидерство”, “лидер”, “политический”, “группа” и “человек”. Слово “лидер” в результате анализа обоих текстов оказалось на втором месте по частоте употребления, в то же время наиболее употребляемое слово различно: “политический” в “Современном Левиафане” и “лидерство” в “Политиками не рождаются”. Данное различие можно объяснить различным характером текстов: работа Ф.М. Бурлацкого и А.А. Галкина является критическим очерком по более широкой тематике политической социологии, в то время как “Политиками не рождаются” обозначено самими авторами в

Таблица 3

№ п/п	Слово	Количество слов	Релевантность	% в тексте
1	лидерство	86	7,48	4,40
2	лидер	84	7,31	4,30
3	политический	48	4,17	2,40
4	последователь	46	4,00	2,30
5	группа	32	2,78	1,60
6	отношение	23	2,00	1,10
7	ситуация	23	2,00	1,10
8	теория	23	2,00	1,10
9	процесс	21	1,82	1,00
10	проблема	18	0,56	0,90
11	феномен	15	1,30	0,70
12	различный	14	1,21	0,70
13	человек	14	1,21	0,70
14	социальный	14	1,21	0,70

первую очередь в качестве пособия для политиков, направленного на формирование у них образа лидера.

В то же время, при видимой схожести результатов анализа нельзя не отметить важное различие: процент упоминаний ключевых слов в тексте отличается более чем в четыре раза. В “Современном Левиафане” наиболее употребимое слово “политический” составляет 1% от текста, в то время как в “Политиками не рождаются” слово “лидерство” — это 4,4% от текста. Авторами “Современного Левиафана” делается акцент на специфическую природу лидерства в сфере политики, отличную от иных форм доминирования. Так, ранее в данной главе предлагается типология западных политических лидеров и их эволюция с течением времени: от миллионера периода накопления первоначального капитала, обладающего чертами демонстративного демократизма до лидеров-демагогов, апеллирующих к низменным чувствам широких народных масс и ведущих страну по пути фашистских режимов. В “Политиками не рождаются” в свою очередь раскрываются теоретические и практические основы харизматического лидерства, которое может быть присуще лидерам и в других сферах общественной жизни.

Подобное расхождение наблюдается при анализе всех основных слов. Например, слово “лидер”, которое занимает в обоих текстах второе место по частоте употребления, в “Современном Левиафане” представляет менее чем 1% текста, а в “Политиками не рождаются” — 4,3%. Также значительное расхождение можно обнаружить при подсчете словаря ядра — количества различных слов, употребляемых в тексте: в “Современном Левиафане” оно больше на 30% (1135 против 791 в “Политиками не рождаются”). Данный факт можно объяснить различием адресатов исследований: если для “Современного Левиафана” это достаточно узкий круг научной общности, то “Политиками не рождаются” — это уже пособие для широкого круга лиц, интересующихся политикой, в том числе далеких как от изучения политологии, так и от науки в целом. Можно сделать вывод о популяризации политологии в рамках рассматриваемых периодов, что подтверждается историческими событиями и возросшим интересом населения в целом к политике в указанный период.

Также немаловажно отметить, что несмотря на заявленный авторами “Современного Левиафана” господствующий методологический подход среди наиболее часто употребляемых отсутствуют слова, прямо указывающие на это, такие как “буржуазный” (22-е место, 0,2% текста), “капиталистический” (25-е место, 0,2% текста), “класс” (71-е место, 0,1% текста), “классовый” (75-е место, 0,1% текста) и т.п.

Это дает возможность рассмотрения исследования Ф.М. Бурлацкого и А.А. Галкина вне идеологических ограничений, что является серьезным преимуществом данного исследования, позволяющим ему оставаться актуальным и сегодня.

В заключение хотелось бы отметить, что несмотря на различные теоретико-методологические основы и периоды развития политологии в СССР и России анализируемые тексты обладают высокой степенью фактологической и семантической схожести.

В рассмотрении зарубежных теорий политического лидерства отсутствует прямое влияние идеологической составляющей, понятия и направления мысли зарубежных исследователей приведены корректно. Подтверждением данного тезиса также является проведенный контент-анализ, в результате которого не было выявлено значительного расхождения ни в составе ядра словаря, ни в части наиболее употребимых ключевых слов. Слова, имеющие значительную политическую окраску, занимают в семантическом рейтинге “Современного Левиафана” позиции, далекие от ведущих, а в “Политиками не рождаются” — отсутствуют.

Данный вывод дает возможность использовать работы советских политологов для дальнейшей работы, поскольку влияние идеологии на теоретические исследования в области политического лидерства не является критическим. При стилистической разности представленных текстов и их словарного наполнения, факты, подходы к рассмотрению зарубежных теорий политического лидерства являются идентичными, что позволяет осуществлять дальнейшую работу с указанными текстами для проведения исследований, в том числе и на современном этапе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абашкина Е., Егорова-Гантман Е., Косолапова Ю., Разворотнева С., Сиверцев М. Политиками не рождаются: как стать и остаться эффективным политическим лидером. М., 1993.

Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан. Очерки политической социологии капитализма. М., 1985.

Галкин А.А. У истоков возрождения политической науки в России (1960–1985 гг.). Субъективные заметки // *Полития*. 2010. № 3–4 (58–59).

Гальтон Ф. Наследственность таланта: законы и последствия. М., 1996.

Ирхин Ю.В. Роль Московского конгресса в генезисе Международной ассоциации политической науки: экспертный анализ // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. 2016. Т. 12. № 1.

Образы российской власти: от Ельцина до Путина / Под ред. Е.Б. Шестопал. М., 2009.

Современная элита России: политико-психологический анализ / Под ред. Е.Б. Шестопал, А.В. Селезневой. М., 2015.

REFERENCES

Abashkina E., Egorova-Gantman E., Kosolapova Yu., Razvorotneva S., Sivertsev M. Politikami ne rozhdayutsya: kak stat' i ostat'sya ehffektivnym politicheskim liderom [Nobody has born a politician: how to become and stay a political leader]. M., 1993 (in Russian).

Burlatskii F.M., Galkin A.A. Sovremennyi Leviatan. Ocherki politicheskoi sotsiologii kapitalizma [The Modern Leviathan: capitalist political sociology notes]. M., 1985 (in Russian).

Galkin A.A. U istokov vrozhdeniya politicheskoi nauki v Rossii (1960–1985 gg.). Sub'ektivnye zametki [At the beginnings of political science in Russia (1960–1985). Subjective notes] // *Politiya*. 2010. N 3–4 (58–59) (in Russian).

Gal'ton F. Nasledstvennost' talanta: Zakony i posledstviya [The heredity of the talent. The rules and consequences]. M., 1996 (in Russian).

Irkhin Yu.V. Rol' moskovskogo kongressa v genezise Mezhdunarodnoi assotsiatsii politicheskoi nauki: ehkspertnyi analiz [The role of Moscow Congress in International Political Science Association: the expert analysis] // *Politicheskaya ehkspertiza: POLITEHKS*. 2016. T. 12. N 1 (in Russian).

Obrazy rossiiskoi vlasti: ot El'tsina do Putina [The images of Russian power: from El'tsin to Putin] / Pod red. E.B. Shestopal. M., 2009 (in Russian).

Sovremennaya ehлита Rossii: politiko-psikhologicheskii analiz [The modern Russian political elite: political and physiological analysis] / Pod red. E.B. Shestopal, A.V. Seleznevoi. M., 2015 (in Russian).